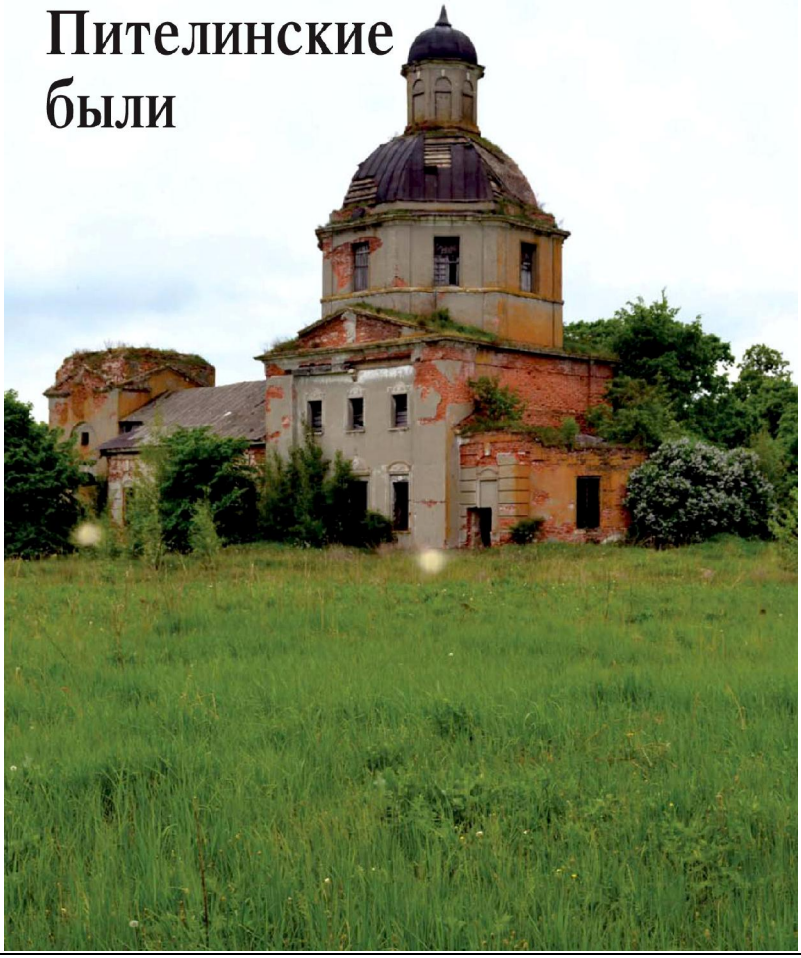
Василий КАШАЕВ

Пителинские были



Откуда есть пошла пителинская земля

1. Славен край мужиками да бабами

На земле на пителинской –
С деревнями и селами –
Будем снова высокими,
Будем снова веселыми.
Все родное здесь, милое, –
Хоть порой и с ухабами, –
Живо песнями русскими,
Мужиками да бабами!
В. Хомяков

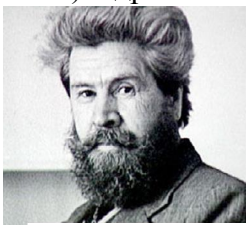
Пителинский район образован 12 июля 1929 года. Но попробуем разобраться: а что было прежде и почему наша земля (округа) объединилась вокруг ничем не выделявшегося из ряда прочих села Пителино? Кому-то такой вопрос может показаться наивным и неуместным. Между тем еще в первой четверти XX века ни числом жителей, ни выгодным местоположением Пителино не отличалось от потенциальных своих конкурентов, а даже и уступало им в этом плане. Более того, до 1925 года оно не являлось административным центром, а прежде само входило в состав Пеньковского церковного прихода Темиревского округа Хохловской волости.

Давайте же вспомним историю нашего края, отметим, чем он славен. А славен он, прежде всего, своими людьми-тружениками, мужиками да бабами. Немало у нас земляков, которыми мы по праву можем гордиться.

Это, например, писатели Николай Филиппович Павлов (уроженец с. Пеньки) и Борис Андреевич Можаев (уроженец с. Пителино), ученые Александр Иванович Николаев (д. Малые Мочилы) – биохимик и Аполлон Григорьевич Кузьмин (с. Высокие Поляны) – историк, Герои Советского Союза Александр Степанович Тюлин (с. Высокие Поляны), Владимир Филиппович Стенин и Павел Григорьевич Бутов (с. Большие Мочилы), полные кавалеры ордена Славы Алексей Яковлевич Вилков (с.

Самодуровка) и Василий Михайлович Шемаров (с. Подболотье), летчик, совершивший в Великую Отечественную войну первый воздушный таран, Дмитрий Васильевич Кокорев (с. Юрьево), Герой Социалистического Труда Екатерина Давыдовна Тюлина (с. Высокие Поляны), заслуженный мастер спорта СССР по хоккею с шайбой, олимпийский чемпион 1956 года, неоднократный чемпион мира и Европы Николай Павлович Хлыстов (д. Вяжневка), заслуженный тренер РСФСР, мастер спорта СССР, член сборной СССР по футболу Алексей Иванович Мамыкин (с. Веряево), певица (контральто), солистка Москонцерта Татьяна Анатольевна Синицына (с. Ермо-Николаевка) и др.

Кстати, название очерку дано по аналогии с книгой А.Г. Кузьмина «Откуда есть пошла Русская земля», а название первой его части навеяно романом Б.А. Можаева «Мужики и бабы».



Б.А. Можаев

К сожалению, у нас в районе до сих пор нет списка тружеников, награжденных высшими правительственными наградами. А ведь только кавалеров ордена Ленина среди пителинцев насчитывается несколько десятков! Или вот такой малоизвестный факт.

П.В. Атмоньева

В 1937 году в Москве вышла книга «Знатные доярки Московской области» (в которую входил тогда и Пителинский район). В ней отдельная статья с фотографией посвящена доярке Ермо-Николаевской молочно-товарной фермы колхоза «Заветы Ильича» Прасковье Васильевне Атмоньевой, надоившей за 1936 год по 4200 килограммов молока от фуражной коровы и взявшей новое

обязательство – 5500 (!). А ее землячка Прасковья Евстафьевна Атмоньева в 1937 году вырастила урожай кормовой свеклы 1500 центнеров с гектара и в следующем году стала участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, где получила Большую серебряную медаль. Диплома 1 степени Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 года, денежной премии в 10 тысяч рублей и легкового автомобиля (в последний момент его заменили грузовиком) удостоился за высокие урожаи колхоз «Красный тракторист» (с. Пеньки).

П.Г. Бутов

Продолжая тему, отмечу, что труженики Пителинского района внесли свой весомый вклад в общее дело победы над фашистской Германией. Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» награждены 3192 наших земляка. И этим тема не исчерпывается. Но вернемся к заголовочному вопросу: откуда есть пошла пителинская земля?

В стародавние времена территорию по берегам Оки и Мокши заселяли финно-угорские племена: мещера, мурома, мокша. Значительно позже появились первые славяне – вятичи. Мещера и мурома постепенно ассимилировали, «растворились» в пришлом народе. А вот с мокшей-мордвой нашим далеким предкам приходилось то воевать, то заключать перемирие. И так вплоть до нашествия татаро-монгольских полчищ.

От финно-угорских племен остались лишь странно и непонятно звучащие ныне названия рек, ручьев, озер, урочищ: Ока, Мокша, Шокша, Выкса, Кулома, Вашмар и пр. Оставили свой след и татаро-монголы. Ручей Ункор

(Унгор) переводится с тюркского языка как яма, лог, провал; Темирево – от Темир (твердый, железный); Казановка – от казан (котел); Станищи – от стан (лагерь), а рядом Шатор, вероятно, от непривычного тогда русскому слуху тюркского слова шатер (походное жилье). И в Кошибееве явно слышатся корни «кош» (ставка хана, стойбище) и «бей» (знатный человек).

Ордынское иго было окончательно сброшено только в 1480 году, а набеги кочевников продолжались вплоть до начала XVIII века (Дикое Поле-то рядом, на южных границах Рязанского княжества). Поэтому и создавались специальные оборонительные рубежи – засеки и сторожи. Насыпной сторожевой курган (это слово тоже пришло с Востока) сохранился до наших дней между деревнями Марьевка и Городок.

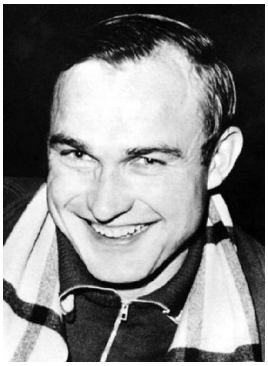
Е.Д. Тюлина

С середины XVI века русские служилые люди стали активно скупать по дешевке (3 копейки за десятину) или просто захватывать мордовские земли вдоль Оки, Мокши, Цны: «и со пнем и с лежачей колодою и стоячим деревом, и с луги и с озеры и с малыми текучими речками, и с липяги и дубровами, и с рыбною и бобровою ловлею и со всяким становым зверем, и с болотом клюковным…».

О том, как и почему померкла слава мордовская, сложена легенда. Дабы оградить себя от посягательств государя Ивана Грозного, эрзянские и мокшанские князья послали ему дары – огромные бадьи с медом, мясом, рыбой, хлебом и солью. Но молодые посланники проголодались в дороге и весь провиант царский съели, а в бадьи насыпали земли и песка. Иван Грозный те дары принял и поплыл с ними по мордовским рекам. «И где

бросит земли горсточку, там быти граду. И где бросит щепоточку, быть там селеньицу».

Так ли, нет ли, но край быстро колонизировался русскими поселенцами. Цари щедро жаловали бояр и мелкое дворянство поместьями и вотчинами. И к концу XVIII века мало кто, помимо прочего, не был бы и тамбовским помещиком.



Н.П. Хлыстов

Наш лесистый край хорошо укрывал наших предков от набегов ордынцев, ногайцев и крымских татар. Позже сюда бежали от никоновских церковных реформ раскольники (в Высоких Полянах и Ермо-Николаевке старообрядческие общины распались лишь в середине прошлого века). Оседали на нашей земле разбойники, промышлявшие с кистенем на Муромском тракте, и бунтари из разбитых дружин Ивана Болотникова и Степана Разина. И всех лесная, болотная, бездорожная глушь принимала и надежно укрывала.

Многие считают, что походы Болотникова, Разина и Пугачева происходили где-то далеко (под Москвой, на Волге, в башкирских и оренбургских степях) и с нашими местами никак не связаны. Глубочайшее заблуждение. «Осколки» крестьянского войска Ивана Болотникова спасались от преследования в мещерских лесах. Отряды разинцев и пугачевцев доходили до Кадома и Шацка, где были разбиты правительственными войсками, после чего казаки и примкнувшие к ним крестьяне опять же скрывались в дремучих чащах (в том числе и наших).

За многовековую историю наши мужики и бабы были и казанскими (когда в 1708 Россию поделили на 8 губерний), и азовскими (с 1719 г.), и воронежскими (с

1732 г.), и рязанскими (с 1775), и тамбовскими (с 1779), и московскими (с 1929), пока с 1937 года не стали вновь рязанцами косопузыми. Менялась и уездная прописка: то шацкая, то елатомская, то сасовская. Не все, наверное, знают, что с 1785 по 1788 годы нашу (Тамбовскую) губернию возглавлял известный поэт Гаврила Романович Державин. Старался вести дела по уму и совести, но «подсидели» его тертые чиновники-крючкотворы.

При том, что «прописка» у наших предков менялась неоднократно, неизменной оставалась удаленность пителинской земли от очередного административного центра. Ну, где, например, Казань или Воронеж и где мы?! Вечно на отшибе! Да и сейчас ситуация та же: до своей Рязани нам не ближе, чем до Тамбова или Владимира. И в архивных документах наш край до обидного редко фигурирует, представляя своего рода «белое пятно» истории. А ведь Пителино на 10 лет старше Тамбова! Приходится завидовать тамбовским, моршанским, шацким краеведам: жизнь их уездов подробно отражена в различных справочниках и статистических сборниках XIX и начала XX веков.

2. Из прошлого округи вычеркивать нельзя, что были здесь купцы, помещики, князья

Пителинская земля делилась на волости и округа, церковные приходы, включала в себя вотчины очень известных дворянских родов. Это князья Прозоровские, Волконские, Мансыревы, Меншиковы, Долгоруковы, Несвицкие, Вяземские, Голицины, Лопухины, Кугушевы, Кудашевы, Урусовы и др.

Так, имения двух ветвей князей Волконских располагались в Нестерове и Гридине. Просматривая архивные документы, я выяснил, что с нашим краем тесно связан князь Владимир Петрович (1788-1859) –

неутомимый искатель археологических древностей и бытописатель края. Он же построил Никольский православный храм в Нестерове. Представители другой ветви Волконских считались одними из наиболее крупных землевладельцев Шацкого уезда.

Имеют отношение к нашему краю и князья Мансыревы. Их родовое имение – Старое Мансырево – располагалось в Кадомском уезде, а земли и имения – по большой округе, включающей нынешние территории Мордовии, Нижегородской, Пензенской и Рязанской областей. Первым, из «прописавшихся» в границах современного Пителинского района, упомянут лейтенант флота в отставке, участник многих морских и сухопутных баталий с французами Александр Степанович (1779-185…) и его супруга Александра Антоновна. Им принадлежали «души» и земли в селе Нестерове и сельце Соколове.

Потомки Александра Степановича и его младшего брата Ивана числились соколовскими помещиками вплоть до Октября семнадцатого года. Местные старожилы хорошо помнили их весьма протяженный по фасаду, украшенный затейливой резьбой деревянный дом с балконом, под железной крышей, и хутор с фермой, где числились 36 работников.

Князья не только часто бывали в соколовском имении, но и породнились с соседями – помещиками Грековыми из Больших Прудищ. Со временем они поставили добротный дом с садом и прудом в окрестностях этого села. В советское время его разобрали. А прудищенцы до сих пор зовут данное местечко Мансыревой рощей.

Последним хозяином соколовской усадьбы был князь Иван Николаевич, который, к счастью, не дожил до грозных событий семнадцатого года. Домочадцам же его пришлось весьма туго. Впрочем, подробнее о князьях

Мансыревых читайте в разделе «Пестрые страницы уездной жизни».

Древний дворянский род Балашовых владел землями в Пителине, Пеньках, Темиреве, Потапьевской Хохловке, Кононовке. Из рода следует выделить генерала от инфантерии, члена Государственного Совета, одного из наиболее близких сподвижников Александра I Александра Дмитриевича Балашова (1770–1837). Он сопровождал государя во всех его поездках по стране и за рубежом, выполнял самые тайные и доверительные поручения. Когда в окружении царя началась подготовка к конституционным преобразованиям (увы, так и неосуществленным), для повышения эффективности местного управления было создано (экспериментально) из пяти центральных губерний (Тамбовской, Рязанской, Воронежской, Тульской и Орловской) генерал-губернаторство под руководством А.Д. Балашова. С 1819 по 1828 годы с переменным успехом длился этот эксперимент, встретивший открытое и упорное сопротивление чиновников всех уровней, постоянно писавших жалобы и доносы на своего генерал-губернатора. Увы, после смерти Александра I закатилась и звезда Балашова. (Подробнее о данном дворянском роде пойдет речь в очерке «Чье имя носит Балашова Гора»).

Разумеется, князья и родовитые дворяне имели земли в разных уездах и губерниях, куда наведывались не часто, проводя зимы в столицах, а лето – за границей. А вот целый ряд мелкопоместных дворян, купцов и промышленников проводил в своих сельских усадьбах и экономиях значительное время. Давайте мысленно навестим их и осмотрим, опираясь на статистические данные 1903, 1911 и 1913 годов, достопримечательности нашего края столетней давности.

Перед первой мировой войной наиболее крупными селами являлись: Гридино – 2549 жителей, Высокие Поляны – 2061, Пеньки – 1984, Темирево – 1900, Пителино – 1805, Веряево – 1801, Пет – 1695, Потапьево – 1669, Самодуровка и Свищево – по 1490, Юрьево – 1346, Хохловка (Потапьевская) – 1264, Савро-Мамышево – 1163, Нестерово – 1141, Высокое – 1079 человек.

А вот какие первостепенные сведения дает о нашей части Елатомского уезда «Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1913 год»:

предводитель дворянства уезда – камергер Двора его императорского величества князь Николай Николаевич Гагарин (с. Ключи, ныне Сасовского района);

почетные мировые судьи: князь Николай Николаевич Гагарин, тайный советник Сергей Валерианович Воейков (с. Нестерово) и штабс-капитан Григорий Григорьевич Языков (с. Чубарово);

становые приставы: 1-го стана (а это Балушево-Починковская, Высокополянская и Потапьевская волости) колежский асессор Дмитрий Сергеевич Сергеев (г. Елатьма), 2-го стана (Нестеровская, Гридинская, Мокринская и Хохловская волости) коллежский асессор Павел Иванович Малинин (с. Сасово);

начальники земских участков: 3-го (Потапьевская, Высокополянская, Балушево-Починковская, Азеевская и Савватемская волости) колежский асессор Сергей Сергеевич Алеев (с. Потапьево), 4-го (Нестеровская, Подболотская, Нащинская, Хохловская и Гридинская волости) – отставной подпоручик Владимир Михайлович Сабуров (с. Свищево).

Ярмарки проводились у нас в трех селах. Две (с 1910 года) – в Пителине – на дни Святого Николая (9 мая по старому стилю) и Покрова Богородицы (1 октября). Кроме того, местный базар по средам обеспечивал всю

центральную часть уезда хлебом. Ежегодные ярмарки проводились также в Нестерове (в десятую пятницу после Пасхи) и Темиреве. В Нестерово съезжались купцы из Касимова, Елатьмы, Шацка, торговля «мелочным товаром» велась два дня.

На территории нынешнего района имелось несколько винокуренных, крахмальных, кирпично-черепичных и конных заводов, водяных, ветряных и паровых мельниц.

Возьмем, для примера, Нестеровскую волость. На высоком берегу нестеровской плотины (ранней весной и ныне еще заметны подвальные ямы, кусты сирени, оградительные рвы) располагалась экономия с животноводческой фермой тайного советника, депутата III Госдумы С. В. Воейкова. Ему принадлежали винокуренный и конный заводы. Свищево в начале прошлого века по числу жителей превосходило Нестерово, и помещиков там проживало больше. Небольшую экономию содержал И. И. Попов, конные заводы – В.М. Сабуров, вдова его брата М. М. Сабурова, князь А. И. Кудашев и наследники купца В. А. Бабосова.

Наличие стольких помещиков и богатеев боком выходило для крестьян. Лишь одна четвертая часть пахотной земли принадлежала сельской общине, все остальное – господское. К примеру, один купец Бабосов распахивал 330 десятин, а кроме этого имел 235 десятин сенокосов и 40 – леса.

Другим бичом являлась чересполосица (земельные наделы одного хозяина располагались узкими полосами вперемежку с чужими участками). С.В. Воейков в сентябре 1902 года писал в уездный земской комитет о необходимости округления и межевания крестьянских участков, указывая для наглядности: «В Нестеровской волости я насчитывал у семьи на 8 десятин надела 45 участков на расстоянии 6 верст. То же получается и с

покупными землями: те же клинья, те же загоны, та же чрезполосица».

По причине малоземелья шли мужички на отхожий промысел (на Волгу, Каспий и Дон), либо батрачить на местных бар за мизерную плату. Деревянная соха, серп, цеп – основные орудия крестьянского труда. На все село имелось не более десяти плугов, четыре конные молотилки и две конные жатки.

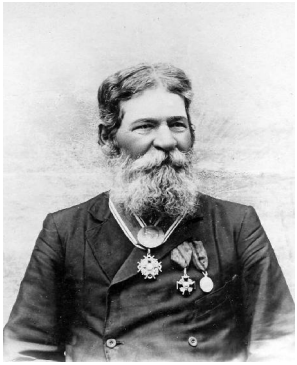
Лишь немногим свищевским мужикам удалось выбиться в люди. Так, Степан Яковлевич Кочетков и Яков Антошин поставили свои ветряные мельницы, которые сослужили им хорошую службу и в годы НЭПа. Занятный факт. По воспоминаниям старожилов, в 1920-е годы у Антошиных был единственный на село велосипед. Выделялись из общей среды и братья Кочетковы: Петр Михайлович владел маслобойкой, Григорий Михайлович – просорушкой, а младший – Андрей являлся сельским старостой. После объявленного партией курса на сплошную коллективизацию, в 1931 году бывшего старосту, 69-летнего старика, вместе с сыном Николаем арестовали и выслали в казахстанские степи (старшие братья не дожили до этих дней). Та же участь постигла и мельников (только умершего Якова Антошина сменил его сын Иван). Но вернемся к нашим баранам, то бишь к барам.

Даже по тем, едва уловимым следам, оставшимся от некогда цветущих усадеб, можно судить о красоте планировки парков, аллей, садов, беседок, прудов. А вот архитектурные стили господских построек вообразить уже невозможно. Смутное представление дают только недошедшие до нас в первозданном виде дома дворянина Скобельцина в Шибкове (увы, он сгорел) и купца Пустовалова (Лукино). Эх, додумался бы кто тогда, лет сто назад, выпустить «Справочную книжку и адрес-

календарь Елатомского уезда» с набором фотографий наших усадеб!

Кстати, во время моих ранних поездок по историческим местам района приключился со мной казус. Где-то в конце 70-х я расспрашивал жителей деревни Павловка, что осталось от хутора помещика Мичурина и как найти это место. В конце такой беседы местные мужики и бабы стали вдруг меня успокаивать: «Да ты не бойся, не выдадим. Только ответь: кем ты тому Мичурину доводишься?»

Так уж получилось, что до наших дней величественные и обширные имения князей и крупных землевладельцев не сохранились. А то, что построил выходец из простого народа, а впоследствии купец 2-й гильдии и потомственный почетный гражданин села Пителино Николай Илларионович Кондранин (1850–1916), мы до сих пор видим воочию и активно используем. Это его двухэтажные особняк, магазины (о них еще речь впереди) и трактир, переоборудованный в советское время под службы районного узла связи, красивый храм во имя св. Александра Невского (под ним подразумевался царь Александр II – освободитель крестьян от крепостного рабства).



Н.И. Кондранин

Николай Илларионович родился в Пителине 26 октября 1850 года в крестьянской семье. Мальчишкой встретил отмену крепостного права. Был в работниках у барина Снитко. Благодаря трудолюбию своему, честности, ответственности за порученное дело, он завоевал доверие помещика, который выдвинул его и приблизил к себе.

В 19 лет Николай женился на купеческой дочери Прасковье Петровне Мельниковой (из города Меленки). Получив небольшой капитал от тестя, занялся торговлей. Сметливый ум и практичность помогали наращивать розничный оборот мануфактурой и промышленными товарами. Вскоре купец приобрел земельные участки и лесные угодья, открыл новые лавки и питейные заведения, занялся разведением крупного рогатого скота и лошадей упряжной породы (конный завод в селе Пет).

В работе Кондранин не знал усталости. Поддерживал и помогал встать на ноги тем, кто стремился, как в свое время и он сам, открыть собственное дело, выбиться в люди. Вырастил двух сыновей (Константина и Александра) и четырех дочерей (Софью, Елизавету, Екатерину, Любовь).

Кондранина ценили в округе как честного купца, рачительного хозяина, уважали за то, что он смог «сотворить сам себя» и делал немало полезного для своих односельчан. Его, награжденного орденами Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 3-й степени, избирали гласным земского собрания уезда от третьего сословия и членом земской управы.

На здании бывшего храма – нынешнего районного Дома культуры в 2006 году установлена мемориальная доска в память о потомственном почетном гражданине Пителина Николае Илларионовиче Кондранине.

Подробнее о помещиках пителинского края смотрите далее, в разделах «Пестрые страницы уездной жизни» и «Русские усадьбы».

3. Сельцо Хохловской волости

Мы прошли уже немалый путь от древних времен до начала двадцатого века. Теперь попробуем найти ответ на вопрос: почему именно Пителино стало районным центром. Для начала ознакомимся с его «родословной».

Первое упоминание находим в писцовой книге по Шацкому уезду (Борисоглебскому стану) за 1626 год: «За Володимиром Игнатовым, сыном Вишняковым, что было за Иваном за Мальцевым, а после за ним, за Володимиром в поместье, что стало у него вотчиной, деревня Петелинская на речке Пасмурке пуста».

На современном языке это означает, что когда-то деревенька была поместьем Мальцевых (поместье – казенное имение, получаемое служивыми людьми как бы вместо жалованья, которое нельзя ни продать, ни завещать наследникам), а стала вотчиной Владимира Игнатьевича Вишнякова (то есть полной его собственностью). А почему пуста? «В прошлых годах в Шацкие и иные Мещерские места татарские и ногайские воровские люди прихаживали изгоном и те все места воевали, людей побивали и в полон имали, и села и деревни многие пожгли и до конца разорили, и от тое великая войны многие села и деревни запустели…» - сообщалось в грамотах-донесениях той поры.

Следующее упоминание относится к 1645 году: «полдеревни Петелино в поместье Кокоревых, которые получили также и ее другую половину у вдовы Вишняковой». Имеется в виду царский стольник Михаил Кокорев. Проживали здесь тогда в 12 домах (8 крестьянских и 4 бобыльских) 32 человека мужского пола (думаю, что не менее и женского).

По материалам Первой (1719–1722) и Второй (1744) ревизий Петелино стало сельцом, так как в нем находился господский дом капитана флота Льва Александровича Милославского с 14 дворовыми мужского пола, а в сельце – 43 крестьянских избы с 258 жителями. Его вдова в 1760 году продала сельцо сержанту лейб-гвардии Семеновского полка Василию Владимировичу Грушецкому (1743-1813), человеку не

чужому – племяннику (по мужу). По сказкам Третьей (1762) ревизии в Петелине насчитывались 565 жителей. Впоследствии оно принадлежало графу Василию Валентиновичу Мусину-Пушкину-Брюсу (1775-1836).

Итак, представьте небольшое сельцо – от силы шесть десятков серенькых, крытых соломой изб, составляющих две улицы. По нынешнему, это участки улиц Красной (примерно от здания бывшего КБО до центрального сквера) и Ленина (не далее ее середины). Между ними речка Пасмурка, перекрытая деревянным мостом. На ее берегу (где сейчас здание казначейства) возвышается деревянный господский дом, поставленный в свое время Милославскими.

Типичная крестьянская изба (село Ермо-Николаевка)

Сменяющихся владельцев сельца можно встретить здесь только летом. Зимы они проводят в столицах. Их хоромы и усадебное хозяйство обслуживают так называемые дворовые люди. Нынешний летний день для них и для других крестьян начался в поле, где жнут хлеба, вяжут снопы, укладывают крестцы. Просохшие снопы свозятся на гумно для последующей молотьбы. А

господа еще спят, хотя на веранде их поджидает «под парами» начищенный до зеркального блеска самовар. К обеду будут поданы вареные раки. Обеспечить барский стол местным деликатесом поручено двум мальчикам, которые уже спустились к чистой воде Пасмурки, тщательно исследуя прибрежные «заулки».

Сделаем «монтаж», перемотаем время еще на век вперед. Снова летний погожий день, среда. На местный базар съехались торговцы и покупатели со всего Елатомского уезда. Торг ведется прямо на улице, вид которой значительно изменился. И домов стало больше (свыше 120, около одной тысячи жителей), и крыты они не только соломой, но и дранкой, тесом, щепой и даже железом. На базаре покупают мелочный товар и всякую живность (скот, птицу, рыбу). А в конце лета и осенью он обеспечивал хлебом всю центральную часть уезда.

Речка Пасмурка делит сельцо практически пополам. Она стала заметно грязнее, мутнее. Неизвестно, остались ли в ней раки, но рыба еще точно была! Теперь о речушке напоминает ручей, протекающий весной по улице Горького, через Зайцев пруд в парк и овраг.

Оживленно и на краю сельца, на выезде в сторону Сасова. Здесь стругаются бревна, пилятся доски, стучат топоры и молотки. На деньги, собранные, как говорится, всем миром, возводится деревянная церковь.

И давно пора! Чем петелинцы хуже соседей: потапьевцев, гридинцев, нестеровцев, большемочильцев, пеньковцев? Там православные храмы испокон веку стоят. Правда, Потапьево, Гридино и Нестерово еще и волостными центрами являются. Петелино же – сельцо господ Балашовых, пеньковского церковного прихода Темиревского благочинного округа, Хохловской волости.

Но ничего, вот воздвигнется храм – появятся и свой священник, и свое кладбище, и не придется каждое

воскресенье (или в будни по различным непреложным нуждам) отправляться на богослужение за три версты в Поганые Пеньки (так их одно время называли). А пока Петелино – заштатное сельцо, казенных учреждений не имеет. По всяким делам, тяжбам, за справками приходится ехать в волость. А это напрямую семь верст.

Отправимся-ка и мы в волостной центр. Открывается он взорам путников неожиданно. Когда достигаешь вершины увала (гривы), впереди, внизу, видишь расстилающуюся речную долину и длинные цепочки домов общей протяженностью километра четыре. Тогда нынешнюю Потапьевскую Хохловку представляли два самостоятельных населенных пункта: Хохловка и Желудево.

Первая, в две улицы с переулками, тянулась от крутой излучины реки в сторону Потапьева до самого оврага. Второе уходило в противоположную сторону. По материалам Третьей (1761–1767) ревизии, они, как и Петелино, принадлежали помещику В.В. Грушецкому. В Хохловке числились 123 крепостных мужского пола, в Желудеве – 180. К 1862 году Хохловка (80 домов и 748 жителей) подравнялась со своей «соседкой», а позже – и значительно превзошла ее.

В «прогале» между сельцами располагалась (ближе к реке) усадьба помещика Некрасова с просторным одноэтажным домом, животноводческими дворами, огромным садом. После революции его потомкам придется спешно покинуть родовое гнездо, которое тут же напрочь разорят мужики. Также по центру, но ближе к подножию увала, стояло здание волостной управы. Два поместья: коллежского асессора Павла Федоровича Туберовского и вдовы подпоручика Дарьи Кондратьевны Мамеевой располагались в Желудеве.

Итак, по сути Хохловка и Желудево составляли как бы два крыла одного поселения. Почему именно здесь поставили волостное правление, вполне понятно. По совокупному населению Хохловка и Желудево превосходили прочие села: Петелино, Пеньки и Темирево (по отдельности). Возникает другой вопрос: мог ли в них учредиться административный центр будущего района? Попробуем разобраться.

Альянс двух поселений рос и развивался. К 1914 году число жителей в нем превысило рубеж в две тысячи человек, действовали кирпичный и крахмальный заводы, водяная мельница братьев Егора, Александра и Степана Ивановичей Володиных, процветали скорняжное, шорное и бондарное ремесла. Здание церковно-приходской школы построено в 1890 году (на три года раньше, чем в Петелине).

После революции здесь учредили волисполком. Заметно преобразились деревни-соседки за годы НЭПа. Инициативный крестьянин Федор Гаврилович Зотов занялся выделкой бараньих и телячьих шкур, открыл кожевенный заводик, оборудовал маслобойку. Другие тоже не сидели сложа руки. Возле бывшей волостной конторы словно из-под земли выросла просторная рига, где мяли и трепали лен и коноплю. На полную мощность заработал кирпичный завод, и к концу 20-х улицы стали преображаться. Из местного кирпича и белого камня из потапьевского карьера ставились прочные дома (с глубокими подвалами и деревянными тамбурами-входами в них) и кладовые, появилось несколько двухэтажных особняков (у Зотова, Конина, лавочника Пимашкина) и даже новая улица (ныне Советская). Начальные школы имелись и в Хохловке, и в Желудеве.

Все же считаю, что на роль административного центра созданного 12 июля 1929 года района этот альянс (так и

не получивший статус села и своего кладбища) претендовать не мог. Прежде всего, далее расти и расширяться было ему некуда (с одной стороны препятствовали река и овраг, с другой – буквально

Кирпичный дом в Потапьевской Хохловке

зыбучие пески, на которых невозможно огородничество). Возникла и проблема с водообеспечением – колодцы там весьма глубокие. Добавим ко всему прочему и не очень выгодное географическое положение «альянса» – сильное смещение к восточной части района (на восток – ни одного населенного пункта, а только пойменные мокшинские луга) и удаленность от густонаселенных западных территорий.

Когда образовался Пителинский район, в нем оказалось две Хохловки. Чтобы избежать путаницы, одну назвали Мокрой, другую Потапьевской. И только в 1973 году было принято официальное решение об объединении Потапьевской Хохловки и Желудева.

4. Питьвелено и Сиенорма

Жил ли хваткий Пителя
Или было «пить велено»? –
Народилось селенье
Под названьем Пителино.
Хлеб высокий растили,
Зданья строили видные
И степенно держали
Заведения винные.

В. Хомяков

Представьте, что на календаре август 1914 года. Теперь из столиц в наши края можно добираться быстро и удобно: железной дорогой до станции Сасово и лишь последние верст тридцать – на гужевом транспорте.

Подъезжая к Пителину (а с 1903 года оно называется именно так), прежде всего замечаешь справа, перед овражком, кузницу Федора Полякова, а за овражком – возносят вверх свои кресты и купола две (стоящие одна возле другой) церкви. Да, с 1869 года Пителино обрело статус села, так как на средства жителей был построен и освящен деревянный Вознесенский храм. А позже, в 1890 году на деньги купца Кондранина рядом возвели красивую каменную церковь во имя святого Александра Невского.

Слева другие кресты – местного кладбища. А прямо «по курсу», чуть на отшибе от села приветливо машет гигантскими руками-крыльями ветряная мельница Павла Мякова, прозванного Фунтиком за излишнюю счетливость и прижимистость. Имелась в селе и паровая мельница Ефима Неронова.

Вот мы миновали мосток через овражек, свернули на главную улицу, которая до сих пор носит название Красной (по старому-народному красный означал и красивый), проезжаем мимо металлической, в крестиках ограды первого храма и высокой паперти второго. В

просвете между ними виднеется окруженное липами деревянное, крытое железом здание одноклассной

Вознесенская церковь (р.п. Пителино)

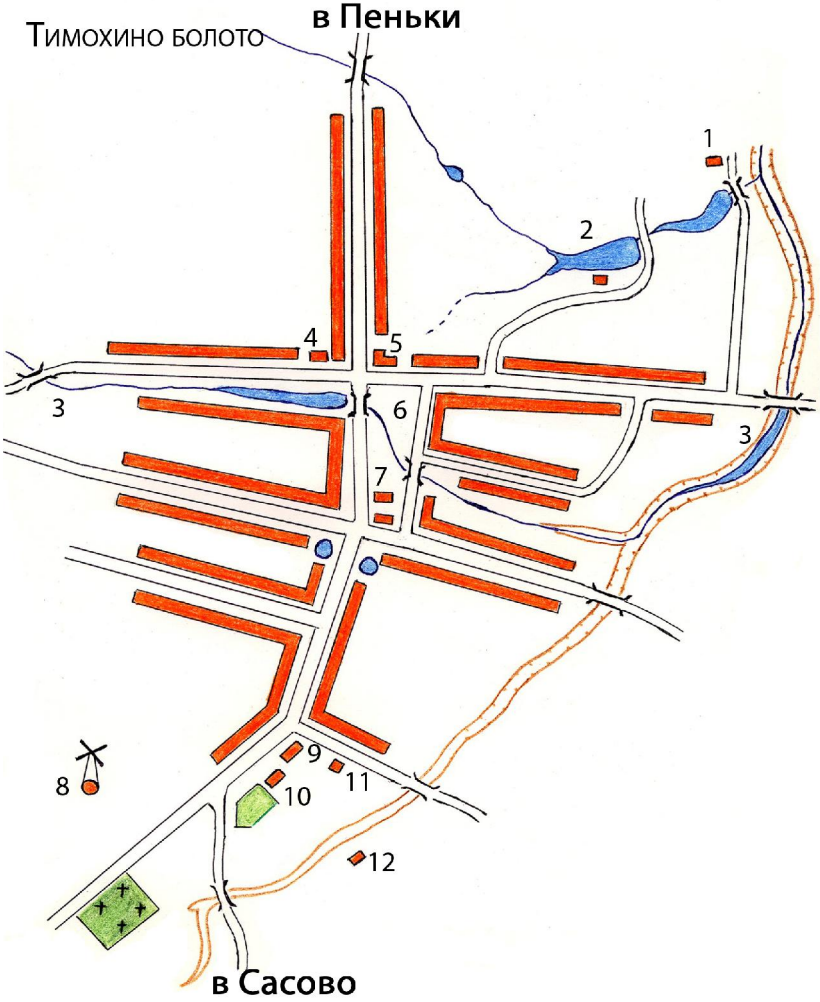
Районный Дом культуры, бывшая церковь во имя Св. Александра Невского.

смешанной церковно-приходской школы, попечителем которой является купец Н.И. Кондранин. Закон Божий преподает в ней священник о. Константин (Полянский), а

грамоте обучают детишек Анна Георгиевна Казанская и Анастасия Сергеевна Забозлаева.
Родной брат Константина Полянского Александр, постриженный в монахи с именем Амвросий, в те годы – архимандрит Киево-Печерской лавры и ректор Киевской духовной семинарии, позже, в советское время, в сане епископа, станет жертвой политических репрессий, а в августе 2000-го Архирейским Собором Русской православной церкви будет канонизирован как священномученик Амвросий.

А мы продолжаем двигаться к центру села. По обеим сторонам грунтовой дороги стоят скромные серенькие избы. Кирпичное здание попадается только перед базарной площадью. Это двухэтажный трактир купца Кондранина, с балконом, под железной крышей. Возле него сгрудились несколько бричек, двуколок и мужицких телег. Их владельцы и седоки поднялись наверх, чтобы немного подкрепиться, а главное, узнать последние новости о начавшейся войне с Германией и Австро-Венгрией. Шум и гвалт в зале стоит основательный. Речи горячи не только от наваристых щей, но больше от заказанных к ним графинчиков с анисовой, лимонной, полынной, тминной или померанцевой водкой. И нам, мой читатель, пора отобедать, вспомнить вкус ныне забытых блюд: ботвиньи, кулебяки, пирожков-расстегаев, посидеть за самоваром – только следует ограничить себя 5–7 стаканами чая, ведь нас ждет еще неблизкая дорога. А собравшиеся в трактире, разгоряченные «горькой» мужики толкуют между тем о перипетиях войны, перечисляют имена тех, кого уже проводили на фронт и кому это предстоит. Прислушаемся к их разговору и мы, странники во времени.

План села Пителина (первая четверть XX века)



Цифрами обозначены: 1 – вальная Абросимовых, 2 – Синельщиков пруд, 3 – р. Пасмурка, 4 – особняк Зайцева, 5 – дом и магазины Кондранина, 6 – базарная площадь, 7 – трактир Кондранина, 8 – ветряная мельница, 9 – храм во имя Александра Невского, 10 – Вознесенский храм, 11 – церковно-приходская школа, 12 – кузница.

Для нас, ныне живущих, Первая мировая остается одной из самых неизвестных войн (ее заслонили события более кровавой и жестокой Гражданской войны). Только сейчас предпринимаются попытки, в том числе и в Рязанской области, определить число ее участников и жертв.

М.Д. Летошев. 1915 г.

Неизвестно, сколько героев той «империалистической» проживало у нас в районе. Но о них знали и помнили в деревнях и селах. Так, в Соколове мне назвали кавалера Георгиевского креста (высшая солдатская награда) Дмитрия Павловича Шаброва (1888-1948), в Высоких Полянах – Михаила Дмитриевича Летошева (1886-1945) и Григория Ивановича Евдокимова (1885-1943).

«Неизвестная Первая мировая» – именно так назвал пителинский краевед И.В. Климкин свою работу (она опубликована в районной газете «Сельская жизнь» в № 102 от 14 декабря 1994 г.). Из нее узнаем:

«В селе Пителино страшная новость о начале войны разлетелась мгновенно. А спустя несколько дней жители осмыслили суть происходящего. Провожали новобранцев всем селом. В числе первых на фронт ушли Иван Федорович Сипин, Федор Иванович Тимохин, Григорий Иванович Тимохин, Александр Михайлович Сергунин, Семен Иванович Сергунин, Александр Иванович Можаев, Василий Никитич

Горбатов, Никита Поликарпович Савин, Сергей Андреевич Тележкин, Алексей Сергеевич Тележкин, Василий Иванович Никулаев, Павел Евсеевич Умняшкин, Павел Григорьевич Никишин, Василий Захарович Маркин, Иван Иванович Маркин, Андрей Егорович Силаев…»

Увы, многие из них не вернутся домой.

Увидели наши земляки и тех, с кем воевали – в округе разместили несколько групп военнопленных. Часть из них взяла на хозяйственные работы (скотниками на животноводческую ферму в Беседках) помещица Александра Петровна Лезина. Как память о пребывании

Районный узел связи – бывший трактир Кондранина

пленных на границе нашего и Шиловского районов осталось захоронение австрияков, умерших от тифа.

Ну, а мы, подкрепившись в трактире Кондранина, можем отправляться далее по улицам села. Вот, справа от нас, раскинулась базарная площадь (ныне пустая). А впереди, за бревенчатым мостом через Пасмурку, берущую начало из недр Тимохина болота, возвышаются

самые солидные постройки села – двухэтажные особняки купцов Тимофея Ивановича Зайцева (слева) и Кондранина, да кондранинские двухэтажные магазины. Вот какими запомнил их Б.А. Можаев (напомним, что Тиханово – это Пителино, а Каманин – Кондранин):

«И магазины, и дом возвышались над Тихановым, как дубы над мелколесьем. Дом, построенный земством в девяностых годах прошлого века, стоял под зеленой крышей, с ажурными железными коронами над печными трубами, с широким резным карнизом, с развернутыми во всю ошелеванную стену наличниками, похожими на диковинную кружевную вязь. А низ был кирпичный, с четкими рустами, с высоким цоколем, разделанным под шубу… Внизу, внутри дома, стены были обшиты мореным дубом, а печи из белоснежного крупного кафеля… На втором этаже… Говорили, что полы там застелены паркетом. Мальчиков туда не пускали. Их место было в магазине да на складах на втором этаже над магазинами, в широких и просторных помещениях, похожих на железнодорожные пакгаузы. Три магазина размещались в одном здании и помостом были обнесены, высоким, многоступенчатым, как паперть в церкви. Какая сила народу стекалась сюда в базарные дни…» («Мужики и бабы», книга первая, глава 4).

Улица Красная

За основательными двухэтажными строениями начиналась широкая Сенная улица. Сенная потому, что в базарные дни вдоль нее выстраивались рядами возы с духмяным сеном.

Улица Сенная

Помимо кондранинских, в Пителине действовали еще пять лавок и несколько питейных заведений. Их наличие, а также смена названия села с Петелина на Пителино породили забавную версию. Мол, когда-то на Муромском тракте стоял трактир с вывеской «Пить велено», так как хозяин его имел патент на торговлю водкой. Отсюда и близлежащее село стали именовать Питьвелено – Пителино. Более того, возчики, приняв не в меру русской горькой, уже через пару верст засыпали на козлах и возах, съезжали с тракта, а порой и опрокидывались. На это снисходительно говорилось: «Сие – норма». А потому, якобы, и деревушку напротив прозвали Синорма.

Нам, чтобы попасть в Синорму, не обязательно возвращаться на тракт. Можно сразу за мостом через Пасмурку свернуть налево. А там рукой подать – чуть более версты.

Сначала подъезжаем к усадьбе купца Долбежева. От нее тянется довольно длинная улица. Это и есть деревня

Синорма Потапьевской волости (и потапьевского церковного прихода). Земли тут принадлежат восьми помещикам, среди которых выделяются княгиня В.А. Кугушева и вдова Л.С. Снитко (им принадлежало по 93 «души»). Минуя усадьбу Долбежева и кирпичную часовенку, попадаем на так называемую «мертвую» дорогу, ведущую на Потапьево. По ней отвозили покойников на кладбище. Через овраг имелся бревенчатый мост (ныне о нем напоминает только земляная насыпь).

5. Знаковое «горное» село

Потапьево – одно из древних наших сел, раскинувшееся на обоих берегах реки Пет. По преданию, шумел здесь когда-то густой лес. А приезжавших на местную переправу через реку грабил свирепый разбойник Потап. Его землянка была неподалеку. Отсюда, мол, и Потапьево.

Так ли, нет ли, но поселение действительно древнее. Когда экскаватором начали копать водопроводную траншею по улице Первомайской (старое название Карсань), что ведет на Пителино, вдруг наткнулись на побуревшие от времени человеческие кости. Прежде Карсань была вдвое короче и заканчивалось храмовой постройкой, а за ней – кладбище. В XIX веке село разрослось, новую церковь поставили ближе к реке, кладбище перенесли дальше в поле, а про старое со временем успели забыть.

Когда-то (наиболее активно в XIX веке) в округе (к северу и западу) ручным способом добывали железную руду, которая залегала не пластами и жилами, а гнездами. Добытое сырье отправляли на Унженский и Сынтульский железоделательные заводы. Ямы от разработок заметны и сейчас. Местечко на левом берегу

Пета (почти напротив села Пет) так и называют Рудяное. А еще округа богата залежами известняка и песка, которые добывались (и добываются) для строительства карьерным способом.

«В окрестностях села по р. Пет попадаются кремневые орудия и кости мамонта», – указывалось в «Сборнике-календаре Тамбовской губернии на 1903 год».

Первое письменное упоминание Потапьева находим в окладных книгах церквей Шацкой десятины за 1676 год, где указывается Христорождественский храм, три боярских, два поповских и 127 крестьянских домов. С середины XVIII века селом владел действительный тайный советник князь Алексей Дмитриевич Голицын, а позже – действительный тайный советник и кавалер светлейший князь Сергей Александрович Меншиков (внук ближайшего сподвижника Петра I А.Д. Меншикова). К нему земли в нашей и чучковской округе перешли даром, в качестве приданого, после женитьбы на княгине Екатерине Николаевне Голицыной. Княжеская усадьба располагалась чуть выше улицы Полянки на берегу оврага.

С 1862 года Потапьево – волостной центр с 1400 жителями, почтовой станцией, мельницей, перевозом через Пет, экономиями Л.С. Снитко (ему принадлежало 280 душ) и статского советника Федора Григорьевича Кишкина (265 душ). В 1880 году открывается земское образцовое училище, чуть позже аптека и фельдшерский пункт. А в 1894 на средства священника Василия Ивановича Данилова в селе строится единственное на всю округу кирпичное здание церковно-приходской школы под железной крышей.

1900 год. Действуют две школы (земская начальная и ЦПШ на 50 мест каждая), земская больница, телеграф, ветеринарный фельдшерский пункт, две часовни, пункт

государственной заводской конюшни, арестантские помещения при волостной управе и этапный двор политкаторжан, двор земской ямщины - содержатель Алексей Максимович Жарков (14 лошадей), казенная винная лавка, два постоялых двора: торговца Федора Леонтьевича Сергунина (он брал под определенный процент в кредит товары у пителинского купца Кондранина, сам развозил по селам и сам продавал) и Федора Никитича Парфенова (он был родом из Касимова, имел в селе собственную хлебопекарню). Следующие (по пути в город Елатьму) постоялые дворы (один из них монастырский) располагались через 25 верст на берегу Оки возле перевоза. Имелись в селе сукновальная и мялка для обработки пеньки. Зажиточные крестьяне скупали по округе коноплю по низким ценам. Полученную в ходе ее обработки пеньку отвозили в Сасово на канатную мануфактуру.

Когда открылась местная больница, неизвестно, но в 1902 году ее штат составляли врач Владимир Николаевич Богданов и фельдшер Андрей Климович Якунин. Позже врачом работал Владимир Михайлович Шкакин, фельдшером – Семен Терентьевич Наумов, акушеркой – Варвара Федоровна Позднякова.

Река Пет делила село на две почти равные части. Левобережная сторона (Балдовка), принадлежала помещику Александру Николаевичу Кондранину (сыну купца), усадьба которого располагалась ближе к Беседкам. Десятки местных бедняков нанимались к нему батрачить на весь сельскохозяйственный сезон.

Мещанин Ефим Тимофеевич Неронов на реке Пет, в двух верстах севернее Потапьева построил мельницу с высокой плотиной, способной удерживать тысячи кубометров воды. Для помола зерна на ней было установлено несколько жерновов, а также крупорушка и

дранка. А ниже по течению реки, возле Ермы, стояла такая же мельница Прокофия Ефимовича Чекушкина.

Цифрами обозначены: 1 – низшая ремесленная школа, 2 – больница, 3 – усадьба Снитко, 4 – Макарьевка, 5 – храм, 6 – школа, 7 – волостное правление.

Вскоре между этими мельниками разгорелась нешуточная конкуренция. Среди старожилов округи сохранилась память о той «водопролитной войне». И Неронов, и Чекушкин старались привлечь как можно больше заказчиков и получать соответственно больше прибыли. Случалось, что основная часть помещиков, кулаков и крестьян привозили свое зерно для помола в Ерму.

Тогда Неронов наносил внезапный удар по конкуренту, используя свое стратегическое преимущество, ведь его плотина располагалась выше по течению. Он просто открывал все затворы и сбрасывал огромные объемы воды в реку. При этом создавался такой гидравлический подпор, что на мельнице Чекушкина могли разлететься в щепки колеса (а от высоких оборотов «разлететься» жернова), разрушиться и размыться сама дамба. Разумеется, о работе в такой ситуации думать не приходилось, требовалось только лишь обеспечивать максимальный сброс воды.

Страдали от борьбы мельников-конкурентов прежде всего крестьяне ближней округи, у которых в пойме Пета заливались наделы сенокосов, уносились стремниной заготовленные стожки сена. Делегации разъяренных мужиков приходили к Неронову и Чекушкину, грозясь ночью подпустить им «красного петуха», но пара или тройка выставленных для примирения ведер водки, как правило, гасила такие конфликты.

Хочу поделиться личными впечатлениями от панорамы Потапьева. Если смотреть на село снизу, от реки, то благодаря высоким берегам создается иллюзия горной местности. Особенно это касается улиц Лямки и Полянки, напоминающих просто кавказские аулы. Вверх по довольно крутым склонам поднимаются садочки, баньки, огороды, сараи и дома. Кажется, что созревшие

на грядах зеленоватые, желтые и оранжевые тыквы вот-вот оторвутся от своих корней и беспрепятственно покатятся вниз, до самой реки.

Впрочем, это мои восприятия юношеских лет. Увы, все из трех десятков ранее жилых домов Полянки давно опустели. Один из них, кирпичный, привлекает внимание тем, что на каждом из четырех рустов (элементов вертикальной разделки здания) имеет рельефные изображения символов карточных мастей. Исходя из того, что местный помещик Леонид Степанович Снитко слыл заядлым картежником, можно предположить следующую версию. Возможно, хозяин выиграл у барина в «дурака», «девятку» или преферанс крупную сумму денег, которая помогла ему «пойти в гору» – прикупить, скажем, вторую лошадь, инвентарь, овец и пр. А позже, когда в благодатные годы НЭПа (на фасаде обозначен 1925 год) он решил поставить новый кирпичный дом, то не забыл изобразить на лицевой стене и своих «благодетелей» – карточные масти.

С 1901 по 1908 годы в селе возводилось двухэтажное кирпичное здание (на 30 комнат) низшей ремесленной школы с четырехгодичным курсом обучения. На первом этаже, например, размещались столярная и слесарная мастерские, кабинет мастера, кузница, общежитие, кухня. Попечителями нового учебного заведения выступили содержатель пароходной компании (по Оке и Волге) князь, капитан-лейтенант российского флота Кугушев и заводчик Мориссон. Заведующим низшей ремесленной школой (НРШ) назначили титулярного советника Константина Петровича Никольского. Занятия начались 10 октября 1908 года.

Здание НРШ вошло позже в историю края. Именно в нем 17 октября 1917 года проходил съезд уездных земских гласных под председательством уездного

комиссара Временного правительства П. П. Орлова, посвященный предстоящим выборам в Учредительное собрание, а 8 января 1918 года – съезд уполномоченных

Открытие учебного года в низшей ремесленной школе
(второй слева в первом ряду К. Никольский)

представителей от волостей Елатомского уезда, на котором рассматривались судьбоносные вопросы о проведении в жизнь Декрета о земле, прекращении погромов помещичьих усадеб и разрешении проблем с продовольствием.

И первая в округе ячейка коммунистической молодежи была создана в Потапьевской НРШ. Делегаты от ремшколы в декабре 1918 года участвовали в работе I уездной конференции РКСМ, проходившей в Сасове.

Продолжая партийную тему, отмечу, что в декабре 1906 года в селе открылось отделение Союза русского народа (радикалами Союза являлись черносотенцы).

После революции в Потапьеве действует волисполком, который занимает под свои нужды господский дом

Снитко. Но даже и это не поможет уцелеть красивой барской усадьбе. Ныне о ней напоминают лишь ряды старых деревьев, оставшихся от былых аллей и парка.

На мой взгляд, Потапьево является знаковым населенным пунктом для всего нашего края. Попробую обосновать и развить эту мысль. При этом буду то и дело оперировать словами «первый» и «единственный» (во всех вариациях).

Когда в 1886 году постановлением Земского собрания в уезде закрыли (как затратные) 15 из имевшихся 17 земских школ, Потапьевскую не тронули. В Потапьеве не только состоялись первые на территории будущего района уездные съезды, но и зародилось, пожалуй, революционное движение. Его зачинателями стали вернувшиеся с фронтов первой мировой войны (демобилизованные или по ранению) солдаты, а также политически подкованная молодежь (около 25 человек), эвакуированная из прифронтовой полосы и размещенная в старом здании начальной школы. При образовавшемся таким образом интернате оборудовали столярную мастерскую под руководством эвакуированного Михаила Ивановича Марчука. Впоследствии Марчук станет первым секретарем Елатомского уездного комитета РКП(б), а Михеев (тоже из числа эвакуированных) – первым секретарем уездного комитета комсомола.

При первых известиях о Февральской революции в одну из ночей кто-то разбил бюст императора Александра II, установленный на постаменте возле волостной управы, а на его осколок надел бабью поньку (юбку). Расследовать данный политический демарш приезжал пристав с вооруженными казаками, но виновных выявить не удалось. А совершила такой дерзкий поступок революционная группа Марчука. Входили в нее тогда Григорий Васильевич Сатуров,

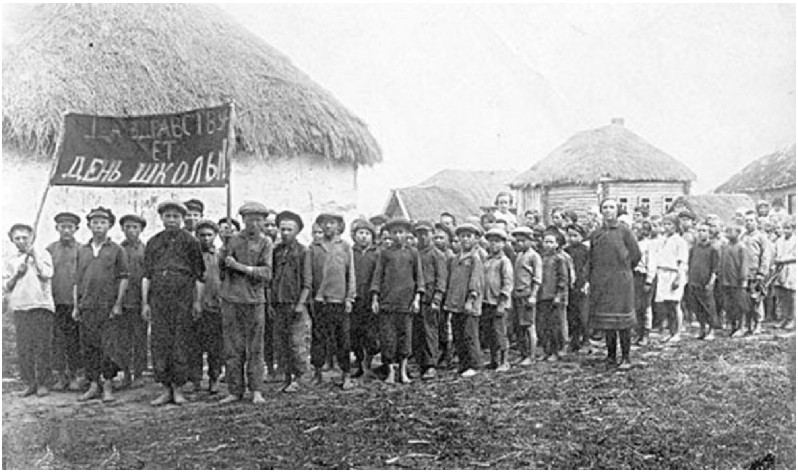
Георгий Евдокимович Ионочкин, Иван Кузьмич Муратов, Сергей Терентьевич Костыгин и ряд других. Недаром с появлением казаков Марчук спрятался на чердаке школьной сторожки (пищу передавали ему на проволоке через дымовую трубу).

Волостная большевистская ячейка была создана в Потапьеве в августе 1918 года. Ее представители гордились тем фактом, что в их селе временно проживала жена видного революционера Николая Васильева (из Тамбова), входившего в личную охрану В.И. Ленина. Укрывалась она в доме дьякона Глагольевского.

Первая в районе средняя школа

Продолжаю развивать свой тезис. Именно в Потапьеве в 1929 году организовался первый в районе колхоз, соответственно и названный «Передовик». На первых порах коллективное хозяйство насчитывало 17 семей и 9 лошадей. Председателем правления избрали Василия Евдокимовича Дрындина.

Именно в Потапьеве в 1933 году были образованы единственная на район машинно-тракторная станция и первая средняя школа, в которой в 1940 году получил аттестат зрелости будущий писатель Борис Можаев. И здесь ввели в обиход новый советский праздник – День школы, о чем свидетельствует старая фотография.



Новый советский праздник День школы

А осенью 1958 года местный коллектив учителей и учащихся выступил инициатором соревнования школ области за активное участие в выполнении принятых колхозами, совхозами обязательств по производству и сдаче мяса государству. При Потапьевской десятилетке были созданы утиная ферма и крольчатник (за учебный год выращено около 5400 голов птицы и двух тысяч кроликов!). За большую проделанную работу весной 1959 года решением бюро обкома КПСС и облисполкома Потапьевской средней школе объявлена благодарность, выделен комплект учебного оборудования на сумму 25 тысяч рублей, директор школы Заслуженный учитель РСФСР Василий Иванович Нефедов премирован именными золотыми часами. Кроме того, местные юные кролиководы стали героями кинохроники и публикаций центральных газет.

Правда, немного раньше страна узнала и о других потапьевцах. Местный оркестр русских народных инструментов под управлением Алексея Федоровича Кладинова, пройдя «сита» зональных, областных и региональных отборов Всероссийского смотра сельской

художественной самодеятельности, 1 апреля 1954 года выступил на сцене Большого театра в Москве, а по Всесоюзному радио прозвучала в его исполнении «Потапьевская полька» (авторство мне установить не удалось, ноты не сохранились). Также выступление оркестра попало и в киножурнал «Народные таланты», который прошел по кинозалам СССР. Таким образом, про наше село узнали во всех уголках Отчизны.

Именно в Потапьеве весной 1946 года приступили к строительству на реке Пет первой в Пителинском районе гидроэлектростанции (которое вскоре застопорилось, а затем и вовсе свернулось).

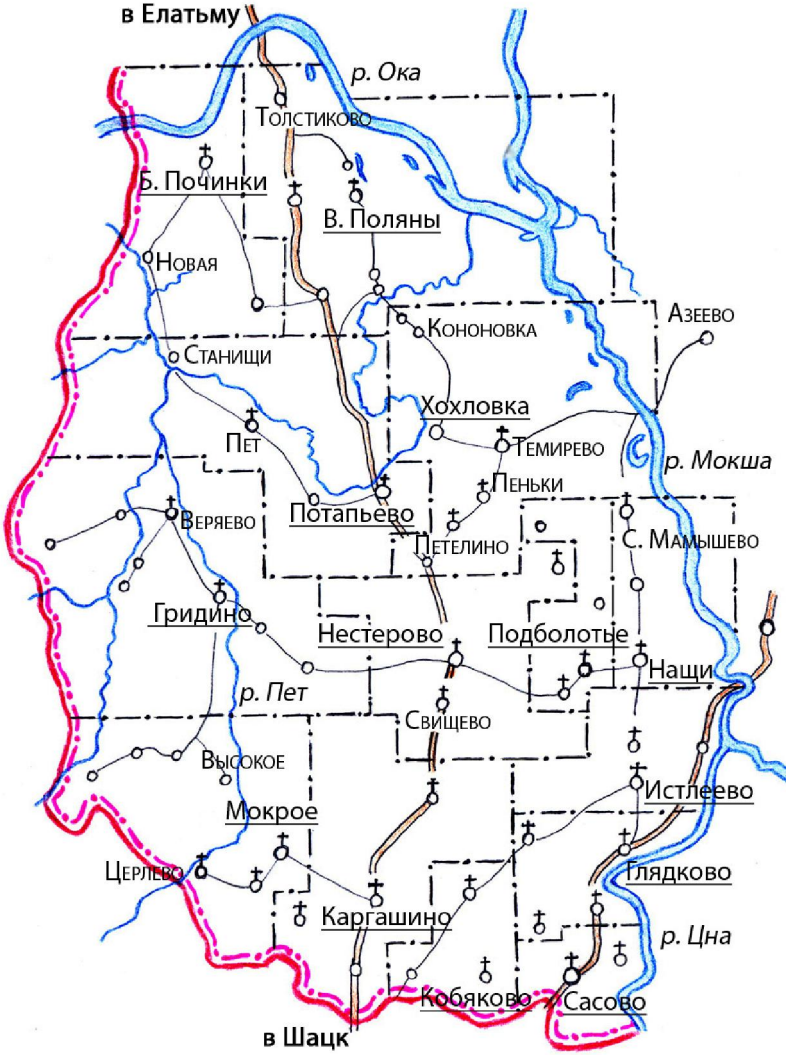
Теперь зададимся вопросом: могло ли Потапьево стать райцентром? Безусловно. И для этого имелись все предпосылки. Во-первых, село достаточно крупное – в то время здесь проживали 1840 человек. Во-вторых, удачно расположено на тракте в самом центре района, тогда как Пителино заметно смещено к юго-востоку. В-третьих, в наличии имелись практически все необходимые службы и казенные учреждения, а также единственная в районе больница и узел связи.

Так почему же не свершилось? Возможно, при выборе райцентра решающую роль сыграло наличие не казенных учреждений и социально-значимых служб, а тех самых заведений, где «пить велено»? А уж тут перевес был явно не в пользу Потапьева.

6. Входили прежде в Пителинский район Ольховка, Сосновка, Пырьи и Сион…

Пусть уходит в этой жизни многое,
Слово не стирается во прах.
Где-то рядом деревенька Брехово
И Россия – мужиков и баб.

С. Гераскин



Волостное деление по плану 1880 года

Первые годы после установления советской власти в молодой стране не прекращались административные преобразования. С 1917 по 1925 годы соответствующие постановления ВЦИК выходили одно за другим. Создавались новые волости и уезды, менялись их границы и названия.

Так, с 4 января 1923 года Елатомский и Шацкий уезды переведены в состав Рязанской губернии, а еще через год объединены в один – Сасовский. При укрупнении волостей Пителино в 1925 году становится волостным центром Сасовского уезда. Далее. 14 января 1929 года ВЦИК принял постановление «Об образовании на территории РСФСР административно-территориального объединения краевого и областного подчинения», в соответствии с которым в июле того же года была создана Московская область. В нее вошли и территории нынешних Тверской, Калужской, Тульской и Рязанской областей. Сейчас такое образование назвали бы федеральным округом.

И снова фигурирует число 5. Напомню, что в 1819 году Александр I из пяти центральных губерний создал плацдарм для осуществления административных реформ. Прошло чуть более столетия, и рязанщина опять оказывается втянутой в эксперимент. Увы, это будет случаться еще не раз. Вспомним хотя бы авантюрные обязательства руководства нашей области дать государству в 1959 году тройной план по мясу и двойной – по молоку. Тот почин чуть не поставил крест на животноводческой отрасли.

Между тем, в созданной Московской области начались административно-территориальные преобразования. Прежде всего, отменялись термины, оставшиеся от «проклятого царизма»: губернии, уезды, волости. 12.07.1929 г. в области было образовано 10 округов, в том числе и Рязанский. Округа делились на районы. Волостное село Пителино стало центром Пителинского района. Его границы несколько отличались от современных. Так, от ункорской зоны на юго-восток отходил узкий и протяженный клин, захватывающий

поселок 11-й Октябрь. Позже «аппендицит» вырезали, основная его часть отошла к Сасовскому району.

Наверное, никто еще не занимался подсчетами: сколько же населенных пунктов вошло в сформированный из бывших волостей (Нащинской, Подболотьевской, Мокринской, Гридинской, Нестеровской, Хохловской, Потапьевской, Высокополянской и Балушево-Починской) Пителинский район. И топографических карт с новым административно-территориальным делением не имелось.

Первая, составленная зем. партией под руководством старшего землеустроителя Пителинского райзо Ивана Ивановича Соколова, появилась в 1935 году. Карта Пителинского района Московской области в масштабе 1:25000 составлялась на основе материалов съемок послереволюционного периода. При внимательном рассмотрении она вызывает чувство недоумения: столько допущено неточностей и искажений! И почему-то отсутствует целый ряд небольших поселков и хуторов. Если, допустим, некоторые из них и обезлюдили к тому времени, то отнюдь не исчезли и должны быть показаны на карте хотя бы как нежилые строения.

Десятки лет я занимался подсчетами и уточнениями сел, деревень, поселков, хуторов, кордонов нашего района. Всего на разные периоды истории «всплыло» свыше 120 названий, а конкретно на 1929 год – 103.

Перечислять всю «золотую сотню» нет смысла. Укажу лишь те населенные пункты, которые давно прекратили существование. Впрочем, их следы не стерты окончательно с лица земли – даже спустя полвека после обезлюдения заметны подвальные ямы домов, низины бывших прудов и плотин, полузасыпанные колодцы, купы старых ветел и тополей. Остаются исчезнувшие

поселения и в названиях местности: Кенорский овраг, Бреховский бугор, Брюхатские кусты…

Пителинский район (план 1965 года)

Вот список обезлюдевших населенных пунктов, вошедших в 1929 году в Пителинский район. Деревни: Брехово, Володинка, Гоголовка, Демидовка, Ефимовка, Казановка, Самодуровка, Степановка, Филипповка, Хохловка (Гоголка); поселки: Активист, Алексеевка, Борнаки, Борцы, Выселки, Знаменский, Ижевский, Ирша, Кенор, Клиновский, Красное Знамя, Красный Восход (Пырьи), Лески, Луч, Маркины Дворики, Новосельцы, Новый Мир, Новый Свет, Ольгино, Петровский, Прудки,

Сион, Сухуша, Тихая Долина, Тройной, Тынор, Шатор, Швынка; хутора: Володин, Калинин, Мичурин, Титов, Фатьянов, Шмелев.

Многие из этого списка исчезли еще до войны, другие – в 50–60-е годы. Но появлялись и новые обозначения на карте района. На пустоши в 1932 году стал возводиться поселок – усадьба совхоза «Красный партизан», затем – поселок его отделения «Комсомолец» (пос. Полесье).

По принципу производственной необходимости во время Великой Отечественной войны появились поселки Ольховка и Торфболото, просуществовавшие до середины 60-х. Иные названия исчезли с карты по причине укрупнения населенных пунктов. Так, Спиридовка и Филинка вошли в состав Нового Ункора, Шибково и Синорма – в состав Пителина, Саверка – Темирева, Желудево – Потапьевской Хохловки, поселок Петского крахмального завода – Пета.

7. Райцентр. Как много это значит!

Итак, 12 июля 1929 года был образован Пителинский район Рязанского округа Московской области. А это значит, что на тот период наш край стал, хоть и дальним, но Подмосковьем. Впрочем, обыденная жизнь рядовых людей от смены вывески вряд ли изменилась.

А вот для села Пителина статус волостного, а затем районного центра сыграл большую роль. Рассмотрим, что здесь было до того и что появилось после.

Село состояло из улиц: Красной, Сенной, Садовой, Пушкина, Горького, Школьной, Толстого, Луначарского, Пролетарской. Имелось четыре пруда: Синельщиков, Зайцев и два на улице Красной (один напротив другого). Их тогда регулярно чистили, оберегали от захламления, берега укрепляли, обсаживали ветлами. Покрытие улиц сплошь грунтовое.

Новая экономическая политика, объявленная в 1921 году X съездом РКП (б), воодушевила многих предприимчивых людей на открытие своих небольших предприятий и кустарных промыслов. Так, в Пителине появились держатели чайных, пивных, колбасной, калашной, кузницы, шорной, а также колесники,

Вид на центр Пителина с улицы Красной

скорняки, мясники, скупщики живого скота и зерна. И большинство добротных кирпичных домов возведено в годы НЭПа.

«Да и так, само по себе изменилось село, поотстроилось за каких-нибудь последних семь-восемь лет – прямо не узнать. На месте осиновых да березовых, потемневших от времени изб с соломенными крышами, придавленными корявыми дубовыми приметинами, появились красивые кирпичные дома с высокими цоколями из белого тесаного камня; вместо земляных да глинобитных подвалов выросли кладовые с железными крышами; улицы камнем замостили, мосты перекинули через овраги. Вот они что делают, государственные кредиты да кооперация, да вольные промыслы, артели, торговля…» (Б.А. Можаев «Мужики и бабы» книга первая, глава 4).

Те же, кто кормился в основном за счет сельхозобработки земельных участков, зимой, когда бабы пряли лен и шерсть, ткали холсты и половики, уходили на дополнительные заработки в города, на Волгу и Каспий, либо занимались на своих лошадях извозом. Местные старожилы помнят сложившуюся тогда частушку: «Деревенский мужичок вырос на морозе, летом ходит за сохой, а зимой – в извозе».

Так что Пителино в двадцатые годы хорошело, отстраивалось. Но из казенных учреждений здесь можно назвать разве что аптеку. И вот райцентр. Как много это значит! Бывшее заштатное село сразу получило определенное преимущество для дальнейшего роста и развития по сравнению со своими «соседями».

Выпускной бал в Пителинской школе. 16.06.1941 г.

1929. Образованы райком партии и райисполком, контора райколхозсоюза и колхоз имени Крупской, правление районного потребительского общества.

1930. Закрыты обе церкви; деревянная приспособлена под склад райпо, каменная – под клуб, узел связи из Потапьева переведен в Пителино.

1931. Создана типография, учреждена районная газета «За колхоз».

1932. Открылись Дом колхозника и общественная баня.

1933. Смонтирована и пущена в здании хлебопекарни (у Зайцева пруда) дизельная электростанция с двумя двигателями (в 30 и 70 лошадиных сил) и двумя генераторами мощностью 22 и 51 киловатт. От ее тока в домах и учреждениях зажглись лампочки Ильича, заработал радиоузел. Построено красивое здание ветеринарной станции, напротив райкома и РИКа установлен памятник В.И. Ленину.

1934. Местная школа получила статус средней.

1935. Райбольница «переезжает» из Потапьева в Пителино.

Думается мне, что приведенных примеров вполне достаточно. Уже к концу тридцатых в райцентре сосредоточились все основные учреждения и службы. Отсутствие промышленных предприятий (к ним, и то с натяжкой, можно отнести лишь немеханизированный кирпичный заводик) в какой-то мере компенсировалось довольно развитой инфраструктурой, представленной кооперативными артелями и кустарями.

Наиболее крупными по численности работников и по выпуску валовой продукции являлись: сапожная артель «Красный обувщик», объединившая 39 работников под руководством А. Пришивцева, швейная артель имени Кирова (38 человек в штате, руководитель М.И. Фатьянова), артель «Печатник» (29 человек в штате, руководитель Н.К. Смирнов), «Рыбпром» (руководитель А.И. Гусев) с годовым объемом реализации рыбы свыше 300 центнеров, обозно-ремонтная мастерская. Местная

телефонная станция обслуживала около 150 абонентов, из которых одна треть находилась в самом райцентре.

По результатам Всесоюзной переписи населения 1939 года в Пителинском районе проживали 35344 человека. Что в нем имелось? Райвоенкомат (образован в 1939 году), две средних, девять неполных, 32 начальных школы, две райколхозшколы, две школы кройки и шитья, школа взрослых повышенного типа, Дом пионеров, Дом культуры, 20 клубов и 34 избы-читальни, девять библиотек.

8. Передел собственности по-советски

Надо признать, от прежнего режима Пителинскому району досталось солидное наследство. Конечно, многие усадьбы и экономии подверглись разграблению еще в первый смутный и разгульный послереволюционный год. В слепой ярости разрушения громились крахмальные, винокуренные, кожевенные заводики, вырубались красиво разбитые парки и ухоженные сады.

Вот как описывает Б.А. Можаев участь гридинской экономии князя М.П. Волконского в романе «Мужики и бабы» – хронике местных событий 1929–1930 годов: «А от барских скотных дворов и конюшен, стоявших когда-то на берегу обширного пруда, остались одни фундаменты – стены раскатали по бревнышку и растащили еще в восемнадцатом году. И яблони в саду порезали, а то и с корнем повыкопали и растащили. О саде напоминали заломанная сирень да липовые аллеи».

В тот же год и в той же округе разгромили постройки, разворовали инвентарь и вырубили липовые аллеи на хуторе Лебедева, в Ермо-Николаевке зачем-то порубили ухоженный сад барыни Звонковой. Разоренными оказались экономии Балашова, Воейкова и ряд других. При погроме спиртзавода Шемякина (близ Новой

Деревни) разбили все емкости в спиртохранилище. Погромщики перепились. В суматохе то ли нечаянно, то ли намеренно возник пожар. Растекаясь, огненный поток наполнял местный ручей Петраковку.

В образцовой усадьбе шибковского помещика Скобельцина в 1919 году развернула деятельность так называемая коммуна, основанная касимовскими речниками и пришлыми рабочими. Хозяина усадьбы из родового гнезда, разумеется, выселили. За четыре года деятельности коммуны словно сам собой перевелся породистый скот, оскудели прежде тучные нивы и бахчи, заметно поредел сад, а красивый особняк превратился в грязный барак.

Хоромы барыни Звонковой послужили базой для молокозавода (с. Ермо-Николаевка)

Но кое-что от «старого режима» уцелело. Так, Нестеровский винокуренный завод, выпускавший 20400 ведер сорокоградусной в год, остановился лишь весной 1921-го. Продолжали действовать три крахмальных

завода, кирпичные и черепичные заводики, несколько ветряных, пять водяных (на р. Пет) и две паровые (Пителино и Фалеевка) мельницы, сохранились обширные сады (в народе их по старой привычке звали барскими): в Чубаровском Ункоре, Сионе, Свищеве (два), Соколове, Брехове, Больших Прудищах, Савро-Мамышеве, Больших Мочилах, Шибкове, Потапьеве, Новосельцах, Пету, Михайловке, Гридине, Веряеве, Новой Деревне, Терентееве, Жуковке и на хуторе Черного Барина. Многие из них позже попали в разряд колхозных. Думаю, что большинство нынешних пителинцев даже не представляет вкуса и аромата тех знаменитых когда-то на округу сортов: антоновка, апорт, скрежапель, «мирончик», «титовка», «медвежье ушко», «бель», «бабушкино», «красновка».

Конфискованные дома депутата Госдумы Никиты Григорьевича Осичкина (с. Веряево)

Советская власть активно занималась решением экономических и социальных вопросов. Из документов Рязанского окружного исполкома за август 1930 года можно выявить следующие сведения: в районе с населением 48460 человек имелось 20 школ I ступени, 2 школы грамоты для взрослых, 10 пунктов ликвидации

неграмотности, совпартшкола, профтехучилище, 4 кружка самообразования, школа кройки и шитья, народный дом, 3 избы-читальни.

Большая работа велась на местах по организации колхозов и установлению социалистических отношений в деревне. Планомерно увеличивалось в районе количество прокатных пунктов. Если на 1 октября 1929 года при комитетах крестьянской общественной взаимопомощи их насчитывалось всего четыре с 30 сельхозмашинами, то через год – уже 16 с 78 машинами.

Праздник Красной борозды в Пителине. 1.05.1934 г.

Постановлением Мособлисполкома от 10.04.1933 в районе организована машинно-конная станция из 40 лошадей. Она оказывала помощь не только колхозам, но и единоличным бедняцко-середняцким хозяйствам, имевшим большие земельные площади и испытывавшим недостаток в тягловой силе. Чуть позже образовалась и

районная машинно-тракторная станция, оснащенная 30 тракторами марки ХТЗ, ЧТЗ, НАТИ и «Универсал-2».

24 октября 1933 года состоялся первый слет колхозников-ударников района, собравший 150 делегатов. Слет обсудил итоги сельскохозяйственного сезона. В постановлении указывалось, что «план весеннего сева выполнен на 22521 га вместо 21350, поднято паров 1100 га, дважды проведена прополка всех зерновых и технических культур. Своевременно закончена уборка сена, зерновых и картофеля. Полностью выполнен план сенозаготовок – 3500 т, перевыполнен план сева озимых (14057 га вместо 11500) и подъема зяби (12700 га вместо 11000)».

За ударные темпы и качество работ, выполнение заданий в срок Пителинский район трижды заносился на областную Доску почета (за весенний сев, сдачу ржи и выполнение плана картофелепоставок), получил 45 жаток и 30 тракторов для МТС.

При колхозах (а их в начале 30-х насчитывалось более 60) начали открываться детские ясли, медпункты, избы-читальни. Причем, для этого и строить-то ничего не приходилось. Причина проста. После выезда и высылки помещиков и лавочников, раскулачивания зажиточных крестьянских семей осталось изрядное количество пустующих домов. Чтобы проиллюстрировать, как это происходило, приведу две небольшие цитаты. Первая – из официального донесения первого секретаря Пителинского РК ВКП (б) тов. Васильченко от 30.01.1930 г. в вышестоящие органы:

«Для разъяснения вопроса о раскулачивании нами созвано районное совещание. Ячейки тоже обсуждают этот вопрос и присылают нам списки лиц, подлежащих раскулачиванию. Имущество пока мы не отбираем, так как не знаем, куда его распределять. Правда, мельницы

мы все отобрали. Когда закончим коллективизацию, тогда и будем брать имущество. По району пока закрыто пять церквей под хозяйственные и культурные нужды».

Как видим, к началу 1930 года все мельницы уже отбраны у владельцев. Нынешним поколениям трудно даже представить: насколько сложными инженерно-техническими сооружениями они являлись. И места для установок ветряных и водяных мельниц выбирались очень тщательно. К такому шагу крестьянская семья готовилась порой годами, учитывая большие затраты на постройку и возможные риски.

И вот одним небрежным росчерком пера отнимаются ветряные мельницы у Павла Федоровича Пескова в селе Новый Ункор, Якова Ивановича Корнышова (Большие Мочилы), Прокофия Ивановича Лактюнькина (Пеньки), Василия Емельяновича Шемарова (Подболотье), Степана Яковлевича Кочеткова (Свищево). Ну, а в Нестерове, Пителине, Обухове и Савро-Мамышеве конфискованы они еще раньше. Я сильно сожалею, что не успел увидеть в родном краю ни одной из этих величавых красавиц!

Благополучно завершить сплошную коллективизацию, как намечалось, не удалось. Допущенные перегибы и правовые нарушения привели к стихийному крестьянскому восстанию, охватившему в феврале 30-го и район, и его окрестности, и вызвавшему резонанс во всей центральной части России. После его военного подавления началась расправа.

12 активных участников Веряевского восстания были приговорены к высшей мере наказания, 7 – к 10-летнему тюремному заключению, более сотни – к высылке в отдаленные регионы страны (с полной конфискацией имущества). Власти спешно позакрывали почти все православные храмы (как места сбора инакомыслящих), более жестко повели линию раскулачивания. О

Веряевском восстании и его трагических последствиях написано немало. Я же приведу очередную цитату из романа-хроники Б.А. Можаева «Мужики и бабы».

«Ударная кампания по раскулачиванию в Тихановском районе благополучно завершилась за две недели. Всех, кого надо было изолировать, – изолировали, кого выслать за пределы округа, – выслали, кого переселить в пустующие теперь уже государственные, а не кулацкие дома, – переселили, которые дома занять под конторы, – заняли» (книга вторая, глава 13). Под Тихановым писатель выводит Пителино. А вот как описывает он те же события в документальном очерке «Мужик» (1990 г.):

«Какие умельцы проживали в селах! Тут были и плотники, и столяры, и каменщики, и штукатуры, и токари, и слесари, и бондари, и колесники, и санники, и печники, и ткачи, и портные, и механики, и капитаны с пароходов… И все это были – крестьяне. Да, да, те самые крестьяне-умельцы, которых объявляли кулаками и давили, как клопов.

Ну, а кулаки были? Были, особенно в Пителине, торговом селе: двенадцать магазинов и лавок держали они, две колбасных, сыроварню, два трактира, чайные да булочные, да калашные. Но позакрывали они свои заведения и уехали в города в двадцать восьмом году: Серов, Зайцев, Волгарев, Рашкин и многоие другие, прекрасные дома оставили».

Все так. А их опустевшие жилища поступали в распоряжение сельсоветов и колхозов.

Так, сын и племянник торговцев хлебом Александр Андреевич Швецов, чтобы «подправить» биографию, в 40 лет уехал в Сибирь на Кузнецкстрой. А когда через полтора года (январь 31-го) вернулся в Пителино, обнаружил, что в его двухэтажный дом заселился отнюдь не рядовой сотрудник милиции. Практически тут же

Швецова арестовали и вместе с дядей (человеком довольно пожилым) отправили в пятилетнюю высылку в

Дом торговца хлебом И.Ф. Федяева отвели со временем под контору совхоза «Мокшинский»

казахстанские степи.

Новый добротный кирпичный дом заблаговременно уехавшего колбасника Федора Андреевича Сидорова (Ермо-Николаевка) стал сельским клубом (в подвале, где прежде висели колбасы, открылась бильярдная); в просторных кирпичных домах репрессированных Федора Федоровича Юшина (Веряево) и Егора Егоровича Кленина (Новый Ункор) оборудовали маслозаводы, в домах Ивана Александровича и Михаила Владимировича Фатьяновых (Соколово) устроили школу и избу-читальню, уютное жилье владельца мелочной лавки Петра Алексеевича Колобаева (Ермо-Николаевка) отвели под контору колхоза; двухэтажные кирпичные особняки держательницы «Чайной» Варвары Артемовны Умняшкиной и колбасника Ивана Александровича Сергунина (Пителино) заняли под райколхозсоюз и жилые квартиры и т.д.

Не оставались пустыми и помещения закрытых храмов. Иные из них служили семенными пунктами, складами, иные – мехмастерскими и кузницами, в лучшем случае (как в Пителине и Нестерове) – сельскими клубами.

Надо сказать, что и до сих пор многие учреждения района «прописаны» в бывших частных домах (и редакция районной газеты в том числе).

9. Как раскулачивали

К 1930 году ни помещиков, ни купцов на пителинской земле не осталось. Из последних сил держались мелкие торговцы скотом, хлебом, лавочники и держатели чайных, кустари-ремесленники да крепкие крестьянские хозяйства (их бы сейчас назвали фермерскими).

1.02.1930 г. выходит в свет Постановление ЦИК и СНК СССР о сплошной коллективизации и борьбе с кулачеством, отменяющее закон об аренде земли и применении наемного труда, разрешающее конфискацию имущества кулаков и их выселение. Отныне финансовые отделы, сельсоветы и комитеты бедноты своими решениями могли ставить ярлыки, выносить приговоры: кого считать середняком или зажиточным, а кого – «антисоветским элементом».

Кулаков (а их на самом деле было немного – 3-4 процента крестьянства) в колхозы не брали, а после конфискации имущества (вплоть до одежды и кухонной утвари) высылали в самые отдаленные уголки страны. Середнякам и зажиточным, не желавшим вступать в коллективные хозяйства, доводили твердые задания в денежном или натуральном эквиваленте, в случае невыполнения которых у них могли отрезать землю, изъять в счет погашения задолженности часть имущества. А терять этой категории крестьянства было что. Середняк перед колхозником выглядел богачом –

две-три лошади, три-четыре коровы, мелкий скот, более производительный сельхозинвентарь. Но не следует забывать, что и семьи тогда насчитывали по 10-15 человек – по сути колхозная бригада.

Первоначально под определение кулацких в районе попало 49 хозяйств. За последующее пятилетие это число возросло почти втрое – за счет середняков. Их просто безжалостно «вымолачивали», отнимая все нажитое, оставляя буквально без крыши над головой. А чтобы лишить крестьянство духовной опоры, районные власти нанесли первый удар по религии и служителям культа.

Помимо закрытия пяти церквей, политическим репрессиям подверглись десять священников. Их раскулачили, иных выслали за пределы области. Одним из первых пострадал «за веру» настоятель нестеровского храма Алексей Сергеевич Карпинский (1882-1935). Еще в конце 1929 года у него «как служителя культа, имеющего нетрудовой доход» отняли дом с амбаром и баней, пасеку, домашний скот и птицу. В поповском доме разместили школу (он вскоре сгорел). После таких потрясений священник прожил недолго.

Теперь о мельниках. О них уже шла речь в предыдущей главе. Ветряные мельницы у Павла Федоровича Пескова из Нового Ункора, Якова Ивановича Корнышева из Больших Мочил, Василия Емельяновича Шемарова из Подболотья отобрали еще в конце 1929-го. Тем не менее их внесли в списки зажиточных, обложили твердыми заданиями, выполнить которые, не разорившись, было невозможно. Нормы на свое усмотрение, «с потолка», устанавливали местные активисты.

Песковым не могли простить их привилегированного (еще с царских времен) положения. Отец мельника Федор Павлович за свою рассудительность и степенность избирался волостным старшиной, гласным (депутатом)

Елатомского уездного собрания от сельских обществ, членом уездной землеустроительной комиссии и земской управы (от крестьян). За срыв хлебозаготовки и невыполнение гарнцевого сбора (плата в натуральной форме, взимаемая государством за помол зерна) у Павла Федоровича и Февронии Яковлевны отобрали дом и скот. Решением оперативной тройки Пителинского района от 16.07.1931 г. их вместе с детьми (семь человек) выслали на спецпоселение в Кемеровскую область.

Особняк торговца Андрея Алексеевича Шишкова приютил сельскую администрацию и библиотеку (с. Высокие Поляны)

Яков Иванович Корнышов имел добротный дом, амбар, конюшню, двор, три лошади, три коровы, три свиньи, овец, птицу, 50 ульев, жнейку, купленой земли, лугов и леса 8 гектаров. Сельхозналог на него постоянно повышали, а в 1932-ом увеличили сразу вчетверо! Тем не менее бывший мельник его выполнил.

14.03.1933 г. Президиум Пителинского райисполкома постановил признать хозяйство Корнышова кулацко-зажиточным. Соответственно возросло и твердое задание, с которым Яков Иванович уже не справился. Последовала полная конфискация имущества. Чтобы не попасть под суд, бывший мельник тайно уехал в город Дзержинск. Его семье (11 человек) из всех построек оставили только баню, где она проживала семь лет.

Не церемонились власти и с Шемаровыми. Василию Емельяновичу, сражавшемуся в 1919-1920 годах в рядах Красной Армии, припомнили другое. А именно то, что, воспользовавшись благоприятным временем НЭПа, он заимел ветряную мельницу, конную молотилку, просорушку, 17 га пашни, 15 – лугов, 7 – леса, 10 лошадей, 5 коров, нанимал работников. И все это он отдал в колхоз, где сам устроился мельником.

Видимо, беднота не могла простить В.Е. Шемарову былого богатства. В 1933 году его из артели исключают и доводят твердое (трудно выполнимое) задание по семенам. За неполную засыпку страхсемфонда конфискуют деревянный дом под железной крышей, амбар, кладовую. Сам хозяин и его старший брат Иван попадают под суд как саботажники и приговариваются к трем годам лишения свободы.

За ударную работу В.Е. Шемарова освободили досрочно. При возвращении в Подболотье его снова включили в список зажиточных (а что, спрашивается, у него осталось?). Подал жалобу в Пителинский райисполком. Там ее рассмотрели и удовлетворили, вынесли решение: считать хозяйство Шемарова середняцким, трудовым. Даже сельхозобложение сняли. Но местная партячейка и активисты продолжали гнуть свою линию. Пошли в ход доносы. Они сработали.

21 января 1938 года В.Е. Шемарова арестовали по обвинению в том, он «является активным участником контрреволюционной повстанческой группы, среди населения вел пораженческую агитацию, высказывал террористические настроения против руководителей ВКП(б) и членов правительства». Постановлением тройки при УНКВД СССР по Рязанскому округу от 14.02.1938 г. он был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в ночь на 8 марта 1938 года. Семеро детей остались сиротами, и восьмая – Людмила, родившаяся через полгода после смерти отца.

В лавке раскулаченного С.Н. Волгарева разместился магазин (с. Высокое)

Лишилась кормильца и крыши над головой семья (из пяти человек) жителя села Большие Прудищи Ивана Ивановича Шевякова. До 1929 года он имел земли наделенной и арендованной 6 га, две лошади, корову, пасеку из семи пчелосемей, конную молотилку на два двора, веялку, просорушку, нанимал сезонных рабочих. Разумеется, комитет бедноты записал Шевяковых в зажиточные и обложил повышенным сельхозналогом.

Спустя год пленум Большепрудищенского сельсовета принял резолюцию: «За невыполнение твердого задания по сдаче огородных семян изъять в счет штрафа 300 руб. имущество И.И. Шевякова: молотилку со всеми принадлежностями за 230 руб., теленка за 30 руб.,

поросенка за 30 руб., веялку за 20 руб. и передать их колхозу».

Очередное извещение из сельсовета предупреждало, что если не будет сдана корова на мясозаготовку и не уплачен штраф 552 рубля, то будет изъято имущество и последует привлечение к уголовной ответственности. Корову пришлось сдать, а в качестве небольшой задолженности у Ивана Ивановича взяли в пользу колхоза стиральный тазик (?!) и самовар.

Как тут не вспомнить ставший хрестоматийным (благодаря перу Б.А. Можаева) рассказ Ф.С. Каткова о конфискации у пеньковского псаломщика самовара: «Пока несли в сельсовет, у него дудка отвалилась, то есть кран…»

На 1932 год И.И. Шевякову довели твердое задание на сдачу в семенной фонд 10 пудов овса, 1 пуда вики, 32 фунтов семян конопли; 66 пудов по хлебозаготовке и культсбор – 29 р. 33 коп. Задание выполнить он не смог и попал под раскулачивание. К тому времени у него оставались: дом кирпичный, баня, амбар, 1 свинья, 1 телка, 1 овца. Также в опись подлежащего конфискации имущества включили: шкаф – 1, столов – 3, чугунов – 4, ведер – 2, кадушки – 3, кровать – 1, табуретки – 4, пиджак шубный – 1, поддевка женская – 1.

«Ну разве это не кулаки, не мироеды?!» - воскликнет наиболее радикально настроенная часть читателей. К чему спорить, лучше обращусь к фактам.

Яков Никитич Шевяков из тех же Больших Прудищ до революции на своих плечах поднял крепкое хозяйство: располагая 4 десятинами земли, содержал двух лошадей и корову. За годы НЭПа справил новый дом, обзавелся просорушкой и молотилкой, благо подрос помощник и наследник – первенец Иван. Категорически отказался вступать в колхоз. Как крестьянина-единоличника его

сначала обложили твердым заданием, затем отрезали землю, в счет уплаты сельхозналога забрали просорушку, молотилку и скот.

А в начале 32-го отца и сына арестовали. И вскоре из сельского Совета пришли описывать имущество репрессированных. Запись в акте об изъятии гласит: дом кирпичный, крытый железом, в нем печь русская, грубка, стол деревянный, двойные рамы; двор деревянный, ветхий; баня обгорелая; муки 2 пуда.

Дочь Ивана Яковлевича – Валентина Ивановна позже вспоминала: «После ареста кормильцев семья: бабка-инвалидка (рука покалечена и глаз один незрячий), мама и четверо детей (от одного года до восьми лет) осталась без средств. А с нее требовали ссыпки семян и мясозаготовки. Откуда что взять, коль сами голодали! Вот и выбросили нас в марте тридцать второго на улицу. Мама говорила, что конфискованная у нас мебель разошлась по домам местных руководителей, а большой двухстворчатый шкаф долгое время стоял в райисполкоме. В селе нас жалели, по очереди кормили и пускали на ночлег. Папу обвинили в участии в контрреволюционной группе, а он политикой никогда не занимался и из села никуда не выезжал. Умел только хорошо работать. После тюрьмы он три года трудился на социалистических стройках, получил положительную характеристику. В ноябре 41-го отца взяли на фронт, а через полгода он погиб».

Какие-либо комментарии к воспоминаниям Валентины Ивановны, думаю, излишни. Не приведись никому такое пережить! А ведь ее семье в какой-то мере еще повезло – десятки других отправили на спецпоселения в отдаленные и гиблые регионы страны в полных составах, включая и малолетних детей. Причем, разрешалось с собой брать немного – одежду, ту, что на плечах, да

узелок с документами, дорогими сердцу фотографиями и нехитрыми харчами на первый день пути.

По грубым подсчетам раскулачиванию в Пителинском районе подверглось около 400 крестьянских хозяйств.

10. Забытая узкоколейка

О том, что на западных окраинах Пителинского района до Великой Отечественной войны и вплоть до пятидесятых годов действовала узкоколейная железная дорога, я слышал давно и не раз. О ней мне рассказывали старожилы из Веряева, Синюхино и Станищ. Верилось с трудом. Позже обратил внимание, что охотники для обозначения тех или иных мест используют какие-то кодовые названия: «35-й», «43-й», «48-й». Что это? Может, лесные кварталы? Нет, километры, вернее, наименования товарных станций узкоколейки. В то, что она существовала, поверил сразу, увидев прямую, как стрела, просеку с остатками насыпи посередине. По ней пролегала когда-то (с запада на восток) магистраль от поселка Белореченский (Шиловский район) до поймы реки Пет. Окончательно разобраться с узкоколейкой помогла карта 1940 года, выпущенная Московским аэрогеодезическим предприятием, которую увидел у знакомых рязанских краеведов.

Попробую словесно «нарисовать» для читателей схему таинственной и практически забытой железной дороги. Начиналась она от станции Назаровка. Отсюда магистраль уходила строго на север через деревню Дубровка, затем огибала с востока большое село Мелехово и снова устремлялась на север до 43-го километра. Глядя на карту, подмечаешь, что «железка» явно избегает населенные пункты, разветвляется в густых лесных чащах. И, действительно, узкоколейка

прокладывалась не для пассажирских перевозок, а являлась чисто лесовозной.

Первая товарная станция «14-й км» находилась на пересечении с автодорогой Мелехово–Пертово. Вторая «24-й км» – возле поселка Земледелец, третья «35-й км» – напротив села Лубонос (здесь впоследствии возник поселок Веряевского лесничества), четвертая «43-й км» – поселок Увязского лесничества (ныне поселок Белореченский). Далее магистраль поворачивала на восток. На этом участке стояла перевалочная станция «48-й км» (территория Шиловского района). Почему перевалочная, объясню позже. А заканчивались пути у цехов лесопильного завода, возле поселка Шатор.

Увы, но, думаю, для многих название «Шатор» уже ничего не говорит. Место это давным-давно опустело. Поселок строился в середине 1920-х годов на берегу одноименного ручья в двух километрах от деревни Станищи. С 1926 года здесь стала действовать сельхозартель «Шатор», преобразованная в тридцатые в колхоз. На 1940-й год в поселке насчитывалось 12 домов. Обезлюдел он уже в шестидесятые. Местный лесопильный завод (в народе он почему-то получил очень не благовидное название «Мудышкина фабрика») изготавливал клепки для кадок и бочек, дранку, щепу и прочие пиломатериалы. Возглавлял предприятие некто Жуков (имя старожилы затруднились назвать), брат первого директора совхоза «Красный партизан» Ивана Григорьевича Жукова.

От магистрали узкоколейки в леса отходило несколько веток. Так, от станции «35-й км» проложили пути на северо-восток. Они оканчивались возле кордона Мичурин (Пителинский район) – место, обжитое на протяжении ста лет. Известно, что в середине XIX века там уже находился хутор (6 жителей) под интригующим

названием Вилы. Последний владелец местечка дворянин Сергей Львович Мичурин слыл за энергичного и оборотистого человека. Вместо глухого хутора при нем наладилась экономия (крупное помещичье хозяйство) с большим садом, винокуренным, лесопильным и конным (упряжной породы) заводами. Как говорится, свято место не бывает пусто, а особенно такое – с обширным садом, крепкими постройками, прудом и колодцем. И в советское время здесь учредили лесной кордон.

Как вы заметили, мы не только путешествуем по старинной железной дороге, но и во времени, совершая исторические экскурсы. На полпути от станции «35-й км» до станции «43-й км» в обе стороны от магистрали отходили ветки (восточная заканчивалась примерно на границе нашего района). От Увязского лесничества на северо-запад уходила длинная ветка, которая затем делилась по направлениям: на поселок Пролетарский (Шиловский район), деревни Кулово и Сиверка (Касимовский район). От перегона «43-й км» – «48-й км» уходило ответвление на север к поселку Лесной.

Наконец, станция «48-й км». Почему я назвал ее перевалочной. Одна ветка отходила от нее на северо-восток, через поселок Тройной в сторону Станищ, другая – на юг, делясь затем по направлениям к поселку Ижевский, деревне Степановка и поселку Борцы. Эти населенные пункты когда-то украшали наш район, но давно опустели, оставив едва уловимые зримые следы своего существования. На 1940 год в Тройном насчитывалось 29 домов, в Ижевском – 15, Степановке – 13, Борцах – 13.

По моим подсчетам, протяженность магистрали составляла около 55 километров (а вместе с ветками – под сотню). Строили ее в тридцатые годы. На прокладке путей и лесозаготовках широко использовался труд

заключенных (а после войны – и военнопленных). Вдоль железки размещались исправительно-трудовые лагеря. Очевидно, поэтому узкоколейку запроектировали подальше от населенных пунктов.

Бараки с «зеками» стояли на 32-ом, 41-ом километрах магистрали, на ветках на поселок Лесной и на поселок Ижевский. Последний из перечисленных лагерей располагался на территории Пителинского района. Глухое место в Покровском лесу, на границе Пителинского и Шиловского районов, называется Австрийская Могила и находится недалеко от бывших бараков 32-го километра. Вероятно, там захоронены военнопленные, надорвавшие силы и здоровье на лесозаготовках.

К началу 1950-х экономика страны была почти восстановлена после тяжелой войны, топливный кризис остался в прошлом. А по Назаровской узкоколейке в основном перевозились именно дрова. Спрос на них упал, железная дорога вошла в разряд неперспективных. Власти поставили на ней жирный крест. Рельсы и шпалы разобрали и частично использовали при строительстве другой узкоколейки во Владимирской области. Туда же в последствие перегнали и весь передвижной состав.

Считаю, при ином укладе экономики, более повернутом к нуждам граждан, Назаровская железная дорога могла бы еще принести немалую пользу, послужить для пассажирских и грузовых перевозок (с учетом доведения ее до населенных пунктов). Вспомним, кстати, весьма важную роль водных артерий с дешевым речным транспортом – увы, и это осталось в прошлом. Ведь одной из главных проблем сельской глубинки было и остается отсутствие дорог. Думаю, своевременное перепрофилирование узкоколейки позволило бы

сохранить десятки ныне исчезнувших с лица земли близлежащих от нее сел и деревень.

11. Строительство межколхозной ГЭС

В марте 1952 года, как отмечала районная газета «Колхозная жизнь», колхозники сельхозартели «Красное знамя» (Высокие Поляны), имени Чкалова (Кононовка), «Заветы Ильича» (Ермо-Николаевка) завершили строительство межколхозной Ермо-Николаевской гидроэлектростанции на реке Пет мощность 42 киловатта. Пущена в работу первая турбина. Электроток дан в Высокие Поляны. Электролампочки горят в правлении колхоза, сельском Совете, на двух конных дворах и в домах колхозников.

Факт интересен сам по себе. Но еще интереснее предыстория. Из архивных документов выяснилось, что построить и пустить в действие эту ГЭС планировалось еще в 1947 году. Насколько трудной оказалась задача, можно судить по протоколам общих собраний колхоза имени Чкалова – главного инициатора электрификации собственными силами. Эти документы хорошо иллюстрируют ход всего строительства в целом. Итак, обратимся к фактам.

Принятый на общем собрании колхозников план Четвертой пятилетки (1946-1950) включал в себя в разделе строительство: возведение конного двора на 40 голов, овчарника на 200 голов, птичника на 300 штук птицы, изолятора на 10 голов, зимовника для пчел на 150 пчелосемей, картофелехранилища, клуба и общественной бани, а также участие в постройке Ермо-Николаевской ГЭС на реке Пет, чтобы к 1947 году электрифицировать дома колхозников. Как видим, намерения серьезные. Однако, как говорится, просто было на бумаге…

Плавно миновали 1946, 1947, 1948 годы, но лампочки Ильича в округе так и не зажглись. Почему?

Заглянем в протокол общего колхозного собрания от 2.06.49. Главным вопросом повестки дня стоял вопрос о строительстве совместно с колхозом «Заветы Ильича» межколхозной ГЭС. В ходе непродолжительного обсуждения решили: «Для быстрейшего начала работы по строительству гидроэлектростанции уполномочить в Ерахтурское лесничество тов. Митюхина Н. И. Закончить строительство к Октябрьским праздникам 1949 года».

Как же так? Речь идет только о **начале** работ?! Значит, три предыдущих года ушло на «раскачку»? И еще вопрос: почему же «Колхозная жизнь» сообщает, что строительство завершено только в 1952? Продолжаем держать в фокусе внимания колхоз имени Чкалова.

На общем собрании (присутствовало 97 человек) 12 декабря 1949 года председатель колхоза Трофим Егорович Синявкин докладывал: «Перед нами поставлена серьезная задача – это строительство электростанции на речке Пет с колхозом «Заветы Ильича» и совхозом «Красный партизан» из расчета долевого участия. Совхозу – 22 киловатта, колхозу «Заветы Ильича» – 10, имени Чкалова – 10». Колхозник Иван Егорович Мишаков высказался за строительство, поскольку оно включено в Госплан (странно, согласно решению общего собрания от 2.06. объект должен уже находиться в эксплуатации, а разговор ведется о том: возводить его или нет). В итоге постановили включиться в строительство гидроэлектростанции, выделить на эти нужды потребное количество тягловой и рабочей силы, просить отделение сельхозбанка отпустить колхозу долгосрочный кредит в сумме 30000 рублей.

В конце концов строительство началось. Об этом свидетельствует протокол общего собрания от 28.02.50,

на котором рассматривался вопрос о срывах нарядов по заготовке лесоматериалов. Находились люди, которые, видимо, в силу своих семейных обстоятельств не могли по неделям работать на лесозаготовках вдали от дома. Наказывали их жестоко. Цитирую: «За категорический отказ выполнять наряды по заготовке лесоматериалов Гришина Козму Даниловича и Мишанькина Владимира Степановича исключить из состава членов сельхозартели со всем семейством, лишить приусадебных участков и запретить выпас скота на пастбищах колхоза». Люди постарше хорошо представляют серьезность таких мер.

Наступила весна. 18 апреля, выступая перед колхозниками, председатель правления Синявкин в очередной уже раз отмечает, что строительство ГЭС имеет для колхоза большое значение. Далее цитирую: «Но у нас на сегодня много не сделано зимних работ, в особенности не вывезен лес с Монашки». Для быстрейшего заканчивания всей работы правление колхоза решило создать постоянную плотницкую бригаду в количестве 10 человек и обеспечить им гарантированный минимум оплаты трудодней, заработанных на земляных работах котлована, срубки турбинной камеры и забивки свай – по одному килограмму хлеба на трудодень.

Спустя месяц председатель сельхозартели заявляет: «Отмечая серьезное значение государственного строительства, довожу, что на сегодняшний день у нас дела со строительством обстоят плохо. До начала уборки лугов и хлебов требуется закончить забивку свай и рытье котлована до 6 июня. Для чего привлечь всех трудоспособных мужчин на забивку свай по три человека в день согласно установленному графику».

Прошли Октябрьские праздники 1950 года, приближались очередные 1951-го, а до пуска турбин

оставалось еще далеко. В начале осени, правда, приступили к прокладке линий высокого и низкого напряжений, но застопорилось дело с вывозкой из леса бревен под столбы (а их требовалось более сотни).

8 октября специально созданный руководящий орган – межколхозный совет – принял решение выслать на плотину три подводы и людей для подвозки хвороста, на завалку плотины землей и другие работы. В связи с этим, правление колхоза имени Чкалова закрепило на строительстве постоянных людей, установив им дополнительную оплату зерном. Первую партию составили: Е. Е. Кособоков, В. И. Романов, А. М. Горина, Н. А. Чиркова, М.Т. Фомкина, В. Ф. Ивакина, Н. А. Савельева, Е. Савельева, А. Аникеева. Они обязаны были отработать на объекте 10 дней, после чего заступала новая вахта. «В случае невыхода на работу, срыва наряда – взыскать по 25 рублей и удержать по 5 килограммов зерна» – записали на всякий случай в решении правления. Как видите, на довольно тяжелые работы направили в основном женщин.

Наконец, 23 октября 1951 года председатель колхоза Синявкин бодро заявил, что осталось недоделано немного (завалка плотины, небольшая прочистка русла и установка линии до колхоза) и что намечено пустить первую турбину к 7 ноября. Другими словами, вновь предпринималась попытка отрапортовать о завершении работ к очередному празднику Великого Октября. Увы, и она провалилась.

Как мы уже знаем, первая турбина будет пущена лишь весной 1952 года. В свое оправдание Трофим Егорович Синявкин отмечал позже, что колхозники в большинстве своем работали недобросовестно, не выполняли установленные нормы выработки. Хотя, как говорят, дал слово – держи.

Представляю, насколько трудно и тяжело далась данная стройка всем колхозникам, в том числе и колхоза «Заветы Ильича». В жизни некоторых из них она сыграла трагическую роль. Вспомним исключенные из сельхозартели семьи. Их буквально лишили источника заработка и пропитания. А что же в итоге?

Как ни прискорбно, но адский, преимущественно ручной труд десятков людей оказался практически невостребованным. Как это было? Я слышал следующую версию. Руководитель стройработ Герой Советского Союза А. С. Тюлин решил в первую очередь дать электроток в свое родное село Высокие Поляны (самое удаленное от ГЭС). Опыта в электрификации ни у кого не было. Пустили по ЛЭП ток 220 вольт, не поставив повышающего трансформатора. Из-за больших потерь электроэнергии накал лампочек в Высоких Полянах оказался очень слабым – керосиновые лампы светили ярче. Сгоряча решили, что такое дело не стоит свеч и эксплуатация межколхозной ГЭС не выгодна. В итоге на только что построенном объекте поставили крест. Никто при этом не подумал, что труд людей пропал даром! А ведь Ермо-Николаевку и Кононовку ГЭС вполе бы обеспечивала электросветом.

Только в 1953 году после пуска Рассыпухинской гидроэлектростанции электричество пришло в Пителинский и другие районы. То было событие областного масштаба. Житель с. Самодуровка А. И. Соломатин опубликовал в райгазете стихи, которые начинались так:

Здравствуй, Мокша! Я с приветом
К берегам твоим пришел.
Ты сегодня электросветом
Озарила много сел.

Прошло полвека, и теперь только пожилые люди помнят о Ермо-Николаевской межколхозной ГЭС, ее мотористе Александре Степановиче Иванушкине и о том коротком периоде времени, когда речка Пет старательно вращала турбину генератора, вырабатывая электрический ток. На том месте пока еще сохраняются признаки рукотворной деятельности человека, но и они скоро исчезнут совсем.

12. Первопроходцы, или Трудный путь телевидения в селе

Нынешние поколения уже не мыслят своего быта без телевизора. В большинстве квартир его включают с подъемом и выключают с «отбоем». Люди, взяв в руки пульт, ломают головы: так трудно выбрать что-то одно из полтары сотни каналов. А начиналось все скромно.

Более-менее регулярное и массовое телевидение наладилось в стране после Великой Отечественной войны. Смотреть передачи могли только жители крупных городов, в которых стояли вышки-ретрансляторы. Как и обычно, сельская местность оказалась приобщенной к данному достижению прогресса с большим запозданием. Жителям глубинок практически не пришлось пользоваться допотопными «Москвичами», КВН, а сразу современными (по тем временам) – «Темпами», «Рекордами», «Чайками»…

От общего перейдем к частному. В ноябре 1956 года благодаря построенной телевизионной вышке и ретранслятору, жители Рязани и ее окрестностей впервые смогли смотреть телепередачи из Москвы. И хотя радиус действия ретранслятора был небольшим, в отдаленных от областного центра районах (в том числе и в нашем) местные энтузиасты задались целью добиться приема

этих слабых сигналов. В первую очередь они взялись за расчеты параметров принимающих антенн.

«Возможен ли прием телепередач в Пителине?» – называлась заметка в номере районной газеты «Колхозная жизнь» от 17 марта 1957 года. Начиналась она так: «Благодаря построенной ретрансляционной телевизионной станции трудящиеся областного центра, Рыбного, Солотчи, Захарова и других прилегающих к Рязани населенных пунктов получили возможность смотреть телевизионные передачи из Москвы. Теперь, не выходя из квартиры, владельцы телевизоров могут присутствовать на спектаклях столичных театров, смотреть лучший в мире балет, кино и т.д.».

Думаю, что у многих сразу возник вопрос: почему возможность просмотра передач получили только трудящиеся? В то время работяги мечтали больше о домашних радиоприемниках, а телевизоры покупало в основном начальство и разные фарцовщики. Надо просто понять, что здесь мы сталкиваемся с издержками газетного стиля той эпохи.

Мне больше завидно другое: были же времена, когда наши обыватели (в хорошем смысле этого слова) могли наслаждаться лучшим в мире балетом и смотреть премьерные спектакли! Сейчас спектакли показывают изредка на канале «Культура», а наш балет – в западных развитых странах.

Но вернемся к заметке. В ней речь шла о том, что радиус зоны уверенного приема телесигналов не превышает 70 километров. Тем не менее, возможен прием и на более далеком расстоянии. Все зависит от высоты установки и качества антенны. В Сасове, например, энтузиасты уже осуществляли это на практике. Далее цитирую: «У нас же в Пителине нет телевизора. А желающие приобрести его есть. В чем же дело? Дело в

том, что райпотребсоюз до сих пор не завез телевизор. Почти четыре месяца тому назад дирекция ЛМС дала заявку на телевизор «Темп-2», но эта заявка не выполняется».

Заявку ЛМС райпотребсоюз так и не выполнил. Пришлось дирекции луго-мелиоративной станции самостоятельно решать вопросы, связанные не только с изготовлением и установкой антенны, но и с покупкой телевизора. О том, как это было, вспоминает старожил Пителина Павел Павлович Савостин, работавший в то время бригадиром тракторной бригады ЛМС.

–Инициатором проводившегося эксперимента являлся главный инженер станции Юрий Владимирович Лукин. Под его руководством изготовлялись антенна из медных трубок (в качестве пособия использовался журнал «Радио») и мачта из металлических труб. За телевизором в г. Сасово ездили я и наш главный бухгалтер Мария Сергеевна Чиркова. Купили какой и хотели – «Темп-2». 33-метровую матчу устанавливали с помощью тракторов возле конторы (это двухэтажное здание сохранилось и сейчас). Не успела мачта достигнуть вертикального положения, как согнулась. Вторая попытка оказалась более удачной. Мачту закрепили растяжками в три яруса на четыре стороны.

21 апреля в «районке» вышла заметка «Прием телепередач в Пителине начался» за подписью Ю. Лукина. Цитирую: «Коллектив Пителинской ЛМС приобрел телевизор «Темп-2», чтобы в свободное от работы время можно было культурно отдохнуть, посмотреть телепередачи. 17 апреля. В этот день работники станции с волнением ожидали 19 часов. Они пришли в ЛМС с членами семей, чтобы посмотреть телепередачу. И вот первый в районе телевизор включается, освещается экран и Московская студия

видна у нас, в Пителине. Много радостных возгласов пронеслось по залу, коллективный просмотр телепередачи начался. Звук хороший».

Итак, это произошло 17 апреля. За четыре года до полета в космос Юрия Гагарина пителинцы впервые приобщились к телеэфиру. Как следует из заметки, трансляция из Москвы тогда начиналась в 19 часов. Позже, в середине 60-х голубые экраны стали зажигаться в 18.00. Сначала высвечивалась заставка, затем передавались новости.

Я опросил около тридцати человек. По их воспоминаниям в начале 60-х «домашних» телевизоров у жителей Пителина еще не было. Их стали приобретать не ранее 1965 года. Среди «первопроходцев» называли семьи Южаковых, Ивашовых, Муравьевых, Чулковых и др. Разумеется, эти сведения не являются бесспорными, людская память – не компьютер. Но в одном мнения всех респондентов (опрошенных) сходятся: самый первый телевизор появился на улице Садовой в семье Александра Петровича и Надежды Ивановны Чирковых.

Вот что рассказала Надежда Ивановна. Ее муж (ныне покойный) хорошо разбирался в радиотехнике и электронной аппаратуре (работал в районном узле связи), поэтому его постоянно приглашали в ЛМС обслуживать и налаживать телевизор. И этот самый телевизор «Темп-2» луго-мелиоративной станции ему и достался потом (бесплатно). Возле дома мастер-наладчик соорудил весьма высокую антенну. Два-три года «Темп» исправно служил новым хозяевам. Смотреть его вечерами собиралась порой многочисленная компания. Потом лампы и другие детали, видимо, стали отказывать, изображение ухудшаться. Чирковы купили новую «Чайку» за триста рублей. И этот телевизор, возможно, был единственный в Пителине. Очень много гостей

собиралось в доме Чирковых на просмотр футбольных и хоккейных матчей или интересных фильмов.

В 1966–1967 годах телевизоры стали появляться и в наших селах. Так, в конце 66-го в Ермо-Николаевке первая ТВ-антенна поднялась ввысь возле дома плотника совхоза «Мокшинский» М.А. Лукина. Как сообщила районная «Сельская жизнь» (номер от 7 января 1967 года): «Опыт удался. Телепередачи принимаются с хорошим изображением и звуком. Недавно еще одна антенна появилась в Ермо-Николаевке. Телевизор приобрел главный инженер совхоза А.Ф. Левков. И у него передачи принимаются хорошо. Это говорит о том, что жители Центрального отделения совхоза «Мокшинский» могут, не боясь, приобретать телевизоры». Вот такая своеобразная реклама. Мол, граждане, не бойтесь, покупайте и смотрите – изображение и звук гарантированы.

Одними из первых в Юрьеве приобрели телевизоры «Рекорд-6» супруги Алексей Николаевич и Мария Алексеевна Буздаковы. Для того, чтобы сделать изображение цветным, они купили специальную пленку на экран (на ней низ был коричнево-зеленый, середина – красноватая, верх – синий) В светлое время суток приходилось порой завешивать окна: попадавший на экран свет делал «картинку» весьма блеклой.

Телевидение развивалось. Первоочередной задачей ставилось увеличение площади экрана. Появились модели с диагональю 63 и 67 см. Настоящим прорывом стали цветные телевизоры («Радуга», «Электрон»). Правда, их большие габариты и вес свыше 60 килограммов являлись существенными недостатками. Все разрешилось, когда на смену лампам пришли полупроводники и микросхемы.

Среднесуточное время телевещания неуклонно росло. А в сентябре 1971 года для качественной трансляции 1-й и 2-й программ ЦТ была пущена в эксплуатацию Мосоловская радиотелевизионная передающая станция. Телеэфир завоевывал все новые и новые пространства и новую аудиторию. В 1991 году в центре Пителина была построена радио-релейная вышка (43 метра высотой), благодаря которой с 1994 года жители района получили возможность принимать (помимо двух центральных) программу Санкт-Петербурга, а позже – «Культуру» и ряд других. Ныне антенны-тарелки обеспечивают качественный прием более сотни телевизионных каналов даже в самых глухих деревушках района.

13. Макеевских планов громадье

Меня манила даль иная,
Немалым был разлуки срок.
Но о тебе, земля родная,
Я позабыть никак не смог.
И повторял я, не скрывая,
Что с детства в отчий край влюблен,
Что лучше нет на свете края,
Чем мой Пителинский район!

М. Ланин

Пережив трудные, изнурительные годы Великой Отечественной войны, Пителинский район снова «встал на ноги», продолжал развиваться. Во второй половине сороковых открылись участковые больницы с родильными отделениями и аптеками в Высоких Полянах и Гридине, МТС в Гридине, сельпромкомбинат бондарного и обозоконного производства в Ермо-Николаевке, жестяная мастерская по изготовлению посуды и предметов домашнего обихода в Потапьевской Хохловке; в пятидесятые начали действовать новый кирпичный завод в Пету, инкубаторно-птицеводческая и

луго-мелиоративная станции в Пителине, гидро-электростанция на 42 кВт в Ермо-Николаевке. Вручную (по колхозным нарядам) приступили к мощению основных дорог.

И начало шестидесятых выдалось весьма активным. Возьмем, к примеру, Пителино. После реконструкции заработал механизированный кирпичный завод, рассчитанный на обжиг 3 млн. штук кирпича в год, новый сапоговаляльный цех производительностью 5 тысяч пар валенок в год; образован комбинат бытового обслуживания населения, куда вошли швейная артель имени Кирова, сапожная артель «Красный обувщик» и мастерская по ремонту радио- и электроприборов, керосинок, керогазов, примусов и другого обиходного инвентаря; открыт Пителинский психоневрологический дом-интернат на 105 коек. Налажено регулярное воздушное сообщение по маршруту Рязань–Пителино–Рязань. Перелет на Ан-2 («кукурузнике») от Пителина до областного центра длился всего 45 минут, тогда как поездка на автобусе до Сасова занимала почти вдвое больше времени.

С 26 декабря 1962 года по 12 января 1965 года в связи с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об укрупнении сельских районов, образовании промышленных районов и изменении подчиненности районов и городов Рязанской области» Пителинский район входил в укрупненный сельский Сасовский район. Такой поворот событий, разумеется, никого не устраивал: ни лишившихся своих постов руководителей, ни рядовых жителей. За любой справкой и для решения различных вопросов приходилось отправляться кому за 20, кому за 40 километров.

Но вот Пителинский район восстановили, и вскоре на должность председателя райисполкома к нам был

назначен не столь уж молодой, но только начинающий карьеру управленца Петр Павлович Макеев – человек весьма энергичный и с явной прожектерской жилкой. И, конечно, ему хотелось проявить себя на новом месте, показать свои деловые качества и организаторские способности.

Район маленький, чисто аграрный, промышленность – в зачаточном состоянии, инфраструктура – тоже. В общем, куда взгляд ни кинь – всюду клин. Да и райцентр по меркам области – среднее заурядное село. А что, если добиться изменения его статуса, сделать Пителино рабочим поселком. Звучит ведь! Инициативный и пробивной Петр Павлович ухватился за эту идею. Правда, когда подробно ознакомился с положением о присвоении такого статуса, возникли, казалось бы, непреодолимые трудности.

Во-первых, Пителино «не тянуло» на рабочий поселок по численности населения, которое требовалось чуть ли не удвоить. Во-вторых, практически отсутствовали и сами рабочие, ведь предприятий-то раз, два и обчелся. У любого после таких выкладок опустились бы руки. Но не у Макеева. Он придумал действенный, хотя и авантюрный ход: сделать расчеты для области как бы на «вырост» (на перспективу). А пока ходатайство будет рассматриваться, и необходимые показатели приблизятся к требуемым.

Петр Павлович убедил руководство района в престижности и значимости такого шага, сплотил вокруг себя команду единомышленников. И закипела работа. К счастью, не только бумажная. Прежде всего, начали готовить «базу» для рабочего класса. Уже в апреле 65-го организуется Пителинская межколхозная строительная организация со штатом ИТР и рабочих 110 человек, а в

декабре открывается Дом для приезжих на 7 комнат и 14 коек. Но основные работы развернулись чуть позже.

1966. Начато строительство трехэтажного здания районной администрации, банно-прачечного комбината на 20 помывочных мест и 250 килограммов сухого белья в смену, поликлиники (на 100–150 посещений в день), сыродельного завода.

1967. Здание райадминистрации сдано под ключ, начато строительство кинотеатра на 200 мест, хлебозавода мощностью 15 тонн хлебобулочных изделий в сутки, аптеки.

Более полную информацию дают пояснительные документы за подписью П.П. Макеева, приложенные к ходатайству о переводе села Пителина в статус рабочего поселка.

«В настоящее время идет большое строительство культурно-бытовых и производственных объектов. Начато строительство столярного цеха промкомбината для изготовления мебели, завершается строительство общежития на 50 человек и бани. Комбинат бытового обслуживания пустил в эксплуатацию вновь построенный валяльный цех мощностью 5 тысяч пар, дополнительно открыт прокатный пункт, три мастерских по бытовому обслуживанию населения. Намечено в 1968 году построить в Пителине типовой комбинат бытового обслуживания, проектно-сметная документация имеется.

За счет расширения и увеличения объема строительства увеличелось количество рабочих межколхозной строительной организации на 100 человек, для которых построено общежитие, расширен цех блоко-бетонных изделий и столярный цех, построен гараж.

Построено в 1966 году: три жилых дома для рабочих сырзавода (и начато строительство для них четырех 16-квартирных домов), 8-квартирный, 12-квартирный жилые

дома местных Советов, десять 2-квартирных домов, два дома Пителинского головного молочного завода, один 2-квартирный дом производственного управления, два дома межколхозной строительной организации, два магазина на 4 рабочих места, столовая на 100 мест, дом культуры для курсантов Сасовского летного училища на 250 мест, общежитие для курсантов на 200 мест, 85 домов частного сектора и 25 домов переселенных из других неперспективных населенных пунктов.

Завершается строительство сыродельного завода, административного здания РК КПСС и райисполкома, бани с прачечной и аптеки. Намечено начать во втором полугодии 1967 года строительство средней школы на 480 мест, интерната при школе на 50 мест, 8-квартирного жилого дома для учителей, 12-квартирного жилого дома местных Советов, дома культуры на 400 мест, дополнительного корпуса дома инвалидов на 100 человек».

Строительство аптеки (1968 год)

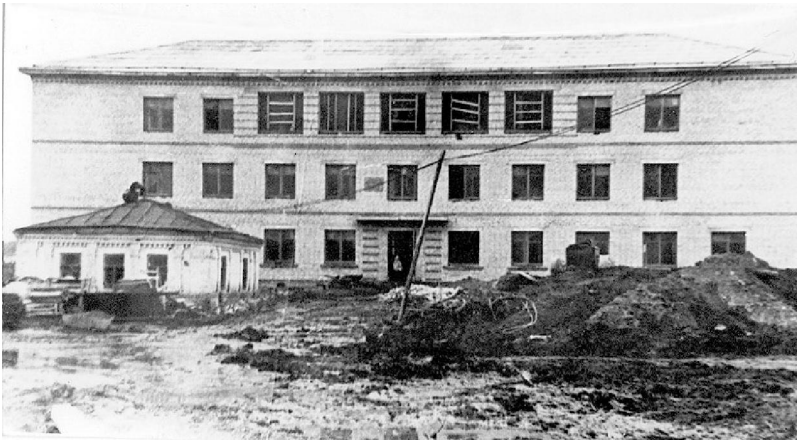
Несмотря на то, что данный текст заключен в кавычки, полноценной цитатой его считать нельзя. Это отредактированный мной вариант. Дело в том, что в пояснительной записке Макеева столько путаницы и тавтологии (причем, не только отдельных слов, одни и те же объекты показаны то строящимися, то уже завершенными), что, как говорится, без бутылки не разобраться. Но и подкорректированный текст, наверняка, вызовет ряд вопросов у коренных пителинцев.

Например, где же мебель местного производства, почему ее никто не видел? Смущают и указанные сроки сдачи объектов. На самом деле строительство сырзавода завершится лишь в 1971 году, бани – в 1969 (прачечная так и не заработает), аптеки – в ноябре 1968 года. Здание средней школы начнут сооружать не во втором полугодии 1967 года, а спустя пять лет. Новый РДК и дополнительный корпус дома инвалидов на 100 человек вообще останутся только на бумаге. Невозможно поверить и в то, что за один 1966 год в райцентре возведено в частном секторе 110 домов.

Оригинально решалась командой Макеева задача по практическому удвоению населения Пителина, которое составляло до 1967 года примерно две тысячи человек. Повторили процедуру присоединения (в 1962 году присоединили Шибково к райцентру). Так, в одночасье центральная улица деревни Синорма стала улицей Советской села Пителина, бывший совхозный поселок – продолжением улицы Горького, деревня Каменка – улицей Лесной. Но и после этого народу явно не хватало. Решили приписать к селу и временно проживающих строителей из Рязани и Сасова и даже инструкторов, техников и курсантов Сасовского летного училища (общим числом около полутысячи).

«Численность населения с. Пителино составляет 3049 человек, из них рабочих – 2480, служащих – 569 человек», – читаем в пояснительной записке. А что же, детей и пенсионеров вообще нет?! Да и общее население в реальности вряд ли превосходило 2600 человек. Но читаем далее.

«В райцентре проживают строители СУ-11 треста «Рязаньстрой» №23 – 100 человек и Сасовского ПМК-367 – 50 человек. Кроме постоянно проживающих людей, в с. Пителино работают и проживают в близлежащих селах 300 человек рабочих и служащих. С завершением строительства и предоставлением жилой площади все эти люди вместе с семьями переедут на постоянное



Строящееся здание районной администрации

местожительство в райцентр. Таким образом, все население с. Пителина составит 3499 человек».

Как видите, с арифметикой у Петра Павловича не все гладко. Но тут важно другое. Он неоднократно встречался со строителями, агитировал их получать пителинскую прописку, обещал обширный фронт работ на годы вперед, рисовал радужные картины близкой

перспективы. Мол, прогал между Пителино и Синормой застроится домами, улица Красная дотянется до Каменки, к Пенькам пролягут тротуары с фонарями, а на окраине нашего разросшегося и приумножившегося промышленными предприятиями и учреждениями райцентра раскинется настоящий парк культуры и отдыха с качелями, каруселями и прочими аттракционами. И такая агитация не проходила втуне – несколько человек остались жить в Пителине.

Как ни сумбурно и путано выглядела пояснительная записка, но активность и старание руководителей Пителинского района были оценены положительно. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся от 26.05.1967 г. село Пителино отнесено к категории рабочего поселка с сохранением за ним прежнего наименования.

Не могу судить о личном вкладе в это дело предрика-прожектера, но годы его работы в районе 1965–1971 – период активного и масштабного строительства. Помимо вышеназванных объектов, в данную семилетку сданы под ключ: двухэтажное типовое здание школы на 320 мест в Высоких Полянах, школа в Самодуровке, комбикормовый завод в Темиреве (который, правда, так и не заработал), Дом культуры в Пету, клубы в Синорме и Чубаровском Ункоре, ряд жилых домов и пр.; начато строительство кафе «Березка», гостиницы «Мокша» и базы ЖКХ; по улицам райцентра укладывалась тротуарная плитка, высаживались аллеи деревьев, возводились штакетные изгороди, фонари хоть и не дошагали до Пеньков, но исправно освещали центральные «магистрали» поселка; Сасово и Пителино соединила новая (спрямленная) асфальтовая дорога.

Однако блестящую карьеру Макееву сделать не удалось. А помешало этому пагубное пристрастие к

спиртному. Будучи в подпитии, Петр Павлович создавал, выражаясь современным языком, внештатные ситуации. После очередной из них (и, к сожалению, публичной) лопнуло терпение у руководства области. Внеочередную сессию районного Совета депутатов трудящихся созвали 5 января 1972 года. Как уведомила читателей газета «Сельская жизнь», «за серьезные недостатки в развитии животноводства, невыполнение плана производства и народнохозяйственного плана продажи молока государству, за допущенную беспринципность в работе и неправильное поведение в быту сессия освободила от работы председателя райисполкома П.П. Макеева». После этого на административно-управленческой карьере нашего героя был поставлен жирный крест.

Итак, мы с вами перелистали, пусть выборочно, несколько страниц из прошлого района: от седой старины до 70-х годов XX века. Основные этапы и события последующей поры, полагаю, достаточно известны пожилому и среднему поколениям пителинцев. Границы и площадь территории (954,7 квадратных километра) района с 1965 года остаются неизменными.

И еще один важный и приятный штрих. В 1998 году у Пителинского района появился свой герб.

Пестрые страницы уездной жизни

Помещики Грушецкие и тайна рождения Н.Ф. Павлова

Пителинцы по праву гордятся своими именитыми земляками. В их число входит писатель, поэт, издатель и общественный деятель Н. Ф. Павлов. Автор нашумевших в свое время повестей и критических статей, которые привлекли широкое внимание и вызвали одобрение самых известных современников-литераторов: Пушкина, Гоголя, Одоевского, Тютчева, Белинского, Герцена. Чтобы не быть голословным, приведу пару цитат. «Павлов первый у нас написал истинно занимательные рассказы» - А.С. Пушкин. «Н. Павлов, писатель, который первыми тремя повестями своими получил с первого раза право на почетное место между нашими прозаическими писателями» - Н.В. Гоголь.

Отрывки из повестей Павлова включались в учебники и хрестоматии как образцы художественного чтения, переводились на европейские языки. Несколько его стихотворений, положенных на музыку М.И. Глинкой, А.Н. Верстовским, А.С. Даргомыжским, В.Н. Всеволжским и другими известными композиторами, стали популярными романсами. Основанная им газета «Русские ведомости» издавалась вплоть до 1917 года.

И у такого выдающегося человека может быть тайна рождения? Увы! Историки и библиографы до сих пор разгадывают ее и не приходят к единому мнению.

По одним сведениям Николай Филиппович Павлов появился на свет 7 (19 по новому стилю) сентября 1803 года в селе Пеньки, по другим – в Москве. Видимо, не сохранилось метрических записей, потому что исследователи спорят не только о месте, но и о годе

рождения писателя. Одни указывают 1803-й, другие – 1804-й и даже 1805-й. Что ж тут поделаешь – незаконнорожденный.

Обратимся к доступным источникам: статье Н.А. Трифонова «Когда же и где родился Н.Ф. Павлов», библиографическим словарям «Русские писатели», прочитаем предисловия к изданным книгам писателя, откроем многочисленные сайты Интернета. Везде почти дословно повторяется следующее: незаконнорожденный сын помещика Владимира Михайловича Грушецкого и пленной грузинки, привезенной графом Валерианом Зубовым из персидского похода 1797 года.

Насчет грузинки все верно. Не вызывает сомнений и тот факт, что нажитые ей от помещика дети (Клеопатра и Николай) были переданы в семью дворового человека Филиппа Павлова. А вот насчет отцовства… Но давайте прежде подробнее познакомимся с родом Грушецких.

По материалам Первой (1719–1722) и Второй (1744) ревизий Пителино числилось сельцом капитана флота Льва Александровича Милославского. Его родная сестра Анна вышла замуж за генерал-кригскомиссара (главное лицо по снабжению армии) Владимира Михайловича Грушецкого. В 1760 году вдова Льва Александровича – Анна Михайловна (Долгорукая) продала сельцо своему племяннику сержанту лейб-гвардии Семеновского полка Василию Владимировичу Грушецкому. Племянник оказался, как говорится, хватом во всех отношениях. Уделим побольше внимания этой знаковой для пителинского края фигуре.

Начнем с того, что десятилетним отроком Василий был зачислен в Семеновский полк и за два года «дослужился» до сержанта лейб-гвардии, что соответствовало чину младшего офицера в обычном полку. Реально же начал армейскую службу лет в 17–18. Карьеру делал успешно.

Дабы не остаться в тени и не быть обойденным, поступил под начало своего дяди генерала Василия Михайловича Долгорукова. Чуть позже «удвоил» родство, женившись на его дочери, своей кузине Евдокии. Пошли детки: Василий, Владимир (умер в младенчестве), Анна, Анастасия, Прасковья.

Н.Ф. Павлов

Когда началась русско-турецкая война 1768–1774 гг., генерала-аншефа В.М. Долгорукова назначили главнокомандующим 2-й армией, перед которой ставилась задача овладеть Крымским полуостровом. Именно полковник Грушецкий в 1771 году привез Екатерине II реляцию о взятии Перекопа. Прибыл в столицу он весьма вовремя – как раз на церемонию в честь тезоименитства императрицы. И, разумеется, доблестный полковник не был обделен монаршей милостью и наградой.

Позднее, в конце той войны, генерал-аншеф князь В.М. Долгоруков-Крымский в докладе Екатерине II от 28 июля 1774 года особо отметил зятя, отличившегося в сражении под Шумою (недалеко от Алушты): «Господин же генерал-майор Грушецкий, приближаясь с баталионом гренадер, и произведением жестокой канонады делая великий вред неприятелю, способствовал войскам, ретраншемент атакующим, скорее оного достигнуть…» (ретраншемент – фортификационное сооружение впереди полевой позиции или основного укрепления).

Армейскую службу генерал-поручик В.В. Грушецкий оставил в 1796 году. Как лицо, приближенное к императорскому двору, получил пост сенатора и чин действительного тайного советника.

Продвигаясь вверх по служебной лестнице, Василий Владимирович не забывал и о приумножении своих владений. Так, в 1770-е он выкупил земли (1432 десятины) и крепостных (496 душ мужского пола) у княжны Анны Сергеевны Голицыной в с. Пеньки, позже прозванном Грушецкими Пеньками. Записи в экономических примечаниях к материалам генерального межевания по Елатомскому уезду гласят, что в 1779 году в сельце Пителино В.В. Грушецкого, расположенном по обе стороны р. Пасмурка, имеется 64 двора, 615 человек жителей обоего пола, дом господский деревянный, земля черноземная, хлеб и покосы средственные, лес дровяной. (Поясню, что господский дом стоял на месте здания нынешнего казначейства, а 64 двора – это небольшие участки улиц Красной и Ленина).

Также помещику принадлежало 223 крепостных мужского пола в селе Темиреве, 123 – в сельце Хохловка, 95 – в селе Казарь (Рязанской губернии), десятки душ – в Саверке и Желудеве. Ну и, разумеется, вотчинное село Александрово (ныне пос. Щапово Подольского района Московской области) с родовою усадьбой. Как полагается вельможе, купил сенатор и приличный особняк в центре Москвы.

А теперь вернемся к писателю Н.Ф. Павлову. Кто же его отец? Судя по многочисленным источникам, это Владимир Михайлович Грушецкий.

Сохранилась отпускная: «Лета 1811 июля в 3-й день действительный тайный советник и кавалер Василий Владимирович Грушецкий отпустил на вечно на волю крепостных своих малолетних дворовых людей Николая Павлова и сестру его Клеопатру, рожденных после пятой ревизии от дворового моего человека Филиппа Павлова, остающегося за мною, равно и тех, которые после сего от него, Павлова, рождаться будут обоего пола детей, а

оный Павлов достался мне по наследству после покойного родителя моего…».

Документ подлинный. Только вот по невнимательности первых биографов писателя была «запущена в свет» нелепая ошибка. Они отнесли фразу «а оный Павлов достался мне по наследству…» почему-то не к Филиппу, а к «сыну» Николаю. Отсюда и растиражированный впоследствии казус: якобы отец писателя В.М. Грушецкий. Почему казус?

Во-первых, Владимир Михайлович родился в 1700 году (по другим сведениям – в 1710-м), а Павлов – в 1803-м. Уже парадокс. Во-вторых, умер помещик в 1754-м. Мне, правда, попадалась в бульварной прессе заметка о том, как перуанская мумия изнасиловала туристку из Италии. Но думается, это не наш случай.

Удивительно, почему библиографы не обратили внимание на даты жизни Владимира Михайловича? На самом деле отец Николая Павлова – Василий Васильевич Грушецкий (1765–1804) – внук Владимира Михайловича. Он сделал стремительную карьеру военного, в 30 с небольшим лет получив чин генерал-лейтенанта. Женат был на княжне Наталье Васильевне Голицыной. Но, как видим, прельстила его и пленная грузинка.

Итак, мы немного прояснили тайну рождения Н.Ф. Павлова, вернули ему настоящего отца. Хотелось бы, чтобы в авторитетных справочниках и словарях эта нелепая ошибка была бы исправлена.

Баловень судьбы

Немало полезной и занимательной информации можно почерпнуть при просмотре солидного фолианта «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (издание 1902 года), выпущенного под общим руководством вице-председателя Императорского

Русского Географического общества П.П. Семенова (тогда еще без почетной приставки Тян-Шанский). Во втором томе я, например, натолкнулся на строки: «…село Высокие Поляны при ручье Мурка, имеющее 2200 жителей, волостное правление, кожевенные и синильные заведения. В эпоху освобождения крестьян помещиками в этом селе были Крашенинниковы, владевшие здесь 2400 десятинами, и князья Несвицкие. Последние, владевшие в уезде менее чем 1500 десятинами земли, были внуками князя Несвицкого, камер-юнкера императрицы Екатерины II, известного своими интересовавшими императрицу Екатерину II показаниями о состоянии умов в Петербурге во время ее путешествия по России в 1764 году» (цитата приводится в современной орфографии).

Следует признать, что «везунчик» Несвицкий сумел ухватить птицу удачи за хвост. Вот как это было.

Памятный день – 28 июня 1762 года князь Иван Васильевич Несвицкий не забывал никогда, ведь он не только круто изменил его жизнь, но и сделал из него вельможу. Хотя и до этого грех было жаловаться на судьбу. Все-таки княжеского роду. Фамилия, правда, говорящая – «не входящий в свиту».

Еще ребенком Ивана зачислили в лейб-гвардию. Так поступали многие именитые в царствование Елизаветы Петровны. Двойная выгода: дите тешится дома и очередные звания заочно получает.

Но вот пришла пора лично заявить о себе. Двадцатилетний княжеский отпрыск предстал «пред очи» начальства. Вместе с чином секунд-ротмистра (что соответствовало званию пехотного капитана) принял под свое командование роту лейб-гвардии Конного полка, несущего охрану Зимнего Дворца. Под его началом оказался бравый вахмистр Григорий Потемкин –

будущий светлейший князь Таврический и генерал-фельдмаршал.

День дворцового переворота – 28 июня 1762 года, последние события которого потонули в пьяном угаре, кардинально изменил жизнь молодого повесы. Взошедшей на трон Екатерине, вероятно, запомнились горящие огнем глаза и восторженное лицо решительного секунд-ротмистра. А с каким задором он выкрикивал: «Виват, Катерина!».

И вскоре князь Иван получает монаршей волей золотое оружие «За храбрость» и придворный чин камер-юнкера. Через два года благосклонная фортуна дает новый шанс – его зачисляют в свиту императрицы, которая собралась путешествовать по России (сначала в Ростов Великий и Ярославль, затем по Волге – от Твери до Симбирска). Князь Иван не жалеет ни улыбок, ни красноречия, изрядно развлекает государыню анекдотами и занятными рассуждениями о светской жизни Петербурга и о «состоянии умов» в северной столице.

Запаса неутомительных для монаршего слуха тем и забавных сюжетов хватило, вероятно, на все время путешествия, так как по возвращении Несвицкий вместе с высоким придворным чином камергера получает на кормление крепостные «души» и земли (в том числе в Высоких Полянах и Казановке). Он выходит в отставку с военной службы.

Екатерина II и впоследствии не забывала милого князя, жаловала ему чины и награды. Так, баловень судьбы, оказавшийся в нужный час в нужном месте, стал обер-шенком императорского двора, что по табелю о рангах соответствовало армейскому званию генерал-аншефа. Его грудь увешивали ордена: начиная со Св. Анны и заканчивая Св. Андреем Первозванным – высшей наградой Российской империи.

Умер Иван Васильевич в 1806 году. Похоронен в Спасо - Андрониевском монастыре в Москве.

Несвицкие оставили след в истории нашего края. Именно по княжеской воле возникла на стыке XVIII–XIX веков деревня Николаевка (ныне часть Ермо-Николаевки), когда несколько крестьянских семей из Высоких Полян были переселены на новое место.

Сабуровы

Свищевский след рода

Основоположником дворянского рода Сабуровых является Федор Сабур – участник Куликовской битвы. Через сто лет его потомок Василий Сабуров отличился в походе Ивана III на Великий Новгород. Проявлялись в роду в разные времена доблестные воеводы и генералы, мудрые сенаторы и искусные дипломаты. В XVIII веке царствующий дом наделяет Сабуровых землями в тамбовском крае. Родоначальником этой ветви следует считать тайного советника, сенатора Якова Васильевича. Прямо скажем, с наследниками ему повезло: одних сыновей семеро. Все они кучно осели в Кирсановском уезде.

Первенец Иван умер бездетным. Второй сын Петр также не сохранил фамилии: вырастил двух дочерей. Многочисленные потомки Михаила Яковлевича стали основательными помещиками не только Кирсановского уезда, но и Пензенской губернии.

Его внуку Ивану Васильевичу (1788-1873) выпала интересная судьба. Выйдя в отставку в чине инженера-капитана, он женился на племяннице очень известного в то время поэта М.М. Хераскова. Участвовал в Отечественной войне 1812 года в должности командира батальона пензенского ополчения и в заграничном походе русской армии, получил звание майора и орден

Св. Владимира 4-й степени с бантом, был комендантом Дрездена, выполнял дипломатические поручения во время Венского конгресса. С 1820 – судья Пензенского совестного суда, позже председатель губернского статистического комитета.

Будучи весьма крупным помещиком Пензенского уезда (480 крепостных мужского пола, 2700 десятин земли) прилежно занимался хозяйственными делами, используя передовые достижения отечественной и европейской наук. Автор «Записок пензенского землевладельца», «О климате в Пензенской губернии», «Соображений об улучшении быта крестьян», трудов по агрономии, зоотехнии, статистике. Печатался в «Отечественных записках», был знаком с литераторами, в том числе с поэтами П.А. Вяземским и Д.В. Давыдовым. Кстати, сын помещика Михаил (1812- ?) учился в Московском благородном пансионе и Школе юнкеров вместе с М.Ю. Лермонтовым, стал одним из близких его друзей. Юный поэт посвятил тезке и его очаровательной сестре Софье (1816-1864) несколько стихотворений.

Второй сын Василия Михайловича Яков (1790-1855), майор в отставке, обосновался в Городищенском уезде Пензенской губернии (в 1825-1827 гг. предводитель уездного дворянства), где построил суконную фабрику. В 1837-м в своем пензенском доме принимал поэта В.А. Жуковского. Третий сын Василий имел 1200 «душ», 12 тысяч десятин земли, в 1851-1854 годах избирался предводителем дворянства Пензенского уезда.

Хочется сказать несколько слов о внуках Михаила Яковлевича от второго (из четырех) по старшинству сына Ивана (1761-?) – надворного советника, предводителя дворянства Тамбовской губернии в 1806-1810 годах.

Алексей Иванович (1799-1875) отдал армии много лет, участвовал в различных сражениях, награжден за храбрость золотой саблей, орденами Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Георгия 4-й степени, в отставку вышел в звании генерал-лейтенанта.

Яков Иванович (1798–1858) известен тем, что, находясь на службе в лейб-гвардии Гусарском полку, стоявшем в Царском Селе, подружился с лицеистом Александром Пушкиным. Позже близко сошелся с поэтами Василием Жуковским, Петром Вяземским и Евгением Боратынским. Многие современники считали, что щеголеватый повеса-гусар Сабуров мог послужить прообразом Евгения Онегина. Яков и сам занимался литературным трудом – пописывал стишки и очерки в журналы «Московский вестник», «Телескоп» и др. После смерти брата А.С. Пушкина Льва Сергеевича взял опекунство над его малолетними детьми. По возвращении в Тамбов вскоре избирается, как когда-то отец, губернским предводителем дворянства (с 1840 по 1851 годы).

Переходим к потомкам Алексея – третьего сына Якова Васильевича. Вероятно, его первенец Николай и достоверно точно внук Дмитрий обосновались в наших краях: имели усадьбу в Свищеве, земли и «души» в Любовникове и Чубаровском Ункоре. Гвардии поручик Дмитрий Сабуров избирался с 1834 по 1837 предводителем дворянства Елатомского уезда. Своего первенца и главного наследника Михаила, поручика артиллерии в отставке, сосватал за дочку чубаровского помещика, отставного майора Языкова – Марию. Дмитрий Николаевич умер в 1858 году и дождался рождения первого из трех своих внуков.

Молодожены стали полноправными хозяевами свищевской усадьбы. Михаил Дмитриевич входил в круг

значимых в уезде лиц, неоднократно избирался почетным мировым судьей, гласным управы и кандидатом (заместителем) уездного предводителя дворянства (1877 год). Его имение располагалось на правом берегу ручья Реушка. По данным 1860 года помещику принадлежало в селе Свищеве 140 душ крепостных мужского пола, 13 дворовых людей, 946 десятин земли. После отмены крепостного права он принимал активное участие в либеральных реформах, исполнял обязанности мирового посредника при передаче земли крестьянам (передал им одну треть собственных земель).

Я был приятно удивлен, когда в солидном издании «Краткие справочные сведения о некоторых хозяйствах» (СПб, 1900), описывающем отдельные дворянские имения центральной России, нашел несколько абзацев о нашем свищевском помещике. В то время он располагал 320 десятинами пашни (еще 140 – под лесом, лугами, выгоном и усадьбой). Далее читаем: «Севооборот четырехпольный: пар, рожь, картофель, овес. Травосеяние применяется в лесо-луговом участке, где по бугристым местам сеются клевер и тимофеевка. При саде, занимающем 10 десятин, заведен питомник яблонь: антоновка, анис, апорт, бель, боровинка, скрыжапель. Ежегодно распродается до 2000 саженцев. Для переработки своего и покупного картофеля имеется крахмало-паточный завод с производством до 6000 пудов патоки. Хозяйство ведется лично владельцем».

Для купания помещик вырыл в саду пруд, дно которого выложил гладкими дубовыми плахами. Сейчас водоем заилился, обмелел, а в жаркие сезоны и вовсе пересыхает. Ничего не осталось и от былого сада, прозванного в народе Барским.

Михаил Дмитриевич умер в период между 1903 и 1911 годами. О его сыновьях известно немного.

Старший Владимир, подпоручик в отставке, получил от отца хутор, расположенный в двух верстах от Свищева, с животноводческой фермой (скот симментальской породы) и садом, завел конный завод рысистой породы. В скакунах, видимо, толк знал, так как избирался старшиной уездного общества поощрения рысистого коннозаводства. Исполнял должности председателя уездной земской управы, затем (до самой революции) начальника 4-го земского участка. По воспоминаниям старожилов отличался крутым и жестоким нравом. «Зверь, а не человек!» – говорили про него сельчане. Ослушников без проволочек сажал в арестантскую камеру, имевшуюся при земском участке.

После революции, опасаясь народной расправы, Владимир вместе с семьей спешно выехал из села. По словам очевидцев, в брошенном просторном деревянном доме осталась дорогая мебель, на полу – осколки разбитой в суматохе расписной фарфоровой и фаянсовой посуды, детские игрушки. Сельская ребятня с восторгом вертела в руках невиданных прежде плюшевых мишек и заек, нарядных кукол из папье-маше. Еще в двадцатые господский дом перевезли в Самодуровку – под школу, а в тридцатые сад объявили колхозной собственностью, хотя называли его по-прежнему Володин сад – по имени бывшего владельца. Фамилия же его закрепилась в названиях ручья и оврага (Сабуров ручей, Сабуров овраг), в верховьях которых располагался когда-то хутор.

Трагична судьба среднего сына Алексея. Отслужив десяток лет на армейской службе, он вышел в отставку и женился на младшей дочери отставного штабс-ротмистра и бывшего мирового судьи, елатомского помещика Траскина. Молодые поселились в селе Кошибеево. Увы, счастье их длилось не долго. На кошибеевском кладбище сохранилось семейное надгробье с датами жизни:

Алексей Михайлович Сабуров (1858-1889), его супруга Людмила Дмитриевна (1862-1889) и их малолетняя дочь Лидия (1886-1889). Местные старожилы утверждают, что все трое умерли в течение одной недели от какой-то эпидемии.

Младший сын свищевского помещика Михаил (коллежский регистратор, мировой судья 4-го участка) последовал примеру старшего брата – тоже стал разводить лошадей, но упряжной породы. Умер он молодым. Конный завод перешел сначала под управление вдовы, затем – подрастающих наследников. От его усадьбы остались ныне: пруд, кусты жасмина и сирени да название улицы – Сабурщина. Почившего во цвете лет Михаила Михайловича схоронили возле церкви, в которой его крестили и в которой он, вероятно, венчался. Для надгробья в мастерской Павловых (г. Москва) заказали дорогой памятник из белого мрамора. Везли его из первопрестольной по снегу в санях.

Уголок этого памятника, едва выступавший из-под земли и обломков обрушенной церковной кровли, я заметил случайно. С помощью неравнодушных к прошлому родного края людей удалось извлечь его и установить возле стены православного храма. На отшлифованном мраморе надпись: «Михаил Михайлович Сабуров. Родился 4 сентября 1863 года, скончался 18 февраля 189... (последняя цифра сколота). Что случилось с молодым барином, мы вряд ли теперь узнаем.

Веряевский след рода

Вернемся снова к родоначальнику тамбовской ветви Сабуровых – Якову Васильевичу и его младшему отпрыску Андрею – статскому советнику, председателю Тамбовской палаты, владельцу деревеньки Сабуровки в Козловском уезде. В жены он взял дочь помещика из соседней Покровки Марию Ивановну Зубареву. Их сын

Иван Андреевич унаследовал оба селения, построил в Покровском каменную двухпрестольную церковь, положив начало селу Сабурово-Покровское. Там и появились на свет его наследники.

Сыновья «выходили в люди», как и большинство отпрысков дворянских семей той поры, на армейской службе. Старший Андрей (1798-1866) начинал службу в лейб-гвардии Гусарском полку. Будучи адъютантом военного министра после смерти Александра I отправился в Варшаву с присягой Двора цесаревичу Константину и привез назад отказ Константина от трона в пользу брата Николая. Выйдя в 1828 году в отставку в чине полковника, сделал неплохую дальнейшую карьеру, получил должность директора императорских театров и придворный чин обер-гофмейстера.

Александр (1799-1880), как и Андрей, служил в лейб-гвардии Гусарском полку. В 17 лет – корнет, в 19 – поручик, в 23 – штабс-ротмистр. Во время смотра Александром I армейского гарнизона в Пензе высочайшим приказом Александру Сабурову было объявлено монаршее благоволение. А через несколько месяцев «за ревностную службу и отличные труды» штабс-ротмистр удостоился ордена Святой Анны 3-й степени. В 1824 году вступил в Северное тайное общество, но участия в выступлении декабристов не принял, так как находился в отпуске в родовом имении под Тамбовом. Там его и арестовали 8 января 1826 года.

Последовало шестимесячное заключение в Петропавловскую крепость, допросы, очные ставки… Прямых улик не нашлось, но и обвинение снято не было. Государственного преступника отправили в «горячую точку» – в действующую армию на Кавказ. Однако пули горцев свистели мимо. Тогда его бросили в пекло русско-

турецкой войны. Там 19 июля 1829 года мятежного ротмистра серьезно ранило.

Полевой лазарет, затем госпиталь. Долечиваться Александра направили в родное поместье с учреждением секретного надзора и запрещением въезда в столицы. Сельский воздух пошел раненому на пользу. Здоровье понемногу наладилось. Он вышел в отставку с военной службы, женился.

Родовое Покровское по праву наследования переходило к старшему брату Андрею. Хотелось иметь собственный «угол». Вот и купил Александр небольшое имение в селе Веряево. Там у него и супруги Александры Петровны появилось на свет трое из восьми детей: Екатерина, Надежда, Петр. Они крещены в местной церкви. Она располагалась в центре села, на той стороне улицы, что ближе к реке Пет.

После смерти отца, как и ожидалось, Андрей стал владельцем Покровского и ряда деревень Тамбовского и Козловского уездов (1200 душ крепостных, свыше 4000 десятин земли). Александру по разделу досталось село Александровское Козловского уезда и 227 душ. Но он оставил за собой и веряевскую усадьбу (212 душ).

Двое сыновей Александра Ивановича Сабурова сделали просто блестящую карьеру. Так, Андрей (1837-1916) в 1880–1881 годах возглавлял Министерство народного просвещения, а позже стал членом Государственного Совета. Женился он на Елизавете Владимировне Соллогуб – дочери известного писателя.

Петр (1835-1918) окончил Александровский лицей с большой золотой медалью, с чином титулярного советника определился в канцелярию Министерства иностранных дел. И начался стремительный служебный взлет. Чин следовал за чином: 1856 год – коллежский асессор, 1857 – придворный чин камер-юнкера, 1861 –

надворный советник, 1863 – коллежский советник, 1866 – статский советник, 1870 – действительный статский советник и камергер Императорского Двора, 1878 – тайный советник, 1901 – действительный тайный советник (выше только канцлер!).

Соответственно чинам менялись и должности: младший секретарь посольства в Лондоне, старший секретарь, советник посольства, управделами посольства в Лондоне, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Греции (с 1870 по 1879 годы), чрезвычайный и полномочный посол в Германии (1879–1884), с 1884 года – сенатор по МИД, с 1900 – член Государственного Совета по вопросам экономики и финансов.

П.А. Сабуров

Впечатляет и перечень наград дипломата. Отечественные ордена: Св. Анны 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Станислава 1-й степени, Белого Орла, Св. Александра Невского. Иностранные награды: баварский орден Михаила 3-й степени, Командорской Крест греческого ордена Спасителя, орден Спасителя 1-й степени, орден Церингенского Льва 1-й степени, большой крест прусского ордена Красного Орла.

После Февральской революции и прихода к власти Временного правительства заслуженный дипломат и сенатор остался не у дел. Сначала его вывели за штат, а официально уволили 14 декабря 1917 года большевики. К этому времени Петр Александрович схоронил супругу Луизу Терезу Леонтину – дочь графа фон Экштедт, пережил арест старшего сына Александра – Петроградского гражданского губернатора (которого

расстреляют в 1919 году). Младший сын Петр – неплохой композитор, председатель Всероссийского шахматного союза скрывался где-то на юге России. Эти беды и несчастья сломили здоровье старика. После продолжительной болезни он скончался в Петрограде 10 апреля 1918 года.

Ныне о веряевских помещиках Сабуровых мало кто помнит. О долгом их пребывании в селе свидетельствует укоренившееся в народе название улицы – Сабуровка.

Землевладельцы округи – корифеи шахмат

Двое представителей веряевской ветви Сабуровых оставили заметный след в истории русских шахмат.

Петр Александрович Сабуров сделал блестящую карьеру дипломата, являлся сенатором и членом Государственного Совета. А еще он любил играть в шахматы и достиг в данной игре весьма высокого уровня. Еще в 1861 году, будучи секретарем посольства в Лондоне, выиграл товарищескую партию у известного шахматиста Паулсена. Вернувшись на родину, он внес значительный вклад в развитие шахмат в Санкт-Петербурге, в частности, участвовал в организации турнира 1895–1896 годов между чемпионом мира Эммануэлем Ласкером, экс-чемпионом мира Вильгельмом Стейницем, Гарри Пилсбергом и Михаилом Чигориным. Совершенно по заслугам П.А. Сабурова избрали почетным председателем Санкт-Петербургского шахматного клуба.

Интересна судьба его младшего сына Петра (1880–1932). Лишь по достижении им 16-летнего возраста его стала обучать шахматной науке мать Леонтина Альбертовна. Учитель из нее получился хороший, ибо сын-ученик стал постепенно обыгрывать известных мастеров. Надо сказать, что в столичном доме Сабуровых регулярно проводились сеансы игры с участием таких

блестящих шахматистов как М. Чигорин, Э. Шифферс, Е. Зноско-Боровский и др. А в 1903 году Петр Сабуров-младший занял первое место в крупном и представительном турнире. Для многих это стало неожиданностью. Когда же в 1904 году был создан Санкт-Петербургский шахматный клуб, Сабурова-младшего сначала избрали его вице-председателем, а позже – председателем (Сабурова – старшего, напомню, почетным председателем клуба).

П.П. Сабуров

Поначалу Петр Петрович пошел по стопам отца. Окончил Александровский лицей, пять лет проработал в Министерстве иностранных дел, получил чин коллежского асессора, придворный титул, но вдруг… уволился. Поступил в Санкт-Петербургскую консерваторию, где стал изучать музыкальную композицию. Неизвестно, что его больше влекло: музыка или шахматы. Как о композиторе, о нем заговорили лишь однажды, после публичного исполнения его «Любовной симфонии для оркестра». Третья часть симфонии – скерцо называлась «Сеанс одновременной игры в шахматы».

Да, так случилось, что П.П. Сабуров не стал ни известным композитором, ни гроссмейстером, хотя однажды в 1906 году принял участие в международном турнире в Остенде (Бельгия), где проиграл все партии. Прославился он не как игрок, а как организатор турниров различных рангов. Шахматный мир обязан энергичному и пробивному Сабурову-младшему подготовкой и проведением таких мероприятий, как IV национальный

турнир России, четырехсторонний матч между Чигориным, Зноско-Боровским, Аляпиным и Евтифьевым (1906 год), второй и третий турниры в Остенде, национальный турнир в Лодзи (1907), международный турнир 1909 года, в котором выступил чемпион мира Ласкер и ряд других. Петр Петрович вынашивал идею создания международной шахматной федерации, которая воплотится только в 1924-ом с организацией ФИДЕ.

Летом 1918-го П.П. Сабуров покинул Россию, обосновался в Швейцарии. На жизнь зарабатывал частными уроками музыки. Умер он от инсульта 26.02.1932 года. О смерти «русского музыканта» сообщили несколько швейцарских газет, но ни в одной из них не было ни слова о шахматах.

Сабуров-старший просто не мог не встречаться с соседом по веряевскому имению, ярким шахматистом князем Сергеем Семеновичем Урусовым (1829–1897). В приданое от супруги Татьяны Афанасьевны (в девичестве Нестеровой) он получил «души» и земли в Знаменке и Новой Деревне. Участник Крымской войны. За отличие при обороне Севастополя награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. После окончания войны вышел в отставку в чине генерал-майора. Причиной отставки послужило происшествие в воинской части, которой командовал С.С. Урусов: он отдал команду к штыковой атаке, когда прибывший в часть генерал из штаба ударил одного из младших офицеров.

Во время обороны Севастополя Урусов познакомился с графом Л.Н. Толстым. Их дружеские отношения продолжались всю жизнь. После отставки князь посвятил себя шахматам. В этой игре он уступал тогда лишь Александру Петрову. В памятном матче он проиграл ему со счетом 7,5:13,5. После смерти А. Петрова российская

шахматная корона перешла к Илье Шумову. Но С. Урусов побеждал Шумова в трех матчах (8,5:4,5; 12:9; 6,5:2,5). В 1862 году Санкт-Петербург посетил венгерский мастер Игнац Колиш. Князь сыграл с ним четыре партии, из которых две выиграл и две проиграл. С.С. Урусов разработал вариант гамбита, названный позже его именем – «Гамбит Урусова».

Из рода Кашкаровых

Древний дворянский род Кашкаровых ведет свое начало от летописного князя Редеди. На тамбовской земле представители его обосновались еще в конце XVI века. Имеется в виду боярский сын Прокопий Лазоревич. Его потомок в седьмом колене отставной поручик Михаил Алексеевич (родился в 1754 году) где-то на рубеже XVIII и XIX веков купил имение (на южной окраине села Пет Елатомского уезда) у генерал-майора Николая Федоровича Ляпунова. И вскоре перебрался сюда на постоянное место жительства.

Первая жена помещика умерла молодой, оставив ему наследника – Александра (1793 года рождения). Незадолго до переселения он женился вторично. Детей Николая, Григория, Елизавету, Аграфену, Петра, Надежду, Веру и Марию крестили уже в петской Введенской церкви.

Видимо, в средствах отставной поручик нужды не испытывал. Он не только вырастил и вывел в люди свое потомство, но и существенно расширил поместные владения. Каждой дочери дал приличное приданое, да и сыновей с наследством не обидел.

Надо заметить, к середине XIX века Кашкаровым принадлежало около 600 душ крепостных и двух тысяч десятин земли. К их владениям относились деревушки Каменка на реке Пет (ее и звали в народе Кашкаровкой),

Кенор, Прудки, Тонкачевский Ункор, части деревень Беседки, Станищи, Тонкачево, сел Свищево и Веряево. И, разумеется, они считались самыми уважаемыми людьми в Пету. Других крупных и равным им помещиков там в то время просто не было. Неслучайно, что именно Кашкаровы возвели в Пету в 1850 году рядом со своей усадьбой новую трехпрестольную деревянную церковь.

Петчане (те, что постарше) видели тот храм и неоднократно посещали его, только уже в ином качестве. Дело в том, что пустовавшие просторные помещения оборудовали под клуб. Предварительно разобрали барабан с куполом, колокольню, сделали обычную двускатную крышу. А почему помещения пустовали? Да потому, что рядом уже десяток лет действовала новая, красивая каменная церковь. Ее в 1913 году специально к 300-летию царствующего дома Романовых построил на свои средства местный купец Портнов. И какое-то время храм культуры и божий храм действовали по соседству. Но в 1930-м решением районных властей церковь закрыли. Еще через 40 лет, когда в селе появилось типовое здание Дома культуры и библиотеки, бывший деревянный храм разобрали.

Но пора вернуться к семейству Кашкаровых. По сложившейся в роду традиции Александр, Николай и Петр с юных лет поступили на военную службу. В отставку каждый вышел в чине поручика. Только Григорий избрал службу штатскую – чиновником 14 класса, одно время состоял членом уездной дворянской опеки, жил своим домом в Беседках.

Проследим подробнее жизненную линию младшего из братьев. С 16-летнего возраста Петр вступил в кавалерийский полк. Рысистого коня и необходимую экипировку обеспечили деньги отца. Через три года

произведен в корнеты, еще через два – в подпоручики. В 1840-м вышел в отставку в звании поручика. Женился и вернулся в родовое село Пет. Здесь получил по наследству 470 десятин земли и 80 душ крепостных мужского пола. Зажили молодые в мире и согласии. Пошли детки, в том числе сыновья Николай, Сергей и Григорий. Младший Гришенька остался барствовать в селе, старшие перебрались со временем в Рязань.

Николай (1841–1905), получив высшее медицинское образование, пошел по врачебной части. Зарекомендовал себя грамотным специалистом, занял активную жизненную позицию, участвовал в делах земства, успешно продвигался по служебной лестнице. Так, произведенный в 1873 году в титулярные советники (IX класс Табеля о рангах), уже на следующий год числился коллежским асессором (VIII класс), а еще через два – надворным советником (VII). Укреплению общественной репутации способствовало и участие в качестве полкового лекаря в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. За проявленное мужество и спасение раненых награжден памятной медалью и орденом Святой Анны третьей степени. А позже за добросовестную службу в мирное время – ординатором Рязанской губернской больницы – представлен к ордену Св. Станислава второй степени (1880) и чину коллежского советника (1881), что соответствует армейскому званию полковника. С 1884-й по 1888 годы – Президент общества рязанских врачей.

Николай Петрович воспитал и вырастил десять детей: Алексея (1869), Зинаиду (1871), Елену (1872), Льва (1874), Николая (1876), Даниила (1878), Георгия (1881), Марию (1885), Андрея (1887), Татьяну (1892). Даниил пошел по стопам отца, закончил медицинский факультет Московского университета, однако врачебной практике предпочел научную деятельность в области биологии. В

предвоенный период (имеется в виду Первая мировая война) посещает научные центры Германии, Австрии, Норвегии. С 1915-го по 1920 годы читает лекции в Московском университете. Затем выезжает в только что открытый Среднеазиатский университет, где становится во главе основанной им кафедры зоологии.

С 1923 года (еще завершалась борьба с басмачеством) Даниил Николаевич Кашкаров начинает участвовать в экспедициях с целью сохранения природы Средней Азии и создания заповедников. Для подкрепления задуманных планов отправляется в Соединенные Штаты Америки, где встречается с ведущими экологами и посещает практически все крупные национальные парки США. Его старания принесли плоды. При участии настойчивого ученого в 1927 году в Казахстане был организован заповедник Аксу-Джебаглы. Его книга «Животные Туркестана» до сих пор пользуется большим успехом.

Осенью 1933-го Д.Н. Кашкаров переехал в Ленинград, где возглавил кафедру зоологии позвоночных ЛГУ и созданную им лабораторию экологии животных. А в следующем году он получает ученую степень – доктор биологических наук и ученое звание – профессор.

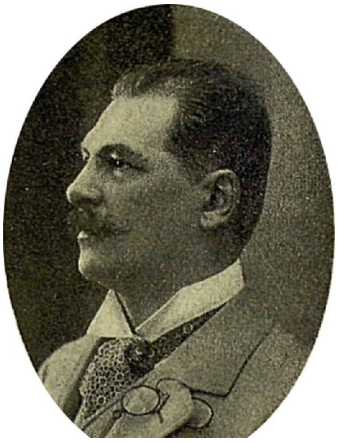
Умер Даниил Николаевич от сердечного приступа на станции Хвойная 26 ноября 1941 года во время эвакуации из Ленинграда.

Князья Мансыревы

Правду бабки говорили!

Недавно в Интернете разместили мемуары депутата IV Государственной Думы С.П. Мансырева «Страна гибнет сегодня: воспоминания о Февральской революции 1917 года», опубликованные в 1922-м в Берлине. Дана небольшая сноска об авторе.

Князь Серафим Петрович Мансырев, адвокат, прогрессивный общественный деятель, публицист. Окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата прав и золотой медалью за диссертацию «Бумажные деньги в России», по рекомендации профессора Чупрова поступил на службу в министерство финансов, работал секретарем казенной палаты в Риге, судебным следователем в Самаркандской области и Уфимской губернии. В 1903 году вышел в отставку в чине статского советника, вел адвокатскую практику. Был председателем Русского клуба в Риге, основателем и вице-председателем Русского общества просвещения.



С.П. Мансырев

В 1912 году избран в члены Госдумы от Риги вторым съездом городских избирателей, партийная принадлежность – кадет. Состоял членом думских комиссий: бюджетной, по старообрядческим делам, по вероисповедным вопросам, по исполнению росписи доходов и расходов, по военным и морским делам. После Февральской революции назначен комиссаром Временного комитета Госдумы в воинских частях, расквартированных в Петрограде. Ездил по поручению временного правительства и на фронт, в действующую армию. Участвовал в августе семнадцатого в Государственном совещании в Москве. После Октября эмигрировал в Эстонию, редактировал газету «Новая Россия». Умер от сердечного приступа в Таллине. Княжеское происхождение неясно.

Вот так-то. Хоть и князь, а как бы и безродный. Что поделать – Интернет не всеведущ. Между тем С.П. Мансырев – представитель знатного дворянского рода. Его отец Петр Порфирьевич – крупный тамбовский помещик, исполнял обязанности почетного мирового судьи Темниковского уезда.

На протяжении более пяти веков Мансыревы проживали на кадомских и мордовских землях. Хочу немного рассказать о них. Дело не только в том, что князья оставили след в истории страны и нашего края, тут и другое… Чувствую за собой долг. Какой? Сейчас поясню.

Как-то, в начале 80-х, я расспрашивал старожилов Соколова о советском и колхозном прошлом их деревни. И две бабульки пустились в воспоминания о далекой, еще дореволюционной жизни. И как бы похвалились: «Мы и молодых барчуков хорошо помним. Они чуть постарше нас были. Но нам родители наказывали при встрече с ними кланяться и величать их по имени-отчеству…».

–Каких барчуков?

–Детей княжеских – Мансыревых.

При таких словах я внутренне усмехнулся: «Какие уж тут князья?!», а разговор перевел на более близкую мне тогда колхозную тему.

Как же потом, через десяток лет, я ругал себя за проявленное недоверие! Факт владения части сельца Соколово князьями Мансыревыми подтвердился документально. Правду бабки говорили!

Княжеский род оказался весьма разветвленным. Кто конкретно имел отношение к нашему краю – поди разберись. Кинулся в Соколово к старожилкам, а их и в живых уже нет. Они-то молодых барчуков по имени-отчеству называли, а я не записал и в голове не

удержал… От других местных жителей узнал только, где стоял господский дом, где хутор с животноводческой фермой находился. Принадлежало все это двум братьям. Дочь одного из них пережила революцию, вышла замуж за крестьянина, работала рядовой колхозницей. Ну, хоть что-то!

Нравы смутного лихолетья

Татарские мирзы Мансыревы упоминаются с начала XVI века. Их древняя вотчина – село Княжево (Старое Мансырево) Кадомского, затем Темниковского уездов (современная территория Нижегородской области). Основоположником рода считается мирза Енойдар.

Новые поколения постепенно расширяли владения. По книге Кадомской воеводской канцелярии 1744 года князьям принадлежали села и деревни: Старое Мансырево, Малое Мансырево, Новое Мансырево. Позже к ним добавились Четово, Енгазино (нынешний Кадомский район), Ласицы (Сасовский район).

Со течетием времени князья размежевались по землевладениям на пензенских и тамбовских. О первых, благодаря кропотливым изысканиям местных краеведов, известно достаточно, о вторых – мало. Поэтому я остановлюсь на наших, тамбовских (каковыми и являлись мы до 1923 года).

Прямо скажем, не повезло Михаилу Сафаровичу (1705–1774) и его сыну, поручику в отставке, участнику Семилетней войны Михаилу (1738–1774). Эти представители шестого и седьмого поколений от родоначальника князя Енойдара были убиты в городе Темникове бунтарями-пугачевцами. К счастью, уцелел находившийся на русско-турецкой войне внук Степан (1754–1837).

Замечу, что эпоха тогда (словами Аркадия Райкина) «была жуткая, можно сказать, жутчайшая». Кадомские и

елатомские земли считались «разбойным краем». Многочисленные ватаги лихих молодцов промышляли с кистенями и топорами в лесах, на торных дорогах, совершали дерзкие рейды на лодках по Цне и Мокше.

Впрочем, не отставали в злодействах от «подлого сословия» и иные представители купечества, дворянства и даже духовенства. Так, в 1755 году церковнослужитель села Богданова о. Михаил (Федоров) с тремя братьями Нестеровыми сколотил ватагу из двух десятков мужиков, грабили в основном суда на Мокше и помещичьи хозяйства. Кадомский купец Кадыков любил «пошутить» со своими гостями: зазовет их к себе и вместо угощения примется избивать палками, сечь розгами и таскать за волосы. И подобных примеров тамбовский краевед XIX века И.И. Дубасов приводит немало.

«Даже помещицы Кадомского уезда, – читаем у него, – случалось, выходили на разбойный промысел. Особенно отличились в середине XVIII века княгиня Енгалычева, вдова коллежского регистратора Моисеева и вдова помещика Разгильдеева…

Кадомский помещик отставной драгун князь Алексей Мансырев бил челом на вдову Февронью Разгильдееву за ее издевательства над ним и грабеж. Когда князь с тремя дворянами был в гостях, на него вдруг напали люди Разгильдеевой, схватили за волосы, связали и приволокли в дом своей госпожи, похитив к тому же его лошадей и теплую одежду. Разгильдеева вышла к своему пленнику, спросила слуг, отобраны ли у него вещи, и стала бить князя по щекам, таскать, связанного, за волосы по полу. Потом приказала взять рогожный куль, посадить в него князя и зашить, что и было охотно исполнено слугами. Правда, осторожный староста распорол куль. Но Разгильдеева придумала новую

забаву: сама принесла два графина и велела поить князя «сильно неволею».

Связанного и пьяного, его посадили на лошадь. Староста ударил ее цепом, она помчалась и сбросила несчастного. Другую лошадь с экипажем и теплую одежду князя Разгильдеева оставила себе».

Правды ради, надо заметить, что и сам князь не отличался кротким нравом, а, напротив, «зело крут бывал». Он у всей округи «поперек горла стоял, обижал всех, кто ему под руку попадал». Одна за другой шли жалобы на буйного князя в уезд. Чтобы привести помещика в Кадом в 1771 году, пришлось посылать за ним целую воинскую команду во главе с офицером, ибо задиристый драгун не просто рвал повестки канцелярии, но и колотил посыльных «изрядно чем попало».

«Портретная галерея» княжеского рода

Первым, приобретшим земли на территории нынешнего Пителинского района, стал потомок в девятом колене мирзы Енойдара Александр Степанович Мансырев (1779–185…). Военную службу князь начинал на Балтийском море кадетом. Стажировку проходил в Англии. В 1799–1800 годах участвовал в действиях русской эскадры против французских флотилий (в том числе при блокаде Мальты, Неополя, осаде Анконы…), вышел в отставку в 1802-м в чине лейтенанта. 1806–1807 годы – пензенский уездный землемер. Участник Отечественной войны 1812 года и зарубежного похода русской армии. Домой вернулся в чине капитана. Несколько лет исполнял обязанности нижнеломовского капитана-исправника.

Вместе с супругой Александрой Антоновной князь владел землями и полсотней крепостных мужского пола в селе Нестерове.

Отличился в войнах с наполеоновскими армиями кузен Александра Степановича Павел Иванович (1785–1845), начинавший службу в лейб-гвардии Семеновском полку. Он участник кампаний 1805–1806 гг. (был и при Аустерлице), Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Отечественной войны 1812 года и заграничного похода 1813–1814 гг. Капитан П.И. Мансырев в битве при с. Бородино «во время сильной неприятельской кононады оказал примерную храбрость и неустрашимость, при чем и ранен», за что получил орден Святой Анны 4-й степени. В сражении при Малоярославце «будучи командирован со стрелками, храбростию своею отразил неприятельских стрелков до самой их колонны и, получив рану, не оставлял своего места, покуда не был сменен». После такой реляции последовала награда – орден Святого Владимира 4-й степени с бантом.

Вместе с союзниками по антифранцузской коалиции сражался с наполеоновскими войсками и родной брат Александра Степановича Никанор (1783–183…). Когда же в самом конце 1809-го он вернулся в свое поместье, его ждал неприятный сюрприз. Супруга Надежда Михайловна коротко сошлась с соседом по имению Михаилом Васильевичем Арсеньевым (дедом поэта М.Ю. Лермонтова). На дуэль обидчика чести вызывать не пришлось. Узнав о возвращении мужа любовницы, Арсеньев покончив с собой, приняв яд. Случилось это прямо на рождественской елке, устроенной им для малолетней дочери.

Семейная драма не развела супругов Мансыревых. Они вырастили наследников. Старший Павел (1812–1855), увы, погиб на Крымской войне. Младший Николай (1825–1904) пошел по штатской части. По семейному преданию, во время торжественного приема, устроенного пензенским дворянством направляющемуся в полк на

Кавказ М.Ю. Лермонтову, приветствовал знаменитого поэта виршами собственного сочинения и удостоился его похвалы.

Литературой князь увлекся с юных лет. Тесно сошелся в Москве с кружком студенческой молодежи, объединявшим Афанасия Фета, Аполлона Григорьева и др. Через них познакомился и с известным уже поэтом Яковом Полонским. Литературные опыты членов кружка Николай Никанорович издал на свои деньги в сборнике «Подземные ключи» (1842), вызвавшем, впрочем, противоречивые рецензии. Несколько собственных стихотворений («Пускай обманут я надеждами, мечтами», «Нет, не проси меня, мое дитя», «Из Байрона» и др.) князь опубликовал в журнале «Москвитянин», но более писал «в стол».

В.Н. Мансырев

Николай Никанорович, выйдя в отставку, прочно обосновался в имении Телегино Пензенского уезда, занялся конезаводством. Уже в зрелом возрасте увлекся гомеопатией, собирал травы, готовил лечебные снадобья, которыми пользовал крестьян.

Один из трех его сыновей, Владимир, будучи статским советником и кавалером орденов Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 3-й степени, слыл большим знатоком лошадей, опытным наездником, часто бравшим призовые места.

Впрочем, мы невольно отклонились от тамбовских помещиков к пензенским. Пора сказать несколько слов и о наших землевладельцах.

Мансыревы в Соколове

К началу–середине XIX века потомки мирзы Енойдара владели землями на нынешних территориях Мордовии, Нижегородской и Пензенской областей, Кадомского, Сасовского и Пителинского районов. По семейной традиции родовое гнездо и лучшие поместья переходили в наследство к сыновьям-первенцам. Поэтому старший из братьев уже знакомый нам лейтенант флота в отставке Александр Степанович после смерти отца получил обустроенную усадьбу в Княжове, средний, Михаил, помимо прочего – деревеньку Ласицы (Сасовский район), младший, Иван, – наше сельцо Соколово и то совместно с племянником Николаем Александровичем. Как ладили дядя с племянником, неизвестно. Но, думаю, уживались.

От Ивана Степановича соколовские владения перешли к его сыну Порфирию, затем к внуку Петру, считавшемуся по тем меркам помещиком «средней руки» – только в Тамбовской губернии имел около двух тысяч десятин земли. Петр Порфирьевич обосновался в уездном городе Темникове. Служил чиновником полицейского управления, состоял членом уездного по крестьянским делам присутствия, несколько лет исполнял обязанности почетного мирового судьи. Его сына депутата Госдумы Серафима Петровича я представил в первой части очерка.

У Николая Александровича Мансырева было три сына. О старшем Александре упоминаний мало. Видимо, он умер малолетним. Второй сын, Иван, избрал штатскую службу, в чине коллежского регистратора состоял членом дворянской опеки Елатомского уезда. Младший, Михаил, пошел по военной части, к тридцати годам имел звание пехотного капитана.

Князья Мансыревы не только подолгу жили в соколовском имении, но и породнились с соседями – помещиками Грековыми из Больших Прудищ. Впрочем, хорошо знались они и по Темниковскому уезду, где губернский секретарь Петр Ильич Греков исполнял обязанности почетного мирового судьи, а его сын Алексей состоял членом земской управы.

Со временем недалеко от Больших Прудищ появился господский дом с садом и прудом. При советской власти постройку разобрали на какие-то хозяйственные нужды, а место до сих пор зовется в народе Мансыревой рощей.

Князя Ивана Николаевича и его супругу Екатерину Петровну можно считать последними владельцами соколовского имения. Местные старожилы хорошо помнили их высокий, под железной крышей, с балконом, украшенный по всему протяженному фасаду затейливой резьбой деревянный дом. Теперь на этом месте пустырь, травяное поле.

При советской власти в княжеском особняке размещались сельсовет, контора колхоза имени Калинина и квартира Юрусовых. Когда в шестидесятые его стали разбирать, из-под потолочной балки выпала наградная сабля – возможно, бравого капитана Михаила Мансырева? Увы, и она не сохранилась. Виктор Абанин решил отвезти ее в Большие Мочилы, сунул в передок саней. По дороге острие задело ледяной бугорок и наградное оружие разломилось: клинок отдельно, рукоять отдельно.

Летом 2013-го на месте княжского особняка побывали поисковики из Москвы и Сасова. С помощью металлоискателя они обнаружили различные украшения, предметы обихода, рукоять сабли и немало старинных монет. Есть сведения, что часть найденного передана в Сасовский краеведческий музей.

Князь Иван много времени проводил в Соколове, уделял пристальное внимание хозяйственным вопросам. Примерно в полукилометре к югу от усадьбы он основал хутор с молочнотоварной фермой. Для улучшения породы скота «выписал» зоотехника-селекционера из Австрии. Крестьяне запомнили его сразу по характерной внешности, в первую очередь по ярко рыжим волосам. Кроме того, по воспоминаниям М.П. Косолаповой (1864–1941) специально обученные крестьяне изготавливали в усадьбе музыкальные инструменты (домры, балалайки, мандолины), которые отправлялись в Москву.

Князь Иван, по видимому, не дожил до рокового года двух революций, так как после 1910-го его имя в документах не встречается. Трудно что-либо сказать о его наследниках. О двух барчуках мне рассказывали местные старожилки, но я не записал и не сохранил в памяти услышанное от них.

Правда, известна непростая судьба дочери Ивана Николаевича княжны Надежды (примерно 1893 года рождения), которая осталась в деревне, пережила бурные и трагические для себя события, связанные с крушением «старого мира». Уцелеть в этой «буче, боевой, кипучей» помогло ей обстоятельство или продуманный шаг – княжна вышла замуж за крестьянского сына Федора Абросимова из соседних Малых Мочил. Тот в отчих краях гостил не часто, ходил матросом по Волге и Каспию.

Сменившую фамилию и социальный статус Надежду репрессии не коснулись. Она, хоть и с трудом, научилась вести скромное домашнее хозяйство, позже работала рядовой колхозницей. После войны окончательно переехала в г. Михайлов, где, видимо, и похоронена. Возможно, кто-то из ее детей здравствует поныне и мог бы заполнить пробелы в моем повествовании.

Политик и литератор Воейков

Скромная и малочисленная похоронная процессия медленно двигалась по одной из улиц Парижа. Местные обыватели равнодушно провожали ее глазами. «Жан, узнай, кого хоронят?» – обратился старый бакалейщик к своему помощнику. Тот вскоре вернулся и сообщил: «Какого-то русского. Говорят, на родине важной особой был». Так провожали в последний путь русского дворянина, общественного и политического деятеля, литератора С.В. Воейкова (1860–1937). Между тем его жизнь тесно связана с нашим краем.

На северном берегу нестеровской плотины, на бугре до сих пор заметны следы бывшей экономии: подвальные ямы, кусты сирени, оградительные (по периметру) рвы. Полтора века назад, в середине XIX века основал ее потомственный дворянин, отставной прапорщик, титулярный советник Николай Иванович Воейков (1772-1866). Сам он проживал в селе Ардабьеве (13 верст к северу от Елатьмы), где имел 275 крепостных мужского пола. А в Нестерове у него на 1860 год значилось 184 крепостных и 1355 десятин земли.

После смерти помещика его нестеровское имение по родству перешло к полковнику в отставке Валериану Дмитриевичу Воейкову. От отца, Дмитрия Петровича, известного на тамбовщине коннозаводчика, ему осталось также немалое наследство в сельце Александровка Козловского уезда: 188 крепостных мужского пола, 1350 десятин земли и завод рысаков.

По-настоящему эффективное хозяйство в Нестерове наладил его сын Сергей. Помимо скотных дворов, птичника, конного завода упряжной породы, он в 1913-ом построил и винокуренный завод, на базе которого вплоть до недавнего времени действовал Нестеровский спиртзавод.

Как выглядела экономия, местные старожилы уже не помнят – ее разграбили сразу после революции. По их мнению, баре тут почти не жили, появлялись редко. Хозяйственными вопросами занимался управляющий экономии Петр Никитич Никитин. Думаю, что такое мнение ошибочно. В Нестерове прошли годы зрелости и старости Валериана Воейкова. Здесь он умер (1895 г.) и похоронен. Его сын Сергей хоть по долгу службы проводил много времени в столице, в имении бывал часто, хорошо знал обстановку в крае, уклад жизни не только местных помещиков, но и крестьян, являлся попечителем ремесленного училища в селе Потапьево.

С.В. Воейков имел университетское образование, изучал новые технологии сельскохозяйственного производства, перенимал передовой опыт европейских стран и внедрял в своем имении. Вникал в ход проводимой правительством и земством земельной реформы среди крестьянства. Главным тормозом реформы он считал малоземелье и чересполосицу (когда наделы одного хозяина (семьи) чередовались узкими полосами вперемежку с чужими участками). Также он указывал на неэффективную деятельность Крестьянского Банка и на необходимость округлять и по-новому межевать наделы крестьян.

Например, в письме председателю Елатомского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности от 3 сентября 1902 года он сообщал: «Нет надобности говорить о вреде и убыточности чрезполосных владений или чрезполосного пользования землею… Что же касается чрезполосицы, то распределение надельных земель представляется очень трудным. Какая бы то ни была принудительная мера, она здесь не принесет большой пользы. Вопрос этот очень важный, а теперь даже Правительство поставило его на

очередь, но, вместе с тем, оно же само (в лице Министерства финансов) способствует распространению чрезполосности крестьянских владений.

Вам известно, какая масса земель раскупается при содействии Крестьянского Банка. Покупатели-крестьяне распределяют между собою всю купленную землю также чрезполосными участками. В Нестеровской волости я насчитал у семьи на 8 десятин надела 45 участков на расстоянии 6 верст».

С 1905 года С.В. Воейков – член Центрального Совета Всероссийского Союза земельных собственников. Сам он владел 600 десятинами земли (плюс 70 десятин леса) в Нестерове и 70 – в Соколове.

Сергей Валерианович активно участвовал в политической и общественной жизни страны. По убеждениям – монархист, с 1901 года – член партии Русское Собрание (15 марта 1912 года избран товарищем (заместителем) председателя Совета партии). Баллотировался (но не прошел) в I Государственную Думу.

В 1907 году избран депутатом III Госдумы от Тамбовской губернии. Член фракции правых, участвовал в работе комиссий: бюджетной, рабочей и путей сообщения, товарищ председателя фракции правых (1908–1909 гг.). Одно время участвовал в деятельности Русского Народного Союза имени Михаила Архангела. Член Всероссийского Национального Клуба, вице-директор Императорского Человеколюбивого общества, председатель Совета Всероссийского общества св. Ольги.

1913-й. Избран почетным мировым судьей Елатомского уезда и губернским гласным от уездов. Позже назначен чиновником особых поручений Министерства внутренних дел. В годы Первой мировой

войны – уполномоченный министра земледелия по заготовкам для армии.

Хорошо известен С.В. Воейков был в кругу публицистов и литераторов. Он автор (под псевдонимом Нестеров С.В.) исторических очерков и рассказов, в том числе: «Потемкин, князь Таврический» (Киев, 1899), «Екатерина Вторая» (СПб, 1904), «Беседы о детях» (СПб, 1907), «Италийские фрески. Очерки и рассказы» (Пг, 1914). С 1906 года издавал литературно-исторический журнал «Нева», являлся редактором «Вестника Русского Собрания», членом редакционной комиссии «Книги русской скорби», сотрудничал в журнале «Прямой путь».

Вот таким разносторонне развитым человеком оказался наш нестеровский помещик. Согласитесь, никак не вяжется образ его с мракобесием, косностью, самодурством. Тем не менее и такому прогрессивному политику и общественному деятелю пришлось в целях безопасности эмигрировать после Октябрьской революции. Обосновался в Париже. И там без дела сидеть не смог. Пытался организовать русскую консерваторию, сотрудничал в эмигрантском издании «Последние новости».

Жизнь на чужбине не была легкой и безоблачной. Кипучей энергии Сергея Валериановича хватило на 20 лет вынужденной эмиграции. И, думаю, он с душевным трепетом и сердечной болью вспоминал свою малую родину – село Нестерово.

Место упокоения С.В. Воейкова не установлено (во Франции бесхозные могилы по истечении определенного срока демонтируются и используются под новые захоронения). Как говорится, не осталось ни креста, ни камня. Прах Валериана Дмитриевича Воейкова погребен возле нестеровского храма во имя Дмитрия Солунского.

Жизнь у воды

Разбирая архивные документы, выявил несколько занятных фактов, касающихся прошлого нашего края. Сама собой наметилась и тема: промыслы и поверья в примокшинских поселениях, обусловленные жизнью у воды (река, многочисленные пойменные озера).

Рыбный промысел

«Промышленное значение рыбный промысел имеет лишь в Елатомском уезде, в котором уловом рыбы занимаются как жители города Елатьмы, так и крестьяне почти всех селений, лежащих по берегам рек: Оки, Мокши и Цны, а также и по озерам. Работают в одиночку, а иногда и артелями; за лето, при хороших условиях улова, на рыбака чистой выручки приходится от 40 до 50 рублей. Рыба худших сортов продается на местных базарах и частью в соседние уезды, а лучшая, как стерлядь и судак, на плавающие по Оке пароходы, а также отправляется в Москву, Касимов и Меленки, когда установится зима.

В Елатомском уезде ловится и продается рыбы от 10 до 20 тысяч пудов, а то и более. В других уездах рыбный промысел упадает с каждым годом», – прочитал я в «Памятной книжке Тамбовской губернии», выпущенной в 1894 году. Автор статьи указал и распространенные в округе породы рыб: судак, окунь, налим, ерш, щука, карась, карп, пескарь, линь, лещ, бирючок (из рода ершей), плотва, вьюн, сом… Далее цитирую: «Стерлядь, довольно больших размеров, водится в Оке, близ Елатьмы, но особенно в реке Мокше… Редко встречается в здешних реках и вырезуб».

Про рыбные богатства нашего края не забывали и в советское время. При колхозах «Заветы Ильича» (с. Ермо-Николаевка), имени Сталина (с. Темирево), «Красный тракторист» (с. Пеньки), имени Тельмана (с. Савро-Мамышево) и имени Фрунзе (с. Юрьево) были

созданы рыболовецкие артели. Им доводились твердые планы. Артельщиков обеспечивали надежными лодками и прочными неводами.

Чтобы не быть голословным, приведу статистические данные за 1940 год. Тогда только через районную контору «Рыбпрома» было реализовано свыше 30 тонн свежей рыбы. При этом следует учитывать, что часть улова шла на внутрихозяйственные нужды. Еще часть артельщики получали в виде натуроплаты.

Почему к середине шестидесятых колхозные рыболовецкие бригады распустили, сказать не могу. Существенно повлиять на рыбные ресурсы они не могли, ведь лов велся довольно грамотно, сети применялись с крупной ячеей, пропускающей мальков и молодняк.

«Захолустный уголок»

«Заречная часть Елатомского уезда – самый захолустный уголок Тамбовской губернии. Вдали от водных и сухопутных дорог, раскинувшись по низовьям меж Окой и Мокшей, он живет каким-то обособленным, замкнутым миром. Городская культура его не коснулась, даже торговые пункты – базары и ярмарки – эти обычные проводники цивилизации, не оказали здесь сильного влияния. Верные традициям, крестьяне твердо держатся заветов старины, ревниво оберегают вековые устои от волн «новшества».

Смеются над ними заезжие торговцы, ругают «пеньками», да горя мало заречникам: «Мы не купцы, – говорят они, – и не баре, а православные христиане: живем по-маленькому, по-черному, как отцы наши жили и нам приказали»…

Это цитата из статьи А. Звонкова «Очерк верований крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии», опубликованной в 1889-м в журнале «Этнографическое обозрение» – периодическом издании Императорского

общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

О личности автора в Интернете ничего узнать не удалось. Кто же такой этот Звонков? Просмотрел адреса-календари служащих в Тамбовской губернии лиц за период конца XIX – начала XX веков. К Елатомскому уезду имели отношение три брата: Николай, Георгий и Андрей Петровичи. Где они постоянно проживали непонятно. Возможно, один из них являлся помещиком деревни Ерма. Местные старожилы хорошо помнили вдову – барыню Звончиху, умершую в солидном возрасте (1932 г.) в полной нищете.

Коллежский секретарь Андрей Петрович Звонков одно время исполнял обязанности городского судьи Спасска (ныне Пензенской области), затем – Тамбова. Очевидно, что в конце концов он перебрался на постоянное место жительства в губернский центр. Но ясно и другое – в 1880-х годах была у него усадьба в селе Темиреве. И нашу округу Андрей Петрович знал неплохо, ибо, как указано в статье, побывал во всех «даже самых захолустных уголках».

Почему же автор называет местных сельчан «заречниками»? Потому что наши края по отношению к уездному центру Елатьме располагались за рекой Окой. Этот термин вошел в официальное наименование сел – Заречное Свищево и Заречное Любовниково (так как вблизи Елатьмы тоже были Свищево и Любовниково).

Но возвратимся к статье А.П. Звонкова.

Культ воды и огня

«Православными зовут себя заречники, в церковь ходят и молебны усердно служат, а во многом еще удержали языческого и в обрядах, и в верованиях, и в самих религиозных воззрениях. Это их самое дорогое, самое заветное наследие, которое они хранят в оболочке

христианства. Заречник гордится своим «православием», носит крест с распятием, а порой не скажет вам, кто распят на этом кресте, и привешивает к нему десятки «ладонок» с наговорами и заклятьями.

Заболела у мужика жена или дети – он перепробует сначала тьму суеверных средств, понабегается к разным колдунам и знахаркам, а потом уж поплетется к попу причастить больных во здравие. Случись крупная беда на селе – повальная болезнь или падеж скота – целое общество встает, как один человек, и в виду причта совершает длинную процедуру опахиваний, заклинаний и других языческих обрядов.

Культ языческого бога-громовника до сих пор еще здесь не изжит. В Савро-Мамышеве, Пеньках и других глухих селах считают рискованным хорониться от грозы близ церкви, а спешат в избу, поближе к очагу.

Как карательная стихия, огонь самая страшная, самая действительная и верная сила. Кто плюет в печь – верная сухотка впоследствии. Загорел хлеб у крестьянина – великий, стало быть, и непростительный грех на душе у хозяина. Задохнулась баба, парившаяся в печке, – была, значит, колдунья или ведьма…

Как стихия целебная, огонь является больше в соединении с водой. Дождевая и ключевая вода тоже целебна. Сверх того она обладает вещей силой предсказания. С нею неразрывно связаны святочные и весенние гадания. Подойдет петух к чашке с водой, закудахчет, глядя в нее, – выйти девушке замуж; отойдет спокойно – век в девках сидеть. Потонул в воде венок, воск с волосами новорожденного – не жить человеку на белом свете.

Безусловно, чистою вода не считается, в этом ее отличие от огня. «Огня черт боится, а в воде селится», говорит пословица. Дождевая вода с ключевой чисты, а

речная, луговая и особенно озерная могут быть оскверняемы присутствием нечистого.

Реки нечисты от присутствия в них водяных и русалок. Культ водяных довольно распространен, особенно в соседнем селе нашем Савро-Мамышево, где все почти занимаются рыбным промыслом. Нередко случается ездить с ними и беседовать об этом предмете. В водяных верят так же, как в свое собственное существование. Передают при этом целую массу «бывальщин» и «оказий».

Редко вредит водяной людям, но любит почет и уважение и мстит за злые шутки с ним. Прибыльная и удобная на нашей реке (Мокше) ловля с подсветом совершенно не практикуется рыбаками из суеверного страха, чтобы не раздразнить водяного. «Вон был, – рассказали мне, – Фомка у нас. На что бы, кажись, удалее! И с водяным ладил: нырнет, бывало, в самую глубь за полуштоф. А поехал раз с подсветом – лодку одну только и прибило с шапкой».

Водяной – существо благодушное, но так расшалится порой, что испугает насмерть. Едешь в лодке – все ничего: и тихо, и волн нет. Вдруг поднимется корма на целый аршин: раздается хохот, плеск – и снова все тихо. Шутки водяного бывают больше с началом весны. Едут рыбаки по реке, вздремнут по течению. Водяной влезет незаметно в лодку, оборотится мертвецом и лежит среди них. Заметят его, сотворят крестное знамение – он прямо в воду, только его и видели.

Перед началом лова всегда бросают водяному две-три рыбы, крошки хлеба, посуду с остатками вина и т.п. Зарябит по воде – сердит водяной, брови хмурит, не жди лова хорошего. Дозором обходит он свое водное царство, набредет на невод и выпустит из него всю рыбу. И глубоко опускать сети тоже нехорошо: опять

обеспокоишь, раздразнишь водяного; попадет нарочно в мотню, порвет и уведет за собой всю рыбу.

«Неудобные» места

Зимой водяной уходит из воды в подземные жилища. Находятся они глубоко под землей. Ход в них открыт всегда и для всякой нечисти. В царство это попадают иногда и люди: утопленники, затащенные в полдень русалками. Возврата нет, если не отслужишь 40 обеден Зосиме и Савватию; тогда только может всплыть покойник.

Ход в подземное царство открыт с суши через пропасти и расселены: открыт через все «неудобные» места. А их становится все больше и больше – с провалами, кладами и осквернеными болотами. Большинство из них окружено массою легендарных сказаний.

На левом берегу Мокши, недалеко от Пятницкого Яра находится одно из таких неудобных мест – глубокий провал, полный мутной воды, с чащей кустарника по берегам. Заезжал сюда со своей вольницей славный атаман Стенька и закопал несметные сокровища; зарыты они были без всякого зарока, и как только прокляли Стеньку по смерти – тут провалился и клад в преисподнюю. Место стало нечистым: ни рыба там не живет, ни птица не садится, а по ночам только бесенята купаются.

Место это не раз приходилось мне видеть. Рыба там, действительно, не живет, потому что вода содержит какие-то примеси, птице и садиться негде: всего болота две сажени в диаметре и то наполовину закрыто кустарником.

Другое нечистое место известно близ Просяных Полян – тоже в виде провала, в кустарнике, среди пахотного поля. Третье – между селами Темирево и Савро-

Мамышево – среди озера Иршади. Дна, по рассказам, любопытные не доставали, а вместо рыбы хмельной рыбак вытянул раз маленького, как головешку, беса.

Интереснее других провал близ Потапьева, на высоком берегу реки Пета. С отверстием вверху, он представляет обширную темную пустоту с отдаленным, едва слышным журчанием водяных жил. Сверху был, говорят, прежде тяжелый железный затвор с бесконечными вниз ступеньками; был и другой ход с подошвы горы, но со временем просочилась вода. Клад, схороненный здесь, провалился, вода размыла стенки и сама ушла вниз, оставив бесформенную зияющую пропасть.

Но не одни поганые места в окружности: есть и озеро святое, и болото. Святое озеро расположено на левом берегу Мокши, близ рыбной пристани Шуруй-ватаги. Святым названо потому, что здесь ушел в землю какой-то чудный храм. Праведники видят в озере его отображение, другие, более тонкие наблюдатели могут разглядеть молящихся, слышать неземное, сладкое пение.

Священное болото, скорее родник, находится в полуверсте от Темирева. Ключ освящен явленной иконой чудотворца Николая, а около находится священное дерево – орешник, куда стекаются все болящие, недужные, одержимые злым духом женщины: вешают тряпки, пояса, платье, бусы, кладут мелкую монету, произносят непонятные слова и быстро убегают в полной уверенности, что болезнь осталась на дереве.

Значительно рельефнее других культ предков и умерших, олицетворяемых в русалках, огненных змеях и домовых.

Домовой относится к разряду самых любимых демонических существ. Живет он на чердаке, в хозяйстве следит главным образом за лошадьми, ведет отчаянную

борьбу с полевыми русалками, если они близко подходят к дому, портят овощи, обтачивают зерна на загоне. Много рассказывают про связи домового с молодыми солдатками и вдовами. Часто происходят тут у него столкновения с огненным змеем…

Говоря о культе умерших, не могу не упомянуть о так называемых «колокольных мертвецах» и «злых еретицах». Те и другие греховные, нечистые люди, коих мать сыра земля не принимает. Колокольный мертвец обыкновенно из колдунов, живет на колокольнях. Что такое еретицы – определенно сказать трудно. По рассказам большинства, это женщины, заживо продавшие душу черту. Днем ходят в виде безобразных, рваных старух, к вечеру собираются в поганых оврагах, а ночью уходят в провалившиеся могилы и спят там на гробах нечистивых.

Умерла – передавали мне в Темиреве – у мужика дочь; позвал он свата, угостил его и попросил вырыть могилу. Во хмелю сват побрел с лопатой на кладбище. Нашел могильный провал, опустился в него и давай рыть. Лопата стукнула в гроб, и через гнилой сучок он увидел вдруг глаз еретицы. Поспешно выпрыгнул мужик и без оглядки побежал домой. Прибежал, лезет на печь, а там лежит еретица и смотрит на него тем же злым глазом. Тот опрометью на двор, к яслям, но проклятая еретица и тут опередила его: лежит в яслях и заливается демонским хохотом. С той поры и стал сват сохнуть. Что ни делали – и молебны Зосиме с Савватием служили, и водой святой кропили – ничто не помогло, умер сват.

Таковы в общем верования елатомского заречника. Кругом него все живет чудесной сверхъестественной жизнью, все живет и одухотворяется в самых причудливых поэтических образах».

Трудные судьбы потомков купца Кондранина

Дочери вместе, сыновья врозь

Николой Илларионович и Прасковья Петровна Кондранины

Почетный потомственный гражданин села Пителина, купец второй гильдии Николай Илларионович Кондранин (1850–1916) вместе с супругой Прасковьей Петровной вырастил, воспитал и вывел в люди дочерей Екатерину, Софью, Любовь и Елизавету, сыновей Константина и Александра. О судьбах их известно не много. Они принадлежали к поколению, попавшему в «мельничные жернова» истории. Три революции, Первая мировая и Гражданская войны привели не только к грандиозным политическим, экономическим и социальным потрясениям, к крушению Российской империи, к слому сложившихся веками устоев, но и разбросали членов прежде благополучных семей по всему белу свету. Родственные связи обрывались. Случалось, что брат шел на брата: один воевал за «красных», другой – за «белых».

Всех дочерей купец обеспечил солидным приданым. Каждой из них при выходе замуж выделил по 10 десятин земли и по 3 десятины леса, плюс приличные денежные суммы. Так уже повелось, что купцы роднились с купцами. Разумеется, старались посвататься к ровне, людям своего круга, достатка и положения. Желанными невестами считались дочери Николая Илларионовича Кондранина. Лиза, например, вышла замуж за купеческого сына Николая Маликова. Удачно сложились судьбы и ее сестер. Всем им выпала долгая жизнь. Они не теряли родственных связей, постепенно обосновались поблизости друг от друга в Подмосковье: в Раменском и Кратове (Екатерина и Елизавета даже проживали в одном доме).

Увы, не столь безоблачно складывалась жизнь у сыновей купца. Про Александра (1883–1941) известно очень мало. Он получил высшее юридическое образование и классный чин губернского секретаря, но долго ждал вакантной должности. До прихода к власти большевиков исполнял обязанности судебного следователя первого участка Елатомского уезда. По наследству получил земли возле села Потапьева и крепкую экономию (в двух верстах от д. Беседки). Вполне вероятно, участвовал в Гражданской войне на стороне белых.

Любовь и Александр Кондранины

Позже скрывался, меняя места жительства. После присоединения к СССР Западной Белоруссии, подался туда. В конце 1940 года устроился работать (подальше от

любопытных глаз) техником в лесничество Попелево, что в Пружанском районе Брестской области. 13 февраля 1941 года Александра арестовали (данные из Книги памяти жертв политических репрессий). «За связь с польской полицией» 14.06.1941 особым совещанием приговорен к 5 годам лишения свободы. А спустя несколько дней началась война. Ввиду стремительного наступления немецко-фашистских дивизий и крайне нестабильной обстановки, А.Н. Кондранин был расстрелян.

Непростой жизненный путь прошел и Константин. Еще в юные годы он пережил драму: всем сердцем полюбил девушку из бедной семьи, но отец остался глух к мольбам и разрешения на брак не дал. Костя на время ушел из дома, старался жить своим умом и трудом. Потом смирился, вернулся. Поступил на учебу в императорскую военно-медицинскую академию. Годы учебы промелькнули быстро, и в 1913 году наш земляк получил диплом лекаря (так до 1918 года официально именовали врачей). Выбранной профессии Константин Кондранин никогда не изменял.

Будучи курсантом, Костя встретил девушку, которая заставила забыть его о прежней сердечной драме. Звали ее Варя. Молодые люди полюбили друг друга и поженились.

12 января 1916 года скоропостижно скончался отец. Константин после похорон остался на малой родине, вел врачебную практику. С приходом к власти большевиков было конфисковано почти все нажитое купцом имущество. Для семьи лекаря наступили трудные времена.

К концу двадцатых годов обстановка в селе вновь обострилась. Начинались партийные чистки, поиски вредителей и «чуждых элементов». Все более пристально

приглядывались к тем, кто из «бывших». Эпоха НЭПа заканчивалась. Успешные еще вчера лавочники, мясники, мельники, трактирщики и прочие спешно выезжали за пределы района и области, оставляя на произвол судьбы обихоженные дома и добротные хозяйственные постройки.

Константин Кондранин

Не стал рисковать семьей и Константин Кондранин. Он перебрался в Гусь-Железный, устроился работать в местной больнице. Там, по крайней мере, на него косо не смотрели и не шептали злобно в спину.

Константин Николаевич и Варвара Ивановна вырастили дочерей Ирину, Татьяну, Людмилу и сыновей Константина, Николая и Александра, дождались внуков. Сын Константин (1923–1944) сражался на войне, награжден орденом Отечественной войны I степени, гвардии лейтенант. Погиб 10 июля 1944 года. Говорят, что и второй сын Николай тоже погиб на фронте, но данных о нем у меня нет.

Константин Николаевич Кондранин прожил долгую жизнь. Последнее время работал врачом в больнице села Алексеево Бельковского (ныне Клепиковского) района. Там он и похоронен.

Искала счастья в Москве, а нашла на войне в Персии

Детство и отрочество младшей дочери купца Кондранина – Любови Николаевны (1890–1980) прошли в родном Пителине. Затем она с сестрой Екатериной

перебралась в уездный город Касимов (где у купца имелись просторный двухэтажный деревянный дом и торговая лавка), а еще позже – в Москву.

Помните, у Чехова в пьесе «Три сестры» героини пафосно восклицают: «В Москву! В Москву!», наивно полагая, что стоит только из провинции переехать в первопрестольную – и начнется новая, настоящая жизнь. Мечтала о крутых переменах в судьбе, о встрече принца на белом коне и сельская девушка Любаша. Но проходили в будничной суете дни и недели, а каких-то значительных перемен в ее жизни не намечалось. Под влиянием брата Константина, студента военно-медицинской академии, решила стать медсестрой. Для этого поступила на соответствующие курсы.

О дальнейшем жизненном пути Любови Николаевны Кондраниной рассказала мне в переписке ее внучка Алла Михайловна Астахова – преподаватель английского языка Пензенского государственного университета архитектуры и строительства.

С начала 1906 года в Иране вспыхнула революция, позже перешедшая в затяжную вялотекущую гражданскую войну. Но летом 1909-го события стали накаляться. Под предлогом защиты иностранных поданных и стабилизации обстановки Россия в августе того же года направила в Персию (так чаще называли Иран) свои войска. К этому времени Люба отучилась на курсах медсестер. А вскоре она

Любовь Кондранина. 1909 г.

оказалась в действующей армии: то ли направили, то ли сама напросилась.

Из Персии, как вспоминает Алла Астахова, бабушка вынесла острую неприязнь к черной икре и персикам. Атаки неприятеля на русский лагерь медперсонал пережидал в глубоком подвале, и только когда канонада и перестрелки стихали, выходил наверх для оказания помощи раненым. Такова была установка командования.

Однажды вынужденная отсидка в подвале изрядно затянулась. А девушки голодны, с утра ничего не ели. В подвале они обнаружили бочонки с черной икрой. Черпали ее горстями, в темноте измазали себе лица. Голод утолился, но Люба потом всю жизнь чувствовала отвращение при виде дорогого деликатеса. Персики в Персии попадались всюду, но в их ворсистой кожице таилась опасность – там скапливались мириады возбудителей болезней, в том числе чумы и холеры. Вот откуда ее подозрительность к этим фруктам.

После окончания военных действий в Персии, в ноябре 1911 года вернулась Люба в Россию. И не одна, а с будущим мужем. История их знакомства весьма занятна. Один служивый постоянно и, видимо, не случайно попадался на глаза юной и смазливой сестре милосердия. Та старалась не обращать на него внимания: подумаешь, солдат, провинциал, а она-то – москвичка! Но и воздыхатель (у него имелся мотоцикл с небольшой платформой вместо коляски) оказался не прост. Звали его Михаилом. Он выждал момент, когда Люба неспешно прогуливалась с подругой, подрулил сзади на мотоцикле и ловко подхватил девушку так, что она плюхнулась на платформу и поневоле поехала с солдатом. Михаил весело смеялся, Люба отчаянно ругалась… Так они познакомились и не расставались потом всю жизнь.

Молодожены решили обосноваться в Москве, но в квартиру Кондраниной заселились другие люди. Пришлось временно обосноваться в Елатьме, затем много лет жили в Пензе, пока не перебрались в Подмосковье.

Михаил Мурыгин

Говорят, любовь творит чудеса. Так получилось и у наших героев. Муж Любови Николаевны Михаил Степанович Мурыгин происходил из небогатой семьи. Поступил в гимназию, учился, по образному выражению, на медные деньги. После женитьбы смог получить высшее юридическое образование, стал успешным адвокатом – любовь окрыляла. Избирался членом президиума Пензенской коллегии адвокатов. Последнее время работал юристом в ЦАГИ (центральном аэрогидродинамическом институте).

Любовь Николаевна трудилась в роддоме, преподавала в медучилище. Характером вышла в отца: строгая и требовательная. Являясь главврачом Раменского роддома, установила в нем идеальный порядок: чистота, стерильность, железная дисциплина. Даже в сильную жару медперсоналу вменялось ходить на работу в фильдеперсовых или фильдекосовых чулках – никаких голых ног! И дома она железной рукой вела семейную «лодку». Надо заметить, что супруги обращались друг к другу по-старинному – по имени-отчеству. Их дети получили в Москве блестящее образование, выросли внуки, появились правнуки.

Любовь Николаевна прожила долгую, насыщенную событиями жизнь и отошла в мир иной в почтенном девяностолетнем возрасте.

Чье имя носит Балашова гора

Балашова гора. С малых лет, проводя из года в год лето в Ермо-Николаевке, слышал это название. Гора высилась за рекой Пет и Ольховским болотом, перекрывая прямой путь на Марьевку. Санные следы и колесные колеи огибали ее по дуге, проходя равниной через деревни Жуковку и Кононовку. И все же со временем проложили дорогу и через гору. Мы, пацаны, натужно штурмовали крутой подъем на велосипедах, чтобы затем с большой скоростью слетать вниз, докатываясь до зарослей Ольховского болота. Ветер свистел в ушах, дух захватывало, но, бравируя друг перед другом, старались не притормаживать при спуске.

Балашова гора. Откуда такое название? Об этом мы – дети и подростки – даже не задумывались. Позже выяснил, что когда-то помещики Балашовы входили в число самых крупных и влиятельных землевладельцев округи. А их экономия с животноводческой фермой и обширным садом располагалась на берегу реки Пет, у подножия памятной мне с детства горы. Балашовым принадлежали земли в Пителине, Пеньках, Темиреве, Кононовке, Жуковке, Марьевке, Хохловке и Желудеве – всего свыше 12 тысяч десятин.

К сожалению, ни в одном из попадавших в руки источников, не указывались ни титулы, ни инициалы интересующих меня землевладельцев. Оставалось только предполагать, что они из древнего дворянского рода, к которому принадлежал генерал от инфантерии, член Государственного Совета, один из наиболее близких сподвижников императора Александра I Александр

Дмитриевич Балашов (1770–1837). Он сопровождал государя во всех его поездках по стране и за рубежом, выполнял самые тайные и доверительные поручения.

Когда 24 июня 1812 года полумиллионная армия французов перешла Неман и соответственно русскую границу, Александр I находился на балу в Вильно (нынешний Вильнюс). И именно Балашова он направил с нотой протеста к Наполеону. Анекдот или нет, но в ходе встречи Бонапарт, якобы, спросил русского посланца: какая дорога ведет к Москве? Тот не без иронии ответил, что дорог много, и одной из них – через Полтаву пошел Карл XII (всем известно, чем закончился тот поход шведского короля).

С 1819 по 1828 годы по воле Александра I А.Д. Балашов руководил экспериментально созданным генерал-губернаторством, в которое вошли территории Тамбовской, Рязанской, Воронежской, Тульской и Орловской губерний. Видимо, тогда он и приобрел земли в нашем Елатомском уезде. Выяснить и подтвердить это долгое время не удавалось. Помог случай.

Работая с документами в районном архиве, я обратил внимание, что некоторые учетные книги 1930-х годов – серые либо зеленоватые рыхлые листы с расплывшейся тушью записей – подклеены к обложкам из грубого картона высококачественной и плотной белой бумагой. Стал их просматривать одну за другой. И – удача: наткнулся на основательно отклеившийся кусок. Отогнул его и на обратной стороне увидел цветной план генерального межевания сельца Брюхатова (ныне часть Нестерова) с указанием границ: к северу – сельца Петелина господина Александра Дмитриевича Балашова, к югу – земель княгини Волконской.

Что тут скажешь? Понимаю, что в 30-е в молодой советской стране не хватало писчей бумаги (и не только

ее) и приходилось как-то выкручиваться. С другой стороны, те люди выглядят в моих глазах Геростратами, сознательно уничтожавшими ценные документы XIX века, а, значит, и часть собственной истории. Из больших листов, оставшихся, как тогда считали, от безвозвратно отринутого царского прошлого, они произвольно (по потребностям) вырезали куски. Теперь часть их, наверняка, утеряна, а из оставшихся вряд ли получится восстановить планы межевания (и другие документы) в первозданном виде.

Только недавно с помощью профессиональных историков и маститых краеведов удалось мне установить родословную дворян Балашовых. Александр Дмитриевич с супругой Еленой Петровной (Бекетовой) вырастили четырех сыновей и дочь. Общая любимица Аннушка вышла замуж за князя Алексея Дмитриевича Волконского. Но, увы, счастье ее длилось недолго. Анна умерла в возрасте 20 лет. Все сыновья прошли военную службу. Старший из них – Дмитрий (1801–1858), унаследовавший земли и крепостных в Елатомском уезде, вышел в отставку в чине подполковника, Петр – в чине штабс-капитана лейб-гвардии Измайловского полка, Александр – капитана. Младшенький Иван – штаб-ротмистр Кавалергардского полка – в 25-летнем возрасте погиб на Кавказе.

Несмотря на то, что основные владения Балашовых были в Темиреве, где им принадлежали 636 душ крепостных, и Пителине (свыше 500 душ), Дмитрий выбрал место для господского дома и небольшой экономии на живописном берегу реки Пет, в окрестностях деревень Жуковки и Кононовки. Образовавшийся хутор он назвал Александровкой – то ли в честь отца, то ли в честь народившегося наследника.

Надо сказать, что Дмитрий Балашов женился на девушке из семьи обрусевших немцев Ольге Христофоровне Дерфельден, своим сыновьям дал имена: Александр, Дмитрий и Антипатр. Про них известно совсем немного. Например, то, что Дмитрий состоял на гражданской службе, имел чин титулярного советника. Александр записался в кавалерийский полк. Выйдя в отставку в звании капитана, пополнил число елатомских помещиков. Хозяйствовать принялся горячо. Завел племенной скот симментальской породы мясного направления, грамотно разбил на пологом склоне горы фруктовый сад. А в 1884 году решил заняться и тонкорунным овцеводством. На племя выписал не мериносов из-за границы, а адаптированных к условиям среднерусской полосы овец новой селекции – камвольного типа от отечественного заводчика Мазаева (позже эта порода получит название «мазаевской»).

Что же представлял собой хутор Александровка лет сто назад? По воспоминаниям старожилов к нему вела густая аллея (ее спилили в годы Великой Отечественной войны). Господский дом, выложенный из тесаного камня, радовал глаз продуманной архитектурой. Чуть в стороне и выше по берегу располагался комплекс дворовых построек, конюшни, помещения, где жили прислуга и работники. Позже это место, заросшее деревьями, стало называться Волчьи Ямы – возможно, в суровые зимы подвальные ямы действительно служили прибежищем матерым хищникам.

Имена хозяев хутора в памяти людской не сохранились – просто Балашовы. Старожилы вспоминали, что вдова последнего барина (Анна Ивановна) – женщина весьма почтенного возраста – изредка приезжала в летнее время в Александровку. О молодых же наследниках выяснить ничего не удалось. Да и были ли они? Как видите, чем

далее в потомках отклоняемся от генерала Балашова, тем меньше достоверных сведений.

Следил за состоянием господской усадьбы и вел дела экономии управляющий по имени Владимир. Хозяйствовал с умом, в округе его хорошо знали. На хуторе Владимир ввел железную дисциплину, за невыполнение своих распоряжений, за халатность и провинности наказывал, как говорится, рублем – денежными штрафами. Подряжал на сезонные работы и жителей близлежащих деревень. При расчетах не жался и не обманывал, но проявлял принципиальность. В чем это выражалось? Допустим, одни подрядчики в срок заготовили качественное душистое сено из разнотравья, сметали его в ровные и плотные стожки. Что же, извольте получить за каждый по три рубля с надбавкой. А у других – сено не просушено, с гнильцой, стожки плохо утрамбованные, кособокие – и по рублю не заплатит, какие бы доводы в оправдание ни приводились.

Большинство крестьян округи работали на Балашовых. Но вот подошел 1917 год, грянули две революции. Пока мужики рассуждали: что к чему, барыня поняла, что экономию и земли свои ей не удержать, а потому поручила приказчику распродать все, что можно. Но покупатели не спешили, выжидали: куда и как все повернется. Крестьяне небезосновательно полагали, что скоро барская земля и так перейдет к ним.

Словно по команде усадьбу Балашовых разграбили в один момент, но не сожгли. Крепкие, из тесаного камня и кирпича господские постройки привлекли внимание оборотистых мужиков из Хохловки (Потапьевской). Из доставшихся даром материалов они сложили себе просторные дома. Но долго радоваться этим новоселам не пришлось. В начале тридцатых их записали в разряд зажиточных и обложили солидными налогами. Чтобы не

попасть под раскулачивание и выселение, мужички побросали каменные дома и покинули пределы района. Так ли было или нет, утверждать не берусь.

Место бывшей Александровки легко отыскать и теперь. Ранней весной еще заметны подвальные ямы господских и дворовых построек (в том числе и Волчьи Ямы). Похаживаешь там и невольно рассуждаешь: до чего же все практично и обоснованно было распланировано. Рядом – живописная чистая речка, склон горы надежно защищал усадьбу от холодных северных ветров. Виды кругом такие, что впору взять краски, мольберт да набрасывать пейзажные этюды. Жаль, я не художник! А на словах всего не передать… Да, еще занимательный штрих – на склоне Балашовой горы попадаются молодые яблоньки. Неужели это правнучки тех самых, сортовых барских?

Барыня-приживалка и непьющий Чекушкин

Основными землями в Ерме в начале XX века владела помещица Наталья Григорьевна Звонкова. Ее муж был родом из Теньгушева. Миловидная и изящная в молодые годы, довольно рано овдовев, она к 50 годам превратилась в грудастую и грузную особу. Одно время ее имением управлял неженатый сын Михаил, но он погиб на фронтах Первой мировой войны, оставив после себя незаконнорожденных сына и дочь – итог амурных шашней с прислугой. После его гибели барыня взяла хозяйство в свои руки. А оно было немаленьким.

Ее владения начинались от реки Пет (за рекой простирались обширные угодья господ Балашовых) и охватывали всю деревню. На реке действовала водяная мельница в один постав, имелись пекарня, конюшня,

животноводческие дворы. Просторное деревянное здание усадьбы располагалось там, где ныне еще сохранились остовы бывшего молзавода. А сзади, вдоль реки до самой Круглышки (излучина Пета), раскинулся огромный барский сад. Для выездов у Натальи Григорьевны имелось два экипажа. Когда она ехала в изящной лакированной коляске, встречные мужики снимали картузы или шапки, низко кланялись, а вслед угрюмо цедили: «Ишь, Звончиха, отъела бока на наши труды…».

И действительно, упреки эти были обоснованными. Помещица владела обширными луговыми угодьями и большую часть из них сдавала в аренду крестьянам. При этом старалась соблюсти личный интерес. Сдавала в аренду заболоченные, либо заросшие ивняком луга. Разумеется, чтобы сделать из них хорошие сенокосы, крестьянам приходилось заниматься окультуриванием, на что уходило два-три года. А тут и срок аренды подходил к концу. Барыня предлагала крестьянам уже другие, неокультуренные участки. И тяжкий труд по вырубке и корчевке кустарника начинался по новой.

Шли недели и месяцы. И казалось помещице, что жизнь ее будет долгой и обеспеченной. Но к концу осени семнадцато года мужички стали неспокойными, картузы хоть и снимали, но глядели тяжело, недобро. И вот в один из дней вся обустроенная жизнь Натальи Григорьевны рухнула в одночасье. Толпы озлобленных людей пришли «громить Звончиху». Камнями и палками выбивали стекла, крушили мебель и сельхозинвентарь, забрали скот и лошадей. Зачем-то изрубили топорами лакированные, на рессорном ходу коляски, довольно быстро выпилили сад. Словно одурманенные мужики крушили все, что попадало на глаза и под руки.

Бывшая барыня, а теперь просто Звончиха нашла прибежище у своей служанки Анны Григорьевны

Синициной. Помогала ей чем могла и бывшая дворовая Марфа Козлова. В неурожайный год Звончиха, как и многие другие, ходила побираться, собирала лебеду (ее измельчали, смешивали с мукой и делали лепешки). Иногда навещала свою бывшую усадьбу, осматривала особняк, в котором открылся народный дом, а позже (до 1971 года) действовал молзавод. Умерла Н.Г. Звонкова в нищете в 1932 году. Похоронена на местном кладбище за Колчиным оврагом. Могилка ее не сохранилась.

Задолго до революции водяная мельница от Звонковой перешла к крестьянину Чекушкину. Одни говорили, что он, ловко воспользовавшись трудным положением барыни, ее выкупил, другие – что выиграл в карты. С детских лет слышал я эту занятную фамилию и каждый раз невольно фыркал или ухмылялся. Мне представлялся затрапезного вида человек даже внешне похожий на бутылку (чекушкой называли четвертинку водки). Однако взрослые говорили о нем почтительно, отмечая и умение хозяйствовать, и справедливость, и внимательное отношение к нуждам односельчан.

Оказалось, что Прокофий Ефимович Чекушкин стал первым в Ерме успешным фермером и лавочником из крестьян и совсем, не взирая на фамилию, не пил горькую. А вот откуда у него стартовый капитал, мнения расходились. Одни утверждали, что лет до тридцати он прослужил бакенщиком на Оке и прозябал бы на реке и далее, если б не наткнулся случайно на тайник с награбленным добром. А после этого сразу пошел в гору. Другие, не отрицая фартового везения, гнули свою линию. Мол, Чекушкин провернул аферу совместно с касимовским помещиком Алеевым, у которого возле Казановки имелась застрахованная мыза. Та вдруг дотла сгорела (правда, кто-то буквально накануне перегнал оттуда скот и вывез все более-менее ценное). Помещик,

получив солидную страховку, вроде бы, поделился деньгами и с ловким мужиком. Думаю, обе версии могла породить элементарная зависть.

Мне довелось пообщаться с 90-летней внучкой Чекушкина Антониной Ивановной Логиновой. Она подтвердила, что дед происходил из очень бедной крестьянской семьи. Родился он в середине XIX века в селе Ерахтур, на собственной шкуре познал «прелести» крепостного быта. Став вольным крестьянином, поставил перед собой цель выбиться в люди.

Кем только Прокофий не подряжался, даже тянул бурлацкую лямку. И все же годам к 50 сколотил капиталец. Купив земли у дворянина Алеева, обосновал возле Крутого оврага хутор с животноводческой фермой, сделал запруду. На сев, сенокос и уборочную страду нанимал работников, с оплатой не скупился. А постоянно у него в поле и на ферме трудились свои люди – родственники и приживалки.

После Октябрьской революции на несколько лет хозяйственную деятельность пришлось немного свернуть – у Звонковой капиталов-то не больше оставалось, а вон как ее раскурочили! Даже мельницу на некоторое время не запускал в работу. Тактика оправдалась – мужицких погромов и репрессий со стороны Советов Прокофий Ефимович избежал. Зато в годы НЭПа развернулся вдвойне. Мельница заработала на два постава: два мукомольных жернова, просорушка и крупорушка - «гречколущилка». За помол брал недорого, но доход имел стабильный. Особым спросом пользовалась крупорушка. Второй такой установки не было во всей округе. И везли гречку к Чекушкину с ближних и дальних сел и деревень.

Гречиху крестьяне знали давно, но не умели делать из нее крупу: никак не получалось отделить зерно от

оболочки. Эта жесткая лузга не поедалась животными, а люди, съев ее вместе с кашей, маялись потом животами. Чекушкин нанял из Питера мастера (к нему обращались по имени-отчеству – Сергей Алексеевич), который сконструировал установку, позволяющую получать чистую крупу – ядрицу, а лузгу предложил использовать как топливо (она прекрасно горит).

Чекушкин стал стремительно богатеть. На берегу Шомонова оврага он построил двухэтажный особняк: низ из белого тесаного камня, верх – деревянный. На первом этаже: с одной стороны лавка, в которой продавалось все (от семечек до керосина), с другой – кухня; на втором – две спальни и зал. В то время у Прокофия Ефимовича было два сына и четыре дочери.

Будучи уже состоятельным человеком, Чекушкин и сам физической работы не гнушался. За это уважал его простой люд. Как первого богача деревни в 1929 году власти объявили П.Е. Чекушкина классовым врагом. Принудительного выселения тот дожидаться не стал, собрал мужиков и объявил: забирайте себе и мельницу, и хутор с фермой, и дом, только не жгите, не рушьте, ибо вам это добро еще послужит. Сам же уехал в Касимов, где купил маленький домик. Но и в городе спокойной жизни не было. Чекушкина записали в «чуждые элементы», лишили гражданских прав. Чтобы их восстановить и добиться справедливости, он поехал в

Наталья Ивановна и Прокофий Ефимович с сыном Иваном

Москву, где пробился на прием к Всесоюзному «старосте» М.И. Калинину. Добился своего. На старости лет снова приехал в Ермо-Николаевку.

Местные мужики совету Прокофия Ефимовича не последовали: хутор растащили, мельницу раскурочили (позже опомнились, восстановили, и она существенно выручала в тяжелое военное время и первые мирные годы и колхоз, и людей). Деревянный верх его особняка разобрали и продали в Пителино, а внизу открылся магазин сельпо.

Даже спустя много лет после раскулачивания сельчане, встречая Чекушкина на улице, почтительно здоровались и снимали в знак уважения головные уборы. Умер он в 1949 году в возрасте за 90 лет.

Антонина Ивановна (она умерла в возрасте 93 лет) во многом пошла в деда. И ее отличало трудолюбие. За 47 лет работы в колхозном производстве она отмечена правительственными наградами, в том числе медалью «За трудовую доблесть».

Старообрядцы

Села нашего края небогатые. И украшали их в основном дворянские усадьбы с парками и водоемами да увенчанные позолоченными крестами православные храмы. Низкие, серые, невзрачные, крытые соломой крестьянские избы вряд ли могли радовать взор. Одно село – одна церковь. Хотя встречаются исключения. Так, в Нестерове в XIX веке возвышалось три храма (два каменных, один деревянный да еще вместительная кирпичная часовня), в Темиреве и Пителине – два. Увы, много с той поры порушено!

Между тем внимательный читатель уже потирает ладони, спеша упрекнуть меня в неточности: ведь и в Высоких Полянах две церкви! Верно. Только вторая

появилась там уже в XX столетии. Стоит она, ветхая и заброшенная, без креста, на правом низком берегу речки Мурки. Нет к ней ни дороги, ни тропинки (можно пройти только через частные огороды). А на другой стороне речки, на высоком бугре возвышается ее благополучный и поныне действующий собрат – храм Смоленской иконы Богоматери. Белостенный, с голубыми куполами, с металлической оградой на кирпичных столбах.

Остановим внимание на заброшенной церквушке. Она старообрядческая, построена на средства общины беспоповцев филипповского согласия. «Постойте, – воскликнет дорогой читатель, – почему беспоповцы да еще какого-то филипповского согласия?»

Все началось в середине XVII века с реформ патриарха Никона. Многие верующие просто не могли принять вводимые патриархом новшества, в результате произошел раскол православной церкви. Беспоповство возникло в конце XVII века по смерти священников старого рукоположения, то есть поставленных до реформатора Никона. Беспоповцы отрешились от ряда христианских таинств, оставив крещение и исповедь. После собора 1694 года их движение разделилось на федосеевцев и филипповцев (по именам проповедников Феодосия и Филиппа). Камнем преткновения стал вопрос о таинстве брака, невозможном без участия священника. Филипповцы в свою очередь раскололись на «брачных» и «безбрачных». Как видите, тут все непросто.

По данным «Историко-статистического описания Тамбовской епархии» 1911 года издания в Высоких Полянах, а так же и в Ерме, имелись молитвенные дома староверов-беспоповцев филипповского согласия (их община насчитывала без малого сто человек). Старообрядческая церковь построена немного позже. К ней я смог пройти через огород и картофельное поле

Антонины Васильевны Тихоновой (с разрешения хозяйки, разумеется).

Отнюдь не маленькое сооружение от цоколя до купола выложено из кирпича. От маковки остался только металлический каркас. Крест давно сбит. Купол поверх кирпичной кладки обшит тесом, на котором крепилось кровельное железо. Внутри – полное запустение. Фрески не сохранились. Алтарное помещение отсутствует – зачем оно беспоповцам. На западной стене две надписи на церковнославянском. Из одной узнаем, что начата бысть сия святая церковь старообрядческая молельная в лето от создания мира (далее буквенное обозначение года – 7416 или 1908 от рождества Христова) месяца сентября 15 на день памяти великомученика Никиты. Из другой – освящена же сия церковь в лето от создания мира 7420 (1912) месяца августа 29 на день памяти усекновения главы пророка, предтечи, крестителя господня Иоанна.

Как выглядело убранство храма и как велись в нем службы, мне рассказала старейшая жительница села 95-летняя Татьяна Владимировна Талалакина. По ее словам, прежде к церкви вела ровная, аккуратно выложенная камнем дорожка. Внутри стояли две кафельные печи, на стенах фрески, иконы старинного темного письма. Одна из них поражала размерами – на ней был запечатлен Иисус Христос едва ли не в реальный человеческий рост. Освещалось помещение большим паникадилом.

Службы на памяти Татьяны Владимировны вел Иван Филиппович Федяев из Ермо-Николаевки – очень уважаемый в округе человек. Присутствовать на богослужениях и обрядах никому не возбранялось. Когда в 1935-ом по решению властей на семь лет закрыли «верхний» Смоленский храм, многие его прихожане стали посещать «нижний», а тот окончательно закрыли после войны. Часть старинных икон староверам удалось спасти, спрятав по домам, а часть – воинствующие атеисты раскололи и сожгли тут же, в церковных печах. Богато украшенное паникадило «нижнего» храма перешло (как бы по наследству) «верхнему».

Внутри старообрядческого храма

О том, что представляла собой община беспоповцев в Ермо-Николаевке, я попросил рассказать Марию Николаевну Смыкову. Она из семьи потомственных староверов. Вместе с матерью Еленой Герасимовной,

бабушкой Анной и дедом Герасимом Мария еще в тридцатые годы многократно посещала молельный дом.

Ядро приверженцев старой веры составляли зажиточные и грамотные крестьяне. Например, Федяевы, Романовы, Смыковы. Собираясь в молельном доме, они занимались чтением и толкованием священного писания, поэтому грамотность ценилась в их среде. И не без их участия в 1895 году на краю Шомонова оврага была построена и открыта церковно-приходская школа двухлетнего обучения. Учительница Ольга Афанасьевна Архангельская обучала детей закону божию, чтению по церковно-славянским книгам, чистописанию и крюковому пению. Старообрядцы не только охотно посылали своих детей в школу, но и вносили крупные пожертвования на ее содержание.

Молельный дом располагался на краю Шомонова оврага, там, где сейчас живут Ушпаровы. Это был собственный дом двух незамужних сестер Федяевых. Их брат жил на другой «николаевской» стороне оврага. Сестры как диаконисы вели службы и требы (крестили по канонам новорожденных, отпевали усопших и пр.), для чего надевали черные рясы и черные платки-мантии, которые не завязывались, а закалывались под подбородком булавкой. Молельня закрылась в 1966 году со смертью последней диаконисы Евдокии Федяевой.

Староверка из села Ермо-Николаевка

Старообрядцы твердо держались веры своих прадедов. Они стойко противостояли нажиму со стороны

представителей советской власти. Никому не позволяли прикасаться к своей посуде (чашкам, ложкам, кружкам). Если кто заходил в дом и просил попить, ему подавали отдельную кружку, а после ухода тряпочкой вытирали дверную ручку, чтобы случайно не осквернить. И кладбище у старообрядцев было свое. Сейчас оно заброшено, заросло кустарником, оказалось зажатым между садами и огородами двух параллельных улиц села. Каменные надгробья свалены в беспорядке, многие расколоты. На них особенно часто повторяются фамилии: Федяевы, Синицыны, Кошкины…

Я спросил Марию Николаевну, чем отличались службы беспоповцев. Оказывается, они велись по праздникам и воскресным дням по специальным старинным книгам. Тропари и акафисты читались не только нараспев, но как-то нарочито гнусаво, в нос. Думаю, объяснение этому простое. Некоторые из 43 букв церковнославянской азбуки имели характерное носовое произношение (позже они, утратив звуковые эквиваленты в обиходном языке, были исключены из алфавита). Зажигались специальные кадила. Стены были увешены древними иконами (в основном на металле). Крестились раскольники двумя перстами, более строго соблюдали посты, сами не сквернословили и детям прививали почтительность и богопослушание.

У Марии Николаевны сохранились старинные книги, кадила и иконы из молельного дома, лествицы (кожаные четки). Выглядят они как экспонаты из музея. От них буквально веет духом древности.

На изломе времен

Часть 1. От Февраля до Октября

Можно до бесконечности спорить о значении и роли Февральской революции семнадцатого года. Одни

считают ее значительным шагом по пути к демократии, другие – «началом конца». Те исторические февральские дни всколыхнули не только Петроград, но и всю Россию-матушку. Подул свежий ветер грядущих перемен (а их ждали!), но, разогнавшись на бескрайних просторах страны, он породил разрушительный ураган («посеешь ветер, пожнешь бурю»).

Разумеется, в империи давно назревал политический кризис. И вот самодержавие свергнуто, но куда двигаться дальше? Старая со скрипом работавшая государственная машина пробуксовывала, а о принципах действия новой не могли прийти к согласию. А тут еще (с февраля по июль 1917-го) фактическое двоевластие: с одной стороны законные и выборные органы Временного правительства, с другой – тоже выбранные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Смятение охватило умы. Началась очередная на Руси смута, приведшая в итоге к кровопролитной Гражданской войне.

После Февраля государство, словно по инерции, продолжало функционировать и воевать (напомню, шла Первая мировая война). Но революционный водоворот взбил пену и поднял со дна муть. Пополнившие составы городских дум, уездных управ, волостных земельных комитетов различного рода прожектеры и краснобаи, которым неотложные и насущные вопросы казались слишком приземленными и рутинными, только дезорганизовали деятельность этих органов. Зато активизировались криминальные элементы, аферисты, анархисты всех мастей, дезертиры…

Крестьяне считали, что реформу 1861 года по отмене крепостного права проводили на местах неправильно, не так, как, якобы, задумывал царь-освободитель. «Вся барская земля должна быть наша, без всяких выкупов и оговорок!» – толковали они на сходках. Правда, еще в

марте кто-то разбил в Потапьеве бюст императора Александра II – освободителя крестьян. Наехали тогда конные урядники с приставом, провели следствие, виновных не выявили (да и должного рвения в этом деле не выказали), постращали сельчан да отбыли. Обошлось!

А позже почти повсеместно начались самовольные распашки и покосы чужих земель и лугов, порубки в частных лесах. И не всегда они заканчивались миром.

Временное правительство частную собственность не отменило (да и не могло отменить). Обширные леса между селом Темирево и рекой Мокша арендовал у барыни Балашовой оборотистый лесопромышленник Андрей Львович Татарников. Долго и трудно выбивался он в люди, начинал буквально с нуля. Достаточно сказать, что его отец был простым крестьянином села Гавриловское. Чтобы напрямую, без приказчика, руководить бригадами лесозаготовителей, Андрей Львович поставил деревянный дом на бугре возле озера Ирша, завел небольшой хутор.

На общем сходе граждан председателем Хохловского волостного земельного комитета избрали крестьянина села Пеньки Сергея Лукича Каткова (1873–1925). Он, хотя и имел надел земли, но больше прирабатывал плотницким и столярным делом, строил по округе дома. А главное – слыл грамотным мужиком.

После выдвижения на руководящую должность, Сергей Лукич посчитал себя «революцией призванным». Он стал «экспроприировать» при отсутствии законных владельцев лесоматериал – на многих бумага с оттиском казенной печати производила впечатление. А в октябре организовал мужиков Пеньков и Темирева на заготовку дров (при этом и свой интерес, конечно, учитывал). Балашов лес-то – рядом. Правда, ни с барыней, ни с ее арендатором Катков не договаривался: «О чем

толковать!? Я сам власть!». А для народа ничего не жалко… чужого. Недолго колебались и мужики: раз вместе с нами волостной представитель идет, вроде бы, все по закону.

К заготовке дров приступили в середине октября. Дружно пилили, валили, обрубали ветви-сучья, трелевали стволы и укладывали в штабеля. Как-то на шум пришел человек Татарникова. Посмотрел, удивился… Катков вместе с ним отправился к работавшей неподалеку бригаде арендатора. Самого лесопромышленника он не застал. На членов же бригады предъявленная им бумага с печатью нужного впечатления не произвела.

Неизвестно, какие аргументы приводил Сергей Лукич и какой лексикой пользовался, но результат оказался плачевным. Его побили. Злой, с окровавленным лицом вернулся он на место незаконной заготовки дров. Там, в кругу своих, Катков обрел дар красноречия, сагитировав всех идти на разборку инцидента. Бригадников на месте не оказалось. Но горячие головы успокоиться уже не могли. Увлекаемая ими толпа двинулась к дому Татарникова.

О том, что поизошло далее, узнаем из донесения заместителя начальника уездной милиции И. Штоклина губернскому комиссару ГУ МВД:

«14 октября на хутор А.Л. Татарникова явился председатель Хохловского земкомитета С.Л. Катков и объявил себя хозяином всего имущества, а Татарникову предложил немедленно удалиться с хутора. При виде агрессивно настроенной толпы Татарников заперся в доме. Катков потребовал отпереть дверь, либо он подожжет дом. Когда Татарников отпер, часть толпы ворвалась внутрь и стала зверски избивать хозяина и его сноху, другая часть – стала выбивать окна и грабить

хутор. Возглавляли толпу С.Л. Катков и его брат Ермолай. Татарниковы были помещены в больницу, нанесенные им побои относятся к разряду тяжких. Главарь погрома Катков арестован, его брат скрылся и еще не розыскан».

Такое явное самоуправство с рукоприкладством взбудоражило округу. 20 октября Каткова арестовали и отправили в Елатьму.

А на другой день в Хохловке собрался сход граждан. Дебаты разгорелись на нем нешуточные. Многие считали арест председателя земельного комитета явным перегибом и требовали его немедленного освобождения. Среди односельчан Каткова раздавались угрозы спалить хутор Татарникова. Масло в огонь подливали радикально настроенные элементы. «Вместо обещанных земли и воли, - шумели они, - Временное правительство дало нам свирепые кавалерийские эскадроны, которые разъезжают теперь по деревням и селам, порют крестьян нагайками за каждую хворостину, срубленную по нужде в лесу помещика, за каждый клочок сена, накошенный на лугах по прежнему всевластного барина. Доколе терпеть такой произвол!».

Ситуация накалялась. И чтобы она не вышла из-под контроля, в Пеньки прибыл вооруженный отряд кавалеристов – карательный, как его окрестили. Попытки отряда арестовать активных участников избиения лесопромышленника и его снохи натолкнулись на явное сопротивление. Крестьяне столпились возле избы брата Каткова – Ермолая Лукича. Прибывших из Елатьмы верховых они встретили гневными выкриками и камнями. Те в ответ открыли винтовочный огонь поверх голов и по окнам дома. Ермолай Лукич выскочил во двор в одной рубахе и скрылся. Отряд обстрелял и дом С.Л. Каткова.

Возмущенные произволом карателей местные жители решили расправиться с ними по-свойски. Вооружились кто чем мог: колами, вилами, топорами. Чтобы отрезать всадникам пути к отступлению, загородили выезды из села перевернутыми вверх зубьями боронами. Но члены немногочисленного карательного отряда были хорошо организованы и не стушевались. Они сделали несколько выстрелов по толпе, и та моментально рассеялась. Ранения получили Василий Ершов, Домна Фролова и, вроде, еще ряд человек. А непрошенные гости быстро ретировались, никого не арестовав.

Эти события горячо обсуждали в уезде. Неизвестно, как бы они развивались далее, если б не Октябрьская революция. Лесопромышленник Татарников вскоре куда-то уехал, бросив обжитой дом возле Ирши. А в начале января 1918 года в селе Потапьеве начал работу уездный съезд представителей волостей, политических и общественных организаций. По требованию группы делегатов С.Л. Катков был освобожден из-под ареста. Тот же съезд принял решение о национализации всей помещичьей земли и передачи ее в пользование сельским Советам и крестьянам.

Часть 2. Международный скандал в Павловке

После Февральской революции, как в столице, так и в провинциальных городах, селах и весях на всех углах начали говорить о политических свободах, демократии и новой России. Порядок в стране и на улицах поддерживать стало некому. Жандармы, квартальные и городовые попрятались. Ни страха, ни почтения они больше не вызывали, более того их всячески оскорбляли, срывали погоны, отнимали сабли-«селедки», избивали. Временному правительству пришлось учредить вместо непопулярной полиции милицию. Но и милиционерам

приходилось туго. Мастеровые, рабочие и даже крестьяне быстро освоили политическую демагогию.

Сельская провинция поняла Февраль по-своему. Уже с весны крестьяне смело взялись за самовольную распашку помещичьих земель, порубку барских лесов. А кое-где попросту громили лавочников и господские имения. Возьмем для иллюстрации нашу округу.

В самом начале апреля возникли беспорядки в кошибеевском имении (Потапьевская волость) помещика Траскина, в результате которых управляющего имением чуть не убили и остались незасеянными свыше 300 десятин яровых. Месяц спустя крестьяне деревни Беседки в отсутствие уехавшей в Москву помещицы Лезиной самовольно сняли с работ австрийских военнопленных, оставив таким образом 85 голов крупного рогатого скота без присмотра. Тогда же, в мае, революционно настроенный Истлеевский волостной комитет арестовал местного землевладельца Майсова.

Милиция пыталась оперативно реагировать на тревожные сообщения с мест, но всюду встречала скрытое и явное противодействие. Крестьяне не только не выдавали зачинщиков беспорядков, но и обвиняли стражей порядка в том, что их действия и распоряжения ведут «не к закреплению добытой после векового гнета свободы, а к гибели революции и всей российской демократии». К осени 1917-го народные волнения достигли своего пика. Отовсюду в уездный центр шли жалобы и донесения о незаконных порубках леса и разгромах имений.

Вот что сообщал, например, начальнику елатомской уездной милиции А. Абросимову в конце августа районный начальник милиции 2-го участка Д. Гусев: «Самовольные порубки деревьев имеют место у землевладельцев Языкова, Покровской, Воейкова,

Дьяконова и Дьякова. Только из леса, принадлежащего Языкову, чубаровскими крестьянами вывезено около 300 возов. Найдены в гумнах дубовые столбы от 4 до 8 вершков толщиною, которые были зарыты в солому и спрятаны по ригам. Во многих имениях взято зерно – рожь. В имении Мичурина средь бела дня зарезали свинью, угнали 14 овец. Меня самого арестовали и побили (в с. Рогожка), и дело, видимо, останется без всякого движения и виновные в этом случае останутся безнаказанными. Прошу ускорить зависящим от вас распоряжением о посылке военной силы для подавления всех беспорядков (желательно конной – казаки, с пехотой ничего сделать будет невозможно)».

Дмитрий Федорович Гусев (он перешел в милицию из бывшего уездного полицейского управления) упоминает в сообщении о факте кражи скота в имении дворянина Мичурина. Думаю, что тот инцидент произошел не случайно. Почему, объясню чуть позже.

Сергей Львович Мичурин имел недалеко от деревни Павловки крепкую экономию с хорошо налаженным севооборотом, животноводческой фермой, обширным садом, винокуренным, лесопильным и конным (упряжной породы) заводами. Ныне от прежнего благополучия остался полузатянутый тиной пруд. Недели за три до кражи свиньи и овец, его фамилия прогремела на всю Тамбовскую губернию.

5 августа комиссару Елатомского уезда П.П. Орлову доложили о самоуправном аресте крестьянами деревни Павловка помещика Мичурина и французской подданной. Факт сам по себе вопиющий, а тут еще и иностранка! Это уже международный скандал!! П. Орлов, не мешкая, отправил телеграмму в Тамбов губернскому комиссару ГУ МВД. Дело вызвало нездоровый резонанс.

К счастью, скоро все разъяснилось. Французской подданной оказалась отнюдь не знатная особа, а гувернантка Мичурина мадемуазель Видаль. Суть же конфликта такова. Помещик, желая прогнать со своего поля крестьянских мальчишек, пасших лошадей, жестоко исхлестал их нагайкой. Возмущенные крестьяне, применив силу (и, возможно, немного «помяв» барина), заключили Мичурина под домашний арест.

Прибывший на другой день судебный пристав следов погрома и разграбления в имении не обнаружил, а по факту причинения истязаний крестьянским мальчикам возбудил дело в отношении крутонравного помещика. Чем оно закончилось, сообщить не могу, так как вскоре разразилась Октябрьская революция, смешавшая «все карты» и в без того потерянной России.

Добавлю только «голый» факт. Настоящий погром окрестные мужики учинили на хуторе Мичурина в конце декабря того же семнадцатого года. Они разворовали скот и инвентарь, растащили дом, а, упившись спиртом, спалили и винокуренный завод помещика.

Часть 3. Разные судьбы

Конец осени – начало зимы 1917 года выдались нелегкими. Неопределенность событий больше всего томила обывателей. Вести из столиц и губернского центра приходили с большим опозданием, да порой и весьма противоречивые. Мужики ломали головы: откуда взялись какие-то «большаки», кто теперь представляет местную власть и перед кем снимать шапки? Передвигаться по округе стало небезопасно из-за участившихся вооруженных нападений. Путников и возчиков грабили дезертировавшие с фронта солдаты и «протчие элементы».

Особый ужас наводила банда Кирьянова, состоявшая в основном из дезертиров и кулацких сынков. Терроризируя население всего уезда, грабя и убивая, она долгое время оставалась неуловимой. После зверской расправы над семьей председателя земского комитета Мокринской волости Фролова, на ликвидацию кирьяновцев был послан из Сасова отряд под командованием И.И. Пантюшина. Банду удалось «накрыть». Главари ее погибли в перестрелке, остальные предпочли сдаться в плен.

Еще к осени Временное правительство исчерпало лимит доверия, а Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов ушли в подполье. Наступила пора безвластия. 17 октября в Потапьеве прошел съезд уездных гласных под председательством уездного комиссара Временного правительства, члена партии социалистов-революционеров (ПСР) Петра Орлова, посвященный предстоящим выборам в Учредительное собрание. Сами выборы состоялись в ноябре. Как и в целом по стране, почти половину голосов избирателей губернии получили эсеры. Но вскоре в их партии произошел раскол на правых и левых. Не минула чаша сия и уездную организацию ПСР. Левое крыло возглавил Павел Синичкин, правое – Петр Орлов.

Именно в этот непростой исторический момент на политическую арену уезда вышли две личности. Оба местные уроженцы, обоим суждено было сыграть значительные роли. Только один, испытав звездный час, получил известность и славу, а другой – трагическую гибель и забвение.

Сын батрака Андрей Никитович Янин родился в 1893 году в деревне Старое Амесьево Глядковской волости. С восьми лет пошел в люди, работал подпаском, пастухом и батраком, а последние годы – на заводах Петрограда,

где подучился грамоте. С марта семнадцатого – большевик. Активно участвовал в манифестациях, стычках с полицией и монархистами, получил серьезное ранение. Для поправки здоровья приехал в родную деревню. Занялся просвещением в марксистском духе земляков и агитацией их на выступления против помещиков. Четырежды подвергался арестам, но каждый раз под давлением решительно настроенных крестьянских групп его отпускали.

А.Н. Янин

Залечив рану, Андрей вернулся в Петроград, где продолжил революционную деятельность. Но когда возникла угроза ареста, решил держаться от столицы подальше, снова отправился в отчий край. Среди местного трудового люда Янин успел завоевать авторитет. Грамотного и бойкого большевика избирают председателем Глядковского волостного земельного комитета, вновь избранный состав которого постановил: изъять излишки хлеба у помещиков и раздать бедноте, приступить к заготовке в частных лесах дров на зиму. У Андрея Никитовича нашлось немало сторонников. Из наиболее политически подкованных он стал сколачивать ячейку РСДРП.

Получив известие об Октябрьской революции, Янин организовал в селах Устье и Глядково отряды Красной гвардии, ездил в Петроград за оружием для них. По возвращении из северной столицы удачно избежал пятой попытки ареста со стороны местного эсеровского руководства. А вскоре, в начале декабря, судьба столкнет

его с непримиримым врагом – вторым героем данного повествования. Следует сказать о нем несколько слов.

Дворянин Борис Покровский, почти ровесник Андрея Янина, родился в 1896 году в деревне Михайловка Гридинской волости. Отца его – Евгения Ивановича хорошо знали в уезде. За почти тридцатилетнюю службу он сделал карьеру от коллежского секретаря (X класс Табеля о рангах) до статского советника (V класс), исполнял обязанности мирового судьи и начальника 3-го земского участка, избирался гласным земской управы. Умер довольно молодым, когда единственному сыну и наследнику (а были и две дочери) еще не исполнилось восемнадцати. Таким образом юноша стал владельцем крепкой усадьбы. Вот ее описание из книги «Краткие справочные сведения о некоторых хозяйствах» (СПб, 1900): «Всей земли в имении 607 десятин, из коих пахотной – 380, сенокосной – 91, под лесом (его до сих пор зовут Покровским) – 120, под усадьбой, выгоном и садом – 16. Пятипольный севооборот… завод рысистых лошадей. Молочный скот – метисы тирольской и симментальской пород… мукомольная мельница и просорушка».

Борис Покровский, корнет 13-го Драгунского полка, объявился в Михайловке в конце 1917-го. Вероятно, молодому барчуку довелось повоевать на фронтах Первой мировой, как говорится, понюхать пороха. Перепуганные сестры рассказали ему о самовольных распашках, покосах и порубках в имении и об угрозах мужиков спалить все господские постройки.

Увы, так и случится весной восемнадцатого, когда защитить молодых женщин будет некому. Толпа подпитых мужиков, не чинясь, выгонит сестер на улицу (несмотря на то, что Лиза в течение десяти лет обучала грамоте их детей в школе, построенной ее отцом),

разграбят и сожгут жилые и хозяйственные постройки. А месяц спустя Гридинский волостной исполком примет решение о конфискации озимых посевов у помещиков Волконских, Дьяковых и Покровских и о создании добровольческих отрядов для их охраны.

Для молодого барчука рушился привычный мир, перечеркивалась его беззаботная и безоблачная юность со столь любимыми верховыми прогулками на отцовских рысаках, псовой охотой, веселыми и шумными приемами гостей и ответными визитами, благотворительными вечерами, балами в уездном дворянском собрании… Он переговорил с окрестными землевладельцами и приказчиками, с бывшими урядниками и сотскими и сформировал из них летучий кавалерийский отряд по защите помещичьих усадеб и угодий. Постепенно под его началом собрались все активные противники прихода к власти большевиков и Советов.

Решительный корнет верно почувствовал откуда исходит главная угроза интересам людей его круга. Это созданные в Глядкове и Устье ячейка РСДРП и отряды Красной гвардии. «Заразу» требовалось искоренить в зародыше, пока она не распространилась по уезду.

Взяв с собой нескольких верных человек, Покровский нагрянул в Глядково. Арест большевика-смутьяна провели без лишнего шума и пальбы. Что значит: расчет, быстрота и натиск! Но затем намеченный ход действий спутался. Дерзкое поведение и провокационные речи арестованного привели корнета в ярость. Он приказал вести большевика к высокому берегу реки Цны – Темгеневскому городищу – и там его расстрелять.

К счастью, Янину не пришлось под дулами винтовок произносить прощальные и пламенные речи. Едва каратели оказались за околицей Глядкова, как с местной колокольни ударил тревожный набат, созывавший

красных конников на выручку своему командиру. Вместо показательного расстрела пришлось срочно уходить от погони. Арестованного доставили в Сасово, но там его отбили подоспевшие глядковцы.

Андрей Янин понял, что настал момент действовать самому. 10 декабря он организовал в Устье уездный съезд солдат-фронтовиков, ремесленников и крестьян. Съезд постановил отменить власть Временного правительства и распустить созданные им органы управления, учредил уездный Военно-революционный комитет, председателем которого избрали А.Н. Янина.

Вошел в состав ВРК, в должности секретаря, и демобилизованный в октябре с Турецкого фронта Тимофей Семенович Бородин (1891–1970). Большевик, наш земляк, уроженец села Большие Мочилы. Позднее – комиссар земского отдела, делегат VI Всероссийского съезда Советов и Всероссийского съезда земских отделов, комитетов бедноты и коммун (1918). Активно проводил в жизнь Декрет о земле. При нем в Елатомском уезде были конфискованы и взяты под учет 217 помещичьих землевладений. Т.С. Бородин участник Гражданской (награжден орденом Красного Знамени) и Отечественной войн, в отставку из Вооруженных Сил вышел в звании гвардии полковника.

Но возвратимся к памятным событиям семнадцатого года. Сразу после съезда, 11 декабря, вооруженные отряды Красной гвардии въехали в село Сасово, где сходу захватили здание комиссариата Временного правительства и провозгласили новую власть – власть Советов. После этого, организация эсеров ушла в подполье. Она готовилась к политическому реваншу. Подходящий момент представился в начале января.

8.01.1918 г. в Потапьеве открыл работу уездный съезд представителей волостей, общественных и политических

организаций (почти 250 делегатов), на котором обсуждались вопросы: об организации уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и о проведении в жизнь декрета Ленина о земле. Еще накануне в село прибыли уже известный нам Петр Орлов, а также бывшие председатель и член земской управы Дмитрий Вараксин и Петр Азовкин. Остановились они на ночлег в доме помещика Снитко.

На следующий день, подпоив спиртом местных лавочников, кулаков и подкулачников, эсеры ворвались вместе с ними в здание низшей ремесленной школы, где проходил съезд, и попытались сорвать его работу, угрожая физической расправой активистам. Возникла паника. Заседание прервалось. Только через день в целях безопасности делегаты (вероятно, уже не в полном составе) собрались в Синорме, где съезд продолжил работу.

А эсеры не теряли времени. В ночь с 8 на 9 января они захватили в Сасове здание ревкома. Для этого оказалось достаточно нескольких револьверных выстрелов в воздух. Эсеры нарушили телефонную связь, сожгли найденные деловые бумаги и документы, вскрыли оружейную комнату. Добытые винтовки и боеприпасы они перенесли в свой временный «штаб» – чайную Шкакина. Там упоенные успехом многие просто упились спиртным. Во время победного кутежа сильно захмелевший Азовкин затеял бурную дискуссию с однопартийцем Веденеевым–Цыплятниковым. Идейный спор перешел в перебранку и откровенные взаимные оскорбления. Исчерпав словесные аргументы, Азовкин выхватил наган и всадил пулю в лоб оппоненту.

Успех эсеров длился менее суток. Под вечер из села Устье в Сасово прибыл хорошо вооруженный сводный отряд Красной гвардии и кавалеристов, возглавляемый

Яниным. Несколько в стельку пьяных мятежников повязали прямо в чайной Шкакина. Некоторые оказали вооруженное сопротивление. Так, один из эсеровских лидеров, председатель Сасовской волостной управы В. Заикин отстреливался, пока не кончились патроны, был ранен, схвачен и позднее казнен по приговору ревтрибунала. Многие бежали в Шацк, Елатьму и Касимов. П. Азовкин участвовал позже в вооруженном мятеже, поднятом в уездном центре. П. Орлов некоторое время скрывался по городам, сумел устроиться служащим на телефонную станцию, но был разоблачен и арестован.

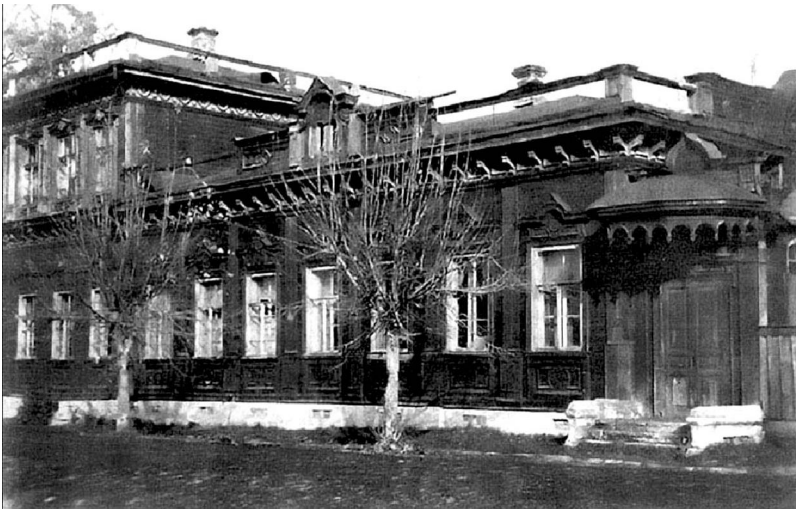
Так вышло, что в начале восемнадцатого года уезд оказался поделенным на две зоны влияния. Южную, с центром в селе Сасове, контролировали Советы, северная продолжала жить по прежним законам. Власть в Елатьме представляли: городской глава из купцов Василий Иванович Кочетов и бывший член городской думы и бухгалтер земской управы губернский секретарь Николай Александрович Фруктов. Туда стекались офицеры, кадеты, эсеры, сторонники монархии.

Для установления советской власти «на севере» в январе из Сасова направлялись кавалерийский и пехотный отряды под командованием военного комиссара, из унтеров, Г.И. Боревого–Боровского. Действовали они бестолково и нерешительно. Часть красногвардейцев под Елатьмой удалось без борьбы разоружить, а другая часть, встретив организованный отпор, предпочла благоразумно ретироваться восвояси.

Городская верхушка понимала, что поход красных обязательно повторится, и принимала необходимые организационные меры. Под началом штабс-капитана Георгия Аваева сформировали дружину в 80 человек по защите уездного центра. Оружия на всех не хватало,

боеприпасов – минимум. Заместителем Аваева стал бравый корнет Борис Покровский. Под штаб офицеры определили просторный двухэтажный особняк вдовы потомственного почетного гражданина купчихи-миллионерши Марии Андреевны Поповой.

Надо заметить, что и сейчас Елатьма поражает обилием исторических объектов. Хоромы купчихи Поповой смотрятся великолепным образцом деревянного зодчества и декоративной отделки. Я прошелся по пустующим темноватым коридорам, лестницам, заглянул в комнаты. Жаль, не догадались открыть в этом старинном особняке краеведческий музей. Там бы заодно разместили экспозицию, посвященную штурму и обороне Елатьмы в начале 1918-го (на эту тему имеется даже цикл живописных картин местного художника Волкова). Но теперь поздно: здание сильно обветшало, а на восстановление, как всегда, не находится денег.



Особняк купчихи Поповой в Елатьме

Во второй половине февраля Елатьму с трех сторон (с четвертой город прикрывает высокий крутой берег Оки)

осадили красные (200 кавалеристов, 300 пехотинцев, три 76-мм орудия) под командованием А.Н. Янина. Первую атаку, предпринятую 23 числа, елатомцы отразили. На неделю установилось затишье. Когда же к осаждавшим подошло подкрепление – 100 бойцов регулярной армии и пулеметный взвод из Рязани, приступ возобновили.

И вот вечером 3 марта, когда стемнело, красные открыли ураганный артиллерийский огонь по Елатьме. Ночью развернулся решающий бой. Силы оказались слишком неравными: 80 защитников против 600 нападавших. Остатки дружины Аваева спешно спускались к Оке и уходили по льду в сторону Выксы. С этой группой спасся и Борис Покровский. Поражение его не сломило.

Оказавшись в Москве, мятежный корнет нашел своих единомышленников и вступил в военную контрреволюционную организацию Бориса Савинкова «Союз защиты Родины и свободы». Отделения организации сформировались в Ярославле, Рыбинске, Владимире, Муроме. Савинковцы готовились к открытой борьбе с советской властью. Основные события развернулись 6–21 июля в Ярославле. К мятежникам примкнули: броневой дивизион города, бывшие офицеры, меньшевики, часть интеллигенции и даже монахи местных монастырей. При подавлении этого восстания погибли сотни людей, в том числе и мирных жителей. Бориса Покровского взяли в плен и спустя несколько дней расстреляли по приговору ревтрибунала.

Примерно в те же дни руководитель Елатомского уездного комитета РКП(б), член президиума губисполкома Андрей Янин участвовал в подавлении офицерского восстания в Тамбове. А в августе 1919 года был награжден золотыми часами и именным оружием за мужество, проявленное в боях с Донским конным

корпусом генерала Мамонтова. Впоследствии занимал различные посты на партийной и советской работе, прожил долгую жизнь (умер в 1971 году). Его именем названа одна из улиц Елатьмы.

Андрей Янин и Борис Покровский – две личности одной эпохи. Но насколько разные судьбы! Каждый из них, как мог, сражался с оружием в руках за будущее Отечества, и кто оказался прав, а кто нет, «кто более матери-истории ценен?» – я судить не берусь.

Русские усадьбы

1. Утраченная красота

Русские усадьбы. Сколько их располагалось когда-то на территории современного Пителинского района! Строились и обустраивались они в разное время, с разным вкусом и неодинаковым размахом. Одно дело низковатый заурядный деревянный дом Черного Барина, другое – каменные, в два этажа, с колоннами и портиком хоромы князей Волконских или помещика Шемякина. Но было и нечто общее, характерное для всех.

В первозданном виде, даже на фотографиях, ни одну из наших усадеб мне увидеть не пришлось. Но те следы, что остались от них, изучил основательно. По ним, а также по письменным описаниям и воспоминаниям старожилов попробую восстановить некий усредненный образ.

Прежде всего, к любой усадьбе или экономии тщательно устраивался подъезд. Требовалось создать эффект неожиданного появления господского дома. Для этого к нему прокладывали изогнутую (либо с поворотом) аллею. Начиналась она, как правило, с ворот (порой с каменными столбами, аркой). Кривизна изгиба (либо поворот) за счет высоких деревьев до определенного момента не позволяла подъезжавшим

увидеть главные постройки. Фасад с парадным крыльцом открывался как-то вдруг, сразу. Вспомогательные и хозяйственные сооружения (флигели, бани, конюшни, псарни и прочее) в глаза не бросались, оставаясь на втором плане. Хорошим вкусом считалось иметь грамотно разбитый парк с аллеями из разных пород деревьев (липа, дуб, ель и др.), прудами, беседками. Достаточное внимание уделялось и садам. Их, как правило, обваловывали и обсаживали по периметру деревьями либо акацией (боярышником).

Писателю Борису Можаеву, когда он до войны учительствовал в Гридине, удалось у бывшей экономки князей Волконских посмотреть сохраненные ей фотографии. На них он увидел и двухэтажный дом с колоннами, и кирпичные конюшни, и серых в яблоках рысаков, и самого старика князя, гвардии полковника в резном кресле при орденах. Михаил Петрович прошел Крымскую войну, пережил тяжелую семейную драму – его первая жена, дочь гридинского помещика, Вера Петровна Васильчикова умерла вскоре после венчания 20 лет от роду. Позже он женился на девице (на 23 года младше себя) Ольге Владимировне Чашниковой. Супруги завели в Гридине небольшую экономию, ткацкую мануфактуру, конный завод рысистой породы (3 жеребца, свыше 30 маток и полсотни жеребят).

В памяти гридинцев остались липовые и сосновые аллеи, огромный сад, три пруда с тремя островами (а на них кусты жасмина и сирени). К прудам выходила просторная крытая веранда, где господа любили сидеть за чаем. О былой красоте свидетельствуют ныне только заросшие пруды, развалины кирпичной конюшни да три сиротливые сосны.

Теперь попробую мысленно произвести реконструкцию усадьбы купца Василия Абрамовича Бабосова в д.

Соколово. Здесь фасад особняка смотрел на пруд. На одной линии с ним стояли еще две вспомогательные постройки. Чуть сзади сохранилось правильной формы кольцо сирени с разрывом для прохода, очевидно, в изящную ротонду или беседку. Далее – обширный сад, обрамленный деревьями.

И сад беседской экономии Александра Николаевича Кондранина был обвалован и обсажен дубами, липами, тополями и березами, а возле господского дома росли сирень и боярышник.

Несомненный интерес представляла усадьба барыни Надежды Ильиничны Сумароковой, перешедшей позже к ее брату – Петру Ильичу Грекову, в селе Большие Прудищи. В те времена главная дорога из Подболотья на Нестерово пролегала южнее нынешней асфальтовой трассы. С одной стороны от нее стояла прудищенская деревянная церковь, обнесенная кирпичной оградой с узорами в виде крестов, а с другой – каменные господские дома. Два боковых флигеля и двухэтажный особняк в центре, обращенный фасадом (украшенном, вероятно, колоннами) к храму, образовывали букву «П». Свободное пространство перед главной постройкой занимали земляные клумбы и каменные вазоны. За зданиями начинался грамотно разбитый парк, с прудом, липовыми и кленовыми аллеями (пруд и аллеи еще заметны), а далее – сад, обвалованный по периметру (барские яблони до сих пор цветут и плодоносят).

Петр Ильич, умирая, оставил усадьбу на попечение супруги Любови Алексеевны и дочери Веры – вдовы столоначальника уездного полицейского управления Ивана Алексеевича Калашникова. Сын Алексей Петрович жил собственным домом в Темникове, служил в уездной земской управе. В годы Первой мировой войны помещицы благосклонно приютили в наполовину

пустовавшем особняке семьи беженцев, эвакуированных с западных прифронтовых территорий.

А весной 1918 года им пришлось отдать все земли крестьянам. Вера Петровна собрала необходимые вещи и уехала в Москву к дочери Тамаре, вышедшей в столице замуж за высокопоставленного военного. Младший сын

Особняк купца Пустовалова в деревне Лукино

Алексей уродился умственно отсталым. Он спрятался от матери и не уехал из села, остался с бабкой в маленькой комнатке. Та быстро теряла силы от голода, да и возраст сказывался. Любовь Алексеевна умерла в первых числах марта 1919-го, 75 лет от роду. После этого Алексей жил, где придется, питался подаяниями, по ночам копал ямы – упорно искал клады. Леша Барский – такое прозвище закрепилось за дурачком. Умер он в солидном возрасте.

Усадьба долго не простояла. Сначала ее основательно разграбили. Затем, в конце 20-х, созданный в Больших Прудищах комитет бедноты облюбовал для себя

пустовавшие барские хоромы. Его активисты развили бурную деятельность по раскулачиванию зажиточных сельчан. Часть конфискованного тут же пропивалась. В ходе очередной пьянки возник пожар. Здание сгорело. Упившиеся активисты едва спаслись.

Отличительной чертой усадьбы титулярного советника Петра Петровича Дьякова (с. Веряево) являлся длинный мост через запруду, который вечерами освещался керосиновыми фонарями – «маленький Петербург». Помимо привычных яблонь, груш, слив и вишен в его саду росли кусты барбариса двух сортов, а в дому, обставленном помещиком на городской манер, простой люд дивился на многочисленные зеркала и застекленные двери.

Из господских домов до наших дней сохранились только (увы!) особняки купца Николая Васильевича Пустовалова (Лукино) и помещика Сергея Николаевича Скобельцина (Шибково). Остальные разобрали на хозяйственные нужды, на строительство колхозных контор, школ, изб-читален. Большинство прудов высохло. Часть садов порубили на дрова очумевшие от свалившейся на них воли мужики, часть уцелела и перешла потом в разряд колхозных (хотя в народе их продолжали звать «барскими»). Практически все парковые аллеи свели на нет в тяжелые годы Великой Отечественной войны.

Усадьбы и экономии начали грабить в 1917–1918 годах. Недаром на уездном съезде представителей волостных общественных организаций, проходившем в январе 1918 года в селе Потапьеве, рассматривался этот вопрос и принималась резолюция о прекращении таких погромов. И все же революционной волной начисто «смыло» большинство прежде цветущих и радующих глаз усадеб.

Впрочем, есть примеры и другого подхода к делу. Так, председатель Терентеевского сельского совета Сергей Назарович Сацук с пользой распорядился образцовым парком помещицы Богдановой, сделав из него парк культуры и отдыха. А там имелись: красивые аллеи с дорожками из битого кирпича (либо с покрытием из мелких камешков), огромный глубокий пруд. Сацук позаботился о ремонте карусели и качелей, организовал на пруду лодочную станцию и духовой оркестр, который играл в парке в выходные и праздничные дни. Но продолжалось такое благолепие недолго. Сацука перевели в другой район. Аттракционы и парк не смогли пережить военное время…

Не раз мне приходилось выслушивать упреки от представителей старшего поколения: мол, стоит ли этим вельможным барам внимание уделять? Они же тут и не жили, бывали наездами, а управляющие их имениями из наших мужиков «кровь пили». Когда-то я и сам думал примерно так. Но при изучении архивных документов выяснилось другое. Наши высокородные помещики не только подолгу «гостили» в своих сельских усадьбах, но и активно участвовали в общественной жизни округи, помогали проводить либеральные реформы, находили здесь себе суженых (а порой – и вечный покой в фамильных склепах либо возле православных храмов).

Так, в первой четверти XIX столетия породнились князья Волконские и дворяне Балашовы. Полвека спустя князь М.П. Волконский нашел свое счастье в гридинском имении Васильчиковых, Мансыревы и Сумароковы породнились с Грековыми, Кашкаровы – с Дьяковыми.

Да, былая красота осталась в прошлом, развеялась, как дым. Мне могут возразить: а что горевать, строили-то богатеи для себя. Так, да не совсем так. Конечно, в первую очередь для себя. Но ведь не забывали об

эстетике и украшении местности, чтобы их поместья радовали глаз всех проезжавших и всяк проходивших. Кроме того, те дворяне и богатеи стремились оставить определенный след на земле, память в поколениях. И многие из них строили на свои деньги православные храмы, школы, больницы, приюты и богодельни. А это уже для всех. И как строили! То, что дошло до наших дней оценивается как памятники архитектуры.

Современные «Абрамовичи» предпочитают скупать недвижимость за границей, приобретать шикарные яхты и футбольные клубы. Тратить средства на строительство сельских школ и больниц им нет охоты.

Советский период в истории страны и нашего края ввел свой социалистический уклад жизни. Возможности и права людей подравнялись, но стало явно не до красоты. То и дело приходилось бороться с нуждой. Тут уж не до внешнего вида жилищ, была бы крыша над головой.

Хотя по мере сил и возможности благоустройством занимались. Вспоминаю редкие для сельской местности палисадники с непременной мальвой под окнами, а за окнами – фикусы в кадках, как символ семейного благополучия и уюта той эпохи.

Теперь и быт, вроде бы, наладился, но наметилась другая тенденция. Общий облик жилищ явно изменился к лучшему (порой до роскоши). Но все чаще их стали обносить высокими заборами с глухими и еще более высокими воротами, скрывающими фасады (вплоть до карнизов) от посторонних глаз. Если такая тенденция сохранится, то наши села и деревни примут вскоре вид среднеазиатских кишлаков, где на улицу выходят только глухие, без окон стены домов да глинобитные ограды.

«В каждую душу не влезешь, за каждый забор не заглянешь» - поговаривали прежде. В наши дни это высказывание можно переосмыслить. Действительность

такова, что за иные высокие заборы лучше не заглядывать!

2. Гридинские помещики

На примере отдельно взятого села я постараюсь не столько охарактеризовать имевшиеся там усадьбы, сколько показать пути их возникновения и перехода «из рук в руки».

Пожилые люди до сих пор называют части Гридина по прежним колхозам или по фамилиям давних землевладельцев: 16-й Октябрь (Левшинка), Крупской (Оленьевка), Ворошилова (Князевка), Горького. Спросишь – пояснят: Левшинка – по барам Левшиным, Оленьевка – по Олениным, а Князевка – там имение князя Волконского было.

Изучая быт и нравы дворянских семей той эпохи, обращаешь внимание на характерные особенности. Молодые отпрыски, если позволяли средства родителей, предпочитали делать карьеру на поприще военной службы. Согласитесь, куда веселее кутить на гусарских пирушках или проводить вечера за карточной игрой (разумеется, в мирное время), чем ежедневно просиживать часы за разбором и перепиской скучных бумаг в казенных учреждениях. Армия становилась для них и университетом, и лестницей к чинам и наградам. Добившись приличного (соответственно амбициям) статуса, дворянин выходил в отставку и подыскивал себе подругу жизни. Как правило, невеста оказывалась моложе жениха лет на 10, 20, а то и 25.

Сейчас «демографическим вопросом» занимаются в основном молодые супруги. После рождения двух-трех детей «вопрос» считается решенным, и наступает передышка до появления внуков. Совсем иная картина наблюдалась в отдаленном прошлом. Доблестные

дворянские мужи добросовестно исполняли супружеский долг от медового месяца до, как говорится, седых волос, и многократно испытывали радость отцовства в 40, 50 и 60 с лишним лет.

Вот, знакомьтесь. Полковник в отставке, статский советник, тульский помещик и воевода города Белева Алексей Дмитриевич Левшин (1710–1772). Был трижды женат. От первого брака имел трех сыновей, от второго – трех сыновей и пять дочерей, от третьего – шесть сыновей и пять дочерей. Последний ребенок Ардалион появился на свет за год до смерти родителя.

Отпрыски полковника Левшина пошли по его стопам – все избрали военную карьеру. Один дослужился до чина премьер-майора, трое – секунд-майора, двое – поручика. Сын Никита в звании капитана погиб при штурме крепости Измаил, внук Николай – мичман Черноморского флота не вернулся с русско-турецкой войны.

Отдельно стоит сказать о сыне Василии (1746-1826). Выйдя в отставку в чине поручика, он стал впоследствии известным ученым-экономистом (его считают и первым российским агрономом). А еще Василий Алексеевич оставил о себе память как плодовитый литератор. Его переводные и авторские сочинения составляют около 250 томов, в том числе несколько драм и сказок. Он был знаком и переписывался с известными писателями Н.М. Карамзиным и Н.И. Новиковым.

Как же тульский помещик А.Д. Левшин записался в гридинские помещики? Тогда, в XVIII–XIX веках, как нередко и сейчас, представители правящего класса старались максимально использовать государственную казну в личных интересах. За счет нее при Елизавете и Екатерине возводились пышные дворцы с парками, каскадами прудов, причудливыми ротондами и

павильонами, с гротами и фонтанами. Каждый вельможа на удивление и зависть других строил свой «Версаль». При императорах Павле и Александре I контроль за финансами ужесточился, и, как следствие, количество и размах таких строек значительно снизились.

Непредосудительным считался и другой способ приумножить состояние – за счет выгодной женитьбы. Мы не можем теперь предполагать, имел ли корыстный интерес полковник Левшин. Кто знает? Но факт остается фактом – в результате трех браков состояние его более чем удвоилось. От третьей жены – дочери тамбовского помещика Марии Воейковой к нему перешли, в частности, земли и недвижимость в селе Гридино и деревне Высокая.

Что представляла собой усадьба Левшиных–Воейковых, сказать не могу. Известно только, что на тот период она была в селе единственной и располагалась на северной окраине, на правом берегу реки Пет. Рядом, у оврага возвышалась деревянная церковь.

Богоявленский храм села Гридина

К концу XVIII века у Левшиных появились соседи. Буквально в одной версте к югу обустраивал свое имение отставной подпоручик артиллерии князь Яков Николаевич Несвицкий (1753–1831). Он решил возвести свой более величественный каменный храм. И к 1810 году построил известную нам Богоявленскую церковь. Из пяти сыновей князя трое унаследовали земли и «души» в Елатомском уезде. Так, Ивану и Николаю (оба штабс-

капитаны лейб-гвардии Преображенского полка) достались крепостные и земли в селе Высокие Поляны, деревнях Николаевке и Ерме, поручику Михаилу – свыше 300 «душ» и 2268 десятин в Гридине.

Но вернемся к Левшиным. Как говорится, нет правил без исключений. Иногда и брак по расчету не приносит ожидаемых дивидентов. Бедный белевский дворянин Ермолай Тимофеевич Перфильев сумел добиться руки дочери местного воеводы Ольги Левшиной, но материального улучшения женитьба ему не принесла. Жил, как и прежде не убого, но скромно – при господском доме состояли всего четверо крепостных дворовых людей. Чиновничий статус Ермолай Тимофеевич все же несколько поправил, получив со временем чин коллежского асессора, соответствовавшего VIII классу Табеля о рангах. Своего сына Тимофея, который родился в 1788 году, он экипировать и поддерживать средствами для зачисления офицером в полк не мог. Решил отдать мальчика в кадетский корпус. Не сладко приходилось Тимофею на казенном довольствии. Зато вышел из корпуса в 1804 году в звании подпоручика артиллерии.

А вскоре началась русско-австрийско-французская война. Юный подпоручик принимал участие во всех ее крупных сражениях, в том числе и в последнем, решающем – под Аустерлицем (20 ноября 1805 года), где Наполеон нанес сокрушительное поражение войскам антифранцузской коалиции. Русской армии пришлось отступать к своим пограничным рубежам. Перемирие длилось недолго. Артиллерист Перфильев активно участвовал в военной кампании 1807 года – в битвах при Прейсиш-Эйлау, Гутштадте, Гейльсберге и Фридланде. А вскоре он оказался на берегах Черного моря.

Россия вела войну на два фронта: с Наполеоном и Османской империей (имеется в виду русско-турецкая война 1806–1812 годов). Летнюю наступательную кампанию 1809 года успешно проводил командующий генерал П.И. Багратион. Одна за другой сдавались, не выдержав яростного штурма русских, крепости: Бабадаг, Мачин, Браилов. Отличилась в боях и батарея поручика Перфильева. Двадцатилетний офицер получил свою первую награду – орден Св. Анны 3-й степени.

В следующем (1810) году пали турецкие твердыни: Силистрия, Шумла, Рущук и Журжа. Эта война (а с марта 1811 года главкомом был назначен М.И. Кутузов) завершилась капитуляцией войск Ахмет-паши и выгодным для России (она присоединила к себе Бессарабию) Бухарестским мирным договором.

В составе 8-й артбригады штабс-капитан Перфильев участвовал в завершающем этапе Отечественной войны и славном заграничном походе. Он отличился в бою при Бауцене (40 км восточнее Дрездена), где русские части за два дня разбили в полтора раза численно превосходящие силы врага. За проявленный героизм был представлен к ордену Святого Владимира 4-й степени. Участвовал и в так называемой битве народов – под Лейпцигом – одном из крупнейших сражений XIX века.

Из победоносного заграничного похода Тимофей Перфильев вернулся в Россию в 1815 году. Продолжил службу в артиллерии. Участвовал в еще одной русско-турецкой войне. К 50 годам вышел в отставку георгиевским кавалером и в чине подполковника. Жить переехал в с. Гридино, где в качестве наследства получил (по линии матери и бабки) левшинскую усадьбу.

К середине XIX века село заметно увеличилось (1700 жителей), вытянулось в южном направлении по обоим берегам реки. «Поля д. Ивановки и с. Гридина вязкие,

холодные, затяжливые, с болотниками (вымочками)» – сообщает «Сборник статистических сведений Тамбовской губернии за 1884 год». Далее узнаем из него, что крестьяне не стремятся улучшать участки, повышать плодородие почв из-за того, что их наделы каждые три года при пережеребьевке меняются. Поэтому они и навоз на поля не вывозят, утверждая, что он их землю «не поднимает», а продают его местным помещикам по 15 копеек за воз. Как говорится, без комментариев. А кто же они, местные помещики?

Перед отменой крепостного права крупными землевладельцами считались в Гридине братья Оленины – 1900 десятин. Их господский дом располагался в южной части села, недалеко от Синевой Горы. Владельцем Красной Слободы и Запышерской (за ручьем Пышера), что на левом берегу Пета, являлся дворянин Петр Васильевич Васильчиков (310 крепостных мужского пола, 1740 десятин земли).

А князья Несвицкие? Их имение перешло к графам Вуичам – из сербов, поступивших на военную службу русскому царю. Их родина находилась тогда под игом турков-османов. Георгий Эммануилович Вуич (1765–1847) до сорока лет служил в кавалерийских частях, вышел в отставку в чине подполковника. Удачно женился на Елизавете Федоровне Левшиной (1781–1875) – внучке уже известного нам Белевского воеводы. Получил в качестве приданого бывшую усадьбу князей Несвицких и полтораста «душ» крепостных.

Там, в тиши, на лоне природы, возле чистой реки проходило детство и отрочество его детей (а позже и внуков). Сам же граф «записался» в чиновники: много лет исполнял обязанности прокурора Вятской губернии, затем председателя Вологодской гражданской палаты. Неизвестно, как вел дела, но, видимо, справлялся, о чем

свидетельствуют полученные ордена Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 2-й степени. Уйдя на покой, прочно осел в гридинской усадьбе. Графская чета похоронена возле местного храма.

Часто и подолгу гостили у родителей молодые Вуичи – братья Николай и Федор. Оба по семейной традиции записались в кавалерийский полк. В отставку вышли одновременно, в 1843 году: старший Николай в чине штабс-ротмистра, младший Федор – поручика. Про старшего брата мне известно мало. А Федор (1820–1896) женился на дочери обрусевших немцев Марии Константиновне Доппельмайер. Их дети Николай, Ольга и Михаил воспитывались у бабки Елизаветы Федоровны. Увы, первенец Коленька умер в шестилетнем возрасте.

Федор Георгиевич купил дом в Касимове, где и проводил большую часть времени. Позже перебрался на постоянное жительство в северную столицу. Служил в казенной палате, состоял членом комитета призрения нищих. После смерти отца по разделу имущества за ним остались гридинская усадьба с 18 дворовыми людьми, 129 крепостных мужского пола и 870 десятин земли. После отмены крепостного права большинство холопов предпочли остаться господскими. Граф перевел их на оброк – 17 рублей с тягла (семьи) в год, плюс дополнительная натуроплата: один баран, три курицы, полгуся, 25 яиц, два фунта коровьего масла, 2 аршина сукна и 10 – холста. Кроме того, крестьяне должны были отработать летом два дня на полях помещика. Такие данные приводятся в статистических сведениях за 1882 год.

Вступивший позже в наследство Михаил Федорович Вуич (1855-?) продал усадьбу титулярному советнику и поручику в отставке Николаю Петровичу Дьякову (родом из соседнего села Веряево). Тот занялся в Гридине

разведением лошадей рысистой породы. К началу 1903 года на его конном заводе содержались: один жеребец, 10 маток и 16 жеребят.

Перейдем к Олениным. Увы, это не те, у которых бывал А.С. Пушкин. Гридинскую усадьбу основал гвардии капрал в отставке, коллежский асессор Павел Никитович Оленин (1781-1831). Один из семи его сыновей – Николай умер малолетним, похоронен в ограде местного храма. Старший – Аркадий унаследовал отцово поместье с крепостными и землями (870 десятин) в Гридине и Свищеве (три десятка «душ» и 120 десятин). Михаилу, помимо доли в Гридине, досталась и близлежащая деревушка Ивановка. После армейской службы, выйдя в отставку в чине ротмистра, он обосновался под Тамбовом, избирался почетным мировым судьей и предводителем дворянства Тамбовского уезда. Младший отпрыск Иван, штабс-капитан в отставке, устроил свое имение в Борисоглебском уезде, где несколько лет исполнял обязанности предводителя уездного дворянства.

Аркадий Павлович Оленин слыл добропорядочным гражданином и рачительным хозяином, избирался судьей Елатомского уезда. Первая жена его Александра Ивановна Граве умерла молодой, родив дочь Зинаиду, от второй – княгини Варвары Алексеевны Оболенской родились сын Алексей и дочь Александра.

Павел Никитич с супругой, Аркадий Павлович и его благоверные упокоились на почетном месте, возле церковной стены.

А на другой стороне реки Пет, напротив Вуичей, неплохо обосновался гвардии полковник князь Михаил Петрович Волконский, о котором уже шла речь в первой части данного раздела. Он попал в число гридинских

помещиков, породнившись с вышеупомянутым Петром Васильевичем Васильчиковым.

3. Усадьба Дьяковых

До сих пор в Веряеве бытуют названия Кашкаров конец (северная окраина села) и Дьяков сад. Откуда они берут начало? Сто и более лет назад эти фамилии местных помещиков произносились с большим почтением. Старинный дворянский род Дьяковых известен с конца XVI века, когда Федор Дьяков строил в Сибири города Енисейск и Мангазею. Кашкаровы вели свой род еще от летописного князя Редеди. Так вот, веряевским помещикам Дьяковым в пределах Елатомского уезда принадлежало примерно 1300 душ крепостных крестьян и 8 тысяч десятин земли, Кашкаровым – 600 душ и свыше 2 тысяч десятин.

Христорождественский храм села Веряева

Как видите, помещики под стать друг другу. Поэтому, услышав о помолвке 20-летнего Павла Кашкарова и 18-летней Сони Дьяковой, никто не посчитал предстоящий брак мезальянсом. Шел 1917 год. Венчались молодые в красивом каменном Христорождественском храме. Его построил на свои деньги дедушка невесты – Петр Петрович Дьяков (к тому времени уже покойный). Посмотреть на венчание собралось почти полсела. И хоть обсыпали молодых монетами и цветами, безмятежное счастье их продлилось недолго.

Две революции того памятного года насулили столько невиданных ранее прав и свобод, что разум у мужиков буквально помутился. Имение Дьяковых в считанные часы было разграблено. Одним декабрьским днем в усадьбу нагрянула решительно настроенная толпа и принялась тащить и громить все подряд. Первым и расторопным досталось господское добро: изящная мебель, зеркала, посуда, сельхозинвентарь, мешки с мукой, зерном, картофелем… Те, кто подоспели позже, крушили в досаде постройки, рубили плодовые деревья. К ночи в особняке не осталось ни дверей, ни окон, ни полов, ни печей.

Софья с мужем и матерью Марией Павловной несколько недель, в страхах и опасениях за свою жизнь, ютились в тесной садовой сторожке, затем уехали в Касимов. Там до них дошли ужасные вести. Отца Софьи и старшего ее брата Павла арестовали в уездном центре Елатьме. Оставалось молиться за их спасение. Но, увы, против революционеров молитвы бессильны.

Титулярный советник Николай Петрович Дьяков в разрезе классовой борьбы вполне соответствовал типу помещика-мироеда, эксплуататора трудящихся. Сами посудите: крупная экономия, 1340 десятин земли и 100 десятин леса в селе Высоком, 1215 десятин земли в селе

Мокром, 1440 – в Спиридовском (Новом) Ункоре, 965 – в Мокрой Хохловке, наследственные деревенька Дьяковка и хутор Петровский, конные заводы рысистых пород в Гридине и Мокром. И само собой поместье и земли в Веряеве. К тому же несколько лет исполнял обязанности начальника 1-го земского участка и кандидата (в смысле заместителя) уездного предводителя дворянства. На снисхождение ему рассчитывать не приходилось.

Не могу не сказать несколько слов об образцовой экономии Дьяковых в селе Мокром. Она создавалась в середине XIX века еще при Петре Петровиче. Помимо завода рысаков там содержался племенной скот симментальной и швицкой пород, свиньи – беркширы и йоркширы. Но особенно славилась их овчарня – крупнейшая в Елатомском уезде (на 1700 голов). С тонкорунных пород («рамбулье» и «бухарская») ежегодно получали до полутысячи пудов шерсти.

Ну а что же представляла собой усадьба Дьяковых в Веряеве? Ведь ныне от нее, можно сказать, не осталось и следа, за исключением перестроенного здания школы, нескольких старых лип, сосен да елей. А возникла она, следует заметить, не на пустом месте.

Первый владелец – отставной капитан I ранга Ларион Осипович Головин обосновался здесь еще в семидесятые годы восемнадцатого столетия. Напротив, через дорогу, ближе к реке Пет, он воздвиг скромную, но изящную деревянную церковь (1780 г.). Через полвека вдова флотского офицера Анастасия Егоровна продала усадебку отставному драгунскому ротмистру Александру Ивановичу Сабурову.

Прошло еще полвека. И после смерти Александра Ивановича (1880) его супруга Александра Петровна решила веряевское имение продать. Покупателя нашла легко. Им оказался почетный мировой судья Елатомского

уезда Петр Петрович Дьяков. Кстати, через несколько лет прежние и новые хозяева усадьбы породнились. Внук Александра Ивановича от дочери Елизаветы (Давыдовой по мужу) женился на младшей дочери Петра Петровича.

Дьяков, вероятно не без помощи супруги Софьи Михайловны, энергично взялся за перестройку и расширение усадьбы. Попробую умозрительно восстановить ее вид, опираясь на данные вековой давности и более близкие к нашим дням.

Цифрами обозначены: 1. Ягодник 2. Сливы и груши 3. Дом 4. Флигель 5. Яблони 6. Груши

Располагалась усадьба Дьяковых на берегах (в основном на правом) безымянного ручья, впадавшего в реку Пет. Обрамляли ее и надежно укрывали от ветров аллеи: липовая (со стороны села), сосново-липовая (вдоль ручья) и еловая (со стороны поля). Господский дом стоял на центральной осевой линии, сзади – яблоневый и грушевый сады, спереди – цветники, сад из слив и вишен. Тот, кто ехал со стороны Гридина, попадал

в усадьбу по одной дороге, тот, кто направлялся от Фалеевки – по другой. Обе они подводили к парадному крыльцу протяженного по фасаду особняка.

На ручье помещик устроил две запруды: верхнюю, открытую солнцу, и нижнюю, утопающую в зелени. На берегу нижней разбил ягодник (крыжовник, смородина, малина), выращивал барбарис двух сортов.

Думаю, что Дьяковы охотно принимали гостей. И вскоре по округе пошла молва об одной примечательной черте их усадьбы – длинном мосту через нижнюю запруду, который вечерами освещался керосиновыми фонарями на столбах. Своего рода «маленький Петербург». По другой версии шаровидные навершия столбов были покрыты фосфором и светились в темноте.

Как-то, в разгар лета, я побывал в бывшей усадьбе Дьяковых. Ряд старых тополей указал мне нужное направление. Когда-то мимо них пролегала подъездная дорога к усадьбе. А далее, впереди по курсу, темнели древние ели, оставшиеся от южной аллеи.

Искать место господского дома оказалось делом бессмысленным. Вся центральная часть бывшей усадьбы густо заросла крапивой и репейником – почти в мой рост. Тут уж не до исследования подвальных ям – выбраться бы из бурьяна! Осторожно подминая перед собой крапиву, двигаюсь наугад вперед. Вдруг краем глаза замечаю справа... нет, не может быть! Неужели сохранилось такое чудо!? Померещилась поверх крапивы словно бы угловая башня каменного замка. Направляюсь туда. И впрямь, круглая башня из белого тесаного камня, только силосная, построенная в советский период.

Наконец, добрался до затемненной деревьями нижней запруды. Тут по крайней мере нет высокой травы. А вот и цепочка старых лип (у многих лопнули стволы) и сосна со сломанной верхушкой – напоминание о сосново-

липовой аллее. Когда-то по ней чинно прогуливались господа, весело носилась детвора…

Подойти к самой запруде сложно. Берег плотно зарос деревьями и кустарником. С трудом продираюсь сквозь чащу к водоему. А с его поверхности стремительно взлетает пара диких уток. Удивительно: в такой близи от жилья устроились!

Прошел к верхней запруде. Красота! Блестящее на солнце зеркало плотины, изрезанные мысочками и заводями берега с редкими, склоненными к воде, березками. Кажется, сейчас на горизонтальном изгибе белоствольной красавицы увижу сидящую в горестном раздумье сестрицу Аленушку из русской сказки. Во всяком случае местные пейзажи так и просятся в живописные полотна художников.

Припекает. Искупаться бы. При моем подходе к бережку из травы выскальзывает пара толстых ужей и черными шлангами сползают в воду. Нет, купаться, пожалуй, не буду.

Пора вернуться к событиям семнадцатого года и судьбе молодоженов Павла и Софьи. Они остались жить в Касимове. Почему именно там? Касимов, хоть и совсем рядом от уездного центра Елатьма, но другой губернии: не Тамбовской, а Рязанской. Павел сменил отчество, менял места работы. Временами приходилось очень трудно. Руководство, кадровики проявляли бдительность, интересовались социальным происхождением, наводили справки. И он уходил, нанимался в другие места. Начал устраиваться подальше от дома – Гусь-Железный, Тума. Но и там не чувствовал себя в безопасности.

Однажды Павел заявил своим: «Со мной вы пропадете. Уеду туда, где обо мне ничего не знают. По возможности буду помогать». Действительно, таким разрывом с семьей (а уже подрастали дети: Юрий, Александр и

Владислав) он спас и себя, и родных. А справки о нем у супруги наводили потом неоднократно. Заученно отвечала: «Муж меня бросил. Где он, не знаю». По неточным сведениям в конце тридцатых годов Павел исполнял обязанности секретаря сельсовета в лесной глухомани Мордовии. Когда и как умер, не известно.

Мария Павловна жила с дочерью. Умерла в голодное военное время, похоронена на касимовском кладбище. Там же упокоилась ее дочь Софья Николаевна. Она умерла в 1984 году. Из ее детей ныне здравствует только младший сын Владислав. Средний Александр на склоне лет посетил отчие места (где никогда не бывал), осмотрел место бывшей усадьбы Дьяковых, заглянул в местную школу. Через три года его не стало.

Посреди грунтовой дороги, огибающей веряевскую церковь, из земли выпирает большое известняковое надгробье с выпуклым крестом. В 2013 году дорога возле могильного камня провалилась, образовав круглую, расширяющуюся книзу яму диаметром 2.5 и глубиной 1.5 метра. Возможно, это склеп основателя веряевской усадьбы Петра Петровича Дьякова, на чьи деньги и был в 1895 году построен православный храм.

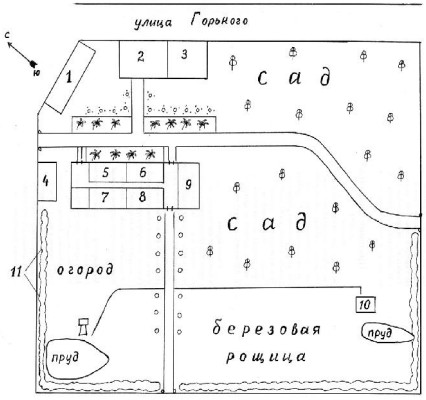
4.Украшение Синормы – усадьба Долбежевых

В основу этого очерка легли воспоминания старожила Пителина Виталия Дмитриевича Кондрашова.

Долгое время настоящим украшением деревни Синормы являлась прекрасно спланированная усадьба Долбежевых. Ее строительство (на юго-западной окраине Синормы) относится к концу девятнадцатого века. Прежде всего усадьба поражала огромным, разбитым по всем правилам науки садом, ухоженным парком с декоративным кустарником и березовой рощицей. По

всему периметру сад был обсажен сиренью, обнесен тесовым забором. С восточной стороны усадьба ограждалась кирпичной стеной длиной метров сто и высотой два метра. За этой стеной находились: конюшня на две лошади, двор для коров и телят. От жилого дома их отделял низкий декоративный кустарник.

С северной стороны усадьбы располагались магазин Долбежевых и складские помещения – основательные постройки, выложенные из кирпича. Между магазином и довольно большим складским помещением стояли высокие сосновые двустворчатые ворота, а сбоку, к магазину, располагалась калитка, на которой было смонтировано устройство оповещения. В народе его называли «дергалкой» – дернешь, а в прихожей зазвенит колокольчик. На этот звон из дома выходят люди и спрашивают: что надо, кого позвать?



Цифрами обозначены:
1. Склад 2. Конюшня 3. Коровник
4. Магазин 5. Спальная 6. Детская
7. Гостиная 8. Кабинет 9. Кухня
10. Баня 11. Сирень

Далее. Миновав калитку, вступаешь на широкую дорожку из хорошо обожженного кирпича, а по обеим сторонам от нее – цветники. С левой стороны, за декоративным кустарником виднеются скотные дворы, о которых говорилось выше. А сама дорожка проложена вдоль фронтона довольно длинного жилого дома (кирпичный фундамент его сохранился до наших дней). По сравнению с деревенскими хибарами он считался тогда

просто дворцом. Строил его Антон Петрович Долбежев. Его сын Николай Антонович пристроил к дому кухню, так как ему, врачу по профессии, нужно было освободить помещение под кабинет для приема больных. Помимо кабинета в здании имелись комнаты: гостиная, спальная, детская, флигель. Отапливался дом большими печами, обложенными изразцовыми плитками голубого цвета. Из двери коридора в глубину сада вела липовая аллея, сохранившаяся до сего времени.

На территории усадьбы были вырыты два пруда. Вода из них использовалась для полива огородных культур и цветов. С этой целью возле нижнего пруда соорудили водонапорную башню. По липовой аллее можно было пройти к задним воротам, а, повернув налево, – к бане и березовой рощице. Баня стояла возле прудика. Почти полвека назад ее разобрали и построили из ее бревен дом на улице Пролетарской (он стоит и сейчас).

Некоторые из хозяйственных объектов находились за пределами усадьбы. Это добротный молотильный сарай с плотно закрывающимися воротами на три стороны, крытый щепой, пятистенный в два этажа сосновый амбар и второй амбар, небольшой. В начале тридцатых годов эти постройки отошли созданному в Синорме колхозу «Красный пахарь». Маленький амбар прослужил по своему назначению до начала Великой Отечественной войны, а в большом – открыли колхозный красный уголок. Кирпичное складское помещение (возле магазина) приспособили под клуб.

Но пора сказать хоть несколько слов и о самих хозяевах усадьбы. Кто же такие Долбежевы?

Антон Петрович (1845–1916) – касимовский купец. Будучи довольно молодым человеком, он основательно «погорел» в коммерции, почти обанкротился. Пришлось ему взять кредит под 1% годовых у барыни Левшиной.

Она уступила ему по сходной цене земли на окраине Синормы, правда, с непременным условием построить часовню.

Антон Петрович вновь, но более осмотрительно, занялся коммерцией, повел торговлю (в основном осветительным, как тогда называли, маслом). Для этого построил магазин и складские помещения. Товары часто отдавал в кредит (из расчета 2% годовых). В случае нужды (отсутствия денег) отпускал товар под зерно, просо, семя конопли и пр.

Приобрел купец и участок молодого березового леса, который находился с левой стороны от дороги на Гридино. Увы, от того образцового, почти паркового леса ничего не осталось. В 1935–1940 годах на его южной окраине обустроили летний колхозный свинарник на 50 голов. Заведовал СТФ Степан Иванович Абушин. Воду для свиней брали из расположенного рядом колодца.

Для собственных нужд Антон Петрович обзавелся дойным скотом и лошадьми, поле в две десятины засевал овсом. Его уборкой и сенокосом занимались по найму каменские и синормские мужики и бабы. К юго-западу от усадьбы наладил купец кирпичное производство. Впоследствии это место в народе стали называть «Кирпичное». Благодаря своему заводику Долбежев построил все необходимые для жизни и хозяйства постройки. Не забыл и про обет, данный барыне Левшиной – напротив усадьбы (где сейчас дом Тукмаковых) поставил красивую кирпичную часовню. В ней всегда соблюдался образцовый порядок, горели свечи и лампады.

Антон Петрович вырастил четверых детей: дочерей Анну, Екатерину, Татьяну и сына Николая. Все они получили довольно хорошее образование. Дочери стали

учителями. Екатерина долгое время работала в Свищевской школе.

После смерти Антона Петровича усадьба перешла к сыну Николаю. Николай Антонович Долбежев (1883–1958) сначала пошел по духовной линии (был очень набожным), окончил семинарию. Но потом что-то произошло в его жизни, и молодой человек поступил на медицинский факультет Харьковского императорского университета. В 1913 году получил диплом лекаря (официальное именование врачей до 1918 года). А с 1914 года и практически до смерти Николай Долбежев проработал в Потапьевской больнице, которая до 1935 года считалась центральной. Помимо него в штате состояла акушерка (она же и смотрительница) Варвара Федоровна Позднякова.

Н.А. Долбежев

Вести дела в прежнем объеме, как при отце, Николаю Антоновичу не представлялось возможным, но и сохранить имение хотелось. Он поговорил с толковыми синормскими мужиками, после чего взял управляющим усадьбой Ивана Андреевича Оськина, конюхом – Григория Аполлоновича Тимошина, оставив для себя в конюшне только двух лошадей.

Прислугу Долбежева звали в деревне все Мотей, или тетей Мотей. Она слыла искусным поваром. Николай Антонович говорил: «Мотя все может. Даже татарскую колбасу». А готовить женщине приходилось много: не только на хозяев, но и ежедневно еще на 5–10 человек в порядке благотворительности.

Женился Николай Антонович поздно, в 53 года, на сотруднице потапьевского почтового отделения Татьяне Семеновне Стегиной (вдове, 37 лет). У нее подрастала дочь Шура. Свою фамилию (Стегина) Шура не сменила. Она закончила медицинский институт, работала где-то в Липецке. С приходом в дом Татьяны Семеновны сестрам дорога туда оказалась закрытой. Молодая жена оказалась женщиной энергичной, с твердым (порой жестким) характером. Вскоре весь дом зажил по ее «уставу».

Николай Антонович истово верил в бога, знал очень много молитв. В.Д. Кондрашову приходилось видеть и слышать, как он творил молитвы (певучим баском). Одевался же лекарь по простому: зимой носил шубу, крытую сукном, под ней вельветовую толстовку с поясом. А вот летом, занимаясь в саду, надевал брюки с большими и толстыми заплатами на коленях. Сгибаться с возрастом стало нелегко, поэтому копался в земле, сидя на коленях. Много времени проводил он и на конюшне.

Интересно выглядел выезд доктора на работу, что составляло особый и неизменный ритуал. Провожали его до ворот всем домом. Григорий Аполлонович выводил запряженную в сани лошадь. Николай Антонович, одетый в тулуп и валенки, степенно усаживался в них, но вожжи в руки не брал. Открывались двустворчатые ворота. Конюх выводил под уздцы лошадь на дорогу. И только тогда лекарь внезапно преображался, проворно хватал вожжи – «Пошла!». Кобыла резво срывалась с места, только снег комьями летел из-под копыт. Сани стремительно уносились прочь. Какой же русский не любит быстрой езды!?

Немало больных дипломированный лекарь принимал прямо на дому. Лечил переломы, вывихи, ушибы, простуду, горло и зубы. Порой давал лекарство собственного приготовления. Много людей вылечил он

от свирепствовавшей тогда малярии. Шли к нему на прием, за советом, за помощью днем и ночью. И он всех терпеливо принимал. Народ его уважал. И не случайно, когда власти приняли решение отобрать у него сад, то за своего лекаря вступились уважаемые люди: Григорий Евсеевич Васин, Семен Егорович Васин, Егор Захарович Кондрашов, Дмитрий Васильевич Кондрашов, Степан Иванович Абушин, Ефим Павлович Ловцев и другие. За хорошее отношение к простому народу, за высокий профессионализм, сад и два гектара пахотной земли оставили ему в пожизненное владение.

Сенокосные делянки отводило доктору лесничество. Косили травы и убирали каменские мужики во главе с Иваном Дмитриевичем Трухачевым. Охотно помогали Долбежеву и с уборкой овса. Татьяна Семеновна ежегодно самолично продавала по выгодной цене по одному жеребенку.

В выходные дни Николай Антонович любил поохотиться. У него имелись двуствольное ружье и охотничья собака по кличке Фагот. Уезжал доктор далеко, обычно в сторону Пятницкого Яра. Много и охотно он рассказывал о своих приключениях на охоте. Главной «изюминкой» следовала байка, как заяц прыгнул со стога прямо ему на грудь.

Долго вынашивал Долбежев идею поставить на службу человеку волка. По его просьбе лесники Яков Иванович Зайцев и Алемовский при поддержке лесничего Разумихина добыли ему двух или трех волчат. Увы, серьезный эксперимент завершить не удалось: волчица (мать этих волчат) стала терроризировать округу, нападать на домашний скот. Чтобы отвадить ее, Разумихину пришлось отправить волчат в другое место. В следующий раз Николай Антонович привез трех лисят,

поместил их в бане. Примерно в возрасте года они выбрались наружу через крышу и убежали.

Отношения с сестрами у Николая Антоновича после его женитьбы как-то незаметно осложнились. Встречи родственников стали редкими. Анна Антоновна жила у дочери в Москве и хоть часто приезжала в Синорму, но останавливалась в доме родителей В.Д. Кондрашова, много рассказывала о своей судьбе. В свое время (пока в районе не позакрывали церкви) она жила с мужем, священником, в селе Подболотье. Ее сын Анатолий Николаевич Осьминников жил и работал в Пителино.

Вторая сестра Екатерина Антоновна просила брата посодействовать в трудоустройстве своей дочери Лиды, которая получила профессию ветеринарного врача. Немного поработав в колхозах района, Лида уехала в Москву.

Когда Николай Антонович умер, его вдова распродала все, что можно было продать. Просторный дом купил совхоз «Красный партизан». В здании разместились контора синормского отделения совхоза и детские ясли. Значительная часть обширной домашней библиотеки перешла к Ивану Ивановичу Богатыреву (директору Петского крахмального завода). Все распродав, Татьяна Семеновна уехала из Синормы навсегда.

Вот такую историю усадьбы поведал мне В.Д. Кондрашов. Разумеется, воспоминания каждого человека вольно или невольно приобретают и субъективный характер.

Позже я беседовал с внучатым племянником Н.А. Долбежева Валентином Анатольевичем Осьминниковым. По его словам, судьба усадьбы не была такой гладкой и безоблачной. Кампания по раскулачиванию коснулась и Долбежевых. Казалось бы, что тут можно сделать: хорошо, что в Сибирь или на Крайний Север не сослали.

Но бабушка В.А. Осьминникова Анна Антоновна решила добиться справедливости. Она обращалась в различные инстанции, дошла до самого «всесоюзного старосты» М.И. Калинина. И только после этого врача Долбежева восстановили в гражданских правах. Но уже не шла речь о возрождении прежней усадьбы.

От былой «роскоши» остались у доктора лошадь, на которой он добирался на работу в Потапьевскую больницу, сад и цветники. Именно цветы и стали со временем его главным увлечением. Пожалуй, первым в наших краях Николай Антонович начал выращивать георгины. Их он особенно лелеял и холил. Эти цветы и украсили его могилу ранней осенью 1958 года.

Все имеет свое начало и конец. Мало уже кто помнит отлично налаженную и умело спланированную усадьбу Долбежевых, которая давно превратилась в руины, заросли кустарника и сорняка. Но липовая аллея, прудик, действующий ныне магазин напоминают нам, что здесь жили рачительные хозяева.

Преданья старины глубокой

Легенды, овеянные веками

Недалеко от сел Пеньки и Темирево есть Святое болото и Красулин (Красный) овраг. Про эти места бытуют легенды. Некоторые из них, возможно, исторически обоснованы. Во всяком случае, они привлекли внимание ученых. Наш земляк доктор исторических наук А.Г. Кузьмин писал в книге «Рязанское летописание» (М. «Наука», 1965): «На востоке Рязанской области имеется село Темирево, происхождение которого предание связывает с именем татарского хана Темира, якобы поселившегося в этом крае во времена Василия Темного

и ведшего борьбу с рязанским князем. В предании называется и овраг, в котором был убит татарский князь». Впервые же эта легенда записана в начале 1900-х годов благочинным Темиревского церковного округа А.А. Алгебраистовым.

А вот что говорится в «Предании о битвах с татарами» (Ученые записки РГПИ, М. 1965).

«Темир поселился на земле Рязанского княжества среди дремучих непроходимых лесов, которые и до настоящего времени кое-где не вывелись. Однажды Темир рассердил чем-то Рязанского князя. Решив наказать обидчика, князь снаряжает небольшой отряд и отправляется в поход. Но, подходя уже к поместью Темира, он увяз в болоте, где у него сильно разболелись глаза. Не зная, что делать, князь решил прибегнуть к помощи божией, пообещав, что если выберется из темиревских болот здоровым и невредимым, то построит на месте хутора Темира церковь во имя Николая Чудотворца. И случилось чудо, – глаза перестали болеть, а через некоторое время отряд благополучно выбрался из болота. Но все еще пылая местью к Темиру, князь все думал, как бы овладеть им, а не исполнить данное небесам обещание.

Спустя год Рязанский князь опять снарядил отряд и пошел тем же путем, и вновь оказался в том же болоте. И здесь ему во сне явился святой Николай Чудотворец и сказал, что это его бог наказывает за то, что он не исполнил своего обещания. Проснувшись, князь раскаялся и дал слово, что, как только прогонит Темира из его владений, построит обещанный храм. С трудом выбравшись из топи, он дошел-таки до Темира и прогнал его, а на этом месте воздвиг храм, который, по рассказам, простоял до 50-х годов XIX века, когда был перестроен заново. Болото, где явился Рязанскому князю св. Николай Чудотворец, существует и поныне и называется Святое.

На нем служили молебны каждый год, предварительно отправляясь туда крестным ходом.

Но что же Темир? Остался ли он в бездействии? Нет! Темир задумал в отсутствие русской дружины уничтожить храм. Он отправился в Темирево один, без слуг, намереваясь поджечь его, но был пойман жителями и убит. Татары нашли его в одном овраге, который называется Красным (или Красулиным). Когда они узнали какою смертью и за что тот погиб, то оставили его тело без призора, а сами разошлись – одни на восток, где образовали село Азеево, другие на юг, и там основали село Бастаново. А место Красный овраг, где лежал труп их предводителя, поднявшего руку на «угодника божия», считают нечистым. Сами же татары почитают св. Николая Чудотворца, помня по рассказам, как он помог Рязанскому князю выбраться из Темиревских болот и победить Темира. Часто случалось, что они давали деньги на свечу этому святому.

Наши же православные тоже считали Красный овраг местом нечистым, и редко кто проезжал по нему. А если же кто проезжал, то погонял лошадей и набожно творил молитву».

Итак, из приведенного выше текста понятно, что Святым болото прозвали не зря. Среди местных жителей бытует и такое поверье, будто там на Юрьев день свечка загорается (либо болотный огонек). Почему именно на Юрьев день? Да потому, что князя рязанского так звали.

Рассказывают и иное. Мол, нашли в болотном ручье давным-давно икону Николая Угодника. Позже она заняла видное место в темиревской церкви. А на том ручье поставили колодец. Из него набирали воду на Крещение и Николу Вешнего. Вода эта долгое время не портилась. И молебны служили возле колодца. Вот и стало болото Святым. Таким рассказам верить можно.

Остатки деревянного колодца заметны и в наши дни. А рядом с ним благодаря стараниям генерального директора ООО ПМК «Пителинская» С.В. Кузина (уроженца с. Темирево) и главы Пеньковского сельского поселения В.В. Конышева поставлены новый из железобетонных колец колодец и тесовая купальня.

По третьей версии рязанский князь построил деревянный православный храм прямо на роковом для него болоте. А тот вскоре ушел под землю. Отсюда и Святое болото.

Кстати, легенда об ушедшей под землю церкви в нашем районе не единична. Такое, якобы, было в Савро-Мамышево и Пеньках. И там, и там теперь озера. Считается, что в давние времена возле села Пеньки произошла кровавая сеча с татарами. На том месте соорудили сначала часовенку, затем храм. Тот в какой-то момент опустился под землю, а образовавшийся провал заполнился водой. Теперь это озеро Сегма. Но вряд ли это правда, так как слово сегма имеет дославянское происхождение.

А вот вам еще информация к размышлению. Обратимся к «Историко-статистическому описанию Тамбовской епархии» (Тамбов. 1861 г.), где сказано: «Икона святителя и чудотворца Николая. Написана старинною кистию по резьбе из дерева и поставлена в большой киот. Она привезена в темиревскую церковь из Литвы в царствие Алексея Михайловича помещиком Мамеевым. На войне с литовцами Мамеев был разбит и принужден был с своим отрядом спасаться бегством. Бегство однакоже было соединено с опасностию: болотистая местность затрудняла путь, а враги не дремали. В такой крайности среди болот и трясин, помещик Мамеев встретил икону святителя Николая и обратился к нему с слезною молитвою о помощи и с клятвою – перенесть его

икону в храм с подобающею честию. Помощь была подана, а клятва не исполнена. Мамеев благополучно возвратился домой, но вскоре постигла его тяжкая болезнь. Тогда он вспомнил об иконе святителя Николая, снова обратился к нему за помощию и, выздоровев, исполнил прежнюю свою клятву.

В след за Мамеевым милосердный Чудотворец через свою икону в темиревской Преображенской церкви неоднократно подавал и подает исцеление в болезнях прибегающим к нему с усердною молитвою. Во дни памяти святителя здесь бывают такие собрания, что церковь не вмещает богомольцев и почитателей угодника Божия».

Эта версия, на мой взгляд, достовернее прочих, а фамилия Мамеев была хорошо известна в наших краях.

Впрочем, и татары оставили заметный след в истории Елатомского уезда. Имею в виду не только Касимовское ханство, но и постоянные набеги ордынцев, а позже ногайских и крымских степняков, которые прекратились лишь в середине XVII века.

Летучие конницы басурман шли на Русь так называемой Крымкой (дорогой). Считалось, что вдоль нее спешно отступавшие под натиском рязанских дружин татары закопали немало награбленного добра. Вот только самому эти клады отыскать невозможно – требуется специальное знамение. Какое? Например, в виде белого ягненка, привидевшегося запоздалому в ночи путнику. Где он ляжет, там копай. Но и знамения недостаточно. Еще слово заветное, заклинание надо знать. А не сумел взять словом, лопатой и не берись! Клад, как живой, захрюкает, заухает да вглубь уйдет. Сколько ни копай, не докопаешься. Хорошо, если легко отделаешься, целым и здоровым останешься!

По народному поверью, клады зарывались с различными заклинаниями (зароками), в том числе и «душегубными». Например, на три головы молодецкие, т.е. трое обречены погибнуть, и лишь четвертому добро в руки дастся. А обеспечивался зарок привлечением нечистой силы,– потому-то клад обладал такими невероятными способностями: выходить из-под земли, мниться путнику блуждающим огоньком в ночи или блеющим ягненком…

Учитывая все это, понимаешь, почему так редко везет кладоискателям. Чаще удача улыбается совершенно случайным людям. Я слышал в свое время от ныне покойного жителя Пителина Константина Николаевича Маркина, что ему в юношеском возрасте удалось найти и взять клад. Долго это событие обсуждалось тогда по всей округе.

Про Красулин овраг речь уже шла. Но свои занимательные, а иногда страшные истории имеют и другие. Возьмем, к примеру, овраг Синий Камень (между Пителино и Пеньками). Такое название неслучайно. Дело в том, что в древней Руси особо почитались огромные и не совсем обычные валуны. Наши предки полагали, что они падают на землю с неба – стихии бога Перуна, оттого и называли их перуновыми или Синь-камень. По поверью, такие камни заключали в себя дух божества, а потому считались священными. Возле них совершались ритуальные обряды, ставились языческие капища. Синь-камень мог приносить удачу, исцелять от недугов, а мог причинить и серьезный вред – смотря кто с чем приходил к нему. Огромный, с поверхностью примерно 1.8 на 1.5 метра и высотой от земли полметра, гранитный валун веками лежал на дне оврага. Но в перестроечные годы предприимчивые люди (говорят, из Сасова) смогли с помощью спецтехники его вывезти.

А несколько десятков лет назад овраг получил и другое название – Танечкин. Когда-то в нем из большой ямы жители села брали песок для строительных и хозяйственных нужд. Так уж вышло, что склон карьера обрушился в тот момент, когда в яме находилась девочка по имени Таня. Спасти ее не удалось. А у оврага с той поры появилось второе название.

Видимо, неспроста получил свое название Реутов овраг, берущий начало от Соколова (Реутов – одна из соколовских фамилий). Небольшой, заросший деревьями ложок между Беседками и селом Пет, где стояла в давние времена часовенка, именуют Божьим Домом. Что случилось с одним из Реутовых, в честь какого знаменательного события возведена часовенка? Подобных вопросов возникает много. И не всегда находятся на них ответы.

«Разбойный край», или Что скрывает в себе «Арарат»?

Продолжим тему кладов и татарского следа в истории края. Есть у нас насыпной курган между деревнями Городок и Марьевка. Городком в старину называли защищенное, огороженное место. Слово курган восточного происхождения и означает холм. Мар – тоже холм, бугор, одинокая гора, но только уже с мордовского. Отсюда, очевидно, и Марьевка. То, что населенные пункты названы по уже имеющемуся кургану и его гарнизону – городку, свидетельствует о достаточно древнем происхождении сторожевого объекта.

Жители округи прозвали курган Араратом. Почему? Думаю, объяснение самое простое. Крестьяне постигали азы грамоты в основном по наиболее распространенным книгам: псалтырям, часословам, житиям святых и пр.

Одно из центральных мест священного писания – сюжет о всемирном потопе и чудесном спасении Ноева ковчега, причалившего к незатопленной вершине горы Арарат. При виде высокого кургана многим приходила, вероятно, на память святая гора. Так и «возник» под Марьевкой свой «Арарат».

В конце 1950-х в Пителинский район для исследования кургана приезжала группа ученых (а вместе с ними и наш известный земляк, будущий доктор исторических наук А.Г. Кузьмин). Делались описания, зарисовки, замеры, производились раскопки. Ученые пришли к выводу, что курган относился к сторожевым пунктам, которые возводились в середине XVI века в целях защиты от набегов крымских татар и ногайцев. А они совершались неоднократно. Обратимся к истории.

1515 год. Сын крымского хана Магмет Гирея царевич Богатырь, устремившись на Россию «голодными толпами», попустошил села Рязанские и Мещерские.

1539 год. Нападение казанских татар на область Мещерскую и опустошение сел.

1550 год. Князь Константин Иванович Курлятов, Елатомский воевода, вместе с воеводами рязанскими, разбил ногайских мурз, явившихся грабить Мещерский край, и преследовал их до ворот Шацких.

Эти данные приводит в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин.

1632. Летучая конница ногайцев опустошительным рейдом прошлась по селам Березово, Чучково, вплоть до Шилова. При повторном набеге четыре года спустя ногайцы взяли в полон более десяти тысяч человек с тем, чтобы продать их на невольничьих рынках Кафы.

1644. Степняки подступили к Тамбову и взяли в полон служилых людей. С этого года набеги татарские делаются чаще (самые грозные – в 1659, 1676 и 1713 гг.).

Такие данные приводит краевед И.И. Дубасов («Очерки из истории тамбовского края», М. 1883).

Система оборонительных сооружений от налетов кочевников включала в себя сплошные линии – засеки (поваленные грядой деревья) или земляные валы, отдельные крепости – остроги и сторожевые пункты. Службу там несли казаки или служивые люди. Вот и рядом с нашим курганом, откуда велось наблюдение, существовал гарнизонный городок (ныне деревня Городок). Место было выбрано не случайно. С одной (северной) стороны – дремучий лес (частично сохранился до нынешних времен), с другой – река Пет, огибающая основание естественной возвышенности.

Именно на ней древние защитники рубежей и возвели насыпной курган, с которого открывался хороший обзор окрестностей в нужном направлении (на Дикое Поле и Крымку, или Ногайский шлях). Всаднику подняться по крутым откосам было не под силу (только пешему, да и то на четвереньках, – сам пробовал). Преградой для нападавших являлся и прорытый с противоположной, северной, стороны холма глубокий ров. Конечно, с наблюдательной вышки, которая, вероятно, увенчивала холм, приближение конницы могли заметить достаточно своевременно, чтобы успеть зажечь сигнальный огонь и уйти в близлежащий укрепленный городок.

Ну, а если враги захватывали врасплох (сторожа-наблюдатели спали в какой-нибудь караульной избушке), все равно оставался путь к отступлению. Считается, что существовал подземный ход с вершины кургана к густым зарослям на берегу реки Пет. Юные краеведы из Потапьевской средней школы на юго-восточной части холма обнаружили в просевшей яме остатки дубового сруба колодца. Когда ребята спрыгивали в эту яму, земля под их ногами издавала звук пустоты.

Кстати, проблем с водой дозорные не испытывали. С западной стороны у подножия кургана бьет родник.

Занятно, что в «Сборнике-календаре Тамбовской губернии на 1903 год» наш сторожевой курган представлен… как старый разбойничий притон. И называют его не курганом, а городком. Цитирую: «…городок длиной 26, шириной 24 сажен. Сторона с севера на юг имеет вал. По преданию, городок – старый разбойничий притон и в нем скрыты клады. На его вершине крестьянами были произведены раскопки и найдены черепки глиняной посуды и угольев». Для сведения, сажень – 2,13 метра.

Действительно, и в более поздние времена жители Марьевки и Городка неоднократно находили на кургане кости людей и животных, ржавые наконечники стрел и другие свидетельства древности. И еще. По ночам над западной частью насыпного холма порой наблюдалось фосфорическое свечение, какое бывает на кладбище.

Ну что же, рассмотрим и версию разбойничьего притона. Для этого снова обратимся к истории.

Толчок к созданию вольных ватаг и появлению «множества воровских людей» дала крестьянская война под предводительством Ивана Болотникова. Когда его войска подходили к Москве (октябрь-ноябрь 1606 года), восстания и бунты охватили всю нашу округу. И еще долго воровские шайки, осевшие в густых лесах, совершали набеги на окрестные поместья, караулили в засадах на торных дорогах купцов. Летом их ватаги совершали разбойные рейды на лодках по Оке и Мокше.

Докатились до наших мест и казацкие отряды атамана Стеньки Разина. Окончательное поражение они потерпели только 19 ноября 1670 года на Черной речке недалеко от Кадома. Их освободительного прихода с нетерпением ожидали крестьяне Сасовской округи,

которые подняли бунт. Так, в селе Каргашино бунтари «забрали безденежно все казенные питьи и денежную казну пограбили, и множество людей повесили». Но вскоре крестьянское восстание было жестоко подавлено правительственными войсками. А нам, потомкам, осталась с той поры красивая легенда о якобы затопленной где-то в наших местах лодке с золотом Степана Разина. Чаще всего ссылаются на озеро Святое (возле Лукино). Подкрепляет эту версию и название близлежащего озера – Казачье.

В конце XVII столетия, черпаем сведения у И.И. Дубасова, территория Елатомского уезда почти сплошь покрывалась хвойными борами и чернолесьем. Изредка в них попадались обжитые майданы, станы и починки, население которых занималось гонкой смолы и поташа. С этой целью выжигались сотни и тысячи десятин превосходного корабельного леса. И жгли его без пощады, точно конца-краю не предвиделось. Этот лесной беспредел прекратил своим указом Петр I.

Развитию разбоев весьма содействовало обилие беглых крепостных крестьян («утеклецов»). Под тяжестью феодального гнета они (десятками и сотнями) срывались с насиженных мест, укрывались в лесах. Разыскивал и возвращал их господам-хозяевам специальный государев разбойный приказ.

«Лесные обитатели копали себе в лесных дебрях обширные пещеры и строили земляные городки. Отсюда они выезжали иногда на добычу подводах на 70. Некоторые городки и пещеры и теперь еще целы и своим существованием поддерживают в простом люде массу легендарных сказаний о былой жизни отщепенцев русского народа» – сообщает Дубасов. И далее: «Разбойники собирались в наших провинциях партиями человек в 100 и более и на лодках разъезжали по рекам

Цне, Мокше, Оке и Выше, учиняя многия грабительства и смертныя убийства».

Именно в то время земли по Цне и Мокше получили название «разбойного края». К данному периоду относится и легенда об отважном и дерзком атамане Лазаре Придине, становище и награбленное сокровище которого тщетно старались обнаружить в лесах.

Воровскими шайками руководили беглые крестьяне и солдаты, а порой – лица духовного и дворянского звания. Так, в середине XVIII века в нашем Залесском стане атаманили над «гулящими» людьми поп Андрей Андреев (в есаулах у него ходил сын Василий), поп Степан с диаконами Иваном и Федором; на Оке свирепствовал помещик Самсонов, грабивший купеческие и казенные суда, а под Темниковым – помещик Кашаев.

Очередной «разгул страстей» вызвало приближение войск Емельяна Пугачева (весна 1774 года). Крестьяне стали самовольно распахивать господские земли, вырубать леса. Многим помещикам, чтобы не быть битыми, пришлось незамедлительно покидать свои имения. 9 августа 1774 года пугачевцы заняли и разграбили город Темников, освободили всех колодников, гражданам раздали казенную соль (дорогая по тем временам вещь!) «без весу и безденежно», затем направились в Шацкий уезд. А там уже стихийно создавались местные разбойничьи отряды. Часть их отправилась в соседний Елатомский уезд, где разгромила стекольный завод купца Коржавина. И на Оке, в окрестностях Елатьмы появилось немало разбойничьих шаек, прикрывающихся именем Пугачева.

Впрочем, даже спустя век плыть по реке торговому люду было небезопасно. Крутую излучину Оки от Сухарева затона до устья Пета называют Заикиной Ватагой. Почему? Существует предание. Должность

управляющего экономией Крашенинниковых (с. Высокие Поляны) в конце XIX века исполнял нечистый на руку, смуглолицый и черноглазый местный мужик Иван Семенович Заикин по прозвищу «Уголек», который не гнушался приторговывать господскими покосами и готовым сеном. Имелась у него и своя «рыболовецкая» ватага (артель). Входили в нее весьма лихие братушки. Землянки для них Заикин поставил на излучине, где сильное течение прибивало проходящие баржи и большие лодки-дощаники почти к самому берегу. Именно такую добычу и караулили удалые «рыбаки», бросаясь на абордаж и грабя чужое добро. Где пряталось награбленное и сколько его было, неизвестно.

Нет ответов и на вопросы: чей именно «притон» располагался на марьевском кургане, какие клады, какие тайны хранит он? Это до сих пор остается загадкой.

Трагедия полуторавековой давности

«Запутались кони в веревках. Почуяли неладное, забились, заржали. И он, барин-то, видать, почуял конец решающий, застонал, заухал, как леший. Коней они выпростали, не тронули. А барина молотком по голове. Заодно и кучера прикончили. Плакал кучер-то, на коленях елозил, умолял. Что я вам, говорит, сделал? За что вы душу губите? Они ему – чудак-человек, душу мы твою не тронем. Она в рай пойдет, потому как сам ты невиновен, а пропадешь за компанию».

Так описывал Борис Можаев убийство на Муромском тракте жестокого и своенравного барина Снитко в повести «По дороге в Мещеру». Более подробно о трагедии полуторавековой давности рассказал мне старожил Пителина Виталий Дмитриевич Кондрашов, а ему эту историю поведал его дед по матери Григорий

Филиппович Романов (1870–1962). Вот что записал я со слов Кондрашова.

Лес, который остается справа, если едешь из Пителина на Гридино, был когда-то большим, в основном дубовым. В царские времена всяческие порубки в нем запрещались. Назывался он Снитковым, так как принадлежал помещику надворному советнику Степану Михайловичу Снитко. Его усадьба находилась в селе Потапьево на правом берегу Пета, за церковью – ниже по течению реки. Деревня Синорма была поделена между этим Снитко и неким Шимаковым (очевидно, имеется в виду Шемякин). Шимаков конец простирался от усадьбы Долбежевых до дома Михаила Ивановича Синакова.

Помещик Снитко слыл скупым и жестоким человеком, даже сучья валежника не дозволял крестьянам вывозить из своего леса. А как без дров обойтись? И народ ездил за ними на лошадях к барину Шемякину. Его лес находился в районе Станищ и Знаменки. За вывоз валежника и сухостоя Шемякин в порядке поощрения выдавал по пять фунтов овса тем, кто приезжал первый раз. Свирепость Снитко вызывала ненависть у жителей Синормы и Потапьева. И вот потапьевские мужики во главе с неким Аршиновым задумали убить помещика-самодура.

Подходящий случай представился зимой 1856 года. Мужики узнали, что Снитко отправился в дальнюю поездку и вернется в усадьбу только поздно вечером. Подкараулить его решили возле Красного моста, что стоял на Екатерининском тракте через овраг (в настоящее время здесь проходит трасса Шацк-Касимов). Известно, что красный на Руси значил красивый. Но у этого высокого деревянного моста перила в самом деле были выкрашены красной краской.

Услышав звон колокольчика, злоумышленники быстро натянули веревку между перилами. На нее в темноте и

нарвалась резвая помещичья тройка. Наступил миг расплаты. Мужики ударом топора по голове убили Снитко. Управлявший тройкой кучер Кирей бросился бежать в сторону леса. Чтобы не оставлять свидетеля, душегубы кинулись за ним. Погоня продолжалась долго. Кирей скинул тулуп, но тяжелые валенки вязли в снегу. Почти два километра пути остались позади. Лес перешел в мелколесье. Совсем немного оставалось до экономии Кондранина, располагавшейся на высоком берегу оврага (и запруды), выходящем на Беседки (плотина существует здесь и сейчас). Но сил у кучера не хватило. Его настигли и зверски убили. И по сей день место этого убийства прозывается Киреев куст.

Произошедшая трагедия всколыхнула весь уезд. Из Елатьмы для расследования приехал пристав. И кто-то выдал Аршинова и его четверых подручных. Через три дня после приезда пристава их арестовали. Всех пятерых приговорили к пожизненной каторге.

Уточнить и дополнить рассказ Кондрашова помогли материалы, собранные библиотекарем потапьевского филиала ЦБС Галиной Азизовной Жулиной. У местных старожилов она выяснила следующие детали. Крестьяне Аршинов, Кузькин, Утюгов и Ионов убили Снитко и его слугу Луку. Трупы спрятали под мостом, оставив записку: «Снитко повис на нитке, а Лука в муке». То есть с пробитым черепом помещика для верности задушили, а тело слуги запихали в куль с мукой. Барских лошадей обнаружили возле леса под названием Киреев Куст (причем, Киреев – не по имени кучера, а по ручью Киреевка).

Возле потапьевской церкви долго сохранялась гранитная могильная плита с выбитой надписью: «Здесь погребено тело Степана Михайловича Снитко, служителя

его Луки Фомина прах…» – далее неразборчиво, и дата смерти – 6 января 1856 года.

Управлять экономией стал сын убитого Леонид Степанович. Он, по-видимому, извлек урок из всего происшедшего, постарался наладить более мягкие отношения с крестьянами. Разрешил им брать дрова из своего леса, а валежник – бесплатно. Леонид Степанович, в отличие от отца, мало времени проводил в вотчине, проживал с супругой Анастасией Павловной в основном в столицах, часто выезжал за границу, слыл знаменитым карточным игроком. Умер в 1910 году в Москве, но похоронен, как и его отец, в Потапьеве.

В восемнадцатом году земли и усадьба Снитко были национализированы. Вдова помещика и ее экономка Агафья поспешно уехали из села. Господский дом временно занял под свои нужды волисполком. Позже вся усадьба подверглась разграблению, здания раскатали по бревнышку. Из них построили трехквартирный дом для семей Авериных, Тимошиных и Бегишевых. Сейчас об экономии Снитко напоминают только старые аллеи бывшего парка.

Неразгаданная тайна Черного Барина

До сих пор в народе сохраняются верования в черный глаз, ведьмины ворота, привороты и прочее. Жители Каменки, той, что возле Пителина, полагают, что к старому огромному и корявому вязу, стоящему на краю деревни, в определенные ночи слетаются ведьмы и колдуны и устраивают вокруг него жуткий шабаш. Очевидцы подобных форумов нечистой силы мне, правда, не встречались. На том же краю деревни в овражке есть местечко Прорва, куда запрещалось ходить малышне и подросткам, и возле которого старались не пасти мелкий скот. О Прорве пойдет у нас особая речь.

Недалеко от Каменки рос до войны красивый, светлый Линдеров лес (вернее роща, теперь полностью вырубленная). Откуда такое название? Существуют две версии. По одной, там убили проезжего купца по фамилии Линдер. В документах начала XX века фигурирует созвучная фамилия местного помещика коллежского советника Федора Андреевича фон Линденера. Его экономия располагалась в деревне Брюхатовой. Другая более занятная.

С середины XIX века лес тот принадлежал надворному советнику Степану Михайловичу Снитко. По наследству он перешел к сыну надворного советника Леониду, который держал в любовницах свою горничную – немку Линдершу (так ее звали в народе). То ли из-за ревности, то ли чтобы скрыть грех блудодейства, приказал молодой барин убить немку и тайно схоронить в березовой роще. Где ее могила, указать никто не мог. Тем не менее, место это считалось опасным и нечистым. По одному туда старались не ходить.

Иные пустословы утверждали, что видели призрак убитой немки: «Вся в белом… увяжется за кем – так и идет, за березками прячется и все плачет, плачет…».

А вот интересные воспоминания уроженки Пителина Валентины Николаевны Николаевой (девичья фамилия Косолапова): «Линдеров лес – светлый, сплошь березы. Стоят они, как женщины, стройные, гордые, немного наивные и почему-то грустные. Весной – с липкими нежными листочками, летом – с нарядными сережками, осенью – в золотых монистах. Однажды мои троюродные сестры пошли в эту рощу за сучьями и хворостом. Дул ветерок. Листва шумит и четко слышен напев молитвы «Со святыми упокой». Девчата перешли в другое место березняка, а там еще громче пение. Бросили они вязанки и убежали. Старушки объясняли потом, что в тот день

была поминальная суббота, вот и пели ангелы по невинно убиенным и схороненным не на кладбище».

Красиво, загадочно, романтично. Но скорее всего немку-горничную никто и не помышлял убивать. Нестеровские старожилы придерживаются мнения, что грех своего барина покрыл его лесник – нестеровский мужик Андрей Тюрин. Он согласился взять в жены забеременевшую женщину, а благодарный помещик подарил ему хутор и 15 десятин земли. Честной народ осудил и Снитко, и «породнившегося» с ним Тюрина. Словно в насмешку бывшего лесника прозвали Черным Барином. С тех пор и кустики, где Леонид Снитко обрюхатил свою любовницу, именуются Брюхатскими, а окраина села Нестерова, выходящая к этим кустам, – Брюхатово.

Впрочем, горничная молодого барина вовсе не была немкой и звалась Анастасией Марковной. Да и с сельцом Брюхатово неувязка, ведь оно упоминается с конца XVIII века как владения секунд-майора Дмитрия Саввича Брюхатова, то есть задолго до описываемых событий.

В некоторых документах конца XIX – начала XX веков фигурирует хутор Екатериновка, расположенный в четырех верстах от Нестерова (имя владельца в них не указано). Возможно, это и есть хутор Черного Барина.

На протяжении многих лет пытался я выяснить, кто скрывался за загадочным прозвищем. Расспрашивал старожилов, просматривал исторические документы, архивные справки – все тщетно. Немного информации собрать все же удалось.

Сразу после революции половину земель у Черного Барина отобрали, а хутор не тронули. Но он и на семи гектарах управлялся эффективно: скота много держал, питомник фруктовый развел, пашню тщательно удобрял навозом, получал по 150–200 пудов зерна с десятины (по-

современному: до 30 центнеров с гектара). Чистых паров, под сорняками, не держал, засевал их то клевером, то люпином. Местным мужикам это было тогда в диковинку. К началу тридцатых годов Черный Барин уже заметно поседел и давно овдовел. Проживал он на хуторе вместе с братом. С хозяйством кое-как управлялись, но приходилось и наемных работников приглашать.

Николай Иванович Можаев еще мальчиком (примерно в 1929 году) ходил вместе с матерью на этот хутор покупать у Черного Барина корову. Всю дорогу замирало сердце: вот увижу как богатеи живут. Ожидания оправдал только большой ухоженный сад. Два жилых деревянных дома на берегу пруда разочаровали: постройки старые, обшарпанные, низковатые – вот тебе и барин!

После долгих раздумий и доводов я пришел к выводу, что на хуторе жили братья Андрей Максимович (1868 – ?) и Захар Максимович (1877–?) Квашнины. Как кулаки, в 1930 году они были арестованы и высланы в отдаленные края. Такую информацию я почерпнул из «Книги памяти жертв политических репрессий» в разделе «Пителинский район».

После выхода в свет второго издания «Поездок на старом велосипеде», узнал от внучатой племянницы А.М. Квашнина Таисии Павловны Умняшкиной, что хутор братьев находился в Сасовском районе возле села Рогожка. Позвонила мне из Нестерова Мария Ивановна Тюрина. Она сообщила, что был в их роду Андрей Владимирович Тюрин, удачно женившийся на Марии, дочери Петра Терешина – кучера князей Волконских. Но он ли Черный Барин, ей точно не известно.

Итак, новый поворот в моем расследовании. Что ж, если вернуться к приведенной выше версии о леснике Тюрине, то она делается еще более вероятной. Ведь

хутор Черного Барина располагался скорее всего на землях Волконских (до потапьевского Снитко как-никак далековато). Покрывал ли Андрей Тюрин княжеский грех, женившись на Марии? Вопрос, как говорится, риторический. В общем, загадка Черного Барина остается пока неразгаданной.

В качестве послесловия могу сообщить достоверно, что замечательный фруктовый питомник перешел в колхозную собственность. Вплоть до самой войны на хуторе жили и работали садовниками и пасечниками пителинские мужики Иван Иванович Каманин по прозвищу Пушка и Иван Ефимович Лындаев по прозвищу Колобушка. Позже хутор опустел, пасеку ликвидировали, яблони и груши одичали, пруд подзатянулся тиной… Но до сих пор место это в народе называют Колобушкой.

Прорва, подземные реки и прочее

С юных лет слышал я про страшную Прорву, что в овраге возле Каменки. Чего только не говорили. Будто полая вода уходит там со «свистом» под землю. Будто Черный Барин специально пускал по оврагу меченые мешочки с опилками и те выплывали в реке Пет. В общем, место считалось опасным. Потому и Прорва, что поглощала все без остатка. Родители запрещали ходить туда детям. Старались и скот поблизости не пасти.

Как-то отправившись за грибами в Каменский лес, я свернул с дороги, чтобы поглядеть собственными глазами ужасную Прорву. Нашел ее по приметам легко. Низина в овражке, затененная деревьями и кустами, голая, не зарастающая почему-то травой. Похоже, что вода здесь достаточно активно инфильтруется в землю. Но куда она уходит? Как далеко простирается ее

подземный путь? Позже удалось найти ответы на эти вопросы.

Овражек с Прорвой пересекает автодорогу Пителино–Гридино, поля бывшего совхоза «Передовик», соединяется с другим, поворачивая к трассе Шацк–Касимов. За трассой он принимает достаточный размах и глубину, проходит дугой между Синормой и Потапьевом (Луконский овраг) и впадает в пойму реки Пет в местечке Луконь. И тут в 30–40 метрах от реки из-под земли появляется поток со своим вроде бы теченьем (или мне так показалось). Много позже узнал, что в давние времена овраг прозывался Черной Речкой. Странное сочетание. И, главное, обратите внимание – речка. Значит, когда-то поток протекал тут открыто, по дну оврага. А затем почему-то пропал, ушел под землю.

И еще один довод. Совсем рядом с Луконью, чуть выше по течению реки Пет, из берега мощно бьют родники (их более десятка). Возможно, подземный поток пробил более короткий путь, спрямил русло?

Несколько лет назад появился повод вспомнить Прорву, Черную Речку, Луконь. Мое внимание привлекли куртины берез и кустов посреди бывшей пашни (между трассой Шацк–Касимов, автодорогой на Беседки и рекой Пет). Обычно, чтобы не нарушать монолитность поля, их стараются ликвидировать. А раз эти островки оставили…

И, действительно, когда я приблизился к первой куртине, оказалось, что кусты и березы растут на краю крутой и глубокой впадины с руслом бывшего потока на своем дне. Трава полегла в одном направлении – в том, куда двигалась полая вода. Поток начинался из одного склона впадины и уходил в другой. По его направлению метрах в 300 располагалась вторая куртина. И там

обнаружил такую же впадину со следами высохшего с весны русла.

Значит, существует еще одна подземная речка (кроме Прорвы). Выяснилось, что она также впадает в овраг, выходящий к Лукони. Удивительно: местность высоко поднятая, довольно ровная, а под землей – русло сезонного потока, наполняемое при таянии снегов и ливневых дождях. Такое явление объясняется залежами больших пластов известняка, в которых вода постепенно протачивает ходы. Иногда своды подземных русел обваливаются, образуя глубокие впадины-воронки. Их в окрестностях Кенора, Беседок и Потапьева несколько. Позже наткнулся на характерные впадины-воронки и возле Больших Прудищ.

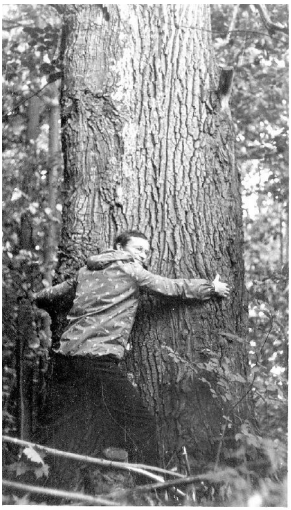
Но есть в районе и постоянно текущие подземные реки. Многим, наверное, известны два родника, что возле деревни Знаменки. Как они выглядят? Такие же глубокие провалы среди довольно ровной и открытой местности. Ни оврага рядом, ни речки. Примерно на трехметровой глубине ключи выходят из склона и словно уходят в никуда. Где они берут начало, где их заканчивается ток? Нет ответов. Думаю, что никто и не пробовал их искать.

Итак, Прорва – не миф, не вымысел. Она существует, она реальность. Получается, что некоторые легенды и предания не являются плодом народного творчества и воображения, а имеют под собой вполне осязаемую почву. Но, повторяю, только некоторые.

Не верится мне в существование «воздушного моста», построенного в Нестерове князем Волконским для больной дочери. Мост тот, якобы, вел со второго этажа княжеского дома прямо на второй ярус православного храма. Пробовал представить его непосредственно на местности, восстановить умозрительно, – чепуха какая-то получается. И не эстетично, и не этично – противоречит

нормам христианской морали. Впрочем, почему бы и не согласиться. Где-то строили воздушные замки, а у нас – воздушные мосты.

Не вызывают доверия и рассказы о подземном ходе с кирпичным сводом между нестеровскими храмами. Какой в нем смысл? Другое дело, что под храмами имелись подвалы, полузасыпанные входы в которые и видели очевидцы. Кроме того, возле двухярусной церкви немало подземных пустот – склепов-усыпальниц князей Волконских и дворян Ушаковых. В одну из них однажды провалился трактор.



Такие дубы еще можно отыскать в округе

Много легенд о пителинском крае сложено: красивых и разных. Иные из них овеяны прошедшими веками, иные рождены на наших глазах.

Так, рязанский горе-краевед Владимир Грибов, посетив летом 2006 года Пителинский район, обнаружил у нас и магические, излучающие мощную энергию камни-менгиры, и заброшенные каменоломни, уходящие в глубь земли на несколько километров (!!), а в этих каменоломнях – следы древней страны Артании и поныне здравствующих белогвардейцев из отряда атамана Антонова. Не верите? Смотрите статью «Тайны древней Артании» («Аргументы и факты» №45, 2006 г.).

Хочу заметить, что бывает и наоборот: реальные, порой обыденные события, явления, традиции уходят в прошлое, становятся легендой. Мне жаль, например, что безвозвратно канули в Лету пителинские черепенники. А ведь они являлись не просто и не только выпечкой, а

своеобразной фирменной маркой края, оригинальным эксклюзивом, еще 100, даже 70 лет назад продавались на местном базаре (пятачок – штука), славились на всю округу.

Мастерицы выпекают
Их из гречневой муки.
Объеденье, во рту тают
Эти сдобные рожки.
Не ватрушку иль вареник,
Наш пителинский народ
Обожает черепенник,
Без него и чай не пьет.

(Елена Доронина)

Эх, черепенники – теплые, мягкие, ноздреватые, воздушные, коричневые, похожие на маленькие куличи, испеченные из гречневой муки на конопляном масле! Такими они запомнились тем, кто их видел и пробовал. А для моего и последующих поколений черепенники – далекое прошлое, что-то вроде легенды.

Солженицын был с визитом, Илья Муромец – транзитом.

На одной из площадей Мурома возвышается памятник Илье Муромцу. Дошедшие до наших дней летописи о нем умалчивают, хотя упоминают и Добрыню Никитича, и Александра (Алешу) Поповича. Известен богатырь Илья стал благодаря народным сказаниям – былинам, которые слагались в основном на рязанской земле. Некоторые шацкие краеведы тоже воздвигли ему памятник, правда, нерукотворный. По их мнению, былинный герой, следуя на службу к великому князю Владимиру Красное Солнышко (из Мурома в Киев), вышел к берегу речки Смородинке (где конь его «спотыкнулся»), протекавшей (затем пересохшей) возле

села Большой Пролом (ныне Шацкого района). Замечательное открытие! Ведь в былинах ясно сказано, что Смородинка протекала под городом Черниговым. А это от рязанщины, согласитесь, далековато.

Ну, а если разобраться, Большой Пролом – это большой облом шацких краеведов, так как это путь в никуда, точнее, в пустынное Дикое Поле. Во всех былинах говорится, что ехал богатырь «прямой дороженькой», а в одной из них указывается на посещение им Рязани (Старой). Вполне достоверно – крупный город, центр княжества и расположен на оси Муром-Киев. Наиболее вероятен такой маршрут: от Мурома на юг берегом Оки (тогда торные дороги пролегали преимущественно вдоль рек) с переправой через нее где-то в районе Лукино (считается, что в старые времена река протекала возле самой деревни). Далее – мимо современных Терентеева, Станищ, Лубоноса и т.д. к Старой Рязани.

А если шел былинный богатырь через пителинские земли, то мы имеем некоторое право хотя бы на виртуальный памятник ему. Сделать это может каждый, обладая воображением и фантазией. А вариантов много. Например, представьте Илью Муромца на высоком холме нынешних Высоких Полян, откуда он оглядывал окрестности, или на берегу речки Пет, где он поил своего уставшего коня. В общем, пусть каждый выберет вариант по своему вкусу.

Впрочем, почему бы и на настоящий памятник не замахнуться. Из былины следует, что до Чернигова богатырь добрался в три скока коня:

Первый скок скочил на пятнадцать верст;
В другой скочил,– колодезь стал;
У колодезя срубил сырой дуб,
У колодезя поставил часовенку,
На часовне ставил свое имячко:

«Ехал сильный могучий богатырь
Илья Муромец сын Иванович».

Так что где-нибудь в красивом и видном месте нашего района, недалеко от трассы шоссе, поставить бы «памятник второго скока» – деревянную часовенку с именем ее строителя – сильного могучего богатыря Ильи Муромца сына Ивановича. По-моему, это хорошая идея.

Точно бывал в нашем районе (причем дважды) выдающийся писатель А.И. Солженицын. Летом 62-го Александр Исаевич впервые посетил Пителинский район: приезжал на велосипеде из Касимова в Высокие Поляны – старообрядческое село, в котором сохранился каменный храм беспоповцев филипповского толка. Трудно сказать, какой след в его душе оставила та поездка, зато следующий визит дал немало ярких впечатлений и даже нашел отражение в творчестве писателя. Тем более, что отправился он не один, а с толковым сопровождающим – местным уроженцем, другом и собратом по перу Борисом Можаевым. Вот как сам Солженицын об этом рассказывал:

Солженицын и Можаев

«Летом 1969 возникло у нас давно им (Борисом Можаевым) обещанное: не пора ли поехать на моем «москвиче» к нему в родные места, в Рязанской области, в Пителинском районе. Он туда сколько ни ездил – все мало, тянула землица, да потолковать с мужиками –

что о нынешнем, что о прошлом… Теперь и ходового Кузькина своего вживе мне показать.

Для меня эта наша поездка с Борей – была оживляющее касание среднерусской природы и деревенского быта, куда сам не соберешься. Да и так сложилось, что шестью годами раньше, еще до нашего знакомства, я, того не ведая, до его родного Пителина чуть не доехал от Касимова на велосипеде, уже побывал в старообрядческих Высоких Полянах, за 20 верст.

Теперь покатили мы из Рязани Шацким шоссе, потом на Сасово, а дальше он мне указывал, заросшими проселками да лугами, где и грязцу на ходу проскакивали, кабы не увязаться. А вез он меня к Мокше на сенокос: «Кто на сенокосе не побывал – и деревенской жизни не знает». («С Борисом Можаевым» - «Литературная газета» №8 от 26 февраля 1997 г.).

Впрочем, не столько на сенокос да на реку ехали, сколько встретиться «вживе» с начальником Савро-Мамышевской пристани П.К. Юняковым. Ведь Петр Кузьмич, бывший крестьянин, и послужил прообразом Федора Кузькина – поначалу комичного и незадачливого колхозника, но все более вызывающего уважение своей прямотой, бескорыстием и природной смекалкой. Факт встречи подтверждается фотографией. Ее можно увидеть в книге Бориса Можаева «Земля ждет хозяина» (М., 2003). Снимок, сделанный Солженицыным, снабжен подписью: «Б. Можаев с земляком (прототип Федора Кузькина – повесть «Живой»).

Путь из Сасова в Савро-Мамышево лежит через Темгенево, Огарево-Почково и Юрьево. Но, думаю, Можаеву хотелось заглянуть в Большие Мочилы – родное село матери и с детства знакомые места. А оттуда до Савро-Мамышево всего четыре километра лугами.

В книгу «Земля ждет хозяина» помещены два снимка, сделанных на пителинской земле. Но были и другие. Так, долгое время в семье Раисы Николаевны Кондрашовой (двоюродной сестры Б.А. Можаева) хранилась фотография: на Мокше, на косе Синенькая, рядом с ней писатели Можаев и Солженицын, а также Иван Иванович Можаев (двоюродный брат Бориса Андреевича). Место легко узнается по примете – круглому земляному столу (к нему садились, помещая ноги в отрытую кольцевую траншейку). Сделан снимок во время второго выезда в пойменные луга – уже из Пителина. Ехали через села Пеньки и Темирево.

В Пеньках Можаев познакомил Солженицына с бывшим «врагом народа», мельником Прокофием Ивановичем Лактюнькиным (1888–1979). А в чем же заключалась его вина?

Вместе с братом Сергеем Прокофий в 1926 году построил ветряную мельницу (ее конфисковали в 1929-м) и наладил просорушку с двигателем внутреннего сгорания. Его обложили непомерным «твердым заданием», пытаясь разорить. А в январе 30-го лишили избирательных прав и раскулачили, отняв кирпичные, крытые железом жилой дом и кладовую, усадьбу с садом в 20 яблонь, лошадь и сельхозинвентарь.

Мельница перешла в колхозную собственность. А вскоре новые работники по халатности зажали жернова и спалили все строение. Это квалифицировали как вредительство, а подстрекателем определили… П.И. Лактюнькина. 27 октября 1937 года его арестовали. Решением тройки при УНКВД по Рязанской области П.И. Лактюнькина признали виновным по статье 58 часть 10 УК РСФСР и приговорили к 8 годам лишения свободы. Отсидев шесть лет, Прокофий Иванович

вернулся в Пеньки. И вновь загорелся своей мечтой, начал все с начала.

Вот как позже напишет об этом А.И. Солженицын: «Прощенный, воротился он в родное село, и не мог успокоиться, что нет мельницы. Лактюнькин испросил разрешение, сам отлил жернова и на том же (обязательно на том же!) месте поставил мельницу – отнюдь не для своей выгоды, а для колхоза, еще же верней – для полноты и украшения местности» («Архипелаг ГУЛаг», часть шестая, глава вторая).

Что же это за место? От Пеньков на Саверку (сейчас это часть Темирева) шла полевая дорога. Возле нее на краю села и стояла сначала ветряная (которая сгорела в 1937 году), а затем механическая (с двигателем на мазутном топливе) мельница. Действовала она до начала семидесятых годов, и бессменным мельником был П.И. Лактюнькин.

Мокшинские луга произвели на Александра Исаевича неизгладимое впечатление. Можаев учил распознавать его различные травы и кустарники, голоса птиц.

«Там, в сенокосном кипеньи, мы и проночевали одну ночь в травяном шалаше, водил он меня и залечь к земле, перепелов слушать («в-путь-пора! в-путь-пора!»). Еще одна ночь застала нас на опушке леса, у пасечника. Я в те годы совсем плохо спал от перенапряга. Боря насобирал в ведро и листов смородины, и стеблей шиповника, и еще чего-то, и еще, вскипятил ведро на костре – изжаждались мы за день, и вкусно так, не оторваться, кружек по пять вытянули,- такого мертвого сна не упомню, хоть режь нас на куски… И во всем, что мне показывал, поражал доглядчивым объяснением, знанием, наблюдательностью завидной. И по травам сколько мне еще додал, узнавать конский щавель, пастушью сумку, метелочку мятлика,

резучую треугольную траву сусак да гусиные лапки (когда сорвешь их – они сворачиваются).

В эту поездку рассказал он мне о своем замысле «Мужиков и баб», – сперва цветущая деревня Двадцатых годов, потом коллективизация и – отметный крестьянский мятеж, который в Пителинской округе произошел в Девятьсот Тридцатом.

И слушал я во все уши, и записывал, и глазами Борю поедал, как живое воплощение средне-русского мужичества, вот и повстанчества, – а до самой главной догадки не добрался, да это и такой писательский закон: догадка образа приходит чаще всего с опозданием, даже и много позже. Лишь через месяцы я догадался: да Борю-то и описать главным крестьянским героем «Красного колеса»! – естественно входил он и в солдатство, с его бойцовской готовностью, поворотливостью, и в крестьянскую размыслительность, чинную обрядность, деликатность, – и во взрыв тамбовского мятежа. Так – родился и написан был (и не дописан, как все «Колесо», до командира партизанского полка) – Арсений Благодарев. С живого легко, легко писалось» («С Борисом Можаевым» – «Литературная газета» №8, 1997).

Надо сказать, что визиты Солженицына прошли незамечено для пителинцев и, вроде бы, не оставили следа в истории района, но оставили след в литературе. Писатель сохранил и донес до всех жителей страны (и не только) и для последующих поколений развернутые «портреты» наших земляков: мельника П.И. Лактюнькина и Б.А. Можаева (в образе основательного, вдумчивого и правдолюбивого крестьянина Арсения Благодарева).

Сердцем хранимые места

Вниз по Мокше-реке

В середине августа, сухого и жаркого, я и мой брат Юрий выехали на спортивных велосипедах из Пителина, чтобы пройти вдоль реки Мокши: от так называемого Казенного Моста до устья. Асфальтовый участок до Юрьева преодолели быстро. Название села происходит от слова юр, ибо стоит оно на юру. С высокого обрыва хорошо любоваться окрестностями. Полюбовались и мы.

Река Мокша

Внизу зелеными коврами раздольно расстилались пойменные луга, прорезанные красноватыми нитями дерновых дорог (такой цвет придавала им рано пожухлая трава спорыш – «птичья гречиха»), голубоглазо подмигивали небольшие озерки и бочажины. Даже отсюда, с высокого обрыва, Мокши не видно, но она прослеживается уремными зарослями, образующими сплошную цепочку. А за рекой местность поднимается холмами, разбиваясь как бы на три зоны. Первую

составляют ближние леса, вторую – серые и коричневые лоскутки пашен, рыжие квадраты жнивья и темно-зеленые пастбища. Ну а дальше, уже в голубоватой дымке, где, кажется, небо сливается с землей, темнеют полоски далеких лесов.

Путешествие вдоль Мокши начали с территории Сасовского района. Почти сразу попали на весьма протяженную и хорошо оборудованную для отдыха косу, где, кроме характерных столиков и лавочек, имелись устройства для сушки белья, умывальник из полиэтиленовой бутылки, специальная скамейка для обзора реки и даже мостки для прыжков в воду. Видно, что здесь подолгу останавливаются туристы и отдыхающие, но весь мусор оказался собранным в глубоко вырытой в кустах яме. Увы, позже на других косах (напротив Юрьева) такого образцового порядка мы больше не увидели. Там везде валялись пустые бутылки, гниющие остатки еды, рваные носки и трусы, консервные банки и пр.

Благодаря исключительно сухой погоде почти вдоль всего русла реки оказались пробиты наезженные дороги. Людные и окультуренные места встречались вплоть до озера Шокша. Далее до Грязного затона, за которым Мокша делает петлю на 180 градусов, наблюдалась «дикая» зона. Там встречались лишь колеи от мощных тягачей и тракторов нефтяников. Основательно обжитые косы и озера стали попадаться уже за Выксой. Один бивак следовал за другим. Москвичи, сасовцы, а те из Ряжска, опять москвичи… Иногда взору открывались целые палаточные города.

За озером Криуша мы попали на очень симпатичную косу. Место, правда, оказалось занятым. Затем двинулись на север, удаляясь от берега: Мокша в том месте уходит на восток, делая большую дугу. Вдоль озера Шенное

выехали к последнему колену (перед впадением в Оку) реки Пет. Такой путь избрали для того, чтобы, возвращаясь назад по берегу Мокши, не повторять уже пройденный маршрут.

И вот перед нами величественная панорама. С высокого обрыва далеко видны окрестности. Прямо на нас с севера катит свои воды Ока, встречаясь почти под нашими ногами с Петом, а затем она круто поворачивает на восток. Также перед нами в некотором отдалении под острым углом в Оку выходит широкий Сухарев затон. Как в песне: вода, вода, кругом вода. Ее здесь тысячи кубометров. А какое море здесь образуется в половодье, трудно представить! Из-за встречных течений рек Пета и Оки в устье первой образовалась песчаная дамба. Мы прошли по ней, немного лишь засучив брюки.

Когда-то, с середины 30-х до середины 60-х годов, на этом высоком берегу располагался летний поселок животноводов совхоза «Красный партизан» (сначала в виде десятка землянок, затем их сменили тесовые домики). При нем действовали немеханизированный маслозавод (тесовый сарай с сепаратором на шесть ведер и маслобойкой) и сеноприемный пункт, где принимали сено от хозяйств района, прессовали, грузили на баржи и отправляли госзаказчикам. Ныне от былого остались лишь поржавевшие остовы летней дойки.

Искупавшись в Пету и Оке, отправились к хутору Пятницкий Яр и вскоре оказались между двумя зеркалами воды. Слева – Ока, справа – затон, а за ним, на высоком берегу, три домика с надворными постройками – хутор. Постепенно с двух сторон дорогу обступили деревья и кустарники, закрывшие весь обзор.

Вдруг впереди блеснула вода. Еле продрались к ней

сквозь заросли. Ока? Может быть. Или Мокша? По суше вдоль берега не пройти: «джунгли» мешают. Разделись и поплыли к середине реки. И тут все стало ясно. Мы в Мокше, которая в сотне метров от нас под острым углом впадает в Оку. На противоположном ермишинском берегу много стоянок и лодок всех типов: от обычных весельных до байдарок и моторных катерков.

Теперь по узкой ухабистой дороге мы движемся вдоль Мокши (вверх по течению). Но ни реку, ни затон практически не видно из-за густой растительности. Проехали деревянный мостик через ручей, и впереди показался просвет в гуще листьев и веток.

Река Ока

Выезжаем из «джунглей» и… Что за чудеса! Дорога резко повернула вправо, а впереди холм с высоким частоколом – словно форт из фильмов про индейцев. Выяснилось, что таким образом хуторяне (на данный момент одна семья из двух человек) защищают свой огород и усадебный участок от лосей и кабанов. Симпатичный домик стоял тут же рядом. Весной жители Пятницкого Яра отрезаются от всей округи полой водой, оказываются на островке. Голубая гладь простирается на

несколько километров вокруг. Поэтому основным транспортом для хуторян является моторная лодка.

Проехав вдоль Мокши до местечка «Щебенка», мы взяли курс на Пителино, завершив таким образом многокилометровое познавательное путешествие. Трудно подсчитать все встреченные нами сказочно-заповедные уголки природы, трудно передать и выразить простыми словами их дивную прелесть и своеобразие. Как говорится, лучше один раз увидеть…

Приведу строки, которые я посвятил реке в 1982 году.

Мокша

Вновь я спешу увидеть берега,
Что столько раз мне душу оживляли.
Все так же катит медленно река
Тугую синь в загадочные дали.
Какие проводил на ней я вечера!
Год или два прошло с последней встречи,
А, кажется, что только вот вчера
Я здесь смотрел, как гаснут звезды-свечи.
Я видел Волгу, Каму и Оку.
Быть может, доведется жить в Сибири,
Но лишь тебе я посвятил строку
И никакой другой речушке в мире.
В других краях я о тебе мечтал.
Так жаждут моряки увидеть сушу!
Моя река, хотя я взрослым стал,
Ты, как и прежде, радуешь мне душу!

Поездки на старом велосипеде

Хочешь, друг мой, жизни долгой
И здоровья на сто лет –
Не гонись за новой «Волгой», –
Покупай велосипед.
С ним ни грохота, ни дыма –
Травы шепчут у колес.
Ветерок проносит мимо
Запах сосен и берез.
Зрелый возраст не помеха
Для романтиков дорог –
Трудно сесть, а как поехал –
Под собой не чуешь ног.
Средь полей, в лугах и парках
Не смолкают трели птиц.
И играют, как на арфах,
Колоски на струнах спиц.

Н. СЕРПОВСКИЙ

Ежегодно я совершаю различные путешествия. В свое время объехал чуть ли не всю страну (имею в виду СССР), бывал на севере, на юге, западе, только до Дальнего Востока не добрался. Ездил по туристическим путевкам за рубеж. Позже, задним числом, жалел, что не изложил свои впечатления на бумаге.

Немало маршрутов-кругов нарезал я и по родному краю, благо имеется спортивный велосипед, посетил соседние райцентры: Касимов, Сасово, Кадом, Ермишь. Как-то вместе с братом Юрием обследовали левый берег реки Мокши от Казенного Моста (на трассе Сасово - Кадом) до устья. А в другой раз мы промахали немерянно верст по маршруту: Пителино-Гридино-Веряево-Андреевка-Глуховка-Фалеевка-Борцы-Станищи-Пет-Пителино. Открыли для себя не только много красивых мест, но и встретили в Андреевке почти одичавшего человека – последнего жителя деревни.

Разумеется, интереснее всего отправляться в такие места, где еще не бывал. И в этом плане Пителинский район даже для велосипедиста тесноват. Иной раз не удержишься – проскочишь в какой-либо из соседних. И в каждой поездке открываешь для себя что-то новое, не устаешь поражаться богатству края на живописные, просто заповедные места. А иногда приходится удивляться произошедшим переменам.

Так, в 1978 году ради интереса побывал в селе Безводные Прудищи Сасовского района. Мол, почему это они «безводные»? Тогда из Огарева-Почкова туда вела грунтовая дорога. Перед селом она ныряла в глубокий овраг, на противоположной стороне которого возвышалась церковь и шла улица в два порядка домов. Спустя почти тридцать лет потянуло вновь полюбоваться Безводными Прудищами. На этот раз поехал через Подболотье. Миновав массивы выгонов и пашен, наткнулся на асфальтовую трассу в приличном состоянии, проложенную в нужном мне направлении. Значит, село не только уцелело, но и процветает? Асфальт привел куда надо, но что за метаморфозы?! Ни храма, ни села. От полусотни домов остались лишь три кирпичных (один в два этажа), без крыш, окон и дверей, сохранились сады да остовы бывших животноводческих дворов. Выходит, хорошая асфальтовая дорога ведет… в никуда.

Противоположную картину наблюдал в Шиловском районе, когда «пробивал» маршрут на Занино-Починки. Согласно карте 2002 года поселок Белореченский (или, как его называют наши охотники, 43-й километр – по бывшей платформе узкоколейки военной поры) соединен с селом Увяз (ударение на первом слоге) торной дорогой. На деле оказалось не так. Из Белореченского можно попасть только в поселок Пролетарский, откуда

асфальтовое шоссе ведет сначала на Большие Пекселы, а затем на Увяз. Такая петля составляет 20 километров, хотя напрямую – всего 7. Правда, эти 7 уже давно непреодолимы, как говорится, для конного и пешего, – дорога заросла лесом, заболотилась. И получается, что жители этих соседних населенных пунктов практически не контактируют друг с другом.

Обманула свежая карта и насчет другого: в Занино-Починках и Увязе на ней отмечены православные храмы, которых нет уже много лет. В Занино-Починках церковь открыли не так давно в обычном доме,– от прежней, стоявшей возле кладбища, не осталось и следа. Меня поразила мощная каменная кладбищенская ограда (большая редкость в нашей лесной зоне). В Увязе вместо храма стоят две кирпичные часовни: старинная (с обрушенной крышей) и новая – красивая и изящная, как игрушка.

Но вернемся в наш район. Хочу поведать об очередной поездке. Охотно беру всех читателей в попутчики. Пользуясь погожим августовским деньком, давайте-ка отправимся по шоссе из Пителина в Гридино, а далее – проселками, как говорится, со всеми остановками. Готовы? Ну так в путь!

И вот впереди Гридино. Прежде всего, подъезжая к селу, замечаешь слева силует Богоявленского каменного храма, построенного в 1810 году князем Я.Н. Несвицким. Раньше мимо него пролегала дорога к деревянному мосту через Пет (нынешний железобетонный мост стоит ниже по течению реки метров на двести).

Из «Справочной книжки по Тамбовской епархии на 1876 год» и «Историко-статистического описания Тамбовской епархии» (1911 г.) узнаем следующее. Церковь каменная, холодная, с теплым приделом. Престолов три: главный – Богоявленский, два трапезных

– во имя мучеников Флора и Лавра (18 августа) и святителя Николая (9 мая). Есть церковно-приходское попечительство, метрические книги с 1819 года, небольшая библиотека. Штат: священник, диакон и псаломщик. В приходе (помимо села Гридино) пять деревень: Михайловка, Ивановка, Вольная (Володина тож), Вяжневка, Ункор (Климушина тож).

Богоявленский храм села Гридина

Конечно, храм потерял былую красоту и благолепие, а также кресты, верхнюю часть колокольни и окружавшую его ограду. Да и на село без слез не глянешь, ведь от него осталась едва ли десятая часть!

Долгое время Гридино являлось самым крупным населенным пунктом округи. В начале 1930-х здесь проживало без малого три тысячи человек, было организовано четыре колхоза. И, соответственно, части села носят названия бывших сельхозартелей: Крупской, Ворошилова, Горького и 16-й Октябрь.

Пора бы объявить цель моей поездки. Возникли сомнения: а посещал ли я когда-либо Володинку? Вроде

бы, да. Вспоминались, но нечетко, какие-то развалины. А прошло-то уже четверть века! Остались там хоть какие-то следы прежней жизни, не затянулся ли тиной пруд?

На моей карте дорога на Володинку (и то обозначенная пунктирной линией) шла через Михайловку, а в нее можно попасть только через Гридино. К слову сказать, эти места относятся к центральной полосе нашего района. В недалеком прошлом они были густо заселены, а пашни, выгоны и сенокосы ограничивались лишь лесными массивами. Увы, теперь не то.

За такими размышлениями я скоротал путь до Михайловки. До середины 60-х годов прошлого века деревня являлась центральной усадьбой колхоза имени Хрущева (последние годы колхоз назывался «Рассвет»). А несколько лет назад она едва избежала реальной угрозы исчезнуть с лица земли. Тогда от возникшего загорания сухой травы огненная лавина накатила на Ивановку, испепелив практически все постройки, и захватила часть Михайловки. И все же деревушка продолжает жить.

На мой нелепый вопрос: «Как проехать на Володинку?» местные старожилы лишь разводили руками и сокрушенно качали головами. Оказалось, что туда давно никто не ездит. Да и зачем, ведь и сено теперь никому не нужно. «Милок, ежели ты за грибочками собрался, - подсказала бабуля, - лучше тебе в сторону Климушинки податься».

Надо сказать, Михайловка напоминает конфигурацией букву «Г». Короткая «палочка»-улочка смотрит как раз на Володинку и через нее проходила туда проселочная дорога. Когда-то, в царские времена, на этой окраине крестьянские избы не стояли, а располагалась обширная усадьба (с каменным домом, животноводческой фермой, конным заводом рысистой породы и садом) статского

советника, начальника 3-го земского участка Евгения Ивановича Покровского. Помещик на свои деньги построил (1897 год) и содержал местную церковно-приходскую школу. Закон Божий преподавал в ней гридинский священник отец Александр (Александр Иванович Даньков), а грамматике и счету обучала крестьянских детей дочь помещика Елизавета.

Увы, Елизавете и ее сестре, унаследовавшим после смерти отца (он умер в 1912 или 1913 году) имение, не повезло: на их глазах после революционных потрясений 1917 года десятилетиями налаженное образцовое хозяйство оказалось порушено и разграблено в считанные дни. Охмелевшие от свалившейся на них воли мужики, не чинясь, выгнали Покровских на улицу, вытащили из господского дома все более-менее ценное, а затем подожгли его. Пришлось барыням срочно покидать родовое гнездо: одна уехала, как говорили, в Москву, другая – в Касимов. И теперь, почти век спустя, ничто не напоминает о былом величие места.

Трагична и судьба священнослужителя Данькова. Его арестовали в конце декабря 1937 года за крамольные (антисоветские) речи и расстреляли 5 января 1938.

Тщетно я вглядывался в бескрайние просторы заросших разнотравьем полей, никаких ориентиров в стороне предполагаемой Володинки не заметил. Впереди равнодушно колыхалась почти саванная степь. Верхом на лошади ехать можно, а на велосипеде трудно – стебли педали заплетут. Покрутился я туда-сюда и вдруг заметил едва различимый в траве след автомобиля, который вел в сторону Климушинки (а до нее километра три). Решил держаться этого следа. Позже догадался, что путь мне проложили нефтяники, которые, видимо, обследовали трассу нефтепровода. В тот день их бригада производила работы в Каменском лесу недалеко от

шоссе. Педали проворачивались тяжело. Непонятно, куда трава-то примята: по ходу моего движения или против.

Минут через пятнадцать оказался перед Кенорским оврагом. Слева на обоих склонах из бурьяна желтели таблички-указатели нефтепровода, справа – мерцала баклуша метров двадцать длиной, посредине – небольшая насыпь-переезд, промытая основательно ручьем. Только спустился вниз, как за зарослями справа что-то забулькало, захлопало. Медленно, свесив лапы, из баклуши (метрах в восьми от меня), словно вертолет, поднималась цапля. Зрелище весьма впечатляющее. Спустившись по откосу к воде, обнаружил следы другого живого существа – бобра. Правда, свою хатку, в которой может на корточках уместиться взрослый человек, он, видимо, покинул навсегда.

На другой стороне оврага вскоре попал на довольно наезженную дорогу. Знал, что Климушинка рядом, но открылась она совершенно неожиданно за очередным поворотом. Просто, повернув руль, я оказался на ее улице. Более десяти лет назад я написал пространный очерк об этой деревне. С виду здесь мало что изменилось, но жилого духа стало явно меньше. В центре меня окружило пять или шесть собак разных пород и мастей. А людей не видно. На окраине у прудика встретил женщину с корзиной. Путь ее лежал из близлежащего леса. «Говорят, у вас грибов много?» - поинтересовался у нее.

-Это кто так говорит?

-Да, в Михайловке.

-Слушай больше. Да там и ходоков уж нет…

Действительно, в корзине лежало несколько перезревших белых грибов и немного подберезовиков.

-Собак у вас в деревне много, - попробовал я переменить ход беседы.

-Больше, чем людей, - услышал лаконичный ответ.

Но тут со стороны поля показался интеллигентного вида мужчина средних лет. И его сопровождали две собаки. С ним разговорились быстро. Услышав, что я заехал со стороны Михайловки, незнакомец очень удивился, мол, дороги-то нет. Когда же узнал, что Кенорский овраг пройден мной возле нефтепровода, поинтересовался: «Цаплю видел? А бобровую хатку?.. А обратил внимание на старые тополя на другом берегу? Это, так называемый, Заячий хутор».

-Может быть, Зайцев, – поправил я.

-Именно Заячий. Это не по фамилии. Кто там проживал, точно сказать не могу, но слышал, что его сослали в тридцатые, а на бахчах всю осень зайцы себе пропитание находили.

Деревня Климушинка

Спорить не хотелось, хотя знал, что до войны Зайцев хутор (названный по владельцу) числился на территории Михайловского сельсовета. К моему удивлению, собеседник – Владимир Викторович Кириллин оказался не местным, а жителем Сасова. Летом он проводит в Климушинке все выходные. Полюбил эти края как родные. Но как попасть в Володинку, и он не знал. Был там когда-то давно. Место красивое, возвышенное. Впрочем, выяснилось, имеется заброшенная дорога через весь Каменский лес, по которой добирались раньше и до Свищева, и до Мокрой Хохловки.

-Будешь проезжать мимо запруды (на том же Кенорском овраге, только южнее), увидишь тетерок. Много их там… – напутствовал Владимир Викторович.

Так и вышло. Крупные красивые птицы стремительно взлетели при моем приближении. Мой собеседник наблюдал их не раз, когда собственными руками укреплял насыпь плотины, чтобы вода не ушла. Кстати, о птичках. Подъезжая раз к Соколовскому леску, увидел впереди, прямо на дороге, пестро-коричневую курочку. Если это тетерка, то почему не улетает? Когда до «курочки» осталось метров 15-20, та вдруг раскинула большие крылья и заклекотала изогнутым клювом. Коршун, который почему-то не мог взлететь. Остановившись в паре метров от него, попытался успокоить пернатого не столько словами, сколь их интонацией. А когда возвращался минут через сорок назад, он встретил меня, как старого знакомого, угрожающей позы не принял, только на всякий случай чуть приподнял «плечи».

Между тем и Климушинка, и запруда скрылись из глаз, а я огибал массив плотного леса, возвышавшегося неким утесом. По дороге и впрямь давно не ездили. Шла она краем леса вдоль Кенорского оврага. Выяснилось, что начинается он довольно далеко, примерно на линии, которая соединяла бы на карте Володинку и Нестерово. А дорога пересекла небольшую чащу, вырубку, запетляла между отдельными рощицами. Места мне незнакомые. Решил ехать до конца, куда «кривая» выведет.

Вскоре впереди открылись степные просторы с колками. Колки – отдельные небольшие островки леса среди моря трав. То и дело у дороги попадались одиноко стоящие дубы и их группки. Высоко в небе парили коршуны. Стежка плавно повернула влево, огибая вырытые среди поля пруды. Отрыли их в благополучные

времена для поения общественного скота. За истекшие годы один пруд совсем пересох, другой – наполовину, зарос болотной травой и рогозником, а третий – поразил чистой прозрачной водой. Я устроился на горизонтально склоненным над водоемом стволе ветлы. Сверху хорошо просматривалось дно, на котором копошились мелкие обитатели. Небольшая крона листвы защищала от уже высоко поднявшегося солнца. В тени ветлы я немного отдохнул, поразмышлял о том, о сем.

Странно, нахожусь не где-то в примокшинских лугах, а в центральной полосе района, где когда-то кипела, бурлила жизнь, урчали трактора, паслись стада… А вокруг ни души, ни следа! Только вот эта стежка с примятой травой свидетельствует о цивилизации. Да и есть ли цивилизация, не сон ли она? И все же куда-то ведет дорога, и кто-то хоть изредка ею пользуется. Часто слышим: человечество прогрессирует, обогащается знаниями. А так ли на деле? Да, мы разбираемся в компьютерных программах, марках автомобилей и кухонных комбайнов, в тонкостях косметики и т.д. Пользуемся, допустим, увлажняющим кремом для кожи с экстрактом резеды и ромашки. Ну, а вот она, живая природа, цветущая буйным цветом флора, перед нами. Распознаем ли среди других растений ту же резеду, отличим ромашку от поповника? Вряд ли. Ясень не отличим от вяза. Зарянки, овсянки, коноплянки, мухоловки – безымянные мелкие пташки – те, что не воробьи. Да что там говорить! Забери у человечества машины и механизмы, ни одеть, ни обуть себя не сможем, лапти не сплетем. Культурное наследие предков не осваиваем в полной мере, теряем, а свое создаем сомнительное…

Отдохнув, продолжаю путь среди разнотравья и колков. Но вот еще левый поворот, и на восток тянется

светлая березовая посадка. Ее сажали люди, чтобы размежевать и защитить культурные поля. Лесополоса тянется километра на четыре. Она проглядывается насквозь. Замечаю семью грибников возле легковой машины.

-Ну и как «тихая охота»?

-Да плохо. Много старых грибов. Тут до нас прочесали не раз. Конечно, лучше бы отправиться в Булыгин лес (он виднеется южнее), или еще дальше к Русановке, но на нашей машине куда…

Читатель, запомни эти слова. О Русановке и грибах речь еще пойдет.

Березовая лесополоса вывела меня к Свищеву. По поводу названия села существует такая байка. Лет двести назад помещик Нестеров, разумеется, из села Нестерова завел себе любовницу в селе Любовниково. Отправляясь на свидания, он на половине пути начинал громко свистеть, подавая знак своей зазнобе. Отсюда, мол, и Свищево. Занятно, пикантно, но не верно. И Нестерово, и Любовниково, и Свищево названы по своим первым помещикам.

Род Свищевых принадлежит к древнему, коренному тамбовскому дворянству. С середины XVII века значатся они в числе дворян и детей боярских, «верстанными по Мещерскому краю поместным окладом». А в 1677 году Михаилу Ивановичу Свищеву пожалована была грамота на вотчину в Подлеском стане, в который входила тогда почти вся пителинская земля. Уже к концу XVIII века его потомки расселились по селам и весям Елатомского, Шацкого, Кирсановского, Наровчатовского уездов. И, как правило, их господские дома стояли либо в Свищеве (известны три села с подобным названием), либо в Свищевках.

Въезжаю в село. Сразу заметно, что жилых домов осталось немного. Посреди улицы Торбеевка вольготно растянулись, греясь на солнце, ужи. Видимо, они здесь короли. За мостиком через Реушку сиротливо краснеют руины магазина и церкви.

Храм Знамения Богородицы действовал до 1962 года. За истекшие 40 лет он потерял не только кресты и купола, но и перекрытие нефа. От красивой чугунной ограды остались только фундамент и несколько кирпичных столбиков. Молодые деревца плотной гурьбой обступили древние стены, могучие тополя держатся в отдалении. С северной стороны, над боковым входом, хорошо заметны фрески с ликами святых, снабженные надписями: Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов, с южной – с ликом

Богородицы. Внутри храма фрески затерты, почти неразличимы. Колокольня выглядит незыблемо крепкой, но как туда поднимались, где же вход? Толстые стены нижнего яруса монолитны. Выходит, окрестности не оглядеть сверху.

Возле храма замечаю оградку, крест и камень могилы. На известковой плите выбито: «Здесь покоится прах священника сея церкви иерея Колесникова Косьмы Никифоровича». Судя по дате смерти – 15 января 1956 года (то есть за шесть лет до закрытия прихода), здесь упокоился предпоследний настоятель.

В густых, непролазных зарослях крапивы, бурьяна и кустарника отыскал и часть сохранившейся кованой чугунной ограды, окружавшей когда-то всю территорию храма, и поваленные, вросшие в землю величавые монументы. Один, из белого мрамора, украшал могилу рано умершего дворянина Михаила Михайловича Сабурова, другой, из розового гранита, – могилу матери купца Василия Абрамовича Бабосова – Марии Степановны Бабосовой, третий, из синеватого гранита, – девицы Марии Дмитриевны Бычковой.

Кстати, полтора века назад Свищево превосходило по числу жителей Нестерово. Здесь, располагались добротные усадьбы, принадлежавшие в разное время господам Свищевым, Сабуровым, князьям Кудашевым. Смерчем революции их смело и разрушило. Взять тех же братьев Владимира и Михаила Сабуровых: две крепкие экономии, два конных завода, два прекрасных сада. Что осталось? Немного. Названия улицы – Сабурщина и садов – Барский и Володин (по имени Владимир), два пруда, кусты жасмина и сирени. Дно пруда, что в Барском саду, для удобства купания было выложено гладкими дубовыми плахами.

Изящный деревянный дом Владимира Сабурова перевезли в тридцатые годы в Самодуровку – под школу. И особняк, построенный сто лет назад князем Александром Ивановичем Кудашевым, что стоял за речкой Старкой, окруженный тенистым парком и садом, прозванным Князевым, отвели под местную начальную

школу. Ученики любовались замысловатыми резными наличниками окон (на каждом имелись ставни), изразцовыми печами, с удовольствием гуляли в парке и саду. В войну княжеский дом приютил около сорока детей, эвакуированных из-под Смоленска. А в пятидесятые его разобрали и перевезли в Пителино.

Да, о прошлом Свищева можно рассказывать много. Настоящее же не радует. Село не живет, а, скорее, выживает. Площадь Свищева уменьшилась вдвое (нет улиц Сабурщина, Лубнос, Тараканщина), а население – более чем в 30(!) раз. Попив местной водицы из колонки, направляюсь в соседнее Нестерово.

Еду по бывшему муромскому тракту (большаку). Ребенком многократно проезжал по нему на рейсовом автобусе. Тот, набитый битком людьми и кладью, добирался от Пителина до Свищева добрых полчаса. Сейчас большак отдыхает. Справа тянется почти сказочная березовая лесополоса. На аккуратной изумрудной травке ярко выделяются красные шапки мухоморов. Хорошо бы здесь побродить не спеша…

Даже окраина Нестерова (Тюменщина) выглядит празднично по сравнению с центром Свищева. Тут не только не бросают дома, а обновляют их и кое-где строят новые. У многих палисадников припаркованы легковые автомашины, среди них и иномарки.

«Село Костино, Нестерово тож … расположено по обе стороны речки Ежачи, на коей пруд и мучная о двух поставах мельница, на большой дороге из города Елатьма в город Шацк. Церковь каменная во имя великомученика Дмитрия Солунского с каменной пятиугольной оградой. Два господских дома. Первый каменный промеж двух садов, второй деревянный с плодовым садом» - это из записей Генерального межевания по Тамбовской губернии (1782 г.).

Господские дома, сады… все это было где-то здесь, поблизости. Было, да сплыло. Церковной ограды давным-давно нет. А храм высится фундаментально, как осколок другой цивилизации. Кому под силу в наши дни создать такой величественный и изящный архитектурный ансамбль?! Не из железобетона, стеклобетона, а именно из кирпичей. За триста лет ветры и дожди основательно «обглодали» стены. Но грандиозное сооружение выстояло, в отличие от построенной неподалеку в 1759 году деревянной Никольской церкви, прослужившей примерно полтора века.

Возле храма белеет из травы известняковая плита

перекрытия фамильного склепа князей Волконских. На стеле из черного гранита читаем: «Другу моему отъ супруги княгини Волконской въ память и благодарность за прошедшее щастье». Сия трогающая душу эпитафия посвящена князю Владимиру Петровичу Волконскому (1788-1859). Именно на его средства был построен в Нестерове Никольский православный храм (тот, что ныне действует).

Человеком князь Волконский слыл незаурядным. Считается первым историографом и бытописателем Цнинско-Мокшинского края. Побывал почти во всех селах и деревнях Елатомского и Шацкого уездов, описывал нравы крестьян, их хозяйство, передовые помещичьи экономии, да к тому же и древности собирал. Обследуя берега Цны и ее притоков, обнаружил скелет мамонта «всем остовом». А до этого им были найдены череп шерстистого носорога и кости пещерного медведя. Эти находки произвели фурор на устроенной по случаю прибытия в Тамбов 25 июня 1837 года Его Императорского Высочества великого князя Александра Николаевича выставке, впрочем, как и уникальная «глиняная машина, им самим изобретенная».

Действующий Никольский храм

На цилиндрическом надгробье серого гранита читаем: «Сестре и незабвенному другу отъ сестры и ее зятя княгини и князя Волконскихъ, не разочаровавшейся съ сестрою со дня своего рождения до дня кончины, а съ зятем въ течении 39-летней чистой дружбы» и «Здесь покоится прах дочери гвардии прапорщика девицы Анны Дмитриевны Ушаковой, родившейся 1788 года ноября 27 дня и скончавшейся 1857 года января 21 дня по полудни въ 6 1\2 часов».

Раньше красивых и величавых могильных памятников было больше, но они «пошли в дело» – легли в фундаменты социалистических новостроек. Тем более, что с 1940 года службу в нестеровском храме запретили. И оставшиеся памятники не раз пытались с помощью

трактора и тросов вывезти, о чем свидетельствуют многочисленные царапины и сколы на их поверхности.

Нестерово довольно часто посещают иногородние туристы. Свои впечатления они выкладывают в Интернете. Читать там о нашем бескультурье, о полупровалившемся склепе князей Волконских, о заросшей кустарником могиле погибшего в 1930-м году милиционера Кузьмы Евдокимовича Горюнова не очень приятно. Туристы туристами, но разве не святое дело отдать дань уважения покойным, навести возле храма должный порядок? В конце концов, эти надгробья – не только память о конкретных усопших. Они должны возвращать нас к «корням», приобщать к деяниям предков, укреплять связь поколений.

Часовня Иверской иконы Богоматери

Давным-давно снесли в селе кирпичную часовню, построенную для местно-чтимой Иверской иконы Божьей Матери. Приведу выдержку из «Историко-статистического описания Тамбовской епархии» 1861 года издания. Там находим такие строки: «Иверская икона Божией Матери. Она искусно, с полной точностию, скопирована с известной в Москве иконы этого имени и стоит в каменной нарочно для нея устроенной часовне, в богато убранной раме. Самая часовня отделана по образцу московской. В часовне, так же как и в Москве, перед Иверскою иконою день и ночь

горит лампада. Проезжающие и проходящие останавливаются перед часовнею, слушают в ней молебное пение Матери Божией и лобызают ея икону».

Поднялась, не дрогнула рука тех богоборцев. Понимали ли они, что уничтожают запечатленные в камне страницы прошлого? К счастью, местно-чтимая икона уцелела и заняла подобающее ей место в обновленном Никольском храме. Ныне «трубим» громогласно о возврате к прежним духовным ценностям, но восстановить утраченные святыни – ту же нестеровскую часовню – в голову никому не приходит.

И вот я по крутым ступенькам, выложенным внутри стены, поднимаюсь на колокольню. Сверху открывается замечательный вид – панорама окрестностей. На высоте и дышится иначе. Звонница еще постоит долго, кирпич хороший, раствор еще лучше. Недаром считается, что вместе с песком и известью строители замешивали белок куриных яиц. Каждый ряд, каждый шов клался на совесть, ведь старались для мира, то бишь для всех: односельчан и земляков округи, ныне живущих и поколений (не одного!) потомков, заезжих гостей. Пусть любой, проезжающий по муромскому тракту, завернет, завидев кресты и купола, обойдет, осмотрит и произнесет прочувственно: «Экую лепоту возвели!».

Ныне менталитет (любят у нас это слово) не тот: лучшее – для себя. Смотришь по телевизору репортажи: частные коттеджи возвышаются дворцами из-за высоких заборов, а рядом, словно бедные родственники, ютятся неказистые (порой в приспособленных помещениях) детские сады, медпункты, очаги культуры. Строительные компании берутся за дорогостоящие проекты, но в погоне за дополнительной прибылью экономят на всем. И не случайно рушатся новые сооружения (вспомним аквапарк в Москве).

Да, колокольня постоит, а вот пандус на второй этаж, да и сам второй этаж вызывают опасения. Передвигаюсь осторожно. Пожалуй, подпрыгнешь – и провалишься вниз.

Но до чего же оригинальна планировка храма! Я побывал в Ростове Великом, Переславле-Залесском, Загорске, Суздале, Коломне, Муроме и т.д., но точно таких архитектурных решений не встречал. Вокруг всего второго яруса тянется гульбище, иными словами, кольцевая терраса. По ней, видимо, в дни двунадесятых православных праздников проходила торжественная процессия с пением, с хоругвиями, образами. Столетия назад народу стекалось столько, что храм просто не мог вместить всех. Сейчас на гульбище (оно местами обрушилось) ступит лишь камикадзе. На стене, где располагались Царские врата, сохранился деревянный крест, прибитый огромными, чуть не в полметра длиной коваными гвоздями. Там и сям в кладке виднеются воздуховоды. Сделано все по уму!

Сколько же вопросов возникает при виде данного храма. Вот, скажем, ниши под пандусом. Как они использовались, были открыты, загорожены, заперты? Чем служила галерея внизу? Зачем сразу два нефа на первом ярусе? Что за боковое помещение, чем служило оно? Вопросов много, а времени на ответы остается все меньше. Взялся бы кто знающий, специалист, да и воссоздал бы исконный вид нестеровского чуда на эскизах, или в компьютере – виртуально.

«Историко-статистическое описание Тамбовской епархии» (1911 г.) повествует о данном храме скупо:

«Церковь двухэтажная, каменная, холодная, построена гг. Ушаковыми в 1707 г., внизу два престола: главный – во имя св. Дмитрия Солунского и придельный – м-цы Параскевы, на верху один престол – в память обновления

храма Воскресения Христова. В церкви икона, ранее портрет, святителя Дмитрия, митрополита Московского, пожертвованная святителем строителям церкви».

Обратил внимание и на фрески. Они (хоть и с большими «пробелами») еще заметны, но библейские сюжеты, изображенные на них, разгадать уже мудрено. На одной, точно, запечатлено поклонение волхвов. Покойно и прохладно под сводами храма, но пора двигаться дальше.

С колокольни я высмотрел дорогу, ведущую в нужном мне направлении: через Авдонин луг, мимо места, где до войны располагались свинарники совхоза имени Карла Маркса, а далее лесом, возможно, на Новый кордон и, возможно, на Володинку. «Помешался он на Володинке!» - воскликнут иные читатели. «Позвольте, а что за совхоз такой?» - удивятся другие. Вопрос закономерный.

Даже многие старожилы Нестерова не припомнят никакого «Маркса». И все же факт достоверный. Недавно мне удалось найти и документальное подтверждение.

В тридцатые годы от какого-то ведомства столицы имелось тут подсобное хозяйство, а руководила им, как полагается, дирекция. И вот в Книге Памяти жертв политических репрессий (Рязанская область) вычитываю, что 26 мая 1936 года в Пителино арестован помощник директора совхоза имени Карла Маркса по снабжению, уроженец Москвы Николай Васильевич Старостин. А это значит, что на тот год хозяйство существовало. Сейчас от свинофермы осталась лишь неглубокая яма. Впрочем, ее заметно только весной, летом все покрывает густая трава.

Хорошо накатанная дорога повернула в светлый березовый лес. Щедрое полуденное солнце бликовало на белых стволах и листьях. Гуще и гуще деревья обступали мой путь, который становился все хуже и менее

наезженным. В какой-то момент решил свернуть влево, куда вели более заметные колеи. Минут пятнадцать пробирался по кондовому лесу, преодолевая грязь и лужи. Наконец, сделав очередной поворот, дорога вывела меня на полевой простор.

Вскоре показались два пруда, и стало ясно, что это урочище Активист. Поселок с таким названием возник в начале двадцатых годов прошлого века искусственно, на пустоши. И место, судя по всему, оказалось не очень подходящим. Активист просуществовал пару десятков лет, хотя здесь набралось достаточно семей, чтобы организовать самостоятельный колхоз. Но колхоз ликвидировался в 1936 году, а позже опустел, обезлюдел и сам поселок – полтора десятка семей дружно переселились в Свищево.

Мимо прудов в сторону леса кто-то, вероятно, на грузовике, проторил свежий след. Я вспомнил, что в урочище Филькино, двигаясь по старой дороге на юг, встретил пересекавшую ее почти перпендикулярно новую. Не она ли это и есть? Направление подходящее – северо-запад. Ну, где наша не пропадала!

Километра через полтора, уже в Подмаревом лесу (местное название), разглядел одичавшие яблони и груши. Здесь ранее бывал неоднократно – бывший поселок Сухуша. О нем слышал разное. Мол, барыня когда-то жила. Вполне возможно, ведь местечко это принадлежало в давние времена господам Ушаковым.

Точно известно о других хозяевах Сухуши, какими являлись две крепкие работящие семьи братьев Рункиных: старшего Степана Евсеевича и младшего Ивана Евсеевича. Местные власти бились с ними долго, обкладывая непомерными налогами (в колхоз Рункины не вступали). В конечном итоге, обоих арестовали в 1937 году как чуждых духу социализма элементов,

приговорили к 10 годам лишения свободы, а их семьи выслали в отдаленные края. На том и закончилась почти вековая история поселка. Лишь выродившиеся яблоньки да груши указывают путникам его место.

Гораздо меньше просуществовал на лесном прогале поселок Борнаки. Возник он в начале 1920-х на перекрестке дорог с Сухуши и Фермы на Володинку. Несколько семей переселенцев принялись энергично корчевать пни, вырубать кустарник, распахивать новь. Но, почему-то не прижились там люди – и спустя два десятилетия поселок опустел. Мощный осинник, поднявшийся на его месте, и поныне называют Борнаками.

Свежий след вывел меня на полевой прогал. Впереди увидел стоящую автомашину ЗИЛ – 131. Возле нее возился мужчина в годах.

-Скажите, куда ведет эта дорога? – спрашиваю.

-Никуда.

-То есть как?

-Ну, ко мне, на пасеку.

Мужчиной с обветренным лицом и огрубевшими ладонями оказался пенсионер, бывший лесник Георгий Павлович Беляев. «Володинка от меня всего в километре, – успокоил он, – и стежка туда имеется. А вот дальше, парень, тупик. Лучше уж через Нестерово назад на Пителино возвращайся».

Палыч, как его уважительно величают в округе, рассказал о своих визитах в Володинку. Жителей он там не застал, а дома стояли. Потом долгое время те, кто собирался строиться, вывозили хороший тесаный камень для фундаментов и цоколей. Сенокосы вокруг были знатные. Да все в прошлом. Даже пруд, в котором когда-то купались, ныне стал заиливаться, в воде появились многочисленные пиявки. Палыч настолько настойчиво

уговаривал меня заехать к нему на пасеку (дорога-то мимо на Володинку проходит), что пришлось согласиться. Там я немного отдохнул. Очень душевный разговор получился у нас. Пасечник не отпускал меня до тех пор, пока я не отведал его медку. Тот оказался просто восхитительным!

Ну что же, вот я и в Володинке. Как ни странно, привела меня сюда хорошо накатанная дорога, которая уходила куда-то дальше на северо-восток. Место, действительно, красивое. Володинка располагалась на правой возвышенной стороне оврага Мощенка, по дну которого протекал ручей. Имелись две запруды. Уцелела только нижняя. Посидел немного на ее берегу. С косогора открывался широкий кругозор. Внизу пространное поле, за ним в отдаленье лес, скрывающий Мокрую Хохловку и речку Пет.

Давным-давно не пахано, не сеяно, не кошено. А ведь место для поселения наши предки выбрали явно не случайно. И жить бы тут вольным хлебопашцам века и века. Деревушка первоначально и по документам называлась Вольная (Володинка тож). Насчитывалось в ней 18 дворов и 110 жителей (1911). В тридцатые годы здесь стояло 25 изб и функционировал самостоятельный колхоз «Пробуждение». Но что-то «пробуждение» не задалось – к концу 70-х деревня обезлюдела.

Признаки прошлого жилья отыщет только наметанный глаз. Вот недалеко от пруда куртина сирени. Еще выше обособленная группа старых тополей, обозначавшая прежде границу чьей-то усадьбы. Сохранился терновник. Высокая крапива надежно обступает и закрывает от любопытных глаз подвальные ямы, над которыми когда-то возвышались избы. От ямы до ямы продвигаться трудно: бурьян, колючий чертополох и прочая густая трава затрудняют каждый шаг. Пройдя несколько

десятков метров и обнаружив четыре остова жилья, бросаю это безнадежное занятие, освобождаю одежду от различных колючек и «собачек».

В это время по дороге проезжает трактор «Беларусь». Сзади, в тележке – несколько человек. Что такое? Откуда?! Куда?! Неужели отсюда можно выбраться на трассу? Неплохо бы. Впрочем, не стал ли я жертвой галлюцинации или миража. Солнце на почти безоблачном небе в зените, воздух прогрет градусов до 25 и насыщен ароматами созревших трав. Напекло голову, надышался пьянящих густых запахов… Да нет, трактор еще голубеет вдали, слышен и рокот двигателя. Все-таки не такое уж безлюдье. Достигает цивилизация центра нашего района!

Десять минут спустя отправляюсь вслед за «Беларусем». Через какой-то километр вижу его. Он стоит возле небольшого молодого леска. Огибаю трактор. Что за диво! Дорога кончилась разворотным кругом. Люди успели углубиться в заросли. Побрел за ними наугад.

Подосиновиков – косой коси! Достал пакет – хоть домой вернусь не с пустыми руками. Наконец, услышал рядом голоса, вышел на них. К счастью, попал на самого тракториста. Вместе с ним по грибы приехали еще один мужчина и три женщины. Интересуюсь: откуда? Из Любовниково. Вот как! Из соседнего района к нам зарулили.

-Странно, мне сказали, что возле Русановки грибные места, а вы к нам подались, за тридевять земель.

-Да ладно, вокруг Русановки все места мне известны. Народу там шастает много, а собирать нечего. А здесь за час по корзинке, а то и по две набираем.

-А как сюда проезжаете?

-Через Русановку как раз, потом через вашу Ферму, Володинку…

-Я ведь думал, эта дорога меня на трассу выведет, а она вдруг кончилась.

-Трассы отсюда даже и не слышно. Не знаю, как далеко до нее. Дорогу же эту я своим трактором накатал. А первый раз, недели две назад, ехал наугад по целине.

Делать нечего. Возвращаться через Володинку на Нестерово – огромный крюк, поэтому выход один – пробиваться прямо по травному полю к старой, уже знакомой дороге на Климушинку. Так я и сделал. Пошел целиной через бескрайнее поле. Там и тут приходилось огибать куртины кустарника, молодых березок и осинок. Да, давно, давно здесь не пахано, не сеяно…

Вдруг за очередной куртиной с северной стороны, где должна находиться трасса, послышался быстро приближающийся шум. Неужели машина? Но как она может мчаться по бездорожью? Тут же верхушки березок резко наклонились под сильным порывом ветра. Под ними, метрах в десяти от меня, неожиданно зашевелилась, поднялась шапкой густая трава. Из нее вверх взлетели легкие былинки, листочки, сучочки. Моментально ожившие ветви деревьев, словно тонкие человеческие руки, суматошно замахали, отбиваясь от чьего-то нежелательного приближения.

Вихрь! Он проломился сквозь чащу, как могучий и невидимый дух древнего божества, и продолжил свой путь, оставляя следы-воронки в сплетениях травы и бурьяна. Впечатление такое, будто мимо пронеслось какое-то живое существо. Я точно ощутил его присутствие, его дыхание.

Вихрю готовых дорог не требуется. Он сам их прокладывает. Мне же приходилось нелегко. Но расчеты мои оправдались. Примерно через четверть часа вышел к

старой дороге, по которой проезжал утром. А раз так, то никаких препятствий и неожиданностей впереди быть уже не могло. Только знай, крути педали!

Так и вышло. До Климушинки – с километр по плохонькой грунтовке, от нее до асфальта – еще 2,5 преодолел без сюрпризов, далее – по трассе до Пителина. Такую вот познавательную прогулку я совершил за полдня, исколесив десятки верст по центральной полосе района, да еще и грибов привез.

Солнце. Сад. Стены.

(стилизованно-компилированный набросок)

Комнату укутывал мрак. За окном тишина. Стрелок и делений на циферблате часов не видно, но возникло и крепло ощущение, что рассвет вот-вот забрезжит. Сад еще не просыпался, находясь в предутренней дреме, и птицы не осмеливались нарушать его покой своими голосами. Ни единого звука, безветрие. Утро осторожно, на цыпочках прокрадывалось среди яблонь и вишен. Интересно, какими органами чувств мы улавливаем это неслышное приближение? Глаза, проблуждав в темноте комнаты, еле отыскивают чуть просветленный проем окна, а за ним… ничего пока не видно. Но ждать осталось совсем недолго…

Вот небо стало бледнеть. В темных сплошных шатрах вишен и яблонь постепенно прорезываются отдельные ветви. Сад наполняется смутными звуками. Вот на востоке проясневшее небо засигнализировало о восходе светила. Казалось, будто кто-то из-за горизонта поднимал зажженный фонарь, от которого веером прыснули сначала белые, желтые, оранжевые, затем красные полосы. Они замерцали, сдвинулись, слились в

одно широкое зарево. Наконец, показался край солнечного диска.

Восход преобразил всю округу. Свет хлестнул по деревьям, и все листья на миг стали полупрозрачными. Где-то в вышине чирикнула птица и смолкла. Пониже пискнула другая. Сад просыпался. Солнце сделало рельефной стену дома. Тень от большой ветки обозначилась на ней, как чернильный отпечаток руки. Штора на окне упорно старалась не пропускать струящийся свет внутрь, - за нею все было еще неопределенно и зыбко.

Сад просыпался. Тени остро располосовали траву. На цветах, былинках и листьях засверкала мозаикой бисерных искр роса. Казалось, солнечный поток оказывает явно физическое давление на все окружающее, и именно под его напором один за другим раскрываются бутоны цветов, чуть покачивая лепестками, словно встряхиваясь ото сна. Птицы, щеголяя розовыми и ярко-желтыми грудками, короткими трелями начинают свое песенное состязание.

Солнце встало, щедро облило сад и стены жидким золотом. На белой занавеске окна возникали круги и узоры. Она более не препятствовала проникновению света в комнату. Из сумрака проступили, будто выплыли из небытия стол и стулья. Под острым лучом плеснули белизной тарелка и бокалы, загустел блеск ножа. Отраженным светом забелело зеркало на стене.

Птицы в саду, на заре напевавшие вразброд, по наитию, теперь распевали хором; то все вместе грянут какой-то общий мотивчик, то одна за другой примутся выводить особо искусные рулады. Эти арии обрывались порой на самых невероятных нотах. Устав от пения, пташки примолкали, водили по сторонам головками,

поблескивая бусинками глаз. Быть может, их привлекали насекомые в траве, или подрагивающие и мерцающие листья, или капли росы на высоких стеблях, что удивительно вмещали в себя вогнутый дом и деревья. А возможно, пернатые певуньи прямо глядели на солнце?..

Летний день вступил в свои права. Солнце основательной хозяйкой утвердилось в комнате. Не сразу оно отвоевало ее пространство, постепенно нащупывая себе дорогу, достигая самых укромных уголков. Едва тронутые светом, вещи разнузданно сбрасывали привычные очертанья. Тарелка обращалась белым озером, бокалы – айсбергами. Тоньше и явственней вычерчивались прожилки фарфора, разводы дерева, узоры ковровых дорожек. Все теряло оттенки и тени. Ваза вдруг так засинела, что глаз, как в воронку, засасывало в эту синь.

Но вот вещи, опомнившись, оделись в прежние формы, обрели свои обычные цвета. Лишь ваза упорствовала, раздувшись синевой до неприличия. Нарастая, свет прогнал тени в самый отдаленный угол. Яркие лучи так врезались в стол, стулья, шкаф, что весь лак пошел трещинами. От ковровых дорожек, стоило по ним пройти, поднималась невидимая пыль. Попадая в полосы света, она вспыхивала мириадами мельчайших светлячков, серебристое облако которых ширилось, вытягивалось подобно клубам дыма от костра.

В саду явно и скрыто бурлила жизнь. Трава отливала изумрудным блеском. Хлещущий свет сливал листву в сплошные зеленые шатры. Тени деревьев укоротились, сжались, черными лужицами покоились у корней. Полчища насекомых деловито сновали по былинкам, стволам, веткам, будоражили гуденьем и жужжаньем воздух. Птицы то заходились в неистовой песне, то сразу

умолкали, словно дожидаясь очередного взмаха невидимой дирижерской палочки; то и дело вспархивали и разлетались по каким-то срочным надобностям. Да и сам полуденный сад стоял как живой – весь цветенье, свеченье…

Грудою дел, суматохой явлений день отошел, постепенно стемнев. В комнате только я и тени, чуть дрожащие на стене. Окно невнимательно отражает игру огненных бликов и покачивание ветвей. К вечеру подул легкий, но порывистый ветерок. Солнце, утратив силу и жар, придало новый колорит убранству комнаты, выложив все темными и желтыми узорами. Прочерченная тенями мебель кажется теперь тяжелей и старей, чем на самом деле. Обведенное золотым овалом зеркало тщится удержать навеки все в себе отраженное. Но скоро комната наполнится сумраком. Предметы снова изменятся, размыв очертания. Зеркало потемнеет, как обрамленный плющом вход в пещеру.

Птицы притихли. Их дневные хлопоты и заботы остались позади. Сад готовился к ночному отдыху. Вечереющий свет еще румянил кроны, теплым лоском, как лаком, покрывал листву. Но тени синели и сгущались. Порыв ветра сорвал слабые лепестки шиповника и закружил их словно бабочек легкую стаю. Купол одуванчика, который присел было у тропинки, подняло, понесло и прибило к чужому стеблю. Цветы, колыхаясь при порывах ветра, постепенно сникали, склоняли потяжелевшие венчики…

Солнце опускалось, торопясь на покой. Косым и эфемерным стал его свет. Вот стрельнуло в край тучки, подожгло, превратило ее в огненный остров, куда не ступит никогда ничья нога. Потом и другую тучку подпалило, и еще, и еще. Солнце будто сжигало ставшие

ему ненужными к концу дня дрейфующие и аморфные «корабли» воздушного флота. Скоро краснеющий диск опустится за горизонт, промелькнут последние проблески лучей. Лишь останется, как предупреждение о надвигающейся ночной тьме, рдеющий у самого слияния неба и земли пожар.

Бабушка

–Проходи, проходи. Садись к столу, гость дорогой. Сейчас чай будем пить с вареньем. Конфет у меня нет, а варенья всякого припасено: и яблочного, и малинового, из крыжовника еще… Садись, садись. Такую даль – 15 верст – на велосипеде отмахал. Как ни притомиться! А я ведь с утра как чуяла: гость будет. Прибралась в горнице, тесто вот под блины подходит.

–Спасибо, бабушка. Мне только чаю.

Пока милая старушка хлопочет на кухне, я еще раз оглядываю не хитрую, но столь знакомую с детства и потому близкую сердцу обстановку. Все тут на месте, все опрятно и чисто.

Вот русская печь с широким побеленным челом, открытой загнеткой, с просторными полатями за ситцевой занавеской. Настоящая цитадель, изба в избе! Ее кирпичи сутками сохраняют полученное при топке тепло. На печи лечились от всякой хвори, простуды, радикулита. Нас, детей, умещалось на лежанке по пять–шесть человек. Там вечерами рассказывали сказки и страшилки.

Вспомнились томленые в чугуне щи, пшенная каша с корочкой, печеные яблоки, пироги и прочие блюда из русской печи. В газовой духовке и микроволновке так не приготовить.

Рукотворные половики, пестрые, длинные. Делали их (приходилось видеть) из ненужного, отслужившего свое тряпья, а какой вид! Как они украшают пол, хоть на порядок дешевле любого паласа и ковра.

Кстати, о полах. Сосновые, еловые, дубовые… – и они лечили. Помню, как изнеможденные тяжелым и однообразным трудом на колхозных бахчах или собственных усадьбах женщины, по возвращении домой, ложились спиной на широкие половицы. И через несколько минут облегченно вздыхали: «О-ох, вытянуло ломоту из поясницы». Думаю, действительно, дерево лечило. Потому-то долгое время в деревнях не красили полы и столы, тщательно мыли и скребли их. Мы же теперь озабочены евроремонтом, загоняем себя в клетки из искусственных полимерных материалов. Они уж точно не лечат, скорее наоборот…

Разглядываю дощатый потолок с выступающими балками-матицами. В них вбиты крюки. На одном, в углу, подвешивалась когда-то зыбка, на другом, ближе к столу, – керосиновая лампа.

–Ну, давай, касатик, чай пить, – прервала бабушка мои наблюдения. Я заметил, что лицо ее за последние минуты словно посвежело, помолодело, а живые глаза излучают доброту и участие. И походка стала ровнее. Видимо, мой визит вдохнул в нее новые силы.

Мы сидим за столом, пьем чай. И, конечно, завязывается беседа. Бабушка, нисколько не жалуясь на судьбу, вспоминает о трудных годах коллективизации, о первой любви, замужестве, о том, как ждала от супруга весточки с фронта, а получила похоронку, как одна растила и ставила на ноги детей.

–Троих выходила (один в младенчестве умер). Разъехались по разным городам. Не знаю, видятся ли меж собой? А ко мне и дорогу забыли. Веришь ли,

каждый день прибираюсь в дому, готовлю что-нибудь вкусненькое – вдруг да приедут. В подполе – компоты, варенья, соленья – все для деток да внучат. Вот и занавески на окне, что на дорогу из райцентра выходит, всегда днем открыты – как бы не проглядеть… Ох, и живу-то, милый, одним ожиданьем.

Деревня тянется вдоль проселка на километр, но жилые дома можно сосчитать по пальцам. От бабушки узнал, что машины тут появляются крайне редко, в основном – лесовозы. Раз в неделю наведывается на велосипеде почтальонша, а по вторникам и пятницам – автомагазин. Возле него и встречаются местные «аборигены». Обсуждают новости, вспоминают старое. А когда к кому-то приезжают на побывку детки или внучата, все идут посмотреть да порадоваться на счастливых хозяев. Зимой улицу основательно переметает снегом, и визиты по соседям сводятся к необходимому минимуму.

Немного отдохнув, я вышел на улицу. Мне предстояло проехать еще несколько километров. Там, за неровно возвышающимся лесом, за тихой речкой раскинулась деревенька, где когда-то жила моя родная бабушка. Ее уже нет много лет (остался осиротевший домик с садом). Но как ее живо напомнила (не внешне отнюдь) эта случайно встреченная мной старушка, которая в ответ на просьбу вынести ковшик воды, пригласила в дом, проявила ныне подзабытое русское гостеприимство. Как она обрадовалась нарушенному одиночеству – словно помолодела и окрепла телом!

«Надо бы купить гостинцев да навестить ее еще», – подумал я.

По Муромской дорожке

По Муромской дорожке
Стояли три сосны.
Со мной прощался милый
До будущей весны.

Часть 1. Старые мосты – свидетели двухвековой истории

Наш земляк, писатель Борис Можаев отдавал должное такому жанру, как путевой очерк. Вспомним, например, опубликованные в разные годы произведения: «Лесная дорога», «Шляховая», «Старые земли», «На Тверце» и т.д. В очерке «По дороге в Мещеру» (1976 г.) писатель посвятил немало строк Муромскому тракту. Благо пролегал он из Тамбова по его малой родине. И вот что там, в частности, сказано о Муромской дорожке:

«Она проходила мимо нашего села и называлась столбовой дорогой, большаком… По ней возили пшеницу и рожь с юга на Меленки, Муром, Павлов… Шли по ней странники, нищие, богомолки. По ней уезжали на заработки – на Оку, на Волгу, на Каспий. По ней гуляли отчаянные головы с топором за поясом да с кистенем в кармане, поджидали в темном месте богатых гостей. Шли по ней обритые арестанты в тюремных армяках, гремя кандалами, шли этапом от ночлега до ночлега, то есть от тюрьмы до тюрьмы – Шацк, Сасово, Нестерово, Касимов…» и далее целая ода обычной, казалось бы, дороге.

Вот и мы (я и мой брат Юрий) решили проехать на велосипедах по древнему Муромскому тракту. Первую вылазку, в 2009 году, сделали на юг: Нестерово, Свищево, Любовниково, Каргашино (именно через эти села проходила столбовая дорога). Почему именно до Каргашино? Дело в том, что в прежние годы тракт измерялся не тольо верстами, но и прогонами – от одной

почтовой станции до другой. На них происходила смена лошадей, а где-то и ночлежные комнаты имелись. Так вот, от Каргашино до Елатьмы по тракту – 71 верста и 3 прогона, а до следующей станции (в Потапьеве) 27 верст.

Поездка по Муромскому тракту нам понравилась: покрытие твердое (где булыжник, а где и асфальт), движение транспорта минимальное, так как оживленная трасса Шацк-Касимов проходит в стороне. На следующий год отправились по прогону: Потапьево-Толстиково (22 версты согласно старым справочникам).

Надо заметить, что про Муромскую дорожку не только песня сложена. Связаны с ней различные реальные и маловероятные истории, порой просто жуткие.

«Грабили да убивали в распадках да в оврагах, возле узких мостков – особенность повадок русских разбойников, подмеченная еще Тургеневым. Я и сам давным-давно, подростком, проходил частенько мимо таких мосточков в чистом поле – тут вот ветеринар был застрелен, а там барин убит молотком по голове. И передавалось это из уст в уста так живо и подробно, будто бы случилось все только вчера. «Запутались кони в веревках. Почуяли неладное, забились, заржали. И он, барин-то, видать, почуял конец решающий, застонал, заухал как леший. Коней они выпростали, не тронули. А барина молотком по голове. Заодно и кучера прикончили» – читаем у Можаева («По дороге в Мещеру»).

Здесь речь идет о надворном советнике Степане Михайловиче Снитко, возвращавшемся поздней порой в Потапьево и убитом на Красном (с красными перилами) мосту через Лесной овраг. Поплатился он за свою лютость и жестокость по отношению к крепостным крестьянам. А случилось это 6 января 1856 года.

Далее писатель сообщает: «Под одним из таких мосточков, за Свищевом, убили моего прадеда Трофима Селивановича Песцова. Служил он у гавриловского барина и характером был крут…».

А вот как вспоминает про это место сын писателя Андрей: «И вдруг перед мостиком на меня напал совершенно непонятный страх. Меня властно тянуло в кювет, где зыбились высокие и острые гребни засохшей грязи – следы проехавшего когда-то грузовика. Вскоре колесо ткнулось в грудень, и я полетел через руль велосипеда. На миг потерял сознание. Когда отец поднял меня, из ноги текла кровь. Кожа была рассечена до белой кости и в этом месте навсегда осталась вмятина. Получил от отца мягкий выговор и медицинскую помощь. Он как-то заинтересованно выспрашивал, отчего я не мог вывернуть руль? Я отвечал: сам не пойму, что-то напало на меня пугающее, цепенящее. И тогда узнал от него: когда-то на этом самом мосту крестьяне убили возвращавшегося ночью моего прапрадеда. Тот, старый служака николаевской армии, охранял поместья своего приятеля-генерала. Боролся с потравами, да еще любил погулять в охотничьем доме с зазнобой. От нее и возвращался в ту ночь…».

Побывали мы там. Высокий каменный мост через ручей Ближний, у самой границы с Сасовским районом. Место хоть и открытое, но, действительно, «в чистом поле», от жилья удаленное. Кричи в ночи – не докричишься!

Впрочем, убивали на большой дороге не только в ночи и не только в давние времена. Так, в 1975 году недалеко от Потапьева члены молодежной банды из Сасова средь бела дня застрелили пастуха Михаила Федоровича Миронова. О той трагедии напоминает поставленный у дороги скромный деревянный крест. Раньше он был

хорошо виден издалека, а ныне скрыли его от глаз поднявшиеся молодые березки.

Старые мосты служат путникам до сих пор. Правда, сохранились они лишь на участках тракта, которые после спрямления трассы (на рубеже 60–70-х годов прошлого века) оказались в роли заурядных проселков. Народ почему-то прозвал их екатерининскими (по императрице Екатерине II). На самом деле начали возводить их позже – в царствование Николая I. Свидетельством тому – дата «1827 г.», выбитая в основании единственного уцелевшего каменного моста под современным асфальтовым шоссе (через Вяжищинский овражек, что между Потапьево и Кошибеево). Когда-то их на территории Пителинского района насчитывалось более десятка. Но при создании «Большого Рязанского кольца» почти все из них не соответствовали требованиям нового времени, главным образом по пропускной способности. И их демонтировали.

Полюбоваться архитектурой старых мостов можно в селе Терентеево. Первый (через речку Мурку) сохранил свой величавый вид и даже перила. Высокий свод пролета (над ним хорошо заметна выбитая дата постройки «1901»), красивая кладка стен, грандиозность. Но, увы, разглядеть все это можно лишь ранней весной и поздней осенью, в теплое время года обзор закрывается густой растительностью. Второй (без перил) перекрывает ручей Мавра, ныне практически пересохший. Он уступает в красоте и размерах первому, но лучше просматривается.

Часть 2. Отдых у змеиного источника

Пока шла речь о старинных мостах Муромского тракта, мы с братом преодолели путь от Пителина до Потапьева. Столетие назад это был волостной центр, в

котором действовали земская начальная и церковно-приходская школы, больница, телеграф, ветеринарный фельдшерский пункт, пункт государственной заводской конюшни, имелись арестантские помещения при волостной управе, этапный двор политкаторжан, казенная винная лавка, два постоялых двора и двор земской ямщины (14 лошадей, прогонная плата – 3 копейки за версту). Посовещавшись на месте, на гужевом транспорте решили сэкономить. Тем более, что планировались небольшие отклонения от трассы тракта и непродолжительные стоянки возле родников.

Первое отклонение от маршрута сделали за Потапьевом, свернув с асфальта к реке Пет, к местечку Мельница, где проводятся районные туристические слеты и любят отдыхать пителинцы. Крутизна каменистых бугров, тенистая зелень, речная стремнина, расчищенный родник – все здесь радует взор, располагает к приятному времяпрепровождению.

Предприимчивый мещанин Ефим Тимофеевич Неронов еще до революции построил на реке крепкую плотину, а на берегу – два бревенчатых дома (один – для себя, другой – для ночлега приезжающих издалека на помол), баньку, просторные навесы, куда в случае дождя ставили телеги с зерном и мукой. Последние лет двадцать мельница принадлежала колхозу «Передовик» (Потапьево). Ныне о былом напоминают лишь остатки плотины, две заросшие травой подвальные ямы да куст сирени.

Поднявшееся высоко августовское солнце застало нас уже под Кошибеево (7 километров от Потапьева). Проехав мост через Коленный овраг, повернули направо, на грунтовку, ведущую вдоль высокой излучины реки Пет к деревне и к местному источнику.

–Что это за провалы тут по всему берегу? – спросил Юрий.

Вспоминая рассказы старожилов, стал объяснять ему, что в годы НЭПа кошибеевские и сосновские мужики освоили прибыльный для себя бизнес: добывать и продавать камень и щебень. В то время в стране наблюдался бум частного предпринимательства и всевозможных инициатив. Одно за другим создавались товарищества по совместной обработке земли, ремесленные артели, мелкие кооперативы, пускались заводики: кирпичные и черепичные. Заработав определенные суммы, сельчане меняли и жилищные условия – вместо тесных деревянных изб ставили добротные дома из кирпича и камня местного же производства.

Сперва камень и щебень добывали открытым способом: мужики с помощью ломов и кирок «вгрызались» в известковый берег Пета. У каждого – свой участок. Постепенно выработки уходили вглубь, создавая пещеры. И только сплошная коллективизация пресекла этот выгодный промысел. Своды вырытых пещер со временем обрушились, образовав нынешние провалы.

Въехав в Кошибеево, мы обратили внимание на основательные, как бы иллюстрирующие мой рассказ постройки деревни. Все они относятся к периоду НЭПа. Красивые и крепкие кирпичные дома, затейливые каменные кладовые. Кстати, и сама деревня насчитывает чуть больше века. Многие продолжают ее величать Сосновкой-Кошибеевкой. Да вот закавыка – Сосновки-то давно уже нет.

Возникла она значительно раньше своей соседки. Во второй четверти XIX века на расчищенном от леса прогале потапьевский помещик Кишкин основал хутор.

Позже переселил сюда своих крепостных и барин Снитко. Название деревне дали по окружавшему ее сосновому бору. В общем, Сосновка возникла как «филиал» Потапьева. К концу тридцатых в ней насчитывалось свыше 30 домов. Среди местных коренных фамилий преобладали Митины, Кургановы, Савины. Кошибеево же появилось в результате переселения крестьянских семей помещиком Траскиным из своего родового имения в селе… Кошибеево (ныне Сасовского района). Поэтому и значилось оно в документах начала XX века как Кошибеевские Выселки и преобладающие фамилии здесь тоже сасовские: Абрамовы, Борисовы, Брагины, Булатовы, Чирковы.

С Кошибеево связана одна занимательная история, которую местные старожилы вспоминают охотно и не без гордости. Получилось так, что перед войной, в конце 30-х, уроженцы этой крохотной деревеньки (всего-то 40 домов) оказались практически на всех ответственных постах районной власти, включая председателя райисполкома и его секретаря, прокурора, начальников милиции, райфо, районного узла связи и ряд менее значительных должностей. А из соседней Сосновки, к великой досаде ее жителей, никто в руководящие кадры не выбился!

И вот ирония судьбы: стоящая на торной дороге Сосновка (а на моей памяти в ней насчитывался десяток жилых домов и действовала начальная школа) давно исчезла с лица земли (нынешний трактир не в счет), а Кошибеево, на отшибе, уцелело, хоть и заметно потеряло в населении. Окончательно заброшенными оказались лишь первые два дома, ближние к трассе. Далее, по левой и правой сторонам улицы мы увидели несколько припаркованных автомобилей, а в самом конце ее, чуть в отдалении – чью-то «фазенду» свежей застройки.

Тропинка к роднику начиналась между приметной кладовой и оградой соседнего дома. Сразу заметили, что по ней практически не ходят. За оградой на огородных грядках копалась пожилая женщина. «Что же тропка к роднику так заросла?» – спросил я ее.

–А мы, местные, туда и не ходим. Опасно стало, – столько гадюк расплодилось! Всю рыбу в Пету сожрали!

Такие слова, конечно, озадачили. Ну что ж, будем внимательней под ноги смотреть.

После залитой солнцем деревенской улицы мы очутились словно в тенистом тоннеле. Перекрывающиеся кроны деревьев образовывали его своды, высокие заросли крапивы и репейника – стены. Тропинка шла под уклон. Метров через сорок увидели спокойную, почти неподвижную гладь реки, мостки, перевернутые лодки на берегу. Родник представлял собой довольно широкую воронку метрах в двух от Пета. Хочешь ковшом чистую и студеную воду черпай, хочешь ведерком. Деревья плотно обступили оба берега реки. Тихо, прохладно… А что еще нужно для краткого отдыха подуставшему путнику?

–Замечательный вид, хоть картины пиши! – воскликнул Юра (он уже много лет проживает в Калининграде, выглядит стопроцентным горожанином). – Я бы тут с удочками посидел. Просто удивительно: буквально два шага от трассы, а словно на необитаемом острове очутились. Заповедное местечко!

«Заповедное местечко…, – повторил я про себя. – Да у нас в районе…». И вдруг впервые задумался о следующем. Представьте себе миллионы вполне благополучных людей – выходцев из российской глубинки, давным-давно обосновавшихся в Москве и других крупных городах. Кажется, все у них есть, многого в жизни добились. А ведь не покидает их

неотступная мысль (греза, желание): хоть на миг, на часок вырваться из каменных джунглей и перенестись в заповедное местечко, где когда-то впервые сильнее забилось сердце, открылись шире глаза, просветлела и умилилась душа. Для кого-то это ничем не примечательный полузаросший пруд, окруженный старыми ветлами, из которого немало выловлено золотистых карасей; либо говорливый и непоседливый родничок, берущий начало под крутым холмом с раскидистыми дубами; либо излучина широкой полноводной реки с низким шалашом – свидетелем многих дум и бессонных ночей; либо бескрайний степной простор с парящими высоко в небе стервятниками… Сколько в необъятной Руси таких заповедных, горячо хранимых сердцем мест!

Позже, перелистывая дома книгу очерков Василия Пескова – журналиста и писателя, объехавшего всю огромную страну, повидавшего полмира, наткнулся на строки: «В Подмосковье есть у меня заветное место – лесная поляна вдали от дорог и тропинок. Я так и зову это место – «моя поляна». И уверен: никто лучше, чем я, не знает этого уголка на земле, заросшего по краям болиголовом, таволгой, ежевикой, а посередине просторного, солнечного, с хороводом ромашек и фиолетовых колокольчиков».

Или: «Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки…» – это уже Константин Паустовский. Вот что значит заповедное, заветное, родное…

Отдохнув душой и телом возле родника, напившись его освежающей воды, мы решили отправляться дальше. Несмотря на предупреждения старушки, никаких гадюк,

даже ни одного ужа у реки не обнаружили. Да и рыба в Пету, вроде бы, еще осталась.

Часть 3. По волне памяти: от Сосновки до Терентеева

Исключая Кошибеево, стоящее в стороне от трассы (и бывшего Муромского тракта), населенных пунктов между Потапьево и Терентеево не осталось. А прежде местность выглядела иначе.

В двух километрах от канувшей в Лету Сосновки слева от шоссе начинается Володин лес. Сведущие люди еще могут отыскать в нем малозаметные глазу следы хутора, животноводческой фермы, сада, колодца и кирпичного завода. Их владелец Володин, не очень-то богатый по меркам нашего Елатомского уезда, оставил в народе добрую память, построив на свои средства в 1897 году здание школы в Сосновке. Да, исчезают свидетельства прошлого, слабеют воспоминания. А главное, некому ныне строить на селе школы, приюты и больницы, хотя богатые люди вновь появились.

Высохший, спущенный кем-то в сиюминутных корыстных целях пруд, несколько старых корявых ветел. По этим приметам определяем место бывшей Казановки. При мне древняя деревенька доживала последние дни. А в лучшие времена в ней насчитывалось до 250 жителей. Жаловали здешние места высокородные господа.

Когда появилась Казановка, сказать трудно. Но вот занятный факт ее упоминания, относящийся к середине XVIII века. Смазливый двадцатидвухлетний секунд-ротмистр лейб-гвардии Конного полка князь Иван Несвицкий принял активное участие в дворцовом перевороте 1762 года и способствовал восшествию на престол Екатерины II. Та его заметила… И началась карьера: камер-юнкер (1762), затем обер-шенк

императорского двора, чин тайного советника, ордена Св. Анны, Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного (высшая награда Российской империи), а главное – полученные «в кормление» земли и крепостные души, в том числе в селе Высокие Поляны и деревне Казановка. Иван Васильевич оставил в наших краях о себе память, основав на стыке XVIII-XIX веков на пустоши деревню Николаевка (ныне часть Ермо-Николаевки), переселив туда несколько семей крепостных из Высоких Полян. Ко времени крестьянской реформы 1861 года его внукам принадлежало в округе почти 1500 десятин земли.

А к концу XIX века стала славиться на весь уезд образцовая усадьба господ Путиловых (располагалась в полуверсте к северу от Казановки). Мне рассказывали бабушки-старожилки, как они в детстве с нетерпением поджидали выезда барыни на праздничные богослужения в терентеевскую церковь. Босая деревенская ребятня гурьбой бежала за блестящей лакированной коляской, а госпожа Путилова щедрой рукой бросала ей под ноги невиданное лакомство – конфеты.

Продолжаем ритмично крутить педали велосипедов, и перед нами открываются все новые и новые виды. Вот здесь, справа от шоссе, на бережке речки Мотки стояла когда-то деревушка Самодуровка, хоть и маленькая, но в 1931–1932 годах собственный колхоз имела. А ныне и ям подвальных не отыскать. Давным-давно они запаханы.

Постепенно впереди по курсу росла в размерах и приближалась радиорелейная вышка. За ней асфальтовое шоссе повернуло влево, а мы двинулись прямо по старому большаку. Спустя несколько минут въехали в Терентеево.

Старые красивые дома с резными карнизами и наличниками, с обязательными лавочками под окнами

выстроились в два ряда вдоль бывшего когда-то торным тракта. Налево ответвляется коротенькая улочка Ольховка, да на отшибе, справа, виднеется ряд жилых построек – так называемые Бутырки. Лет 100-80 назад по большаку двигались в двух направлениях бесчисленные обозы с товарами: из южных черноземных краев везли на Касимов, Елатьму и владимирщину хлеб, а навстречу, из лесной и не столь богатой на урожаи зоны, – деревянные бочки, кадки, лопаты, колеса, дуги, лапти, ложки, веретена…

И позже, в более близкие нам времена, с этих лавочек праздные дети и старики, не обремененные делами и заботами, наблюдали за проходящим транспортом: кто с чем едет на базар в Пителино (или Касимов) и с чем возвращается обратно.

Примечательны в селе колодцы с двухскатными резными крышами, с восходящим солнцем на фронтонах (полудиск с радиально расходящимися лучами), а возле срубов – опять же лавочки. Покрутил ворот, достал холодной водицы и сиди, попивай, отдыхай да по сторонам поглядывай. Имеются в селе и родники: возле домов Земцовой и Попенкова.

Купол местной церкви с покосившимся крестом виден издалека. Вблизи то, что осталось от нее, производит весьма странное впечатление, напоминая гигантскую ротонду, либо буддистскую ступу. Полуразрушенное сооружение имеет квадратное основание и закругленный верх. И только после детального осмотра становится ясно, что это полууцелевшая (без выступавших когда-то апсид) алтарная часть здания.

Известно, что православные храмы при постройке ориентировали по осевой линии с запада на восток: с западной стороны вход через колокольню, затем неф и

алтарь. Если уцелела алтарная часть, значит… Решил проверить свои предположения.

И действительно, на запад от остова, к большаку, вела ровная приподнятая площадка. Наносная земля и дерн надежно скрыли плиточный пол. Кажется, ступени паперти начинались прямо от обочины Муромского тракта. А по бокам приподнятой площадки в выемках земли удалось увидеть и каменное основание бывшей колокольни.

Руины храма

Более века великолепным колоссом возвышался над селом местный храм. А как он выглядел, мы уже не узнаем. Есть, правда, скупые строки в «Историко-статистическом описании Тамбовской епархии» (1911 г.):

«Церковь каменная, трапезная теплая, построена на средства прихожан при помощи г-жи Богдановой в 1831 году. Престолов два: главный – во имя святителя Николая чудотворца, в трапезной – в честь знамения пресвятой Богородицы. Местно-чтимая икона св. муч. Флора и Лавра и св. Евангелие, напрестольное, времен царя Алексея Михайловича».

Где теперь местно-чтимая икона, где евангелие времен царя Алексея Михайловича? Что об этом спрашивать, если от величавого прежде храма осталась едва ли третья часть. По воспоминаниям старожилов, звон его колоколов разносился окрест, хорошо был слышен не только в Лукино и Высоких Полянах, но даже и в Ермо-Николаевке. Но в 1930-е годы местные власти решили

колокола снять. А в сороковые с помощью тросов и тракторов своротили маковку колокольни, разрушили большую часть храма, и только самая намоленная – алтарная не поддалась.

Часть 4. На чай к Софье Ивановне

Время перевалило за полдень. По селу распространялся томительно дразнящий запах наваристых щей. Решили и мы устроить обед на траве. Расположились в тени старой яблони между храмом и кирпичным зданием бывшей школы. Припасенные в дорогу пара огурцов и тройка помидоров закончились прискорбно быстро. На десерт пошли вполне съедобные яблоки, что висели на ветках прямо над головой, а на третье – вода из близкого родника. Конечно, не густо. «Ничего, мы сейчас к Софье Ивановне на чай отправимся», – сообщил я о дальнейших планах брату.

При царях от тракта мимо церкви через овраг (разумеется, имелся мост) шла на восток дорога к квартире станового пристава (важное для сельской местности должностное лицо) и к поместью господ Богдановых. Ныне от нее не осталось и следа, да и ехать в данном направлении уже некуда. Вот и я ни разу не был в той стороне. Теперь же решил собственными глазами поглядеть, что осталось от барского имения.

Двинулись окольным путем, обогнув село с северной окраины. Сначала хоть трудно, но ехали. Потом пришлось спешиться. Как ни высматривали, ни одной стежки в нужном нам направлении не заметили. Ну, значит, вперед по «азимуту», то есть по целине. Ходьбу по высокому бурьяну (а в нем густая вязига и прочая трава, заплетающая ноги) и кочкам легкой прогулкой не назовешь. А нам предстояло преодолеть более двух километров. Припотели, едва осилив половину пути. В

кроссовки набился мелкий растительный мусор, штанины облепили всевозможные «собачки» и колючки.

«Ничего, Юра, сейчас на чай к хлебосольной Софье Ивановне попадем, на калачи да бублики», – ободрял я подуставшего брата. Но пробудившаяся совесть заставила тут же пояснить, что Софьей Ивановной величали последнюю барыню и что с гостевым визитом мы опоздали на целый век.

Тем временем приблизились к речке Мурка, которая являлась важным ориентиром для нас в этом нехоженом краю. На левом ее берегу и располагалась усадьба Богдановых. На речке бобры построили две (в полукилометре друг от друга) плотины, создав довольно обширные запруды.

Наконец, перебравшись через овражек с ручейком, впадающим в Мурку, увидели… нет, не усадьбу, но явственные следы ее. Прежде всего сирень – непременный спутник благополучного человеческого жилья, затем значительные по протяженности подвальные ямы, незнакомые длиннолистные деревья…

Сколько жилых и хозяйственных построек насчитывалось в имении? Разумеется, не одно. Устные преданья сообщают лишь о просторном двухэтажном господском особняке под железной крышей (имелись ли у него бельведер, мезонин, балкон, боковые флигели – неизвестно) и отдельно стоящем здании людской, где проживали прислуга и работники. Богдановы разбили у реки отличный парк с несколькими аллеями, а выше по берегу – фруктовый сад. Напротив господского дома – запруда с небольшим островком посередине (а на нем, возможно, беседочка).

В 1930-е годы энергичный председатель исполкома Терентеевского сельсовета Сергей Назарович Сацук распорядился разобрать опустевший барский особняк на

кирпичи и построить из них в селе здание начальной школы. А вот вырубать парк с тенистыми аллеями, с посыпанными битым кирпичом и камушками дорожками он не стал. Напротив, обновил в нем качели, поставил карусель, на запруде открыл лодочную станцию. В общем, создал для сельчан настоящий парк культуры и отдыха, в котором по праздникам играл даже духовой оркестр. Но все хорошее как-то быстро кончается. Спустя десятилетия от проектов Сацука осталось только сиротливое здание пустующей школы.

К северу от Терентеева (в 300–400 метрах от окраины села) на Муромском тракте располагалась деревня Филипповка. Жители двух десятков домов (по обеим сторонам большака) перенесли невзгоды Первой мировой и Гражданской войн, продразверсток и коллективизации. Но после Великой Отечественной, лишившись многих рачительных хозяев и кормильцев, сложивших на фронтах свои головы, деревушка «надломилась», стала хиреть и пустеть. Последние огоньки в избах погасли в 1965 году.

Мы нашли только пару неглубоких ям да несколько полузасохших яблонь. «Путник, остановись. Почти память деревни Филипповка, где жили, трудились, любили, страдали и радовались наши терпеливые люди, покуда все не ушли в поисках лучшей доли либо в мир иной», – прочитал я мысленно эпитафию.

Место поселка Маркины Дворики (примерно в двух километрах от Терентеева) определить не удалось. А ведь и у него имелась своя двухвековая история. В «Списке населенных мест Тамбовской губернии по сведениям 1862 года» сказано: «Маркино – выселки владельческие, при колодце, 3 двора, число жителей – 20 душ мужского пола и 19 – женского». До Великой

Отечественной войны здесь еще стояло несколько домов. Но даже следы их стерло неумолимое время.

За предполагаемым местом Маркиных Двориков к большаку с двух сторон вплотную подступал лес. И мы с удовольствием окунулись в его тенистый, насыщенный пряными запахами и наполненный звуками мир. И словно очутились в сказке. «Нам бы под Калининградом такие дороги для велосипедистов, – мечтательно произнес Юра, – подходящее покрытие, до веток на ходу можно рукой дотянуться и никакого движения транспорта!».

Миновали Мерлин овраг, за которым начинались земли Касимовского района. Еще километра два и должно показаться Толстиково – последний населенный пункт на Муромском тракте на нашей стороне Оки. Сначала в глаза бросились две безобразные свалки, затем лес разом расступился, и справа потянулись невзрачные серые бараки (жилые, нет ли?). Интересно, что стало с селом, в котором я не был четверть века, не вымирает ли оно?

До революции в Толстикове проживали около 300 человек, в основном татары, имелись мечеть, школа-медресе и православная часовня, амбулаторный пункт, почтовая станция, два постоялых двора. Как выяснилось, сейчас село соединено хорошей асфальтовой дорогой с Балушевыми Починками и соответственно с трассой Шацк–Касимов. Здесь заасфальтирована центральная улица, строятся новые дома (брошеных практически нет), порой настоящие коттеджи.

Все просто. Горожане облюбовали это место, где еще сохранилась экологически чистая природа и откуда одинаково близко и до Оки, и до большого красивого озера Шустерха.

И вот конечная точка нашего маршрута. Большак у берега широкой и величавой Оки словно нырнул под

землю, чтобы выйти вновь на поверхность на другой стороне реки. Мы выехали к Толстиковскому перевозу. Правда, парома-то давно нет. Необходимость в нем отпала после постройки моста под Касимовым.

Когда-то, в дни моей юности, здесь грудились в ожидании переправы гужевые повозки, мотоциклы, грузовики, не умолкал шум моторов и голосов. Ныне кругом тишина и безлюдье. Только далеко за рекой заметно движение – ведется какое-то строительство.

Да, тихо, пустынно… Но можно представить, как однажды пять (почти пять с половиной) веков назад весь берег заполонили десятки тысяч всадников с узким, степным разрезом глаз, разбили временный лагерь. То тумены хана Большой Орды Ахмата устроили передышку перед стремительным броском на Рязань (а затем на Москву). Неисчислимые ночные костры у реки подсвечивали полнеба. Позже из поколения в поколение передавались суровые подробности того набега, а место стоянки басурман нарекли Ахматовым Станом.

Впрочем, мы все больше превращаемся в Иванов, не помнящих родства. И теперь мало кто даже из местных старожилов поведает вам о той продолжительной стоянке ордынцев на речном берегу, а приезжающим на летний отдых горожанам подобные исторические подробности и вовсе без надобности. Надеюсь, что я, как говорится, несколько сгущаю краски.

Грустные мысли немного развеял прошедший по Оке прогулочный катер (нечастое ныне явление). Возможно, на нем туристы?

Чтобы не повторять уже пройденный маршрут, решили возвращаться иным путем: на восток, юго-восток вдоль Оки, мимо озера Шустерха, затем через Лукино, Высокие Поляны, Ермо-Николаевку и т.д. до Пителина. Вернулись домой к ужину, уставшие, но полные ярких впечатлений.

Сердцем хранимые места

(Путешествие по волне моей памяти)

Когда это было, когда это было – во сне, наяву?
Во сне, наяву, по волне моей памяти я поплыву.
Из популярной песни

Жизнь быстротечна, пролетает как единый миг. Размышляя о смыслах бытия, еще в ранней юности я пришел к следующему выводу: раз уж я появился на свет (спасибо родителям), то, по крайней мере, следует этим воспользоваться и хоть что-то за отведенное судьбой время успеть познать и постичь. Трудно примириться с мыслью, что я, житель планеты, практически не знаю ее. А мне хотелось ощутить свою связь, единение не только с наблюдаемым воочию, но и со всем миром, с человечеством. Ведь до меня жили миллиарды и миллиарды. И многие из них также мучились трудно разрешимыми вопросами бытия, старались раздвинуть сферы познания, осветить путь идущим вслед, создать что-то непреходящее, вечное.

Изучая историю, этапы развития общества, я уяснил, что не только человеческая жизнь ограничена и конечна, но и цивилизации проходят неизбежные фазы от зарождения до упадка, одна империя возникает на обломках другой. Читая классиков мировой литературы, убеждался, что они основательно задумывались и о мироздании, и о сущности человека в нем. Слушая произведения великих композиторов, проникался щемящей мыслью: да, они умерли сто, двести лет назад, но я слушаю их музыку и таким образом… общаюсь с ними, вступаю в диалог. И льющиеся гармонические звуки становятся мостом, связывающим далекое прошлое и настоящее.

Мои сверстники мечтали в детстве стать космонавтами, узнаваемыми артистами, военными… Я воображал себя путешественником, который посетит все уголки земного

шара. Еще в младших классах проштудировал горы книг «Библиотеки приключений», перечитал шеститомник Жюля Верна «Открытие земли. Всеобщая история великих путешествий и великих путешественников».

Теория шла бок о бок с практикой. К 15 годам я неплохо ориентировался по карте и на местности, освоил вязание простых и сложных узлов, мог с одной-двух спичек разжечь походный костер, приучил себя по полдня обходиться в пути без воды и пищи. И все же не стал ни путешественником, ни бывалым туристом.

Почти год состоял в Рязанском городском турклубе, но не смог примириться с тем, что в походах необходимо придерживаться заранее установленного маршрута и временного графика продвижения. Ну вот, допустим, красивое место! Здесь бы и устроить дневку, исследовать округу, насладиться чудесным пейзажем, – а вместо этого приходится устремляться вслед за группой, которая спешит к очередному пункту назначения.

Впрочем, примеры Жюля Верна и Майна Рида учат нас тому, что для познания мира не обязательно совершать далекие авиаперелеты или морские круизы. Тщательно изучив атласы, справочную информацию, записки первопроходцев, фотографии и иллюстрации, они отправлялись сами и приглашали с собой читателей в исключительно умозримые путешествия. Одно время я и сосед Коля увлеклись подобными виртуальными странствиями: выдумывали несуществующую местность, переносили ее на карту и, поверьте, приключений и открытий выпадало на нашу долю не меньше, чем литературным героям Буссенара или Майн Рида.

А ведь все наше детство – это непрерывное познание окружающего мира. И чем больше познаем, тем шире раздвигаются его границы. Первая «скорлупа» – пол и стены отчего дома. Я детально изучил, исползав вдоль и

поперек, крашеные половицы – место повседневных игр: вот тут щербина, здесь ямка, а там, напротив, бугорок сучка. А главной моей цитаделью стало вполне достаточное для малыша, но практически недоступное взрослым, пространство под полутораспальной железной кроватью родителей.

Следующий этап для познания – двор. Там детвора обязательно устраивала подходящее укрытие. Например, между сараем и забором. Крышей служили ветки кустистого клена, стенами – пара принесенных обломков тесин. Заборы огородов до самого верха заносило зимой снегом. Мы выбирали сугроб покруче и выкапывали в нем для себя домик, обязательно с окошком.

Границы осваимого мной мирка расширялись неуклонно. Так, если в апреле, когда только сошел снег, я, шестилетка, возился с игрушками под окнами дома (палисадников еще не было и в помине), то уже в мае освоил подходящие местечки в тополиной аллее тротуара и даже стал заглядывать в соседние дворы.

Летом, после обильных дождей, мы ощущали себя капитанами дальнего плавания. Наши чудо-корабли (поменьше – из скорлупы грецкого ореха с бумажным парусом на спичке, побольше – из толстой сосновой коры с мачтой-парусом в виде индюшачьего или куриного пера) переносились попутным ветерком через огромные лужи на разбитой транспортом дороге. Редких машин опасаться не приходилось: об их приближении узнавали заранее по характерному бзыканью тогдашних моторов. Порой нам не удавалось извлечь «парусники» из воды, и они терпели крушение в штормовых волнах, поднятых колесами автомашин.

В то лето географические открытия следовали одно за другим. Хорошим плацдармом для игр и наблюдений служил стадион, расположенный прямо за нашими

огородами. Девчонки собирали там букетики цветов (гвоздика, хлопушка, герань луговая и пр.), плели веночки. Мальчишки набирали целые роты «солдат» из длинных стеблей подорожника: чем пышнее султан соцветия, тем выше чин. И начинались беспощадные бои до полной победы и истребления. «Солдаты» воюющих сторон секли друг друга, пока не отлетали прочь головы (от рядовых до капитанов, полковников и вплоть до маршала). Кроме того, на стадионе собирали грибы: луговые опята и шампиньоны (они росли ближе к территории «заготскота»).

Как Колумб Америку, открывал я все новые и новые улицы райцентра. Казалось, что некоторые из них уходили буквально в бесконечность, просто до крайних домов я не добирался. Гораздо лучше узнал я улицы поселка и их обитателей, когда стал учиться в школе. А расширялись сферы познания благодаря одноклассникам (в классе насчитывалось свыше 30 учеников). Тогда все запросто ходили ко всем. Существенных различий в социальном плане не наблюдалось. Даже дома районного начальства внешне ничем не отличались от прочих.

Частым визитам способствовало повальное увлечение филателией. Конечно, специальных альбомов для марок ни у кого не было. Коллекции хранили в отдельных пакетиках либо в круглых жестяных баночках из-под монпансье. И они также расширяли наш кругозор. Например, серии «По ленинским местам», «Птицы СССР», «Рыбы СССР» и т.д. Особо ценились зарубежные марки: из Алжира, Кубы, Венгрии, Болгарии, ГДР…

А еще собирали этикетки от спичечных коробков, старинные монеты, значки, праздничные открытки, фантики от конфет, обертки от шоколада и многое другое. Ныне, проходя по улицам Пителина, я невольно

вспоминаю, как когда-то играл, общался со сверстниками в том или ином дому. Увы, одних уже нет, а те далече…

А сколько времени детвора проводила на воздухе! Телевидение делало тогда только первые робкие шаги (с вечера транслировалась одна единственная программа). И кто бы поверил, что через два десятка лет оно превратится в буквального члена семьи и тотального властителя дум. Нам же было тесно в четырех стенах и мы стремились на простор. Играли в прятки и салочки, «птички на дереве», «чижик» и в ножички.

Но и, оставаясь из-за непогоды в комнатах, не скучали, всегда находили массу веселых занятий: морской бой, «города», лото, фанты… Часто для детских развлечений не требовалось никаких игрушек и приспособлений, все делалось буквально из воздуха. Как увлекал нас театр теней! Сидя в бабкином доме возле керосиновой лампы мы проецировали на побеленный бок русской печи с помощью нехитрых движений рук и пальцев фигурки сказочных персонажей. То волк гнался за зайцем, то лиса пыталась съесть колобка…

С гордостью мои юные сверстники демонстрировали друг другу (как сейчас, к примеру, демонстрируют крутые айфоны) найденные в Волчьем овраге «чертовы пальцы», браслеты, сплетенные из цветных проводков, рогатки…

Каждый из нас был неприхотлив, но искусен. Желанным лакомством для детворы являлись похожие на таблетки семена просвирника (а зимой – коробочки семян липы), корень дягиля, щавель, дикий лук, смола вишни или сливы. Предел мечтаний – колхозные посевы гороха, бдительно охраняемые верховыми объездчиками. Незазорным считалось совершать набеги в чужие сады, хотя у каждого по три-четыре яблоньки возле дома имелось. Недалеко от моей двухэтажки прямо у тротуара

росла золотая китайка, плодами которой мог угоститься любой прохожий. Ныне уже подзабылся своеобразный вкус варенья из китайки.

Местами летнего отдыха для нас служили пруды: Зайцев и Шибковский, а также плотина в Школьном овраге. Там учились плавать, там и рыбу ловили.

Хорошо знали и более дальнюю округу: куда за ягодами податься, где грибов и орехов насобирать. Сооружали в «заповедных» местах шалаши и землянки. Зимой окрестные поля и овраги оказывались густо «исписанными» многочисленными лыжными следами.

Многое нам приходилось делать своими руками: поплавки и грузила для самодельных удочек, куканы из ивового прута для пойманной рыбы, крепления для лыж и коньков, хоккейные клюшки, а по необходимости – туесок на скорую руку из бересты. А те же рогатки, пугачи и самострелы! Кто сейчас из молодых сможет сложить из газеты пилотку или головной убор с козырьком, пароходик с двумя трубами, хотя бы самолетик?

Времена меняются. Современная молодежь быстро и в совершенстве осваивает то, о чем мы понятии не имеем и чему, увы, вряд ли обучимся. Нынешнее поколение в большей мере европейцы, порой космополиты: легко меняют и место работы и место жительства. Они живут в стремительном ритме, развиваются намного динамичней, чем мы в их годы, видят дальше и больше, а вот замечают, пожалуй, меньше, анализируют реже.

Что ж, кому-то повезло с путешествиями больше, кому-то меньше. Кое-где удалось побывать и мне (дважды за границей). Но на какой бы земле обетованной ни оказывался, через самое короткое время неодолимо тянуло домой. «Как бы ни был красив Шираз», я больше счастлив от того, что на протяжении жизни меня

окружают полюбившиеся с детства виды, люди, которых знаю много лет и которые (что очень приятно) знают меня. А путешествовать можно и по родному краю.

Безусловно, неведомые прежде пространства могут завораживать, иноземные города поражать диковинными строениями, пестротой нарядов и непривычными слуху наречиями и при этом оставаться чуждыми, не затрагивать души. И как бы ни было в прекрасном далеке интересно и комфортно, невольно вспоминается с радостным томлением милый и до боли знакомый уголок. Малая родина! И вдруг понимаешь: «Сколько ни колеси по белу свету, подобного места больше не найдешь. А случись роковая разлука, оно навсегда и прочно сохранится в сердце твоем».

Когда-то огромной удачей считалось вырваться из села в город, получить там прописку. Теперь куда сложнее устроить свою судьбу на земле отцов. «Никакая родина другая не вольет мне в грудь мою теплынь», – восклицал Сергей Есенин, слишком рано устремившийся в столицы и оставшийся поэтом деревни. И мы видим, что многие, вроде бы оторвавшиеся бесповоротно от крестьянских корней, ставшие полноценными горожанами, рано или поздно возвращаются доживать век в родимую сторонку, в сердцем хранимые места. Мне повезло уже тем, что возвращаться не надо.

Пителинской земли достойные сыны

Священномученик Амвросий

Статус села Пителино получило в 1869 году с постройкой на средства прихожан и освящением храма Вознесения Господня (до этого пителинцы относились к пеньковскому церковному приходу). Деревянному зданию храма, можно сказать, повезло: оно, в отличие от многих других в районе, уцелело в годы гонений на православную церковь, правда, лишилось не только золоченых крестов, но и купола, и колоколенки. А 24 августа 2000 года отреставрированный храм был освящен и вошел в разряд действующих. Но вернемся, как говорится, к истокам.

Первым настоятелем Вознесенского храма села Пителина стал молодой священник (рукоположен в сан иерея годом ранее) Алексей Павлович Полянский. Поповский дом стоял тогда на самом краю села, почти напротив церкви.

Отец Алексей не только вел богослужения и совершал требы, но на свои средства построил в 1893 году деревянное здание церковно-приходской школы, стал ее попечителем, сам и Закон Божий преподавал. До этого пителинские детишки обучались в неопрятной, темной и тесной наемной избе. Построенное Полянским здание цело до сих пор, хотя давно уже используется по другому назначению.

Надо заметить, что род Полянских издавна был священническим. Вот и Алексей Павлович на склоне лет передал приход и попечительство над ЦПШ старшему сыну Константину. Произошло это в 1896 году. Очень занимательна судьба брата Константина – Александра. Родился он 12 ноября (по старому стилю) 1878 года.

Начальное образование мальчик получил в пителинской церковно-приходской школе. А в девять лет отец отправил его в Шацкое духовное училище. Следуя традициям рода Полянских, юноша продолжил образование в Тамбовской духовной семинарии. И быть бы ему, как отцу и деду, сельским священником, но… Имея прилежание к учебе и тягу к просвещению, Александр, окончив семинарию, в тот же год поступает в Казанскую духовную академию. В стенах этого учебного заведения в 1901 году он был пострижен в монашество с именем Амвросий и рукоположен в сан иеродиакона, а в 1902 году – в сан иеромонаха. Таким образом, молодой человек выбрал путь послушания и безбрачия.

Епископ Амвросий

Окончив академию и получив степень кандидата богословия (1903 год), иеромонах Амвросий был назначен преподавателем в Киевскую духовную семинарию и определен в братию Киево-Печерской Лавры. Через два года – награжден наперсным крестом, через три – возведен в сан архимандрита и назначен ректором той же семинарии.

Надо заметить, отец Амвросий не только преподавал, но и с вниманием относился к житейским проблемам воспитанников, организовывал материальную помощь необеспеченным студентам, являлся председателем совета попечительства семинарии, а также постоянным членом Общества воспомоществования нуждающимся воспитанникам Киево-Печерского духовного училища. Он отличался глубоким благочестием и смирением и был всеобще любим как учениками, так и братией, и

священноначалием в лице митрополита Киевского и Галицкого Флавиана. За усердное служение на епархиальных послушаниях в 1915 году архимандрит Амвросий получил высокую награду – орден Святого Владимира 3-й степени. А в 1918 году он (уже в сане епископа) вступил в должность викария (заместителя, помощника епископа) Каменец-Подольской епархии.

После окончания Гражданской войны советская власть повела борьбу с православной церковью. Часть духовенства (обновленцы) перешла на ее сторону. Епископ Амвросий не принял обновленчества. Его арестовали по обвинению в том, что он укрывал бывших офицеров царской армии, рукоположив их в сан священников. На первый раз святитель легко отделался – его просто выслали за пределы Украины.

Постепенно обновленцы захватили ключевые посты в русском православии и поставили задачу отстранить патриарха Тихона. С этой целью в конце сентября 1923 года в Донском монастыре состоялось собрание 27 архиереев. Среди них был и епископ Амвросий, который выступил с резким обличительным словом против обновленцев. Вскоре его вновь арестовали, но в следственном изоляторе продержали недолго.

Еще два года епископ служил в разных храмах Москвы. 12 апреля 1925 года принимал участие в погребении патриарха Тихона. Подписал акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому) – своему однофамильцу из числа необновленцев. Позже получил назначение возглавить Каменец-Подольскую епархию, но выехать из Москвы не успел. Он и ряд архиереев были арестованы по делу митрополита Петра Крутицкого. Им предъявили обвинение с формулировкой: «создание церковно-монархической группы с целью использования церкви

для нанесения ущерба советской власти путем концентрации антисоветских элементов».

Особое совещание при коллегии ОГПУ СССР 21.05.1926 г. приговорило опального священнослужителя к трем года заключения в Соловецком концлагере. Там он принял участие в составлении «Соловецкого послания» – протестного обращения к правительству СССР. После концлагеря святителя отправили в ссылку в Тобольскую область. Так как он не смирился, продолжал совершать церковные службы и проповедовать, аресты следовали один за другим. Обвинения выдвигались стандартные: проводил антисоветскую агитацию против закрытия церквей, коллективизации, распространения займов, совершал в домах незаконные богослужения и так далее.

После окончания очередного следствия, 14 декабря 1931 года Особое совещание при коллегии ОГПУ приговорило несмирившегося архирея к ссылке в Казахстан на три года. В начале сентября 1932-го ссыльный прибыл из Тобольской тюрьмы в город Туркестан. Далее лежал путь в 120 километров через пустыню в небольшой кишлак Сузак. Несмотря на совершенно больной, изможденный вид, епископа уложили в арбу и отправили в дорогу. По приезде в кишлак он сразу попал в лазарет, где, несмотря на усилия врача и медсестер, через неделю – 20 декабря 1932 года – скончался.

По представлению Московской епархии и Соловецкого монастыря в августе 2000 года на Архирейском Соборе Русской Православной Церкви епископ Амвросий (Полянский) причислен к лику святых новомучеников и исповедников.

Увы, не менее трагически сложилась судьба и старшего из братьев Полянских – Константина (1873-?). 5 декабря

1929 года настоятеля пителинского храма арестовали, вероятно, за антисоветские проповеди и по приговору оперативной тройки отправили на спецпоселение. Где и как закончил он свой земной путь неизвестно.

Герой Советского Союза В.Ф. Стенин

О том, что Пителинский район – родина Героев Советского Союза Владимира Филипповича Стенина (1899 – 1952) и Александра Степановича Тюлина (1916 – 1988), знал каждый школьник моей поры. И, казалось, сведения эти останутся неизменными. Но вышло иначе. Благодаря кропотливой работе поисковиков-следопытов число наших земляков - Героев пополнилось.

Так, уже в девяностые годы мы узнали об уроженце села Большие Мочилы Павле Григорьевиче Бутове (1912 – 1943), павшем смертью храбрых 3 ноября 1943 года в боях под Керчью. Указ о присвоении ему (посмертно) звания Героя Советского Союза вышел 17.11.1943.

Теперь поведу речь о другом уроженце Больших Мочил В.Ф. Стенине. О его детстве и юности справочники сообщают скупо, практически – ничего. Немного помогла мне в этом вопросе внучатая племянница Героя Наталья Владимировна Юрусова, проживающая в Пителине.

Владимир Филиппович Стенин родился 15 декабря 1899 года в обычной крестьянской семье. Жили бедно. Отцу приходилось наниматься матросом на речные суда, ходившие по Оке и Волге. Мать умерла очень рано. Воспитание младшего Вовки легло на плечи старших: брата Федора и сестры Натальи (бабушки Н.В. Юрусовой). Как бы ни было трудно, все трое получили начальное образование, закончили местную церковно-приходскую школу.

С пятнадцати лет Володя уехал в Кострому и начал трудовую жизнь – сезонно нанимался матросом на суда пароходного общества «Самолет». Деньги требовались не только на питание, одежду, бытовые нужды, но и для оплаты обучения в Костромском коммерческом училище. Окончил его в переломном для страны 1917 году.

Владимир быстро разобрался: на чьей стороне правда и что ему явно не по пути с выходцами из дворянских и купеческих семей, с заводчиками и банкирами. В декабре семнадцатого юноша записался в отряд Красной гвардии. Несколько месяцев, проведенных в отряде, закалили его физически, укрепили политические взгляды.

Когда разразилась Гражданская война, паренек, не колеблясь, вступил добровольцем в ряды Красной Армии. Как и почему его сразу направили на курсы красных командиров, мы уже не узнаем. Но, думаю, этот факт определил всю дальнейшую судьбу нашего земляка.

С июня 1919 года рядовой боец-курсант Стенин принимал участие в сражениях на Ямбургском направлении Петербургского фронта в составе 4-го сводного курсантского полка при 7-й армии. И тут очень пригодились полученные ранее знания и навыки. Провоевал, правда, недолго, меньше трех месяцев, по причине ранения в руку. После лечения в госпитале на время реабилитации был направлен в уже ставшую родной Кострому командиром роты в 10-й отдельный батальон. В 1921-м окончил Высшую военную школу и вступил в коммунистическую партию.

Несколько лет Стенин прослужил на Украине. Окончил Киевскую высшую объединенную школу имени главкома Каменева (пехотное отделение). Шло время. Менялись места назначений и должности: комроты, комбат, помощник начальника штаба полка. Но служба службой, а про личную жизнь тоже забывать не стоит. Молодой

командир женился на очень красивой полячке Евгении Аполлинарьевне. Родились дети. Сын Мстислав после войны работал инженером на станкостроительном заводе в Саратове. Нелепо погиб в молодом возрасте. Дочь Эльвира выбрала специальность геолога, участвовала в экспедициях. Ныне проживает в городе Ногинске Московской области.

В тридцать восьмом полковник Стенин с отличием окончил военную академию РККА имени Фрунзе. Для прохождения дальнейшей службы был направлен начальником штаба дивизии на Камчатку, потом, с января сорок первого, заместителем начдива 69-й моторизованной дивизии – на Дальний Восток. Там и встретил начало Великой Отечественной войны.

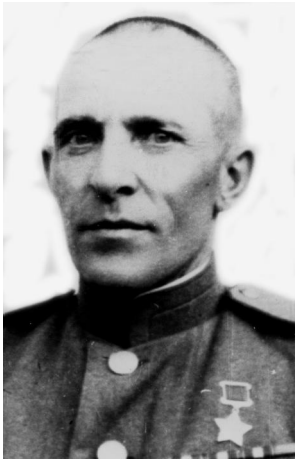
В июле сорок первого Стенина перебрасывают на Западный фронт, назначают командиром 261-й стрелковой дивизии 30-й армии. Боевое крещение принял в ходе Смоленского оборонительного сражения. В октябре под Вязьмой попал в окружение, из которого вышел через две недели во главе отряда в 250 человек – все, что осталось от дивизии.

С 24.10.1941 г. – зам. начальника 5-й армии. Участвовал в битве под Москвой и Сталинградской битве в должности зам. командующего по тылу 66-й армии (Донской фронт). По личной просьбе в 1943 году переведен командиром 8-й воздушно-десантной дивизии 4-й гвардейской армии. Советские войска вели тогда наступление по освобождению правобережной Украины. Тяжелые бои завязались под Ахтыркой, где дивизия Стенина практически уничтожила танковую группу противника, затем освобождала город Прилуки.

В сентябре сорок третьего генерал-майор Стенин назначен командиром 68-й гвардейской стрелковой дивизии 38-й армии. Получил приказ любой ценой

удерживать плацдарм на Днепре, юго-западнее Киева. Дивизия выстояла, отбив за полтора месяца около 90 контратак неприятеля.

Не повезло нашему земляку под Винницей, где получил тяжелую контузию и убыл на излечение в Москву. Вернулся на фронт вовремя – к началу Проскуровско-Черновицкой наступательной операции. Дивизия, продвинувшись почти на 200 километров, освободила города Казатин, Старо-Константинов, Проскуров, за что была награждена орденом Красного Знамени и присвоением наименования «Проскуровская».



В.Ф. Стенин

А за пять дней в ходе Львовско-Сандомирской наступательной операции войска 1-го Украинского фронта, в первом эшелоне которого действовали гвардейцы-«проскуровцы», смогли прорвать трехполосную оборону фашистов, выйти на подступы к городу Львову, окружить в районе города Броды восемь вражеских дивизий. За это дивизия Стенина получила награду – орден Суворова второй степени.

29 июля 1944 года гвардейцы-«проскуровцы» вышли на государственную границу СССР, форсировали реку Вислок и овладели польским городом Жешув. А в сентябре командир дивизии был снова тяжело контужен, но, не долечившись, уже в октябре настоял на своем возвращении в действующую армию. Поступил в распоряжение ставки 1-го Белорусского фронта. Приняв под Варшавой 134-ю стрелковую дивизию 69-й армии, прошел с ней от Вислы до Эльбы. Особо отличился генерал в Висло-Одерской

наступательной операции. Его бойцы прорвали оборону противника, взяли города Зволень и Радом и первыми ступили на территорию Германии.

За искусно и стремительно проведенный прорыв сильно укрепленной и глубоко эшелонированной обороны врага с плацдарма на р. Висла; за разгром противника в районе г. Радом, за форсирование рек Пилица и Варта; за прорыв рубежа долговременной обороны на линии германской границы с выходом к р. Одер и за нанесенные при этом потери противнику Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года генерал-майору В.Ф. Стенину присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Перечислю все военные награды нашего славного земляка. Он кавалер двух орденов Ленина, двух орденов Суворова второй степени, четырех орденов Красного Знамени, польского креста Грюнвальда, ряда медалей.

На завершающем этапе войны дивизия под командованием Стенина участвовала в Берлинской операции по уничтожению 120-тысячной группировки фашистских войск и в мае с боями вышла к реке Эльба. Там, в районе Магдебурга, произошла встреча с частями союзников – американцев. За эту операцию дивизия была награждена орденом Ленина.

После капитуляции Германии генерала для поправки здоровья – сказывались последствия двух контузий – направили в главный военный госпиталь. Ведь в обоих случаях он возвращался на фронт, не дожидаясь полного

излечения. Восстановив силы, еще два года служил на территории Германии.

По воспоминаниям бабушки Н.В. Юрусовой, Владимир Филиппович отличался простотой в общении и отзывчивостью. Заботился о родственниках, помогал односельчанам. В тяжелое и голодное послевоенное время поддерживал семью сестры, регулярно высылал в Большие Мочилы посылки с продуктами и вещами. И, надо заметить, они очень выручали. Дети, конечно, особенно радовались почти недоступным в те годы сладостям – розовым пряникам и шоколадным конфетам.

По возвращении из Германии В.Ф. Стенина назначили начальником Саратовского пехотного училища. Здоровье его постепенно ухудшалось – сказывались старые раны и контузии. Умер он, можно сказать, на посту. Сердце боевого генерала перестало биться прямо на ступеньках его пехотного училища. Случилось это 29 мая 1952 года. Похоронен наш земляк на Воскресенском кладбище. В Саратове есть музей Героя Советского Союза В.Ф. Стенина, на доме №43 по улице 20 лет ВЛКСМ (ныне Большая Казачья), где он проживал, установлена мемориальная доска.

Истребитель танков

Пителинская земля – родина многих именитых людей. Среди них и Герои Советского Союза, из которых наиболее дорог и близок нам, пожалуй, Александр Степанович Тюлин. Почему? Потому что вся его жизнь, исключая военные годы, прошла в отчем краю – в селе Высокие Поляны. Краткие биографические сведения и фронтовые подвиги его описаны в книге «В огне войны» (авторы-составители П.А. Батуркин и Л.П. Николенко), выпущенной в Рязани в 1983 году, упомянуты в ряде

других изданий. Попробую более подробно рассказать о нашем славном земляке.

Александр Степанович родился 1 августа 1916 года в селе Высокие Поляны. Родители – Степан Панфилович и Дарья Федоровна – обычные крестьяне. Жили бедно. И стар, и млад ютились в небольшой избе. На условия никто не жаловался: многим в селе приходилось несладко. Вместе с Сашей подрастали две сестры и три брата. Старше его Пелагея, Петр, Анна, младше – Михаил и Федор. По тем временам – семья небольшая.

Саша окончил начальную школу. Постепенно включился в хозяйственные дела, помогал старшим в поле, присматривал за скотиной. Когда в 1931-м родители вступили в колхоз «Красное знамя», нашлась там работа по силам и для него. Парня направили на краткосрочные курсы буртовщиков, после чего зачислили на эту должность в колхозе. Какое-то время исполнял обязанности заведующего мельницей, затем бригадира полеводческой бригады.

Именно на колхозных полях встретил он свою любовь и судьбу – работящую девушку по имени Людмила. Свадьбу сыграли в 1935 году. А еще через год родилась дочь Алевтина, через три – сын Владимир.

Завершалась очередная весенняя страда. На имя бригадира Тюлина пришла повестка из военкомата. 20 июня 1940 года его проводили на срочную армейскую службу. Новобранца зачислили в орудийный расчет 45-мм пушки 44-го запасного артполка. Спустя несколько месяцев перевели плотником в 240-й отдельный строительный батальон.

Почти год продолжалась Великая Отечественная война, а их часть по-прежнему находилась в запасе. Многие горели желанием поскорее попасть на фронт. Только в апреле 1942-го нескольких бойцов, в том числе

и нашего земляка, направили на курсы младших командиров, организованные на базе 60-го запасного стрелкового полка. И вот волнительный момент – отправка в действующую армию.

С декабря 1942 года по март 1944-го старший сержант Тюлин – командир расчета 45-мм пушки в 350-м отдельном противотанковом истребительном дивизионе 294-й стрелковой дивизии. Первое настоящее боевое крещение принял на Волховском фронте, отражая атаки танков неприятеля. А 17 февраля получил и первое легкое ранение в шею. После выздоровления участвовал с дивизионом во многих боях в составе Степного, а затем 2-го Украинского фронтов, форсировал под яростным огнем противника четыре значительные водные преграды – реки Днепр, Днестр, Буг и Прут, освобождал от немецко-фашистских захватчиков города и села Украины и Молдавии.

В первые дни октября сорок третьего дивизия переправляется через Днепр напротив устья реки Рось и вступает в бой за расширение плацдарма у села Крещатик. Однако в течение месяца прорвать оборону противника здесь не удавалось. А затем, в ходе наступления на город Черкассы, орудийный расчет Александра Тюлина подбил два вражеских танка и уничтожил десятки немецких солдат-пехотинцев, а сам он был ранен в плечо. Произошло это 11 ноября. За грамотные и самоотверженные действия наш земляк был награжден орденом Отечественной войны II степени. А в дивизионе закрепилась за ним слава истребителя танков. И эту славу он оправдал еще не раз.

3 апреля 1944 года подразделение А.С. Тюлина вышло на государственную границу и получило приказ: форсировать реку Прут и занять деревню на территории Румынии (в 4 километрах от реки). За ночь они

форсировали реку и заняли населенный пункт Чужа Вода. На рассвете в небе появился самолет-разведчик люфтваффе, и через десять минут немецко-фашистские войска перешли в наступление.

Деревушка, где находился со своим подразделением Александр Степанович, оказалась окружена. Он приказал сменить огневую позицию: наводчик с ручным пулеметом расположился с левой стороны орудия, заряжающий – с правой, сам же наводил прицел пушки. Первые же снаряды заставили пехоту врага залечь на землю. Но тут на помощь пехотинцам подошли два танка. Орудие Тюлина подбило их прямой наводкой. Бой длился весь день. Враг предпринял 16 атак. И все они были отбиты.

Александр Степанович не отходил от орудия, хотя получил серьезное ранение в правую ногу. Ночью, пользуясь покровом темноты, подразделение вышло из окружения. Нашего земляка направили на лечение в госпиталь.

За этот подвиг старшему сержанту А.С. Тюлину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Командир дивизии майор Пашков в наградном листе отмечал: «При освобождении Украины и Молдавии тов. Тюлин показал себя стойким и смелым воином… Следуя в боевых порядках пехоты при форсировании реки Прут, Тюлин выкатил свое орудие на прямую наводку и, ведя меткий огонь с открытой позиции, уничтожил огневые точки врага, обеспечил выход нашей пехоты к реке и переправу через нее…

В бою за деревню Чужа Вода под городом Яссы участвовал в отражении девяти вражеских контратак, уничтожил два танка, шесть бронетранспортеров, три пулемета и до ста гитлеровцев…».

Подлечившись после очередного (третьего по счету) ранения, старший сержант Тюлин готовился снова стать в строй, но был назначен помощником командира отделения взвода 45-го запасного артполка. Так вышло, что больше участия в боевых операциях он не принимал. А вскоре наступил радостный день Победы, и грудь нашего земляка украсила медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В октябре 1945-го А.С. Тюлин демобилизовался и возвратился в родной колхоз. Вновь взял под начало полеводческую бригаду. Но уже в декабре того же года его избирают председателем колхоза имени Кагановича (д. Лукино). Проработал в этой должности четыре года. Затем три года возглавлял сельхозартель «Красное знамя», с 1953 года по 1964-й – заместитель председателя колхоза «Красное знамя». По болезни рано ушел на пенсию. Но в декабре шестьдесят пятого его избирают председателем исполкома Высокополянского сельского Совета. И он еще три года активно исполнял возложенные на него обязанности, оправдывал оказанное доверие.

А.С. Тюлин

Его супруга Людмила Владимировна продолжительное время проработала в колхозе, стала бригадиром полеводческой бригады, несколько лет трудились в Высокополянском сельсовете, затем заведующей детскими яслями и поваром там же. Вместе с супругом растила и воспитывала детей: Алевтину и Владимира, родившихся до войны, а также Александра и Людмилу.

С младшей дочерью Героя Советского Союза мне посчастливилось недавно встретиться, причем в том самом родовом доме в Высоких Полянах. Людмила Александровна после школы окончила Касимовский индустриальный техникум по специальности техник-механик, работала в Рязани на металлообрабатывающих станках на заводе ЗИЛ и на токарно-револьверном – на приборном заводе. Ныне на пенсии.

– Про войну отец рассказывал редко и скупо, – вспоминала Людмила Александровна, – а если уж углублялся в свои фронтовые будни, начинал сильно переживать, расстраиваться. Его часто приглашали на встречи в школы, на торжественные мероприятия. И он не мог отказаться. Его имя носили пионерский отряд и пионерская дружина Высокополянской десятилетки, а четыре года назад на здании школы установлена мемориальная доска… И улица, где стоит отчий дом, названа в честь Героя Советского Союза Тюлина. Все это трогательно и волнительно.

Кстати, воевал не только отец, но и его братья. У каждого – достойный ратный путь, отмеченный боевыми наградами. Но, в отличие от отца, они не остались жить в родном селе. Михаил, например, стал профессиональным военным.

Своим сыновьям, дочерям, – продолжала моя собеседница, – Александр Степанович постарался дать хорошее образование. Все они закончили средне-технические учебные заведения. В семье отличался чуткостью и заботливостью по отношению и к супруге, и к детям. Никогда не повышал голоса и не употреблял бранных слов, хотя на работе, порой, без этого не обходилось.

Охотой и рыбалкой Александр Степанович не увлекался. Но очень любил выехать всей семьей на

природу: по грибы, по ягоды. Находил время регулярно посещать сельскую библиотеку. Книги интересовали его разные. Внимательно следил за событиями в стране и за международной обстановкой.

А.С. Тюлин (слева) с братом Михаилом. 1987 год.

Людмила Александровна с улыбкой вспоминает, как во время Карибского кризиса (1962 год) отец ожидал повестки от военкомата. Он полагал, что в случае серьезного обострения ситуации, стране могут понадобиться его опыт и навыки, полученные в боях Великой Отечественной войны. Вот таким серьезным и ответственным был наш героический земляк.

На склоне лет болезни все больше подтачивали организм ветерана. К семидесяти годам, в результате прогрессирующего диабета, он остался без правой ноги.

Но духом не пал. Продолжал активно интересоваться делами общественной и совхозной жизни.

Умер Александр Степанович 2 сентября 1988 года. Похоронен на кладбище села Высокие Поляны.

Кавалер Славы ратной

Твердым характером в отца

Про полного кавалера ордена Славы, уроженца села Самодуровка Алексея Яковлевича Вилкова (1920-1978) слышал не раз от наших бывалых фронтовиков. Став сотрудником редакции районной газеты, решил написать о нем. Но столкнулся с трудностями. Во-первых, не удалось собрать достаточно сведений, а, во-вторых, не нашлось ни одной(!) фотографии героического земляка. Родители полного кавалера ордена Славы давным-давно умерли, близкие родственники разъехались кто куда, а сам он еще до войны обосновался в городе Коломне. Вот такой расклад.

Обрадовала выпущенная в 1987 году брошюра «Кавалеры Славы ратной», посвященная уроженцам Рязанской области. А.Я. Вилкову отводилось в ней три странички, а крохотная фотография, взятая, видимо из личного дела, оставляла желать лучшего.

Помог «его величество случай». Почти двадцать лет спустя я готовил для газеты цикл очерков под рубрикой «Судьбы малых сел и деревень». Приехав в Самодуровку, поинтересовался у местного коренного люда (всех-то и оставалось пять человек), сохранился ли отчий дом известного орденоносца. «А как же, – услышал в ответ, – там сейчас вдова его брата Дмитрия живет. Может, что тебе и расскажет…».

Вот так удача! Мало того, что родовой дом Вилковых уцелел, представляется возможность с невесткой героя войны побеседовать. Разумеется, отправился не медля по

указанному адресу, вернее, ориентиру – самая крайняя изба на южной окраине села. Нашел ее без труда. Только жилая ли? – низкая, скособоченная со слеповатыми окошками лачуга.

Хозяйка оказалась дома. Познакомились. Римма Николаевна Васильцова. Она сошлась с Дмитрием – старшим братом Алексея после войны. Несколько лет жили (не расписанные) в Коломне, затем решили переехать в Самодуровку. Работали в колхозе. Более десяти лет назад женщина овдовела. Живет одна в стареньком полуразвалившемся доме. Детей у нее нет. Впрочем, Римма Николаевна – женщина волевая, на судьбу не жалуется.

Когда она переехала в Самодуровку, дом Вилковых отнюдь не был крайним. За истекшие полвека с десяток изб исчезли совсем, другие – опустели. И сейчас женщина оказалась на отшибе. Несмотря на солидный возраст – 77 лет, держит козу, сама косит ей сено, благо разнотравье буйно произрастает прямо вокруг жилища. Как с домочадцами, Римма Николаевна беседует с собакой и многочисленными кошками и котятами (их только во дворе я насчитал шесть или семь, да еще в доме оказалось несколько), причем каждую безошибочно называет по кличке. По ее словам, из Вилковых никто последние годы в родовой дом не приезжал.

Фотографии деверя Алексея у Риммы Николаевны, увы, не оказалось. Зато я немного узнал о семье Вилковых. Отец орденоносца Яков Антонович – дюжий мужик, отличался суровым нравом и набожностью. Не мужик – кремень! В строгости и почтительности к старшим воспитывал своих сыновей и дочерей Ивана, Дмитрия, Марию, Полину, Алексея и Михаила. Жил своим трудом и своим умом. Вступать в колхоз

категорически отказался. Все же, когда пригрозили выслать из села, написал требуемое заявление.

«Думаю, твердый характер Алексей унаследовал от отца» – поделилась предположением Римма Николаевна.

После командировки в Самодуровку я снова загорелся мыслью написать развернутую заметку о славном воине-земляке. А собранных данных, как говорится, кот наплакал.

Отправил письмо в Коломну знакомому по прежним встречам журналисту М.Е. Елисееву (он уроженец села Высокое Пителинского района). Попросил помочь с информацией и найти хотя бы одну фотографию кавалера ордена Славы. Михаил Ефимович откликнулся на просьбу. Правда, фотку он прислал ту самую, из брошюры 1987 года, но более качественную. После этого я приступил к заметке.

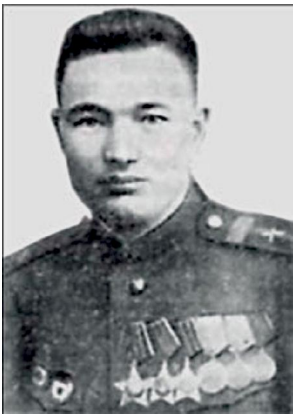
«Рус, балаган!»

Алексей Яковлевич Вилков – разведчик-наблюдатель 295-го гвардейского пушечно-артиллерийского полка 8-й гвардейской армии, гвардии старшина. Родился 20 сентября 1920 года в селе Самодуровка Елатомского уезда Тамбовской губернии, ныне Пителинского района Рязанской области, в семье крестьянина. Русский. Образование неполное среднее. В 1937 году переехал к родне в город Коломну. Работал на Коломенском тепловозостроительном заводе электромонтером.

В октябре 1940-го призван в Красную Армию. На фронте с июня 1941 года. Служил разведчиком-наблюдателем пушечно-артиллерийского полка в составе частей Центрального, Брянского и 1-го Белорусского фронтов. Хорошо зная немецкий язык, после взятия пленных допрашивал их самостоятельно и сдавал в штаб полка с письменной справкой. Часто выполнял роль переводчика при допросах.

Мужественно дрались артиллеристы полка. Кто-то отличился в первом же бою. Кто-то, напротив, долго перебарывал свои страхи, но, когда требовалось, проявлял подлинный героизм.

–Война была страшная, жестокая, – вспоминал Алексей Яковлевич. – Многие однополчане сложили головы в боях. Когда в Берлине командир поздравил нас с победой, в строю осталось мало ветеранов, принявших боевое крещение в сорок первом. Наш полк прошел через огонь многих сражений, заслужил звание гвардейского. Последний залп из своих пушек мы дали в гитлеровской столице.



А.Я. Вилков

Много испытаний выдержал солдат Вилков за все нелегкие, грозные годы войны. Будучи артиллерийским разведчиком, он всегда находился на переднем крае, в эпицентре событий. Не раз ходил в тыл врага, разведывал местоположение минометных и артиллерийских позиций, места сосредоточения техники и живой силы. Все это наносил на карту. А затем по его координатам на головы фашистов сыпался меткий смертоносный огонь наших батарей.

В числе первых приходилось артиллеристу-разведчику форсировать водные преграды. Так было на реке Сож под Гомелем, на Висле и на Одере. Опытного «лазутчика» Алексея Вилкова командование обычно посылало на выполнение наиболее ответственных заданий.

К реке Сож (Белоруссия) войска Брянского фронта вышли в сентябре 1943 года и, захватив плацдармы на ее правом берегу, создали благоприятные условия для

дальнейшего наступления на Гомельском направлении. Вилков в числе первых участвовал в форсировании реки; переправлялись на подручных средствах под массированным огнем противника. Приказ был один: только вперед. И самые отважные бросались в воду, увлекая за собой других. За умелые действия в боевой обстановке командир полка вручил Вилкову первую награду – медаль «За отвагу».

Еще в школе Алексей проявлял интерес к изучению немецкого языка и преуспевал в этом предмете. Даже работая до призыва в Коломне электриком, продолжал штудировать немецкий. И в армии не расставался с учебниками и словарями. Как теперь эти знания пригодились ему!

В разведке Вилкову часто приходилось брать «языков». Притащит их в более-менее безопасное место, вытащит кляп изо рта и начинает допрос. «Языков» сдавал в штаб полка с письменной справкой: что представляет собой пленный, откуда родом и какими конкретно данными располагает. Командир полка или начштаба допрашивает доставленного, а Вилков тут же выступает в качестве переводчика. А после этого порой сам же доставлял своего «языка» и в штаб дивизии.

Служба в артиллерии нравилась нашему земляку. Недаром их величали «богами войны». Все крупные операции – наступательные и даже оборонительные – проводились при поддержке артиллерии. И особенно Алексей любил свою службу полкового разведчика-наблюдателя, который должен в любую погоду, в том числе и в ненастье, скрытно наблюдать и засекать огневые точки противника, выслеживать резервы, их численность. Наш земляк преуспевал в этом, но порой осознанно шел на большой риск, проявлял недюженную смекалку и дерзость.

И чем серьезнее выпадало задание, чем рискованней складывалась обстановка, тем больше он ощущал куража, не теряя при этом холодной расчетливости и самоконтроля. Об одном таком незаурядном случае рассказал в заметке «Рус, балаган!» член Совета ветеранов войны города Ровно П. Кокошкин.

«Во время особенно жарких боев в районе города Гомеля в ноябре сорок третьего промелькнула у Вилкова дерзкая мысль: под видом бродячего артиста проникнуть к гитлеровцам в тыл. На гитаре он играл неплохо, разучил частушки на немецком языке, которые могли бы понравиться фрицам, раздобыл штатский поношенный костюм, старенькие ободранные ботинки, выгоревшую на солнце соломенную шляпу.

С помощью своих разведчиков Алексей перемахнул через линию фронта и добрался до стратегически важной железнодорожной станции Речица. Там увидел, что подъездные пути сплошь забиты эшелонами с вооружением. Прошелся вдоль перрона, сосчитал все платформы одиннадцати длинных составов. Встречая группы немецких солдат, снимал с плеча гитару и пел довольно сальные частушки. Гитлеровцы хохотали. Внезапно подошел майор. «Кто ви ест?» – сурово спросил он.

–Господин майор, я есть артист! – гаркнул Вилков и тут же пропел самую сальную частушку. – Вот развлекаю доблестных господ-солдат, создаю им хорошее настроение.

–Рус… балаган! – ухмыльнулся офицер и стал слушать следующие куплеты, смеясь вместе с солдатами.

Опасная игра «артиста» стоила свеч. Когда он под самый вечер вернулся в полк и доложил командиру об увиденном, вражеские составы на станции Речица были подвергнуты массированному артиллерийскому огню».

Ратной Славы кавалер

Два ордена Славы Алексей Вилков заслужил в боях на польской земле.

10 августа 1944 года в районе населенного пункта Парчев (юго-восточнее города Бяла-Подляска) наш земляк и два его товарища при проведении разведки были неожиданно окружены гитлеровцами. Вилков бросил в сторону врага две гранаты и дал несколько очередей из автомата. Рванувшись в образовавшуюся брешь, все трое выскочили из вражеского кольца. Вскоре с нового наблюдательного пункта радист передавал координаты целей на позиции своей батареи, корректируя ее огонь по точкам противника. В том бою Вилков истребил 10 гитлеровцев. Приказом от 31 августа 1944 года гвардии ефрейтор Вилков был награжден орденом Славы 3-й степени.

12 января 1945 года началась Висло-Одерская наступательная операция с целью разгрома немецко-фашистской группы армий «Центр», завершения освобождения Польши и создания благоприятных условий для нанесения решающего удара на Берлин. Наши передовые части с ходу на подручных средствах форсировали Вислу, захватили плацдарм и повели бои за его расширение. Среди пехотинцев находились трое артиллеристов – Вилков, его командир взвода и радист. Они выслеживали вражеские пулеметы, минометы, орудия и координаты обнаруженных целей передавали на огневые позиции. С другого берега Вислы наши батареи точно накрывали снарядами врага.

Наступательная операция продолжалась. 14-15 января в боях на левом берегу реки Висла наш земляк, находясь на переднем крае, ближе всех к противнику, мастерски отыскивая вражеские огневые точки, наносил их на

карту, а затем по его координатам вели огонь наши батареи.

У деревни Игнацувки советских солдат прижали к земле пулеметные очереди из дзота. Гвардии ефрейтор Вилков вызвался подавить огневую точку. Он пополз в обход дзота, стараясь подобраться к нему с тыла. Пули свистели над головой. Наконец, он увидел бревна наката, торчавшие из земли, подполз к узкой щели и бросил туда гранату. Глухой взрыв взметнул из амбразуры огонь и дым. Пулемет замолчал. Пехота поднялась и с криками «ура!» устремилась вперед. А Вилков, отыскав радиста, стал передавать координаты позиции фашистских минометчиков.

В конце января - начале февраля сорок пятого года на заключительном этапе Висло-Одерской операции войсками 1-го Белорусского фронта был захвачен Кюстринский плацдарм на западном берегу реки Одер. Разведчик Вилков был в составе первой группы бойцов, участвовавших в захвате плацдарма на вражеском берегу. Вскоре к ним переправились еще несколько групп советских солдат для его расширения. В феврале противник предпринимал многократные попытки ликвидировать этот плацдарм, но каждый раз отступал с большими для себя потерями. Приказом от 4 марта 1945 года гвардии ефрейтор Вилков награжден орденом Славы 2-й степени.

При форсировании реки Шпрее (апрель сорок пятого) в районе пригорода Берлина Кепинг наш земляк продвигался в авангарде, в боевых порядках эшелонов наступающей пехоты. 23 апреля, находясь на передовом наблюдательном пункте, он обнаружил в одном из домов крупнокалиберный пулемет противника, стрелявший в спину советским пехотинцам. Разведчик проник в дом и бросил в комнату, откуда раздавались очереди, две

гранаты. Прогремели взрывы, помещение наполнилось дымом и гарью. Пулемет смолк. Оставшиеся в живых восемь гитлеровцев побросали автоматы и подняли руки вверх.

Всего с 23 по 28 апреля 1945 года в уличных боях за город Берлин Вилков ликвидировал свыше 10 фрицев, 8 захватил в плен, подавил несколько огневых точек. 29 апреля в центре германской столицы он в перестрелке уничтожил до 30 солдат и офицеров противника, а когда немецкий автоматчик нацелился в советского офицера, закрыл его собой и длинной очередью сразил фашиста.

По представлению командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта генерал-полковника В. Казакова Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1945 года за исключительное мужество, отвагу и бесстрашие, проявленные в боях с гитлеровскими захватчиками, гвардии сержант Вилков Алексей Яковлевич награжден орденом Славы 1-й степени.

2 мая пушки 295-го гвардейского Гомельского Краснознаменного орденов Суворова и Александра Невского артиллерийского полка сделали последние боевые выстрелы в фашистском логове. Враг капитулировал. Свой автограф на стенах поверженного рейхстага оставил и Алексей Вилков.

Демобилизовался он в 1946 году в звании гвардии старшины. Вернулся в Коломну. Со временем к орденам Славы добавились орден Отечественной войны 1-й степени и юбилейные медали. Работал поначалу

товароведом на Коломзаводе, затем, после окончания шоферских курсов – водителем на предприятиях города (в Мосэнерго). Скончался 12 апреля 1978 года. Похоронен на Старом кладбище Коломны.

«Заговоренный» командир самоходки

Василий Михайлович Шемаров еще в юные годы перебрался из Пителинского района в Сасово. За семь десятков лет стал там старожилом, широко известной личностью, почетным гражданином города. А мы, пителинцы, словно позабыли, что он наш земляк, не вспоминали о полном кавалере ордена Славы даже в праздники Дня Победы. Следовало срочно исправлять неблаговидную ситуацию.

Торжественную встречу прославленному ветерану на его малой родине – в селе Подболотье решено было организовать в июне 2004 года. Возвращение из «забвения» состоялось на моих глазах. Не буду описывать ритуал и программу данного мероприятия. Остановлюсь на одном нюансе, который меня несколько озадачил.

Первыми встречать гостя из Сасова вышли на крыльцо Подболотьевского клуба старейшины села. На вид все они выглядели сверстниками Василия Михайловича (хотя участников войны на тот момент в Подболотье уже не осталось), а на поверку оказались моложе его на несколько лет. Многих Шемаров узнавал лишь после того, как они называли имена своих родителей. Мое недоумение развеял покуривавший рядом пенсионер с натруженными узловатыми пальцами и морщинистым задубелым лицом: «Василь Михалыч, почитай, всю жизнь в городе прожил, а деревенское бытье городскому укладу не чета. Нам, сельским, каждый год следует за полтора считать». Разумеется, и сам Шемаров заметно

огорчился, не увидев среди встречавших ни одного близкого по детской и юношеской поре человека.

Как и полагается по русскому обычаю, после торжественной части и культурной программы мероприятия, организовалось небольшое застолье. Тут уж довелось мне побеседовать с Василием Михайловичем о далеком прошлом (о детских годах в Подболотье, о ратном пути на полях сражений, о трудовых мирных буднях) и настоящем. В результате неспешного общения и с учетом сведений, полученных от сасовского корреспондента областного радио, маститого поэта, соседа Шемарова по дому В.А. Хомякова, и появился в нашей районной газете пространный очерк о полном кавалере ордена Славы.

Вот что В.М. Шемаров вспоминал о своем детстве и юношеской поре: «Родился я 7 сентября 1922 года в селе Подболотье в большой крестьянской семье. Мой дед, Шемаров Дмитрий Васильевич, был очень трудолюбивым человеком и большим умельцем. С помощью сыновей он построил ветряную мельницу в селе Нащи и проработал мельником до конца своей жизни. Отец, Михаил Дмитриевич, умер, когда мне исполнилось 13 лет. Воспитывали меня мать, Степанида Никитична, и дедушка».

Василий Михайлович не указывает, да, видно, и больно сердцу вспоминать, что их крепкую крестьянскую семью в начале 1930-х подвергли раскулачиванию – конфисковали мельницу, дом (его спустя несколько лет вернули), скот, лошадей, сельхозинвентарь. Отца, Михаила Дмитриевича, арестовали и решением тройки при ПП ОГПУ Московской области приговорили к трем годам высылки в Северный край условно.

Вот в таких тяжелых условиях, скитаясь по чужим углам, терпя нужду и голод, упрямый малец не только

закончил местную начальную школу, но и Огаревскую семилетку. Вася рано понял: чего-то достичь в жизни можно только упорным трудом. Он и учился отлично, и работал на совесть. Кстати, в 2011 году герой Великой Отечественной войны и Почетный гражданин города Сасова учредил именную стипендию для учащихся Сасовского индустриального техникума. Ее регулярно получают два лучших студента.

«После семилетки, – продолжал воспоминания ветеран, – поступил учиться в Сасовское фабрично-заводское училище, которое окончил в 1939 году, получив специальность паровозного слесаря. Семья у нас была трудовая, и поэтому я во время каникул работал в колхозе, чтобы увеличить число трудодней. Затем в школе мастеров социалистического труда выучился на помощника машиниста. Водить паровозы – это мечта моего детства. Правда, первое время пришлось работать кочегаром. Помощником машиниста походил недолго. Помешала война».

Уже в июле 1941 года Василия призвали в ряды Красной Армии и направили в Оренбург в автотехшколу, после окончания которой ему «светили» звездочки лейтенанта. Доучиться там, правда, не удалось: для стремительно редевших боевых частей требовалось пополнение. И вот в марте сорок третьего года прикомандированный ко второй роте автоматчиков 200-го стрелкового полка 68-й гвардейской стрелковой дивизии Шемаров прибыл на передовую. В то время дивизия в составе Воронежского фронта прорывалась к городу Ахтырка, на подступах к которому велись кровопролитные бои. Гвардии сержант Шемаров сразу получил суровое боевое крещение. После артподготовки воинов подняли в атаку, но она захлебнулась под ураганным пулеметным и минометным огнем

противника. Дивизия понесла огромные потери. И после завершения военной операции ее отвели в тыл для пополнения личного состава.

Очередное «пекло» ожидало нашего земляка при форсировании реки Днепр. Гвардейцы совершили стремительную переправу и заняли плацдарм на вражеском берегу. Удерживая его до подхода основных сил, лихой десант отбил десятки яростных атак фрицев. В ходе одной из них наш земляк получил серьезные ранения осколками гранаты.

Из госпиталя Василий вернулся в родную 68-ю гвардейскую дивизию, но не в свой полк, а наводчиком орудия 76-го калибра в 72-й отдельный противотанковый дивизион. Порой приходилось не только стрелять из пушки, но и схватываться с врагом врукопашную. Попадали и в окружение…

24 декабря 1943 года у села Чернявка Оратовского района Витебской области и 1 января 1944 года у села Кумановка Казаигтинского района Винницкой области Василий Шемаров уничтожил в общей сложности одну вражескую автомашину, несколько повозок с боеприпасами, более 10 солдат противника. Приказом командования от 20.01.1944 он награжден орденом Славы 3-й степени.

В одном из боев убило командира орудия, и Шемаров заменил его. Позже его назначили командиром расчета. За эффективные действия и прицельную точность командование отличало нашего земляка. Фронтовые газеты (а Шемарову довелось воевать на Западном, Центральном, 1-м, 2-м и 3-м Украинских фронтах) призывали артиллеристов «бить врага как В. Шемаров».

Бой возле населенного пункта Середынки под Тернополем (апрель 1944 года) запомнился Шемарову особо. Город был взят в кольцо советскими войсками.

Дивизион держал оборону, чтобы не пропустить фашистов, стремившихся прорвать осаду Тернополя.

Как спичечные коробки, пылали фашистские танки, подбитые Шемаровым и его товарищами. Но понесли немалые потери и они. Фашисты, заметив щиты советских пушек, выводили их из строя одну за другой. Расчет Шемарова спасло то, что он снял щит со своего орудия, и оно, долгое время оставаясь незаметным для немцев, вело прицельный огонь по захватчикам. Однако подбили и его. Наводчик Иван Николаенко получил ранение. Командир орудия Василий Шемаров стал тогда стрелять из ручного пулемета по наступающей пехоте противника. Вражеский танк пошел прямо на позиции советских воинов. Они укрылись от смертоносной машины в окопах, а когда она оказалась уже сзади них, заряжающий расчета Василий Галямин, бросив бутылку с зажигательной семью, поджег гитлеровский танк. Его экипаж был уничтожен выстрелами из пулемета и винтовок.

Ночью артиллеристы Шемарова доставили свое подбитое орудие в расположение части да захватили попутно одного из раненых красноармейцев, оставшихся на поле боя. За проявленный героизм Шемаров был удостоен ордена Славы 2-й степени.

В.М. Шемаров

Вскоре Василий Шемаров стал командиром самоходной установки 76-го калибра (СУ-76). Чтобы успешнее вести противопехотные боевые действия, он установил на своей машине трофейный пулемет.

Одна фронтовая встреча надолго врезалась в память молодого бойца. Было это на львовском направлении. 12 июля 1944 года части 23-го

стрелкового корпуса сосредоточились для дальнейшего наступления. Жаркий день приближался к концу. Наступало затишье. Командир 68-й гвардейской стрелковой дивизии генерал В.Ф. Стенин (впоследствии Герой Советского Союза), проходя мимо самоходчиков, увидел старшего сержанта с орденами на груди и решил узнать, кто он. Не успел он подойти к орудию, как орденоносец выдвинулся вперед и доложил:

-Товарищ генерал-майор, орудийный расчет гвардейского артиллерийского самоходного полка готовится к маршу. Докладывает командир орудия старший сержант Шемаров.

-Очень хорошо, товарищ Шемаров. Давно воюете?

-Почти с начала войны…

-Видать, неплохо идут у вас дела. – посмотрел на ордена Стенин.

-Так точно, неплохо… Но иногда бывает и так, что дела как сажа бела. Так говорят у нас, на Рязанщине.

-Где-где? – улыбаясь, переспросил генерал.

-На Рязанщине.

-Да я же сам рязанец! Есть такое село Большие Мочилы, слыхал? Вот там я родился и вырос.

Когда же, всегда доброжелательный и чуткий, Владимир Филиппович узнал, что боец-орденоносец родом буквально из соседнего села (всего-то 6 километров), то подошел к нему, по-отечески обнял и проговорил: «Желаю тебе всяческих успехов, земляк! Чтобы закончил войну победой и возвратился в полном здравии домой».

К концу 1944 года советские войска освободили от фашистов территорию нашего государства и продолжали победное шествие по странам Европы. Кровопролитными и затяжными были бои в Венгрии. Фашистам удалось не

только остановить наступление наших войск, но и на некоторых участках отбросить их назад.

Шемаров (2-й слева) с экипажем самоходки

Артиллерийская часть, где сражался Шемаров, тоже принимала участие в боях за освобождение столицы Венгрии. Гвардейская самоходка метко поражала вражеские танки, орудия, огневые точки и пехоту. Василий со своими товарищами даже взял в плен группу мадьяр, воевавших на стороне Германии.

Самоходная установка гвардейского расчета Шемарова шла одной из первых в наступление на Будапешт. Перед тем, как выехать на городской проспект, командир орудия, по-пластунски пробравшись к углу крайнего дома, увидел находившуюся невдалеке вражескую пушку. Шемаров объяснил обстановку наводчику самоходки Ивану Карелину и водителю Алексею Астапову. Артиллеристы заняли свои места, заряжающий Василий Галямин послал снаряд в ствол. Самоходка, выскочив из-за угла, резко затормозила и точным выстрелом подбила вражескую пушку. Самоходчики стали продвигаться вперед, вслед за машиной бежали

четверо пехотинцев. Шемаров на ходу строчил из пулемета. Подобным образом на одной из улиц Пешта был подбит и фашистский танк. Так Василий Шемаров вышел со своим расчетом к берегу Дуная. А 13 февраля 1945 года Будапешт был освобожден от фашистов.

В этих боях за столицу Венгрии экипаж нашего славного земляка ликвидировал 12 огневых точек, два самоходных орудия, бронетранспортер, две зенитные пушки, много солдат и офицеров врага, за что командиру Шемарову последовала высокая награда – орден Славы 1-й степени.

Надо сказать, что за последний год войны СУ-76 В. Шемарова не раз горела, нарываясь на мины, погибали члены экипажа, но сам командир оставался цел и невредим, как «заговоренный». После освобождения Будапешта он участвовал в Балатонской и Венской операциях.

Фронтовая печать немало писала о героических действиях самоходчиков Шемарова. Вот несколько строк из газеты того времени «Гвардейский натиск»: «Имя гвардейца старшего сержанта Василия Шемарова широко известно нашим бойцам по боям в районе озера Балатон. Тогда Шемаров совершил подвиг, слава о котором обошла все подразделения… Самоходное орудие Шемарова стояло в засаде у села. Ранним утром немцы бросили в атаку на село несколько десятков танков и самоходных орудий. Гвардейская самоходка, искусно замаскированная, молчала. И только когда головной танк поравнялся с орудием, прогремел выстрел. Танк, охваченный пламенем, остановился. Вскоре метким выстрелом была подбита другая вражеская машина. Затем Шемаров перенес огонь на самоходное орудие противника и подбил его…

На днях отважный гвардеец совершил новый подвиг. Его орудие стояло на окраине села. Немцы, упорно цепляясь за каждый рубеж, предпринимали отчаянные контратаки.

Расчет бодрствовал. Вдруг до слуха Шемарова донесся подозрительный шум, и не успел он еще сообразить в чем дело, как раздались автоматные очереди. На сопке, покрытой лесом, замелькали фигурки гитлеровцев. Не мешкая ни минуты, отважный воин развернул свое орудие в сторону немцев, и через несколько мгновений наводчик Карелин – старый боевой артиллерист – уже вел огонь. Однако группе гитлеровцев удалось проскочить под огнем, и они устремились к самоходке… Шемаров вспомнил о пулемете, лежавшем у него в машине. Этот пулемет он захватил у немцев в прежних боях. Быстро установив трофейный пулемет, гвардеец начал поливать свинцом прижавшихся к земле гитлеровцев.

Более часа длилась жаркая схватка, гитлеровцы лезли напролом. Но сильный огонь пулемета заставлял их откатываться. Наконец, понеся большие потери, немцы вынуждены были отказаться от своей затеи и отошли. Стойкость гвардейца победила. Более 50 гитлеровцев уничтожил в этом бою огнем орудия и пулемета славный расчет гвардейской самоходки».

В австрийском городе Вильдон немцы напали на командный пункт дивизиона, в котором служил Шемаров. Самоходчики спасли своих товарищей от гибели. Это был один из последних боев гвардии старшины Василия Шемарова.

Еще год он отслужил в мирное время на территории Румынии. Затем радостное возвращение домой, к старым товарищам по Сасовскому депо. Василию Михайловичу Шемарову довелось тридцать семь лет проработать на

железной дороге: старшим машинистом паровоза, машинистом электровоза, моторно-вагонной секции. Солдатской Славы кавалер награжден также орденами: Отечественной войны 1-й степени (двумя), Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, Святого князя Александра Невского I степени, тридцатью медалями (самая дорогая из которых «За взятие Будапешта»), удостоен званий «Почетный железнодорожник», «Почетный ветеран Московской железной дороги», «Почетный гражданин города Сасова».

Любимое изречение ветерана-фронтовика: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть по одиночке!». Жизненное кредо: «Всегда и везде делать людям добро». В числе увлечений Шемарова рыбалка, охота, огородничество, чтение мемуаров полководцев Великой Отечественной войны. Он имеет второй разряд по шахматам, отменно играет на баяне.

В ставшем родным городе встретил Василий Михайлович самого дорогого для себя человека – Инну Михайловну, любовь и поддержка которой продлевают годы жизни отважного фронтовика, полного кавалера ордена Славы.

Защитники Отечества Кокоревы

Фамилия Кокоревых в селе Юрьеве известная. И в качестве одного из ярких представителей ее вам назовут героя Великой Отечественной войны, летчика-истребителя, совершившего первый воздушный таран (22 июня 1941 года в 4.30 утра) над границей нашей Родины, Дмитрия Васильевича Кокорева. Покажут и дом, в котором родился будущий летчик. На нем установлены соответствующие мемориальные таблички. Правда, если разобраться, тот самый дом сгорел при пожаре в 1971

году, а перед нами – уже новая постройка. Но ведь это сути не меняет.

Местные активисты и глава администрации Пеньковского сельского поселения В.В. Конышев приложили немало усилий, чтобы открыть в пустующем доме Кокоревых музей боевой славы. Для этого требовалось получить разрешение от наследников первой очереди, проживающих в Челябинске. Направили им письмо, но ответ почему-то не пришел. Сложилась хорошая традиция собираться на торжественные митинги возле родового дома Кокоревых. 9 мая и 22 июня приходят сюда местные жители, учащиеся и учителя школы.

«Славяне никогда ничего не поймут в воздушной войне – это оружие могущественных людей, германская форма боя». Это громогласное заявление Гитлера было опровергнуто уже в первые часы Великой Отечественной войны. «Русская форма боя», с воздушными таранами, настолько устрашила командование «люфтваффе», что германские асы получили предписание избегать сближения с советскими самолетами менее чем на 100 метров. В шеренге мастеров воздушного тарана все места заняты русскими летчиками. За четыре года войны фашистские пилоты ни разу не ответили тараном на таран. А первым применил его, повторюсь, наш земляк.

Дмитрий Васильевич Кокорев родился 8 ноября 1918 года. Детство у него проходило как и у всех деревенских ребят. Учился в школе, помогал по хозяйству родителям. А когда образовался колхоз имени Фрунзе, стал участвовать и в общественных работах: на посевной, на сенокосе, в уборочной страде. В 16 лет освоил слесарное дело, года два проработал механизатором.

Но была у парня мечта: очень хотелось стать летчиком. А необходимые качества для этого имелись. По воспоминаниям родственников, он отличался среди сверстников и ловкостью, и смелостью. Мечта звала его в дорогу.

Дмитрий Кокорев

Дмитрий уехал в Казань и, чтобы хоть как-то приблизить достижение заветной цели, устроился молотобойцем на авиационный завод имени Орджоникидзе. От завода записался в аэроклуб, где обучался летать на планере. А вскоре, в 1937 году, его призвали на армейскую службу. Учитывая личные пожелания новобранца и некоторый уже приобретенный им опыт, направили его в авиационную школу.

Весной 1940 года молодой офицер Дмитрий Кокорев был зачислен в 124-й истребительный авиаполк, дислоцированный близ польского городка Высоке Мазовецке. Напомню, что государственная граница в то время проходила по территории Польши, а по другую ее сторону стояли наготове войска гитлеровского вермахта. Скорой войны не ожидали, но обе стороны понимали, что ее не избежать.

Вскоре в полк поступили новейшие самолеты МиГ-3. К обучению на них допускались только лучшие летчики. Попал в их число и наш земляк. Учебные вылеты и стрельбы проводились чуть не ежедневно. Техника-то толком не изученная, выпущена только первая ее партия. Вот и доводили ее «до ума», ведь то мотор забарахлит, то пулемет откажет…

А после полетов и устранения неисправностей вечерами Дмитрий писал (почти каждый день) письма молодой жене (свадьбу сыграли в конце лета 1940 года). Разлуку с ней он переживал тяжело. Катя ждала ребенка, а тут, у самой границы, неспокойно, всякое может произойти, поэтому и отослал ее домой. Из этих писем видно, насколько сильно он любил и каким нежным и заботливым супругом являлся.

Дмитрий и Екатерина Кокоревы в день свадьбы

Вот строки из его предвоенного письма к жене:

«Катюша! Пишу, пишу на бумаге твое имя и не верю своему счастью, что у меня есть ты… Погода установилась солнечная. Дуют теплые ветры. А ты далеко-далеко… Смотри, не делай ничего тяжелого! Поняла? Ведь ты скоро будешь мамой! Как это красиво и гордо звучит, правда, Катюша?

Летал я опять к границе на дежурство. Ох и зол я на тех, кто стоит по ту сторону! Из-за них, фашистов, мы не вместе. Из-за них, проклятых, в тревоге и разлуке не мы одни – много людей. От войны защищая тебя,

нашего сына или дочь, которые будут, нашу землю родную, стараюсь я летать лучше.

Будь спокойна, будь счастлива, моя хорошая».

В следующем письме (от 20.06.41) читаем:

«Мои дорогие! Докладываю вам с посадочной площадки на самой границе: по ночам на той стороне приглушенно шумят моторы, часто посверкивают фары. Что-то мерзкое затевают фашисты. Подлые, подлые звери: им нужна война! Как вырвусь в небо, всегда думаю: что я должен сделать, когда будет бой?

…Увидел бы тебя, доченьку, поцеловал бы – и можно умирать. А думаю не о смерти. О том, как жестоко бить буду фашистское кровожадное зверье».

А в самом начале войны Катя получила вот такую весточку от мужа: *«Ты, очевидно, помнишь, дорогая, наш с тобой спор о твердости характера, кто кому должен уступать. И помнишь, наверное, мои слова: «Я никогда никому не уступлю». Так и вышло, а что именно – потом узнаешь. Дело произошло 22 июня на рассвете. Вот об этом и все. За меня не волнуйся, если погибну, то только героем».*

А произошло следующее. Процитирую выдержку из статьи внештатного корреспондента журнала «Авиация и космонавтика» А. Копейкина («Приокская правда» от 15.10.1985 г.):

«Наступил рассвет 22 июня. И вдруг в прозрачной тишине раздались гул взрывов, тревожный вой сирен. Война!.. По тревоге в небо ушло и почти сразу же вступило в бой дежурное звено. А вскоре, получив приказ, вылетел и младший лейтенант Кокорев. Когда он возвращался с задания, гитлеровская авиация нанесла по базовому аэродрому полка первый бомбовый удар. Кокорев увидел внизу пылающий бензосклад, горящие аэродромные строения. Черный дым волнами стелился

над летным полем… Неожиданно он заметил немецкий самолет-разведчик, уходивший на запад. Самолет этот, видимо, производил фотоснимку аэродрома. Ярость закипела в сердце Дмитрия. Круто развернувшись, он бросился вдогонку.

Сблизившись с «Дорнье-215», Кокорев повел истребитель в атаку. Немецкий стрелок пытался отразить удар – хлестнул огненным смерчем. Пули пробили кабину МиГа, осколки фонаря впились в лицо и руки пилота. Кровь заливала лицо Дмитрия, но краснозвездный самолет неудержимо рвался вперед. Все ближе цель – вот уже в глаза искрит хвостовой пулемет врага. Летчик поймал «Дорнье» в круг прицельной сетки и плавно нажал на гашетку. Но бортовое оружие молчало: кончились боеприпасы. Отчаянная мысль пронзила сознание – «Уйдет!». Вспомнились слова присяги: «Не щадя своей крови и жизни…», и он принял решение идти на таран.

Истребитель пронесся близ вражеского самолета и, блеснув молнией, почти отвесно ринулся вниз. В следующее мгновение его воздушный винт срезал хвостовое оперение вражеского бомбардировщика. Лишившись управления, тот рухнул на землю. Самолет Кокорева также начал падать. Дмитрий вырвал машину из штопора и, выбрав небольшую поляну, приземлился».

Далее обратимся к воспоминаниям Г. Буркова:

«Я был в то время авиатехником в 124-м истребительном авиаполку, где служил командиром звена младший лейтенант Дмитрий Кокорев. О его подвиге мы узнали лишь через несколько часов, когда он вернулся на аэродром. На его голове была повязка, намокшая от крови, в руках – парашют (после тарана, посадив на фюзеляж израненную машину, Кокорев поджег самолет и, ориентируясь по карте, добрался до

аэродрома). Отвечая на вопросы, он коротко бросил: срубил гада! Тогда нас, необстрелянных юнцов, глубоко поразил сам факт тарана» (газета «Известия» от 5.02.1985 г.).

Вскоре 124-й авиаполк перебросили на защиту Москвы, а еще чуть позже, в сентябре 1941 года Д. Кокорев и его боевые товарищи бились уже в небе Ленинграда. Дмитрий научился летать расчетливо, тратить патроны с хладнокровием, вести бой до той минуты, когда в баках остается минимум горючего, чтобы вернуться на базу. В основном приходилось сопровождать группы советских бомбардировщиков. За три с половиной месяца войны наш земляк совершил свыше ста боевых вылетов, лично сбил пять вражеских самолетов.

Перед последним боевым вылетом (Кокорев второй слева)

12 октября группа бомбардировщиков Пе-2 под прикрытием истребителей с малой высоты нанесла удар по скоплению авиации противника на аэродроме в районе Сиверской, уничтожив около сорока «Юнкерсов».

День выдался сырым и хмурым, с низкой плотной облачностью. Фашисты при такой погоде не летали и не ждали советских самолетов. Под интенсивной бомбежкой успел взлететь лишь один «мессер», но Пе-2 уже уходили, выполнив поставленную перед ними задачу. Лишь один бомбардировщик задержался. За ним и устремился фашистский истребитель. Кокорев быстро развернул машину и срезал «Мессершмитт» пулеметной очередью. Но тут снизу открыла шквальный огонь оправившаяся от внезапности зенитная артиллерия. В поле ее обстрела оказался лишь МиГ Дмитрия Кокорева, который, вспыхнув факелом, с ревом врезался в землю. Так погиб наш земляк. Через четыре недели ему бы исполнилось 23 года. Погиб, так и не увидев родившуюся перед самым началом войны дочь.

В своем последнем письме жене, отправленном за день до рокового боя в родное Юрьево, Дмитрий сообщал: *«Здравствуйте, мои дорогие Катюша и Мусенька! Извините, что долго не писал. Не имел возможности: совсем нету времени.*

Сейчас нахожусь под Ленинградом и буду драться до последней капли крови за этот знаменитый город. За меня не беспокойся, если и погибну, то уж недаром. Здоров по-прежнему. Только стал очень злой и буду зол до тех пор, пока не уничтожим всех фашистов. Как жаль, что дочурку нашу не пришлось увидеть хотя бы на фотографии. Если со мной что и случится, то помни, Катюша, помни, родная девочка, тебя, доченьку и Родину я любил больше жизни».

Указом от 26 февраля 1942 года старший лейтенант Д.В. Кокорев награжден орденом Красного Знамени посмертно.

Да, Дмитрий Васильевич – герой, гордость нашего района, но при этом как-то упускается из виду, что из

большого рода Кокоревых, вернее даже из одной семьи, вышла целая плеяда отважных и стойких защитников Отечества. Представлю их по порядку, то есть по старшинству. Начну с главы рода. Василий Евстафьевич. На его глазах на селе происходили революционные преобразования, осуществлялась новая экономическая политика, индустриализация и коллективизация. Его дети: Дмитрий, Валентин, Александр, Виктор, Лидия, Юрий, Галина, Владимир. Увы, ныне из них живы только дочери, а они далеко: Лидия – в Эстонии, Галина – в Челябинске.

Из шести сыновей Василия Евстафьевича не воевали только младшие Юрий и Владимир, и то просто не успели в силу своего слишком юного возраста. К сожалению, сведений о детях Василия Евстафьевича и о нем самом у меня мало. Сообщу то, что удалось узнать от проживающих в с. Юрьеве вдовы Александра Марии Ивановны, ее сестры Лидии Ивановны Агеевой, сына Юрия и дочери Валентины Яшковой (она живет в Пителине).

Глава славного рода Кокоревых родился в 1899 году в селе Юрьеве. Участвовал в гражданской войне. На каких фронтах воевал, имел ли награды – выяснить не удалось. Кокоревы даже в тесном семейном кругу крайне редко и неохотно вспоминали «об огнях, пожарищах», то есть о своем ратном прошлом. Жил Василий Евстафьевич в том месте, где теперь собираются на мемориальные митинги его земляки. В его просторном пятистенном дому в свое время было тесно и шумно от многочисленных домочадцев. Как же, одних детей восемь человек.

Когда фашистские полчища напали на нашу страну, стали занимать один город за другим, жечь деревни и села, Василий Евстафьевич оставил мирный труд в колхозе и отправился на фронт. Сам отец трех (а позже и

четырех) солдат, он мужественно сражался с врагами, прошел огромный боевой путь от столицы нашей Родины Москвы до Восточной Пруссии. Участвовал в исторических военных операциях: обороне Москвы, Орловско-Курской дуге и ряде других. Бил фашистов, а сам все с тревогой думал: как сыновья, живы-здоровы, не убиты, не ранены? Горевал, что погиб в первый год войны его первенец Дмитрий. За жизни сыновей, не задумываясь, отдал бы свою.

Командование высоко ценило ратные подвиги В.Е. Кокорева. Он награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг».

Вернувшись после войны домой, Василий Евстафьевич снова приступил к мирному труду. Работал на разных участках колхозного производства (даже садоводом), последнее время помогал хозяйству в качестве плотника. Достигнув пенсионного возраста, на заслуженный отдых уходить не торопился. И в 65 лет оставался крепок телом и бодр духом. Умер преждевременно, в 1964 году. При заготовке леса на общественные нужды ухватился за комель спиленного дерева, чтобы сдвинуть его в сторону. Сдвинул, да что-то надорвал внутри: стал хворать и чахнуть на глазах. Так и ушел Василий Евстафьевич, ибо не берег себя ни на войне, ни на общественных работах.

Валентин (1920 года рождения) несколько лет отработал в колхозе. Красноармейцем стал незадолго до начала войны. Позже в частях действующей армии прошел большой ратный путь. К сожалению, мне не удалось выяснить: к какому роду войск он был приписан, на каких фронтах сражался и где встретил день победы.

Известно лишь, что вернулся домой с орденом Красной Звезды и медалями. Значит, тоже не посрамил славный род Кокоревых. В родном селе не задержался, уехал жить и работать в Курганскую область. Там и умер в почтенном возрасте, немного не дотянув до восьмидесяти.

Третий сын Василия Евстафьевича Александр родился 2 декабря 1923 года. Еще будучи мальчишкой при игре в войну получил серьезную травму – ему выбили левый глаз. Его хоть и призвали в октябре 1941 года в армию, но признали годным к нестроевой службе. «Перед самой отправкой в часть», – вспоминал он позднее, – я услышал о гибели брата Дмитрия. Ненависть к гитлеровским захватчикам вскипела в груди и я решил, что обязательно попаду на фронт и отомщу за старшего брата». И спустя полгода Александр добился своего.

Уговорил ли он членов медкомиссии, убедил ли как, но со вставным стеклянным глазом наш земляк окончил учебку артиллеристов, получил звание младшего сержанта и был зачислен наводчиком 76-мм пушки в 1199-й стрелковый полк 354-й стрелковой дивизии. Попал на Западный фронт под г. Гжатск. Отсюда с боями и передышками дошагал до самого Берлина. Приказом по полку от 13.06.1943 года награжден знаком «Отличный артиллерист». Чуть позже с присвоением звания старшего сержанта назначен командиром орудия.

Стоит перечислить боевые награды мужественного нашего земляка: ордена Красной Звезды (указом от 4.11.43), Отечественной войны 2-й степени (12.08.44), медали «За отвагу» (14.09.43), «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». А к этому можно прибавить и 17 благодарностей от

командования за безупречное выполнение воинского долга.

Демобилизовался Александр Кокорев в звании старшины 19 марта 1946 года. Вернувшись домой, женился на хорошей девушке Маше (Марии Ивановне), вырастил с ней двух дочерей и двух сыновей. От колхоза им. Фрунзе поступил в ремесленное училище по механизации сельского хозяйства №2 (п. Тума). Окончил его с отличием, получив специальность тракториста. Работал в колхозе на совесть, получал премии и благодарности от руководства правления, в 1973 году стал победителем социалистического соревнования (получил соответственный значок). Последние 5 лет отработал пастухом. Умер в 1990 году.

Виктора (1926 года рождения) призвали в армию в последний год войны. Участвовал ли он непосредственно в боях, установить не удалось. Думаю, если участвовал, то сражался с врагом так, чтобы им гордились отец и старшие братья. По другому и быть не могло. После войны осел в Литве. Там и похоронен.

Вот и закончился мой рассказ о защитниках Отечества из славной семьи Кокоревых. Согласен, что образы-портреты отца и сыновей получились у меня несколько блеклыми, неяркими (ведь красок, т.е. фактов и материалов собрано явно недостаточно). И все же, если к ним добавить «портреты» других юрьевцев и уроженцев округи, проявивших мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны, то получится весьма представительная «картинная галерея». А самое достойное место такой «галерее», конечно, в музее боевой славы, который, надеюсь, все же появится в Юрьеве.

Рулевой с «Артема»

После войны ходил по Оке пароход «Пестель». Одно время боцманом на нем служил наш земляк Алексей Дмитриевич Сморчков. Уже по фамилии можно догадаться, что уроженец деревни Соколово. Так оно и есть. Еще довольно молодой человек, невысокий, плотный и коренастый. На пароходе пользовался огромным уважением, считался легендарной личностью. Фронтовик из военных моряков, орденоносец. За годы войны получил несколько ранений, в том числе в левую руку, которая плохо сгибалась в локтевом суставе.

Надо заметить, что на протяжении всех послевоенных лет жизни (а их судьба отмерила не так много) Алексею Дмитриевичу приходилось постоянно бороться с недугами, преодолевать их своей железной волей, упорством, стойкостью. Такой характер он унаследовал от отца, с которого, наверняка, во многом брал пример. О роде Сморчковых следует сказать несколько слов особо.

Дмитрий Ильич Сморчков (1881–1948) – участник русско-японской войны, ефрейтор, стрелок 14-го Восточно-Сибирского полка, награжден Георгиевским крестом 4-й и 3-й степеней «за мужество и храбрость, оказанные им разновременно в боях против японцев при обороне крепости Порт-Артур». Вместе с супругой Александрой Николаевной вырастил детей: Зинаиду, Екатерину, Анну, Василия и Алексея.

Его сын Василий (1916–1982) прошел всю Великую Отечественную войну, закончил ее в звании майора и должности командира полка, награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны, боевыми медалями.

Алексей (1918–1969) – младший в семье, немного «отстал» от брата в фронтовом стаже и наградах: из-за ранений воевал в общей сложности около двух лет (до

октября сорок третьего). И его сын Владимир, отслужив срочную армейскую службу в Венгрии, решил стать профессиональным военным. Окончил Ленинградское военно-политическое училище, работал комендантом центра по переподготовке офицеров войск ПВО стран Варшавского договора (г. Гатчина). Преждевременно ушел из жизни в возрасте 37 лет в звании майора.

Проследим подробней жизнь Алексея Сморчкова. После Соколовской начальной школы два года отучился в Нестеровской семилетке, работал в колхозе имени Калинина (Соколово). Еще с дореволюционных времен многие мужики округи нанимались сезонно матросами на суда, ходившие по Каспию и Волге. Взбрело это в голову и нашему герою очерка. Не сразу, но удалось ему осуществить мечту. Сначала работал матросом на пристани г. Рыбинска, а с августа 1937-го по ноябрь 1939-го – штурвальным на пароходе «Пролетарий» Верхне-Волжского речного пароходства. 16 ноября был призван на срочную армейскую службу. После почти годичного обучения в объединенной школе рулевых парня зачислили на эскадренный миноносец «Артем» Краснознаменного Балтийского флота. К его радости на тот же корабль попал и Василий Громов (уроженец Синормы), с которым вместе призывались.

Эсминец «Артем» вступил в боевые действия с первых дней Великой Отечественной войны. 18 августа рулевой Сморчков получил легкое ранение. А в последний день месяца в девяти километрах от берега «Артем» был атакован вражескими кораблями и потоплен. Большинство членов экипажа погибли практически сразу, многие умерли от переохлаждения в ледяной воде Балтики. Как позже выяснилось, из 220 человек спаслись лишь четверо, в том числе и наши земляки: Василий Громов – высокий, жилистый и Алексей Сморчков –

крепыш, обладавший отменным здоровьем и огромной физической силой.

Они держались на плавучих обломках, старались грести руками в сторону предполагаемого берега. Алексей мужественно превозмогал боль от серьезного ранения в живот. Друзья потеряли и счет времени, и надежду на спасение, когда впереди показалась земля. Еще долго, обессиленные, то и дело проваливаясь в ямы беспамятства, лежали советские моряки на пустынной отмели. Осмелевшие чайки начали расклевывать их распростертые тела. По круженью и гомону птиц их и нашли…

Гибель экипажа «Артема» Алексей переживал мучительно и не мог забыть до конца своих дней. С другой стороны, судьба как будто его хранила. Если уж раз удалось вырваться из ледяных объятий смерти, авось, повезет и в другой! В таких «философских» размышлениях проводил он долгие дни и ночи в тихой палате ленинградского госпиталя.

Команда рулевых с Артема

А в канун нового, 1942 года старшина 2-й статьи Сморчков прибыл для поправки здоровья в родное Соколово. Как-то очень быстро пролетели весна и лето, и в середине августа Алексей снова отбыл в действующую армию. Ему дали направление на Северо-Кавказский фронт (под Моздок) и назначили командиром взвода 2-го батальона 60-й морской бригады 257-й стрелковой дивизии. Моряков от пехотинцев отличало

только одно: в атаку они шли, расстегнув гимнастерки, чтобы видна была полосатая тельняшка.

О том, как воевал наш земляк, можно судить по скупым строкам наградных листов.

«Тов. Сморчков на фронте с первых дней войны. 4 раза ранен и имеет 33 раны. В боях под селением Гизель Орджоникидзевского края 10.11.1942 года после сильной артиллерийско-минометной подготовки противник перешел в контратаку. Взвод т. Сморчкова, попав под этот шквальный огонь, полностью выбыл из строя. Оставшись с тремя бойцами, тов. Сморчков бросился спасать станковый пулемет. В это время на расположение взвода Сморчкова бросилось до роты пехоты противника. Сморчков открыл огонь из станкового пулемета и длинной очередью скосил первую цепь наступающего противника, заставив остальных залечь. В этот момент оставшиеся три бойца взвода были убиты, пулемет выведен из строя, а тов. Сморчков получил три ранения. Не встречая сопротивления, противник вновь перешел в атаку. Тов. Сморчков, превозмогая боль, собрал автоматы убитых бойцов и в упор стал расстреливать наседавших немцев. Немцы вторично залегли, а затем подошедшим подкреплением были отброшены. Перед позицией Сморчкова осталось до 45 трупов солдат противника.

Во время наступлений в феврале с.г. под Грушевой огнем из станкового пулемета Сморчков уничтожил до 35 солдат и офицеров врага. Достоин правительственной награды – ордена Красной Звезды.

Командир 2-го стрелкового батальона Морянов. 21 апреля 1943 года».

Да, в бою под селом Гизель взвод старшины Сморчкова ценой своего полного истребления выполнил поставленную перед ним задачу – не дать возможности

противнику выйти на дорогу Орджоникидзе–Нальчик. За этот подвиг наш земляк был награжден орденом Красной Звезды.

А.Д. Сморчков

Думаю, не менее героически сражался он и в последующие месяцы. 15 сентября 1943 года приказом по фронту от имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом доблесть и мужество командир стрелкового взвода А.Д. Сморчков награжден орденом Красного Знамени. А буквально через месяц – 25 октября в очередной схватке с фашистами Алексей получил ранение (которое уже по счету!) в правую руку. До конца года находился на излечении в госпитале, затем числился в резерве Московского военного округа, а в марте сорок четвертого по состоянию здоровья был демобилизован.

Вернулся в родные края. Работал несколько месяцев председателем Потапьевского сельсовета, два года – заместителем председателя колхоза «Передовик», боцманом на пароходе «Пестель», матросом на рыболовецком траулере в Мурманске, колхозным пасечником в Соколове, монтером Касимовского линейно-технического участка (Пителино).

Осенью 1945-го Алексей Дмитриевич женился на землячке и однофамилице Валентине Дмитриевне Сморчковой. Вырастил с ней детей Тамару (Т.А. Вилкова живет в Пителине) и Владимира (о нем сказано выше). Многочисленные ранения, полученные на войне, сильно сократили жизнь фронтовика-орденоносца. Он умер, едва перешагнув порог 51 года.

Первый главврач района

Память об Иване Семеновиче Наумове, на протяжении четверти века возглавлявшем Пителинскую районную больницу и единственном из ее специалистов, удостоенном высокого звания «Заслуженный врач РСФСР», до сих пор жива в нашем районе.

Родился Иван Семенович 23 февраля 1898 года в деревне Случье Тульского уезда Тульской губернии. Выбирая профессию, пошел по стопам отца Семена Терентьевича – военного фельдшера. Окончив медфак Второго Московского государственного университета, подвергся испытаниям (так было тогда принято) в Государственной квалификационной комиссии по следующим дисциплинам: патологической анатомии, патологической физиологии, гигиене социальной и экспериментальной, терапевтической, хирургической, акушерско-гинекологической, нервно-психиатрической, детской, глазной клиникам и клинике кожных и венерических болезней. Испытания прошел успешно. Получив специальность врача-хирурга, несколько лет отработал ординатором Голунской больницы Новосельского района и заведующим Бетинским врачебным участком Касимовского района. А 20 октября 1932 года был направлен в Пителинский район.

В то время в нашем краю еще не было ни райбольницы, ни специализированной помощи населению. На всю округу – лишь Потапьевский стационар с минимальным количеством койкомест и таким же штатом медперсонала. Так что должность – главный врач райбольницы и заведующий хирургическим отделением, на которую был приглашен И.С. Наумов, оказалась, мягко говоря, мифической. Переехал он на новое место работы вместе с супругой

Екатериной Григорьевной (1898–1959), учителем по образованию, и сыном Дмитрием (1930).

Прежде всего главный врач энергично взялся за организацию хирургического отделения. Подходящее помещение в стационаре нашлось. Главную заботу в данном начинании представлял вопрос обеспечения отделения необходимым инструментарием. Благодаря напористости и целеустремленности Ивана Семеновича дело быстро сдвинулось с мертвой точки. Уже к концу 1932 года хирургическое отделение на 18 коек при штате из одной акушерки и одной медсестры стало явью и успешно действовало.

Помимо работы в стационаре, Наумов три раза в неделю приезжал в село Пителино для амбулаторного приема больных в местном фельдшерском пункте. Попутно он искал подходящее место для строительства районной больницы. Иван Семенович ясно представлял, что для качественного и полноценного медицинского обслуживания населения района требуется иная база.

Как ни странно, в самом Пителине подходящего места под больницу не нашлось. Зато для этой цели по всем параметрам подходила бывшая усадьба помещика Скобельцина в деревне Шибково с просторным домом, барским садом и прудом. Красота, тишина…

Главврач составил проект, «пробил» смету и принялся за перестройку помещичьего дома. Он находил время лично следить за ходом строительных и отделочных работ, оперативно, порой на месте, разрешал те или иные производственные проблемы, выбивал необходимые средства и стройматериалы. Новая районная больница открылась к Октябрьским торжествам 1935 года.

Врач Наумов развернул в Пителине большую хирургическую практику. До 1941 года он проделал около тысячи операций, спас немало человеческих

жизней, избавил население района от необходимости обращаться за специализированной помощью в Сасово или Касимов. Помимо практики в стационаре, Иван Семенович, не считаясь с личным временем и какими бы то ни было трудностями, выезжал для оказания помощи больным в самые отдаленные уголки, вел значительную санитарно-просветительную работу по повышению квалификации медперсонала, руководил всеми лечебными учреждениями района. При нем Пителинская районная больница стала занимать одно из первых мест в области.

Но началась Великая Отечественная война. И.С. Наумова призвали в действующую армию. Трудно, да и невозможно подсчитать, сколько жизней раненых бойцов спас он в прифронтовых госпиталях и лазаретах. За безукоризненное исполнение своих обязанностей и за проявленное мужество врач-хирург получал личные благодарности от Верховного главнокомандующего И.В. Сталина, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За победу над Японией».

Вернулся в наш район славный фронтовик в самом конце 1945 года и вновь вступил в должность главврача. И вновь ему предстояла авральная и кропотливая работа – начинать все практически с нуля. Дело в том, что незадолго до его возвращения стационар сгорел. Решили перевести больницу в двухэтажный кирпичный особняк, принадлежащий в прошлом зажиточным Абросимовым (ныне один из корпусов психоневрологического интерната). Пришлось все обустраивать и оборудовать по-новому. На первом этаже разместили мужские палаты, на втором – женские, операционную и женскую

консультацию. Уже с начала сорок седьмого года в Пителинском районе производились хирургические операции. Но для нормального функционирования медучреждения помещений, конечно, не хватало. И спустя некоторое время Наумов стал добиваться разрешения восстановить больницу на прежнем месте.

Другой целью поставил он укрепление лечебных учреждений по всему району. И вскоре открылись две новые участковые больницы: в Гридине (на 6 коек с родильным отделением и аптекой) и Высоких Полянах (на 10 коек с родильным отделением и аптекой). Ширилась и сеть фельдшерско-акушерских пунктов.

С 1.07.1947 года И.С. Наумов исполнял не только обязанности главврача и заведующего операционным отделением, но одновременно – и заведующего Пителинским райздравотделом. Он избирался депутатом райсовета депутатов трудящихся. За плодотворную и добросовестную работу, хорошие организаторские способности и личное профессиональное мастерство был отмечен правительственными наградами: орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» (1950). Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26.12.1957 года за заслуги в области народного здравоохранения главному врачу Пителинской больницы Ивану Семеновичу Наумову присвоено почетное звание «Заслуженный врач РСФСР».

До сих пор люди с большой теплотой и уважением вспоминают этого доктора, чутко и бережно относившегося к пациентам. А порой он мог творить просто чудеса!

Вот что мне рассказал, например, пенсионер из Пителина Николай Иванович Никулаев. В детстве (еще не было и десяти лет) он с пацанами зашел на территорию луго-мелиоративной станции. Там среди

прочего стояла соломорезка. Ребята решили проверить ее в действии. Один стал крутить приводное колесо, а Коля – пихать внутрь солому. И случилась беда – ножом ему перебило мизинец левой руки, он остался висеть на одной коже. Казалось, палец для мальца уже потерян. Но бывалый хирург решил иначе. В результате проведенной им операции с наложением металлических скобок не только срослась перебитая кость, но и восстановились двигательные функции. А до этого случая, вспоминает Николай Иванович, Наумов сделал удачную операцию на желудке его дяде Ивану Лукичу Гришину, который прожил после еще немало лет.

Как часто почтительно говорят: сын пошел по стопам отца. Так произошло и в нашем случае. Дмитрий Иванович Наумов, окончив Рязанский медицинский институт по специальности врач-лечебник, в 1957 году пополнил штат Пителинской больницы. А приехал он не один. Вместе с ним врачом акушером-гинекологом стала работать его супруга Людмила Николаевна.

По воспоминаниям ветерана медицинской службы Надежды Прокофьевны Данковой (начала работать в больнице в 1946 году после демобилизации из действующей армии), И.С. Наумов отличался очень высокой требовательностью к подчиненным. Был строг, но справедлив. Безалаберные и недисциплинированные сотрудники его побаивались и старались просто не попадаться на глаза. А вне профессионального круга забот Иван Семенович оказывался интересным собеседником, умел весело пошутить, поговорить по душам, оказать моральную поддержку тем, кто в ней нуждался.

При всей своей занятости главврач находил время, чтобы позаботиться о досуге и отдыхе медперсонала, объединить большой коллектив общими интересами и

делами. С его легкой руки в июне 1958 года при больнице создается женский хор под руководством медстатиста санэпидстанции Евгении Петровны Чирковой. А одной из лучших солисток хора зарекомендовала себя сноха главврача Л.Н. Наумова.

И.С. Наумов (в центре) с персоналом Пителинской ЦРБ

Надо отметить, что этот самодеятельный коллектив быстро снискал любовь и симпатии многочисленных слушателей, его приглашали на различные культурно-массовые мероприятия. По итогам районного смотра художественной самодеятельности 1959 года женский хор районной больницы был премирован 300 рублями. Участница данного коллектива Н.П. Данкова вспоминает и о гастрольных поездках по району (Пеньки, Потапьево,

Новый Ункор и т.д.), отмечает, что по указанию И.С. Наумова им пошили специальные сценические костюмы.

Между тем завершалось строительство нового здания больницы на своем, можно сказать, исконном месте. Новоселье приурочили к Октябрьским торжествам 1959 года. На него в качестве почетных гостей пригласили представителей облздравотдела, райкома партии и райисполкома. Как и положено, разрезалась красная ленточка, произносились поздравительные речи, а праздничное гуляние с песнями под баян продолжалось чуть ли не до утра.

Итак, очередная задача выполнена, работа районной больницы на новом (старом) месте налажена. И со спокойной совестью Иван Семенович решил уйти на покой. В ноябре 1960 года он уезжает из Пителино в Касимовский район, где и прожил последние четыре года своей жизни. По собственному завещанию похоронен рядом с женой на пителинском кладбище.

На этом я завершаю очерк о первом главврачe Пителинской районной больницы Иване Семеновиче Наумове, оставившем в сердцах многих людей добрую память о себе.

Хирург Д.С. Тарбаев

Семья Тарбаевых в двадцатых годах прошлого века относилась к числу зажиточных крестьянских хозяйств села Пеньки, имела крепкий кирпичный дом, солидное подворье со скотом и птицей, конную молотилку. Глава семейства Сергей Никанорович в зимние сезоны валял валенки, что тоже давало заметный приработок. Вместе с супругой Евфросинией Ермолаевной (девичья фамилия Ушкова) растил четверых детей. Когда в стране объявили курс на коллективизацию, в колхоз вступать отказался. Попал в списки на раскулачивание, потерял все. Хорошо,

что в последний момент отменили решение о выселении из дома. Какое-то время семья держалась буквально на «подножном корме». В конце концов пришлось вступать в колхоз.

Старшего сына Александра (1918–1941?) в 1940 году призвали в армию. Через год он оказался на западной границе и пропал без вести в первые дни войны. Погиб на фронте и второй сын Николай (1921–1942). Антонина (1923), третий по счету ребенок в семье, окончила 8 классов в Пителине, затем рабоче-колхозную школу (там же), получив специальность бухгалтера. Несколько лет проработала в пеньковском колхозе, затем уехала в Баку. Вернулась в отчий дом уже в восьмидесятые годы.

Д.С. Тарбаев

Третий, младший сын Дмитрий родился 22 ноября 1926 года. Его со школьной скамьи в ноябре сорок третьего призвали в армию, не дав закончить Пителинскую десятилетку. Сначала направили в автошколу в Ульяновске, а оттуда – уже в действующую армию. Весной 1944 года он был зачислен водителем в противотанковый полк, вошедший в состав только что образованного 3-го Белорусского фронта. Принимал участие в Витебско-Оршанской, Вильнюсской и Каунасской наступательных операциях.

Под Кенигсбергом получил при артобстреле серьезное ранение левой руки. После излечения в госпитале города Орехово-Зуево, демобилизован не был, хотя фашистская Германия уже подписала акт о безоговорочной капитуляции. Еще пять лет прослужил на Буковине при штабе части, занимавшейся репатриацией, то есть

возвращением советских военнопленных на Родину. Попутно удалось, посещая вечернюю школу, завершить и среднее образование.

Занимательна история поступления Дмитрия Тарбаева в Рязанский медицинский институт. Конец сентября 1950 года. Понятно, что прием абитуриентов закончен, давно уже идут занятия. И тут появляется демобилизованный военный, на кителе у которого теснятся награды: орден Отечественной войны II степени, медали «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ему указывают на солидное опоздание по срокам и советуют поступать на следующий год. Это в корне не устраивает Дмитрия. Настойчивый парень добивается приема у ректора института профессора И.Е. Ковалева. Неизвестно, как проходило собеседование, но итогом его стало разрешение сдать вступительные экзамены экстерном.

Такую непреклонную решимость Дмитрия объяснила его сестра Антонина Сергеевна. Еще во время войны ее брат дал себе зарок во что бы то ни стало стать врачом. Дело в том, что на его руках умер, потеряв много крови при ранении в живот, его лучший фронтовой товарищ Михаил. Дмитрий метался, проклиная и фашистов, и себя, кусал кулаки, но не знал как помочь товарищу, чем облегчить его страдания. Один из числа умудренных жизнью бойцов заметил ему: «Что терзаешься понапрасну! Был бы ты врач и не помог – это одно дело, а так – совсем другое. Вины на тебе нет».

Дмитрий воспользовался предоставленным ему шансом. За два–три дня сдал вступительные экзамены: кого-то из преподавателей «перехватывал» в коридоре после занятий, кого – с утра на кафедре, а к кому-то шел прямо на квартиру. Нового студента (редкий случай)

зачислили уже в начале октября. И надо ли упоминать тут, что он не только быстро догнал в знаниях сокурсников, но и с отличием заканчивал каждый семестр. Через шесть лет, получив диплом, был зачислен в клиническую ординатуру, затем – аспирантуру при кафедре госпитальной хирургии РМИ.

Кстати, в институте будущий хирург (оставался год учебы) встретил свою суженую. Обаятельную студентку, перешедшую на третий курс, звали необычно – Эмма. Роман их развивался так же необычно и стремительно. Группу третьекурсниц направили на уборку урожая в одно из хозяйств под Рязань. Эмма, не соизмерив свои силы и возможности, таскала тяжелые мешки с зерном и картофелем, сорвала спину да еще и простудилась. Пришлось отправляться домой, в Рязань, на лечение. Мама вызвала врача, а вместе с ним пришел и практикант – Дима Тарбаев. Девушка хорошо его знала, так как являлась профгруппоргом группы, а тот возглавлял профсоюзный комитет института. Конечно, визит знакомого студента больную сильно смутил. Но практикант оказался, как врач, чутким и компетентным, а как человек – очень тактичным и крайне интересным.

Короче говоря, между молодыми людьми вспыхнула искорка зарождающегося большого чувства. Но, увы, Дмитрий сделать первый шаг к сближению не решался. Тогда Эмма послала ему открытку с благодарностью за лечение, подписавшись буквами Э.М. (Эмма Мишина). Мол, если любит – поймет от кого. Выпускник Тарбаев понял, кто скрывается за инициалами, но на всякий случай зашел в деканат и проверил картотеку и личные заявления профактива, сличил почерки. После этого сделал оригинальный ответный шаг – пригласил Эмму на вечерний киносеанс… телеграммой. Далее пошли

встречи и провожания. А через год влюбленная пара расписалась.

Я совершенно не разбираюсь в медицине, поэтому дать компетентную оценку Д.С. Тарбаеву как хирургу и как ученому не могу. Но, думаю, некоторые факты говорят сами за себя. Число благодарных пациентов росло у него год от года. Вскоре известность перешагнула областные рамки. На прием к рязанскому хирургу стремились попасть даже москвичи, а уж столицу в отсутствии светил медицины упрекнуть никак нельзя. Практиковал Дмитрий Сергеевич в больницах г. Рязани на улице Дзержинского, затем в больницах № 5 и № 11. И не было случая, чтобы он отказал в медпомощи своим землякам-пителинцам.

Молодожены Эмма и Дмитрий Тарбаевы

С 1964-го по 1967 годы Д.С. Тарбаев – секретарь парткома РМИ. Работая на кафедре госпитальной хирургии, защитил кандидатскую диссертацию по теме

«Травмы коленного сустава – лечение и диагностика». С 1967-го по 1983 годы – доцент кафедры хирургии санитарно-гигиенического факультета. 1980-й – защита докторской диссертации на тему «Спаечная болезнь брюшины». 1985-й – присвоено звание профессора. 1985–1991-й – заведующий кафедрой хирургии факультета усовершенствования врачей. Здесь на этом поприще проявил себя как хороший наставник молодых специалистов.

Как профессор Тарбаев проводил свои занятия на факультете усовершенствования врачей, мне рассказал врач-терапевт Пителинской ЦРБ Сергей Николаевич Голованов, обучавшийся там в течение двух месяцев в 1986 году. Дмитрий Сергеевич читал курс лекций, как говорится, без бумажки, прямо обращаясь к слушателям, демонстрируя прекрасное знание предмета, широкий кругозор и завидную память. Теорию подкреплял примерами из своей врачебной практики. Умел быстро завладевать вниманием аудитории. Никому не отказывал в дополнительных консультациях. Следуя высказыванию А.П. Чехова («В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли), всегда строго следил за своей внешностью.

Наш земляк – автор более 100 научных работ, посвященных вопросам спаечной болезни, артрологии, детоксикации организма. Под его руководством защищены три кандидатские диссертации. Награжден значком «Отличник здравоохранения».

Надо заметить, что Эмма Петровна старалась не отставать от мужа и в труде, и в науке. Она кандидат медицинских наук, врач-фармаколог. Собственно, и весь род Тарбаевых пошел по линии медицины. Судите сами. Сын Сергей – хирург, доктор медицинских наук, профессор мединститута имени академика И.П. Павлова

в Санкт-Петербурге. Его сын Иван – хирург. Дочь Дмитрия Сергеевича Елена – врач-окулист высшей категории (живет и работает в Санкт-Петербурге). Ее дочь Анна, с отличием закончив мединститут, стала стоматологом. Вот такая семья.

В свободные часы (а их было немного) Дмитрий Сергеевич с удовольствием занимался садоводством и огородничеством (разбил на загородной даче хороший сад). Вообще, любил «копаться» в земле, крестьянский труд. Его постоянно тянуло в родные края. На побывках в родительском доме с радостью впрягался в хозяйственные заботы: косил сено, рубил и колол дрова, копал огород и т.д. Прохладно относясь к рыбалке и охоте, любил ходить в лес за грибами. И в «тихой охоте» с ним мало кто мог тягаться.

Внимательно следил наш земляк за новинками художественной литературы, с удовольствием слушал песни, особенно военной поры. Радовался каждой встрече с односельчанами, подолгу расспрашивал их про пителинские новости, про своих знакомых. Жизнелюб и весельчак, он мужественно встретил известие о поразившей его болезни (рак), стойко переносил все связанные с ней муки и тягости. Умер Дмитрий Сергеевич Тарбаев 3 июня 1999 года.

Собирая сведения о нашем славном земляке, я убедился, что многие пителинцы хорошо его знали и вспоминают добрым словом, как и, наверняка, сотни и сотни других людей на Рязанщине и за ее пределами. А такая признательность, согласитесь, лучший памятник человеку.

Профессор А.И. Николаев

Как и откуда я узнал, что деревня Малые Мочилы – родина крупного ученого-биохимика, профессора, члена-

корреспондента академии наук Узбекской ССР А.И. Николаева, точно не отвечу, как говорится, слишком много воды утекло. За прошедшие годы (более двух десятилетий) не удалось разыскать в районе ни его родственников, ни личных знакомых. Не дали результатов и поездки на малую родину ученого.

–Александр Иванович? Нет, не помним, – отвечали почти в унисон старожилки Малых Мочил Елизавета Никитична Макеева и Александра Миновна Сморчкова. – Раньше-то Николаевых у нас много в деревне проживало… А вот кто из них ученым стал, поди теперь, разберись.

Поиски мои осложнялись тем, что я не знал ни фактов биографии маститого земляка, ни состава его семьи. А как выяснилось впоследствии, эта семья переехала из Малых Мочил в Сасово где-то в конце двадцатых–начале тридцатых годов прошлого столетия, когда будущий профессор ничем не выделялся из среды сельских пацанов-сверстников. Потому-то местные старожилы и не могли его припомнить.

Позже я обратился за помощью к сасовским краеведам. От них получил минимум сведений о составе семьи Николаевых. С научной же деятельностью профессора помог ознакомиться житель Пителина Константин Александрович Дудкинский. Он ездил в Ташкент и по моей просьбе навел там справки о нашем земляке, привез маленькую брошюрку, выпущенную по заказу Министерства здравоохранения и академии наук республики Узбекистан к 70-летию А.И. Николаева.

Итак, вот что в итоге удалось мне выяснить. Александр Иванович Николаев родился 22 ноября 1922 года в д. Малые Мочилы. Его родители, также уроженцы этой деревни, знали, вероятно, друг друга с детства. Когда они поженились, каким хозяйством жили – ничего сказать не

могу. После переезда в Сасово, отец – Иван Ефимович, стал работать в местном банке. Мать – Аграфена Ивановна (в девичестве Лукина) занималась домашними делами, воспитывала детей: Оксану, Ольгу, Светлану, Бориса и, конечно, Александра. Кто из них старше по возрасту, кто младше – не знаю. Также неизвестно: живы ли брат и сестры Александра? Говорили, что все они со временем обосновались в Узбекистане. Как тут не вспомнить популярную когда-то повесть А.С. Неверова «Ташкент – город хлебный».

Трудно сказать, что повлияло на выбор юного Саши, но после школы (ныне средняя школа №106) он поступил в Одесский медицинский институт. Не успел закончить второй курс, как началась Великая Отечественная война. Осенью перевели в Куйбышевскую военно-медицинскую академию. Но вскоре наш земляк получил повестку из военкомата. На фронт попал в 1942 году. Тут бы и описать подробно его долгий ратный путь. Но, увы, сведений мало. Известно лишь, что первое боевое крещение принял под Ленинградом. В одном из сражений получил контузию.

После выздоровления продолжил службу в отдельном батальоне противохимической защиты. Затем воевал на 2-м Белорусском фронте. День Победы встретил в Восточной Пруссии в звании лейтенанта медицинской службы. О том, что он побывал в «буче боевой, кипучей», отважно защищал Родину, свидетельствуют высокие награды: два ордена Красного Знамени (первый получен в 1943-м, второй – в 1945 году), орден Отечественной войны II степени (1944 год).

Да, хочется подробнее рассказать о славном земляке, но крайне скупа на факты биографии ученого брошюрка, не выручает и «всезнайка» – Интернет. Закончилась война. Александр демобилизовался из действующей армии, но

не стал восстанавливаться студентом в Одесском мединституте, а отправился почему-то в Ташкент. Средняя Азия – край неблизкий, иные народы, иная культура. Но можно предположить, что к тому времени вся семья Николаевых перебралась в Узбекистан.

Как бы там ни было, но наш студент перевелся на третий курс лечебного факультета Ташкентского медицинского института (ТашМИ). За годы обучения обратил на себя внимание преподавателей неуемной тягой к знаниям, пытливым умом, упорством и усидчивостью в освоении самых сложных тем и теоретических материалов. После получения диплома ему предложили остаться на кафедре биохимии лаборантом, а еще через год направили на специальные курсы военной академии.

А.И. Николаев

Позже Александр Иванович работал преподавателем ТашМИ, Ташкентского фармацевтического института (с 1952 по 1958 годы), заместителем директора научно-исследовательского института радиологии, рентгенологии и онкологии Минздрава УзССР (1958–1968), защитил кандидатскую (в 1956 году) и докторскую (1962) диссертации. С 1964 года – профессор, с 1967-го – «Заслуженный деятель науки УзССР». Научной деятельности отдавал много сил. Основные усилия направлял на исследования, связанные с выявлением рациональных путей рентгено-химиотерапии злокачественных новообразований, проводя их в тесном контакте с ведущими радиобиологами СССР.

А.И. Николаев значительную часть своих исследований посвятил разработке и широкому внедрению в практику методов профилактики и лечения лучевых осложнений. Огромный опыт наработок нашел отражение в целом ряде статей, диссертаций его учеников, в организации первых в Узбекистане лабораторий, научных групп, занимающихся вопросами радиобиологии, иммунологии и биохимии.

С 1968-го по 1975 годы наш земляк работал проректором по науке и профессором кафедры биохимии ТашМИ. Блестящий организационный талант, интеллигентность, тактичность позволили ему за сравнительно короткий срок сконцентрировать научные силы ведущих лабораторий и кафедр института на наиболее современные и актуальные проблемы медицины.

Научно-исследовательская деятельность А.И. Николаева неотделима от педагогической работы. Как лектор и педагог, он большое внимание уделял внедрению в учебный процесс новейших достижений науки, созданию новых учебников, практических пособий, привлекал студентов к исследованиям, развивая тем самым в них логику, свободу мышления, способность к творческой самостоятельности. Его лекции вызывали большой интерес и у клинических ординаторов, практических врачей, отличались глубиной, наглядностью, простотой изложения.

В эти годы Александр Иванович издает свои первые монографии: «Микроэлементы при лучевой болезни» (1968-й), «Иммунные реакции при химиотерапии» (1969-й) и др. Он автор 230(!) научных работ, посвященных вопросам иммунологии и биохимии. О признании его труда как талантливого экспериментатора и педагога свидетельствует высокая правительственная награда –

орден «Знак Почета» (1971 год). В 1979 году профессора избирают членом-корреспондентом АН УзССР.

Последующие годы (с 1975-го) А.И. Николаев работал в Средеазиатском медицинском педиатрическом институте проректором по науке и заведующим кафедрой биохимии ТашМИ. Им создана уникальная научная школа. Он подготовил 14 докторов и свыше 90 кандидатов медицинских наук, являлся заместителем председателя Узбекского общества биохимиков, ответственным секретарем «Медицинского журнала Узбекистана», членом редколлегии издательства «Медицина» УзССР.

О дате смерти нашего земляка я узнал из Интернета. Единственный файл, который отыскался по моему запросу, содержал помимо скупой биографии фотографию захоронения ученого на Боткинском кладбище Ташкента. На могильном памятнике – изображения Александра Ивановича (22.11.1922–26.11.1994) и Инны Евгеньевны (10.04.1927–17.06.1999) Николаевых.

Думаю, пителинцы по праву могут гордиться таким славным земляком – ученым-биохимиком, педагогом и экспериментатором.

Ученый, писатель, публицист

Видимо, неординарные и одаренные личности появляются на земле не случайно. Биографы, изучающие жизнь, научную и творческую деятельность крупного русского историка, мыслителя, талантливого писателя и публициста, замечательного педагога Аполлона Григорьевича Кузьмина, подметили символические совпадения: родился он в день победы на Куликовском

поле, а умер в День Победы – 9 мая. И сам он был по духу борец, всегда бьющийся за справедливость.

Особенно это проявилось в «смутные» девяностые годы, когда люди стали делиться на «демократов» и «патриотов», а историю страны принялись беспардонно переписывать всяк на свой лад. С точки зрения тогдашней власти историк занял «неправильную позицию» и его перестали публиковать в больших изданиях. А он собирался воевать не только словом. Вместе с писателями патриотического направления пытался создать организацию, которая влияла бы на людей духовно и политически. Из этой затеи, увы, ничего не вышло: если Кузьмин, по словам Валентина Распутина, был одним из самых стойких бойцов, то писателям не хватило основательности и последовательности.

Одной из главных тем исследований историка Кузьмина являлась: кто мы, какие, откуда пошло наше Отечество? Противник «норманнской теории», он утверждал, что варяги, которых славяне призвали как миротворцев на Русь, были и сами ветвью славян. Как и прибалты и пруссы. По поводу притеснений русских в бывших советских республиках Литве, Латвии и Эстонии наш земляк выпустил брошюру под названием «Кто в Прибалтике коренной?». Впрочем, поговорим о публицистической и других сферах деятельности ученого чуть позже. А пока несколько слов о нем самом.

Аполлон Григорьевич Кузьмин родился 8 сентября 1928 года в селе Высокие Поляны. Назвали его в честь

деда по матери. Аполлон Алексеевич еще с дореволюционной поры пользовался большим уважением односельчан, считался одним из наиболее образованных мужиков округи, прислуживал в церкви, имел очень красивый почерк. К нему обращались, если требовалось составить какое-либо прошение и по другим вопросам. Всех своих детей, даже девочек, он обучил грамоте в церковно-приходской школе. Заметной фигурой на селе считался и дед по отцу Александр Михайлович. Он до революции работал счетоводом в Высокополянском кредитном товариществе. Хорошо знали в округе отца будущего ученого Григория Александровича. И это неудивительно, ведь он был фельдшером. Перечислим и других членов семьи. Мать Ксения Аполлоновна, дети (по старшинству) Александр, Нина, Аполлон и Людмила (единственная, кто остался в живых, проживает в Рязани).

Родовой дом Кузьминых давно сгорел. Он стоял на улице Королевке (возле речки Мурки). Но цел и прекрасно сохранился кирпичный особняк в пять окон, где семья проживала с 1947 по 1954 год (тоже на Королевке). Место, я бы сказал, очень живописное.

«Все мое детство, – вспоминал Аполлон Григорьевич, – прошло в лугах. Косить начал в 7 лет, а с 6 лет – читать редко приходящие в колхоз газеты». За год до положенного срока пошел было в школу, но его не приняли, несмотря на заявление: «Я же все знаю…».

Отроческие и юношеские годы его пали на военное лихолетье с голодом, тяжелейшим трудом, искренними переживаниями за судьбу Отечества и жертвенным порывом миллионов советских людей выстоять и победить. Именно в те годы сформировались такие качества характера нашего земляка, как неприятие праздности и удивительная работоспособность.

Как вспоминает дочь ученого Ирина, Аполлон Григорьевич, уже будучи доктором наук, профессором и имея возможность брать путевки в самые престижные дома отдыха и санатории, ни разу ею не воспользовался, и на море ни разу не побывал. Предпочитал отпуска проводить на своей даче в Конюшкове (Подмосковье), при этом продолжая кропотливую научную работу.

Среднее образование Кузьмин завершал в Пителинской школе. От райцентра до Высоких Полян более 20 верст. Тем не менее, очевидцы вспоминают, что зимой (на выходные и праздники) он приезжал с учебы домой на лыжах. Отличался приличным ростом, статью, крепким сложением. Очень хорошо плавал.

Из него мог бы получиться неплохой, скажем, легкоатлет. И действительно, Аполлон в 24 года стал кандидатом в мастера спорта СССР по… шахматам. Увлекшись этой игрой в отрочестве, быстро освоил все тонкости, занялся самообразованием по книгам. В 20 лет попробовал свои силы на районном уровне и удачно – стал чемпионом. Поехал на областные соревнования – и там набрал больше всех очков. Вот его регалии: чемпион Рязанской области 1949 и 1951 гг., вице-чемпион (второй призер) 1952, 1954, 1956, 1957 гг., чемпион первенства РСФСР среди сельских спортсменов 1952 г. Несколько лет вел в Высокополянской школе шахматный кружок.

Среди других увлечений той юношеской поры следует назвать рыбалку. С малых лет ловил рыбу кошелкой (снасти для удочек и спиннингов тогда достать было очень сложно) и к другим способам так и не приноровился. Вместе с сотоварищами сплел как-то огромную корзину. Чтобы доставлять ее к берегу озера Щучье или к лесному озерцу Букля, приделал к ней колеса. Иной раз люди спозаранку просыпались от

странного поскрипывания – это орудие лова следовало к водоему.

Жизнелюб, балагур, мастер острого словца Аполлон умел быть не только душой практически любой компании, но и верным, несмотря на всевозможные жизненные коллизии, товарищем. Чувству крепкой отроческой дружбы он не изменил до конца дней.

Иван Кузнецов и Аполлон Кузьмин испытывают в деле новое орудие рыбной ловли

Кто-то прозвал их метко «четыре мушкетера». Практически одногодки, веселые, инициативные, гораздые на различные выдумки (а порой и озорство) ребята, каждый из которых интересная личность. Это, помимо Аполлона Григорьевича, Федор Лаврентьевич Фролов (работал кузнецом в совхозе «Красный партизан»), Иван Васильевич Кузнецов (возглавлял колхоз «Красное знамя», совхоз «Мокшинский»), Дмитрий Васильевич Заикин (стал замминистра сельского хозяйства по картофелеводству). В юные годы

эта четверка не расставалась ни на день. Но и став взрослыми, перезванивались, договаривались о встрече и собирались в Высоких Полянах, Рязани или в Москве. И если уж встречались на родине, обязательно ехали в луга.

Василий Васильевич Кузнецов не раз виделся и общался с Кузьминым в 60-е и 70-е годы. Вместе ловили рыбу на озерах, на Оке и Мокше. По его словам, Аполлона Григорьевича не столь даже увлекал процесс ужения, сколь сама возможность вновь очутиться на знакомых с детства лугах, ощутить ту особенную атмосферу тесной мужской компании возле костра, с ухой, с водочкой. Иногда он мог бросить рыбачить и лез в воду купаться, хотя вода была очень холодной (скажем, в середине сентября). Всегда и всюду возил с собой семиструнную гитару. Играл и пел просто замечательно. А как иначе – Аполлон в греческой мифологии покровитель муз.

По воспоминаниям В.В. Кузнецова, Кузьмин любил петь современные («ходовые») песни, следил за новинками эстрады. Еще в 60-е годы увлекся творчеством Владимира Высоцкого, собирал его песни. Будучи студентом, устроил в сельском клубе несколько концертов. Сам играл на гитаре и пел, Иван Кузнецов подыгрывал на мандолине, а Федор Фролов – на балалайке. Зал клуба забивался битком народом.

Мне тоже посчастливилось в детстве послушать игру и пение Кузьмина. Аполлон Григорьевич, преподававший в Рязанском пединституте, приехал как-то агитировать абитуриентов поступать в данный вуз. По учебе в институте знал он и мою маму (она училась на три курса старше), – после каникул как-то плыли вместе от лукинской пристани на катере до Рязани и познакомились. Ночевал Кузьмин тогда у нас. Я хоть и был маленьким мальчиком, но обратил внимание, как

гость из Рязани легко и непринужденно вел нить разговора, показывал осведомленность в разных сферах, часто шутил и сам заразительно смеялся удачной шутке. А потом взял гитару… Мне еще не доводилось вживую слышать настолько мастерское исполнение.

По-видимому, Кузьмина по жизни окружали такие же неравнодушные к красоте, природе, неординарные люди. Я достаточно хорошо знаю Анну Павловну Кузьмину – первую жену героя данного очерка. Это прекрасный педагог, творческая личность. Она раскрыла в себе способности скульптора и художника, практически нигде этому не учась. Увы, так вышло, что в середине 50-х годов пути супругов разошлись. Он окончательно перебрался в Рязань, потом в Москву, она осталась в родном селе. Воспитала и вырастила дочь Ирину, которая, избрав профессию врача, стала классным специалистом, кандидатом медицинских наук.

В 1952 году А.Г. Кузьмин поступил на исторический факультет Рязанского педагогического института. Выбор осознанный. За плечами 24-летнего первокурсника – работа в колхозе, учительство в вечерней школе молодежи, где он преподавал практически все предметы (от русского языка до алгебры). Причем учениками юноши являлись его сверстники или люди постарше. Там у него выработалось качество – так строить отношения с обучаемыми, чтобы они не чувствовали возрастного барьера.

Первокурсник из Высоких Полян оказался настолько подготовленным, что на занятиях порою задавал преподавателю такие вопросы, после которых между ними начиналась полемика, а остальная «мелкота» сидела и слушала. Тягу к науке Аполлон почувствовал еще в институте. Рассчитывая поступать в аспирантуру, на третьем курсе истфака стал студентом и факультета

иностранных языков. Позже, аспирантом, приезжал в родные края вместе с группой ученых на раскопки насыпного кургана, что возле д. Марьевка.

Бывая в родном селе, любил подсесть к старикам-долгожителям, завести с ними разговор о «прошлой» жизни. Возможно, такие беседы помогали ему пополнить багаж знаний, лучше ориентироваться в ходе исторического развития и края, и страны. Позже воспоминания местных старожилов он даже записывал на магнитофон.

Следует ли после всего вышеизложенного говорить, что институт наш земляк закончил блестяще.

По настоящему заниматься историей А.Г. Кузьмин стал после окончания истфака, будучи научным сотрудником Рязанского областного краеведческого музея. В тиши музейных хранилищ, расположенных на территории Рязанского Кремля, он открыл для себя неповторимую поэзию древнерусского летописания, что и предопределило его дальнейший путь. В 1958 году Кузьмин поступил в аспирантуру на кафедру источниковедения МГУ.

Молодой ученый столь блестяще сдал вступительные экзамены, что на него обратил внимание крупнейший историк – академик М.Н. Тихомиров, который предложил ему свое научное руководство. У Аполлона Григорьевича появилась уникальная возможность стать учеником школы выдающегося историка, признанного знатока средневековой России, источниковедения и историографии. Академик Тихомиров оказал огромное влияние на формирование А.Г. Кузьмина как исследователя.

Творческий путь в науке наш земляк начал с разработки проблем источниковедения. Темой для его кандидатской диссертации послужило «Рязанское

летописание». В это время (1961–1964) он работал научным сотрудником Института истории АН СССР в группе по изданию полного собрания русских летописей. Чуть позже, в 1965 году на основе кандидатской диссертации издательством «Наука» была выпущена первая книга молодого ученого, которая так и называлась «Рязанское летописание» (тираж 2400 экземпляров). Первая, но отнюдь не последняя. Со временем А.Г. Кузьмин станет автором более 200 работ и полтора десятка книг. Увы, в центральной библиотечной системе Пителинского района имеется лишь первое издание нашего славного земляка.

Существенную помощь в подготовке материала мне оказала дочь ученого Ирина Аполлоновна, проживающая в Рязани. Она предоставила для ознакомления и несколько книг своего отца.

Итак, Аполлон Григорьевич успешно защитил кандидатскую диссертацию, и вскоре приступил к работе над докторской. Для этого требовалось не только накапливать, но и добывать новые знания и материалы. Поэтому в конце концов и согласился в 1969 году возвратиться в столицу в качестве заместителя главного редактора ведущего всесоюзного исторического журнала «Вопросы истории» и преподавателя МГУ (по совместительству) кафедры истории СССР эпохи феодализма.

Годы редакторской работы много дали А.Г. Кузьмину. Он стал признанным специалистом российского средневековья, а также существенно расширил свой научный кругозор и свободно ориентировался в ключевых проблемах отечественной истории в целом. А в 1971 году в МГУ состоялась успешная защита докторской диссертации по теме «Начальные этапы древнерусского летописания», которая явилась

существенным вкладом в разработку фундаментальных вопросов отечественной науки. В ней, в частности, основательной критике подвергалась общепризнанная в науке схема летописания как череда сменяющих друг друга летописцев. По Кузьмину это скорее позднейший свод разнохарактерных и разновременных, нередко противоречащих друг другу, материалов. Ученый сделал выводы о существовании в XI – XII веках целого ряда очагов летописания, различавшихся по идейным устремлениям и политическим пристрастиям, о трех направлениях в Печорском центре летописания, о неверной датировке «Повести временных лет», о генетических связях ее с новгородским летописанием и другие. Многолетние исследования привели его к твердому заключению, что «древнерусская историческая письменность была несравненно богаче, нежели можно представить».

И за какую бы тему, за какую бы научную проблему не брался Аполлон Григорьевич, везде он находил свою, оригинальную точку зрения, везде совершал маленькие, но чаще значительные научные открытия. Вообще удивительно, сколь много нового, неожиданного, но в то же время строго обоснованного внес профессор Кузьмин в отечественную науку! Перечислим только главное: новая концепция происхождения Руси и русского народа, новая концепция крещения Руси, новая концепция истории древнерусского летописания и развития России с древнейших времен.

Свой взгляд А.Г. Кузьмин имел и на так называемую норманнскую проблему (об этническом происхождении правящей княжеской династии Киевской Руси). Он не только выдвинул ряд оригинальных и обоснованных гипотез, но и привлек солидный свод новых источников. Только в двухтомном издании «Откуда есть пошла

Русская земля» собрано и опубликовано 162 письменных известия о племенах русь, которые практически отсутствовали в историографии, так как не вписывались в традиционные концепции как норманистов, так и их оппонентов.

Литературный талант А.Г. Кузьмина ярко проявился в жанре исторических биографий. Широкий интерес самой разнообразной читательской аудитории вызвала его книга «Татищев», опубликованная в 1981 году в серии «Жизнь замечательных людей». Несмотря на тираж 100000 экземпляров, она вызвала такой читательский спрос, что была переиздана уже в 1987 году.

Стали популярными и такие книги нашего земляка, как «Падение Перуна», «Славяне и Русь», «Загадки первых русских князей», «Русь и орда» и другие.

Факты биографии А.Г. Кузьмина свидетельствуют о том, что он никогда не был «кабинетным» ученым, прятавшимся от мирских проблем в тишину архивов и библиотек. Наоборот, он всегда занимал активную гражданскую позицию, оставался истинным патриотом России. С 1998 года и до конца дней Кузьмин бессменно возглавлял Московское городское общество русской культуры «Отечество». Оружие, которым он боролся за Россию – это наука и публицистика.

Очень тяжело переживал Аполлон Григорьевич «плоды» начатой Горбачевым и «демократами» перестройки. С болью в сердце видел, как рушится все, что так трудно и долго создавалось в стране на протяжении нескольких десятилетий. Гордостью за прошлое и горечью за настоящее проникнуты многие его страстные статьи той поры. После серии остро социальных публикаций в журнале «Наш современник», Кузьмину был надолго закрыт доступ к средствам

массовой печати. В его адрес даже стали поступать угрозы расправы.

Неурядицы в стране, намеренный развал Советского Союза вызвали у Кузьмина не только нравственные, душевные, но и физические страдания. У него заметно пошатнулось здоровье. Очень угнетало ученого и то, что ему не давали возможности высказать все наболевшее на страницах центральных изданий. «Что же мне: из окна что ли выброситься, чтобы меня заметили?!» – вопрошал он близких.

Сборник полемических статей «Мародеры на дорогах истории» ученый собирался издать в 1998 году. Однако хода книге не дали, и при своей жизни он ее не увидел. Удалось выпустить сборник только в 2005 году. В нем доступным языком поведано о том, над чем трудился автор долгие годы, что волновало его в смутное межвременье девяностых. Ученый горячо, но объективно рассуждает об исторической науке в целом, специфике национального сознания, о принципах построения российской власти. И, оказывается, все это жгуче современно и актуально.

Те, кто хорошо знал А.Г. Кузьмина, отмечали, что талантлив он был во всем, а в первую очередь отмечали его внимательное отношение к людям. Он любил людей, жизнь, свою работу и творческий поиск. Он тратил силы на науку, совершал добрые дела, добивался исторической правды и гражданской справедливости, не ожидая взамен ни благодарности, ни почестей, ни славы. Бескорыстную любовь к знаниям и Родине сумел передать и многочисленным своим ученикам. Тысячи студентов прослушали курсы лекций профессора Кузьмина, более 30 его учеников защитили кандидатские и докторские диссертации.

И как педагог наш земляк выделялся своей самобытностью. Академический стиль преподавания он удачно сочетал с методами, обращенными к чувствам студентов. Неслучайно одна из его последних работ посвящена анализу творчества поэта Николая Рубцова, чьи произведения, по мнению ученого, способны дать обширный материал для осмысления природы художественного образа, как важного звена познания. Возрождая традицию игры на русской семиструнной гитаре, Аполлон Григорьевич переложил на музыку наиболее близкие ему стихотворения, создав цикл романсов «Русь в стихах Николая Рубцова».

Профессора с учениками связывали всегда теплые человеческие, а иногда даже товарищеские отношения. Они часто посещали его на дому, где радушный и хлебосольный хозяин умел создать такую атмосферу уюта, что хотелось вновь и вновь бывать там, слушать игру Аполлона Григорьевича на гитаре, его пение, спорить, обсуждать волнующие проблемы, в том числе житейские. Любили друзья и ученики Кузьмина собираться и на его даче в Конюшкове. Впрочем, обычный сельский дом с заросшим садом, сеновалом, погребом, где хранилось «фирменное» яблочное вино, мало походил на современные дачи.

Последние годы, после смерти жены и трагической гибели дочери Татьяны (разбилась на автомашине 9 ноября 1996 года за два дня до обсуждения своей кандидатской диссертации), Аполлон Григорьевич часто болел. Ставила его на ноги старшая дочь Ирина (повторимся, кандидат медицинских наук). Умер он в День Победы – 9 мая 2004 года.

Многие пителинцы рассуждают, к сожалению, так: «А что нам возвеличивать ученого из Москвы? Да, родился

он у нас, но жил-то в городах, а у нас последние годы вообще не появлялся…».

Ирина Аполлоновна присутствовала на чествовании отца в Москве в связи с его 75-летием. Уже с утра в квартире профессора-юбиляра беспрестанно раздавались телефонные звонки, звучали поздравления и пожелания. Делались и очные визиты к имениннику. «Папа, какой почет тебе оказывают, сколько людей тебя знают и уважают!» – не удержалась Ирина. Аполлон Григорьевич улыбнулся, но вдруг, вздохнув, высказал сокровенное: больше всего ему хотелось бы, чтобы его оценили родные, близкие, земляки, с которыми он вместе рос, учился, постигал житейские мудрости, чтобы помнили о нем на его малой родине, где у него давно уже не имелось своего угла.

Не раз собирался профессор приехать в Высокие Поляны, купить приличный дом и подарить его местной библиотеке, не имеющей подходящего помещения. Увы, осуществить данное намерение он не успел.

Книги А.П. Кузьмина (прижизненные издания)

Рязанское летописание. М. «Наука», 1965

Индикаты Начальной летописи. Славяне и Русь. М., 1968

Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977

Татищев. М. «Молодая гвардия», 1981 (2-е издание – 1987)

Откуда есть пошла Русская земля. М., 1986 в 2-х книгах

Падение Перуна. М. «Молодая гвардия», 1988

К какому храму мы ищем дорогу? М. «Современник», 1989

Славяне и Русь. М., 1998

Начало Руси. М., 2003

Славянские боги и рождение Руси. М., 2003

Загадки первых русских князей. М., 2003

Русь и орда. М., 2003

История России с древнейших времен до 1618 г. в 2-х т. М., 2003

Мародеры на дорогах истории. М. «Русская панорама», 2005

Певец пителинской земли

Часть 1. Не понятый земляками, не принятый властью

Помню, что уже в шестидесятые в нашей округе имя писателя, уроженца Пителина, Бориса Можаева было хорошо известно. Кто-то знал его лично. А как же иначе? Ведь Борис и детство, и юность провел в родном селе, учился в местной школе, аттестат о среднем образовании получал в Потапьевской – единственной в то время средней школе района, работал учителем в Гридинской… Многие о нем слышали, но мало кто читал его ранние рассказы и повести.

После очередной побывки именитого земляка шли обычные пересуды: сколько дней он провел в родном селе, у кого останавливался на ночлег, с кем встречался и т.п., но только не о творчестве (о котором, повторюсь, почти ничего не знали).

Но вот на экраны страны вышла кинолента «Хозяин тайги». По селу моментально разнеслась весть, что снята она по сценарию нашего земляка. Как выяснилось позже, в основу фильма лег небольшой рассказ «Власть тайги». На премьерные киносеансы (январь 1970 года) в Пителинский клуб народ валил валом. Посмотрел кинокартину и я. Понравилась: красочные виды, увлекательный сюжет, запоминающиеся персонажи. И песни из фильма как-то сразу в души запали. Тут, впрочем, публика раскололась на два лагеря. Одним оказался ближе простецкий персонаж Валерия Золотухина – старшина милиции Сережкин и его раздольный напев «Ой, мороз, мороз, не морозь меня»,

другим же – брутальный бригадир сплавщиков Рябой (Владимир Высоцкий) и его «манифест» – «И не судьба меня манила».

Высоцкий уже тогда был известен как исполнитель собственных песен. А как в фильм включили «Ой, мороз, мороз», мне рассказал Народный артист РСФСР Валерий Сергеевич Золотухин (он приезжал в Пителино в 2003 году на Можаевский праздник). Оказывается, на роль Сережкина его утвердили по личной протекции автора сценария. А до этого Можаев разглядел в уроженце алтайской деревни образ своего Федора Кузькина – главного героя повести «Живой», которую собирался инсценировать вместе с Ю.П. Любимовым. Борис Андреевич подолгу обсуждал с Золотухиным характер своего любимого персонажа. Расходились по домам поздно. Шли по пустым улочкам и набережной Москвы и старались перепеть друг друга. Тут и козырнул Валерий песней своего детства.

Года через два после «Хозяина тайги» вышел фильм-продолжение «Пропажа свидетеля» (по одноименной повести писателя), после чего у меня возникло желание почитать книги земляка. А их оказалось в районной библиотеке всего две: «Дальневосточные повести» и «Дальние дороги» (обе 1970 года выпуска). Особой глубины или лихости сюжетов я в них не обнаружил, лишь бросались в глаза знакомые с детства фамилии некоторых персонажей.

Возможно, на том и закончилось бы мое знакомство с литературным творчеством Можаева. Но позже мне посоветовали прочитать сборник рассказов, включавший, если можно так выразиться, «пителинский» цикл. Тут и сюжеты стали более близкими, и подкупал ясный, простой и емкий язык изложения, своеобразный (порой по-деревенски грубоватый и соленый) юмор. Особенно

заинтересовали рассказы «Как мы отдыхали» и «Домой на побывку». Чувствовалось, что в них речь идет о земляках-пителинцах (о вполне конкретных личностях).

Стал расспрашивать людей бывалых и, странное дело, столкнулся с явно критическим отношением к можаевскому творчеству.

- Да какой уж там писатель!? Собрал старые байки о наших краях да напечатал.
- Приедет в Пителино, наслушается бабских сплетен и анекдотов – и все в книги свои вставляет. Высмеивает нас, земляков!

И прочее в таком роде. Чрезвычайно удивила и позабавила меня реакция пожилой женщины, бывшего работника райисполкома: «Можаев? Представляют мне его: вот, мол, известный писатель. Вроде и в годах уже, а глянула – брючки-то на нем в обтяжку! Вот тебе и писатель!?»

Много позже понял я подоплеку такого негативного отношения. Немало повестей и рассказов Можаев, действительно, выстроил на основе наших местных сюжетов. Разумеется, для миллионной армии читателей огромной страны действующие лица его произведений являлись лишь литературными образами, как ставшие хрестоматийными: Ноздрев, Обломов или Иудушка Головлев. Совсем другое дело для пителинцев. И село, и район маленькие, все друг друга хорошо знают. И как ни тасуй автор фамилии (их, как и уличные клички, Можаев не трудился придумывать, а брал в основном из родных мест), во многих персонажах угадывались вполне конкретные жители округи.

«Наврал, ведь, про меня!» – жалуется с горечью и обидой очередной «прототип», не понимая, что автор описал вовсе не его, а вывел характерный типаж для того, чтобы привлечь внимание к той или иной

наметившейся в обществе тенденции. Иногда Бориса Андреевича просто увлекал курьезный случай и герой забавного происшествия. Но стоит ли обижаться на аналогии? Трудно подсчитать, сколько земляков писатель увековечил в своих произведениях! А с каким уважением и даже гордостью поведал он миру о замечательном садоводе-энтузиасте из Малых Мочил Филиппе Сергеевиче Каткове (рассказ «Тихон Колобухин»). Да разве о нем одном!?

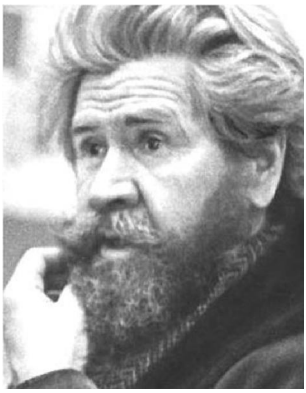
Зато в публицистических очерках Можаев не скрывал и не подменял ничьих фамилий. И тут уж ни бракоделам, ни бюрократам, ни очковтирателям пощады не было. Крепко припечатывал их словом.

Так, например, весьма обиделись наши районные власти на публикацию «Говорит «Браслет-16» в журнале «Крокодил», где критиковались их административные методы руководства. Большинство пителинцев этот номер журнала так и не увидело. По распоряжению районного начальства весь его тираж, поступивший в пителинское отделение «Союзпечати», был изъят.

Борис Андреевич постоянно брался за актуальные, самые острые темы, вскрывал причины возникавших проблем и неурядиц и прямо называл имена виновных. А больше всего переживал за отечественное сельское хозяйство и судьбу российской деревни. Его друг А.И. Солженицын вспоминал про период середины шестидесятых годов: «…это злодейство над землей аж било Борю яростью. Носился он то луга загубляемые смотреть, то в рязанские и московские редакции статьи печатать, да их запрещали как горькую контрреволюцию, - ну тогда хоть выступать где-то, живых людей убеждать, не все же с ума сошли?! (а выглядело внешне: как будто – и все сразу). Сколько он на это сил потратил, сколько отношений с начальством испортил! Он брал на себя

тяжести, как бы не соразмеряя их веса. И – нес, так и не соразмерив. Не первая то была его борьба за спасение нашего сельского хозяйства!» («С Борисом Можаевым» – «Литературная газета» №8, 1997 г.)

Да, путь писателя был непростым и тернистым. Он всегда, несмотря на грозные окрики сверху, отстаивал свою точку зрения, стремился в каждом вопросе докопаться до истины и сути вещей. О чем писал и чьи интересы отстаивал, говорят сами заголовки очерков: «Возродить хозяина», «Слово в защиту провинции», «Люди сопротивления», «Проданная деревня», «Продразверстка – 90», «Землю на митинге не поделишь», «Что меняется в деревне» и т.д.



Он мечтал дожить до лучших дней, поверил на первых порах в перестройку. После 1986 года совершил несколько поездок по стране с М.С. Горбачевым. Но вскоре писатель понял, что вместо провозглашенных перестройки, гласности и ускорения пришло время политического, идеологического, экономического хаоса и разворовывания государства в таком размахе, которого еще не знала многовековая история России.

Он не смирился, бил «в набат», до самых последних дней оставался в строю публицистов-правдоискателей. Его не терпела, затирала прежняя власть, не приняла и новая. Уже будучи смертельно больным, Можаев написал страстную статью о крымской беде, об унизительной плате за Севастополь и непростительной сдаче военно-морских баз. Он не дождался ее публикации. А после смерти писателя готовую статью

просто сняли с полосы основанного им же журнала «Россия», чтобы не вызвать верховного гнева.

Судьба предоставила мне единственную возможность пообщаться с известным земляком. Он как-то подвез меня на своей «Волге» от Пителина до Сасова. Прежде вживую его видеть не приходилось (только на маленькой фотографии в книге), поэтому и узнал не сразу. Когда же, после непродолжительного разговора, понял, кто за рулем, просто опешил и, естественно, растерялся. А расспросить-то хотелось о многом.

Собравшись с духом, поинтересовался: кто прототипы рассказа «Как мы отдыхали» (это сильно меня занимало) и верно ли расшифровал приведенные в тексте названия населенных пунктов? Думал, уклонится, уйдет от конкретных ответов. Но нет. Подтвердил, что Батурин – это Шашурин, Чернец – Черный, Семен Семенович Бородин – его двоюродный брат Иван Иванович Можаев и т.д.

- А егерь Бородин – тоже мой родственник – Николай Иванович Можаев. Он просто поразил меня своей атлетичностью, причем, не показной, не бугристыми мышцами, а какой-то внутренней кипучей мощью.

Да, Николай Иванович до последних лет жизни (немного не дотянул до 90) отличался завидным здоровьем и бодростью, за крепкое пожатие его называли за глаза «железная рука».

Подтвердил Борис Андреевич и мои расшифровки географических названий. Так и вышло, что Тиханово – Пителино, Выселки – Шибково, Сергачево – Синорма, а Пантюхино – Пеньки. Река Прокоша – естественно Мокша.

Теперь, задним числом, обидно, что не успел к тому времени прочитать новый роман Можаева «Мужики и

бабы», первая книга которого уже вышла. Ох, и многое захотелось бы обсудить с автором после его прочтения!

- Как считаешь, бог есть? – вдруг спросил меня Борис Андреевич.

- Нет, конечно!

Улыбнулся в бороду, помолчал. Потом: «Может, и нет. Но, думается мне, есть все же какая-то высшая осмысленная сила, ну, вроде, космический разум…». Далее, к сожалению, дословно не помню. Но суть в том, что в ответственные и решающие моменты этот высший разум как наитие (озарение) помогает нам принимать правильные или спасительные для жизни решения.

Больше с Борисом Андреевичем встретиться не довелось, хотя он еще не раз приезжал в наш район.

Можаев – певец пителинской земли. Кто еще так досконально знал и любил историю края, так тщательно собирал и сберегал связанные с ним легенды и предания. Кто, как не он, оставил нам – потомкам достоверные и развернутые картины народной жизни и крестьянского быта начала-середины двадцатого века. Прекрасно знал он сельский труд и пителинскую природу, потому что исходил пешком все окрестные луга, леса и поля.

Именно исходил. А.И. Солженицын отправился с ним в 1965 году в командировку по тамбовщине и вот его впечатления: «По этой неохватной речной долине – шагал Борис с рюкзачком с таким радостным естественным размахом, как будто вот тут и были его родные места, и он тут каждое местечко знал. Далеко вокруг никого-никого, он громко песни пел. И разливался рассказами. Томился он в каменном сгрудьи столицы – а вот просторы русские все как ждали его, тут он и отдышивался. Где только приходилось – доучал меня птичьи голоса различать: овсянки («сено-вези-да-не-тряси!»), треск коростеля-дергача из травы, бульканье

козодоя и «квик-квик» при взлете, да упорного речного сверчка».

Но еще привольнее ощущал себя писатель в родных с детства краях. За подтверждением вновь обращусь к очевидцу Солженицыну.

«Летом 1969 возникло у нас давно им обещанное: не пора ли поехать на моем «москвиче» - к нему в родные места, в Рязанской области, в Пителинском районе. Он туда сколько ни ездил – все мало, тянула землица, да потолковать с мужичками – что о нынешнем, что о прошлом…

И всегда-то взлетчиво подвижный, Боря в родных лугах еще убыстрился, еще оживился, вот тут он был на месте, как еще нигде я его не видел, от радости он надышаться не мог, широкая улыбка его не закрывалась, - он сам как рос тут со всем растущим, перебегал и перелетал со всем одушевленным тут». («С Борисом Можаевым» – «Литературная газета» №8, 1997 г.)

Сейчас стало модным слово оптимизация. С помощью такого расплывчатого термина правительство пытается оправдать губительную на деле политику в отношении малых сел и деревень. Еще в шестидесятые годы на самом верху решили объявить борьбу так называемым «неперспективным» населенным пунктам. И одним из первых встал на защиту сельчан Борис Можаев. Вот что он писал в статье «Где кому жить»:

«Увы, это не смешно, а тревожно оттого, что иногда в кабинетах решается – стоять или не стоять какому-нибудь рязанскому селу Мамасево. «Да зачем его надо ликвидировать?» – попытаетесь выяснить вы. Вам тотчас ответят: «Существование его экономически не оправдано». – «То есть как? Оно уже тысячу лет стоит!» – «Ну и что. Раньше стихия была, а теперь у нас все по науке… Ну, по клубу на каждое село надо? Надо.

Меньше сел – меньше клубов. Это ж колоссальная экономия в масштабах всего государства».

Нетерпимая для властей правда сельщины приводила к запрету на печатание не только публицистических статей и очерков писателя, но и его повестей и рассказов. Пять попыток (в 1968, 1969, 1971 и 1975 годах) поставить спектакль по повести «Живой» пресекались на самом верху: в министерстве культуры и ЦК КПСС. Вот так Можаев и воевал с властями всю жизнь: сначала на Дальнем Востоке, затем на рязанщине, далее повсеместно. Неслучайно последний незавершенный роман его называется «Изгой».

Умер Борис Андреевич 2 марта 1996 года в Москве. «Хорониться бы ему где-нибудь на сельском кладбище, среди его просторов исхоженных, - писал его друг А.И. Солженицын, - да кому поднять такой переезд, такие усилия, да при нынешнем горьком расстройстве. Когда умирать – еще не легче ли, чем оставаться?».

Александр Исаевич хлопотал, чтобы память друга-писателя была достойно увековечена на его родине. В Пителинской районной библиотеке хранится его письмо главе администрации Пителинского района В.А. Мирошкину, датированное 23.01.1998 г. Вот его текст.

«В Пителино родился, долго жил, затем описал село и район в своих произведениях крупный русский писатель Борис Андреевич Можаев – широко известный в России и за рубежом.

Немало поездивши по России, я посещал изродные места и других известных писателей советского времени – как село Сростки Алтайского края, родину Василия Макаровича Шукшина, или районный центр Мокшаны Пензенской области, родину Александра Георгиевича Малышкина. В этих местах гордятся своими прославленными земляками, бережно хранят их память, устроили музеи в их родительских домах, называют местные школы их именем. Такие литературные очаги уже известны широко по России.

Посещал я и Пителино (правда, уже изрядно лет назад, когда жил в Рязани, но, по моим сведениям, положение не изменилось). Б.А. Можаев, умерший два года тому назад, никак не отмечен у себя на коренной родине. Я очень надеюсь, Владимир Андреевич, что Вы исправите эту ошибку – и хорошо бы к 75-летию Можаева, которое исполняется 1 июня 1998 года. Не представляло бы, я думаю, затруднения, но вызвало бы гордость у земляков, если бы именем Можаева названа была Пителинская средняя школа, а еще бы переименована и улица Пролетарская, на которой он жил («Пролетарий» - отживший идеологический термин, да и означает-то он: «бедняк, не имеющий ничего». С какой стати пропагандировать такой идеал?). Для начала возможен и памятный стенд в школе или клубе.

Я думаю, Вы с сочувствием отнесетесь к моему предложению. Россия славна не столицей одной, отнюдь, но множеством мест, рассеянных по ее пространствам, которые все вместе и составляют ее образ.

Мои лучшие пожелания Вам и всем пителинцам.

АлександрСолженицын, лауреат Нобелевской премии, действительный член Российской академии наук».

Письмо нобелевского лауреата возымело действие. В том же 1998 году решением депутатов Пителинского районного Совета Пителинской средней школе было присвоено имя Б.А. Можаева. Ныне имя писателя носят Пителинская центральная районная библиотека и действующий при ней литературный клуб.

Часть 2. Топонимика можаевских произведений

Центральное место в творчестве Бориса Можаева занимает роман-хроника «Мужики и бабы». Над ним он работал около восьми лет: с сентября 1972 по март 1980. В то время о Веряевском крестьянском восстании (февраль 1930 года) не говорили и не писали. Но память о нем в народе жила. Прочитав роман, пителинцы единодушно решили, что речь в нем идет именно о тех

трагических событиях, очевидцем которых писатель являлся. Позже он рассказывал: «Я помню, как прогоняли этих «врагов советской власти» через Пителино: огромная колонна длиной в полверсты, свернув с большака, протопала в оцеплении стрелков охраны через райцентр, чтобы «другим было неповадно». Стояли мои односельчане вдоль мостовой тихо и сумрачно; мужики сурово насупились, бабы всхлипывали, провожая крестным знаменьем ту серозипунную колонну «бунтарей-вредителей». И даже мы, несмышленые мальцы, во все глаза смотрели на это жуткое шествие, присмирев и позабыв о своих забавах».

О замысле написания «Мужиков и баб» Можаев сообщил А.И. Солженицыну еще в 1969 году, – «сперва цветущая деревня двадцатых годов, потом коллективизация и – отметный крестьянский мятеж, который в Пителинской округе произошел в тридцатом».

Итак, с замыслом и литературным сюжетом все ясно. И хотя названия сел и деревень в романе вымышленные, показана в нем пителинская округа. Центр района в «Мужиках и бабах» – Тиханово, а вокруг: Выселки, Сергачево, Пантюхино, Большие и Малые Бочаги, Еремеево, Брехово, Самодуровка, Свистуново и пр. Перечисленные названия писатель использовал еще в шестидесятые годы в рассказах «Дождь будет» (1965), «Без цели» (1965), «Старица Прошкина» (1966), повести «Живой» (1966) и ряде других произведений. О том, что Тиханово – это Пителино, Выселки – Шибково, Сергачево – Синорма, а Пантюхино – Пеньки, он подтвердил мне в личной беседе.

«На открытом берегу речушки Петравка, впадающей в Оку ниже Касимова» - такими словами начинается рассказ «Старица Прошкина». Понятно, что речь идет о речке Пет. Прокоша, также впадающая в Оку, – Мокша.

От однажды найденных названий Борис Андреевич не отказывался и в дальнейшем, они так и кочуют из произведения в произведение.

Американский писатель Уильям Фолкнер подавляющее большинство романов и рассказов посвятил людям маленького вымышленного округа, созданного лишь собственным богатым воображением. Борис Андреевич Можаев, в отличие от Фолкнера, не стал «изобретать велосипед» – выдумывать виртуальную местность, а поступил проще и мудрее. Ведь, бесспорно и очевидно: чтобы достовернее и нагляднее описать место действия повести или романа, лучше не «высасывать ее из пальца», а припомнить хорошо изученную, исхоженную вдоль и поперек малую родину. Незабвенные картины отчего края и позволяют писателю так доходчиво, ярко, красочно и детально «нарисовать» для читателей необходимые пейзажи, вид улиц и даже отдельных строений.

С чего начинается роман «Мужики и бабы»? Уже на первой странице встречаются хорошо известные всем пителинцам названия: река Ока, в которую впадает Прокоша (Мокша), деревня Брехово, Липовая гора и Падское озеро. Главный персонаж Андрей Иванович Бородин приезжает в село Большие Бочаги в поисках пропавшей кобылы. По дальнейшим описаниям в Больших Бочагах угадываются Большие Мочилы, так как рядом располагаются существующие на самом деле Базулино болото, Мучинский лес, дорога мимо озера Кулма на Богоявленский перевоз, Бреховский бугор, Малые Бочаги (Малые Мочилы) и т.д. И фамилии жителей «Бочагов» для нас говорящие. Например, прототипом мельника Демина послужил… мельник Демин из Больших Мочил. Проживали в селе и Бородины. Правда, под Андреем Ивановичем писатель

выводит своего отца Андрея Ивановича Можаева. Надпись на титульном листе книги гласит: «Памяти родителей моих Марии Васильевны и Андрея Ивановича посвящаю. Автор». Супругу главного персонажа зовут Надежда (по прозвищу «Бочажина»). В действительности мать писателя по уличному окрестили «Мочилкой», так как происходила она родом из Больших Мочил.

Районный центр в романе – Тиханово. Через село протекает «пересыхающая летом речка Пасмурка» (была такая в Пителине). Глава четвертая книги первой начинается с подробного описания огромного дома купца Каманина, соединенного переходом с его магазинами.

«И магазины, и дом возвышались над Тихановым, как дубы над мелколесьем. Дом, построенный земством в девяностых годах прошлого века, стоял под зеленой крышей, с ажурными железными коронами над печными трубами, с широким резным карнизом, с развернутыми во всю ошелеванную стену наличниками, похожими на диковинную кружевную вязь. А низ был кирпичный, и с четкими рустами, с высоким цоколем, разделанным под шубу… Внизу, внутри дома, стены были обшиты мореным дубом, а печи из белоснежного крупного кафеля… Три магазина размещались в одном здании и помостом были обнесены, высоким, многоступенчатым, как паперть в церкви. Какая сила народу стекалась сюда в базарные дни… Теперь наверху, где были склады, разместилась милиция, а из трех магазинов работал только один – промкооперация, а два других, сданных лавочникам Волгареву и Зайцеву, были еще зимой закрыты.

Иван Зайцев, наживший на торговле в Тиханове за тридцать лет целое состояние, закрыл оба своих магазина, продал двухэтажный дом под райзо и укатил куда-то в Казань… А в каманинском доме второй месяц,

как разместились главные учреждения вновь созданного района. И неожиданно Тиханово выделилось на всю округу, и потускнела перед ним слава бывшего волостного села Желудевки».

Старожилы Пителина без труда угадывают по приведенному описанию особняк и магазины купца Николая Илларионовича Кондранина. И, действительно, летом 1929 года, когда образовался Пителинский район, в купеческом доме нашли «прописку» основные административные учреждения и райком партии, а над магазинами – милиция. Все правильно сказано и о купце Тимофее Ивановиче Зайцеве. Его двухэтажный дом цел до сих пор. Ныне в нем размещается Отделение по Пителинскому району Федерального казначейства. Память о купце живет в названии местного пруда – Зайцев.

И еще один исторический факт. Наше сельцо Желудево примыкало к Хохловке (Потапьевской), имевшей статус волостного центра.

Чуть далее в главе восьмой Б.А. Можаев весьма достоверно изображает внешний вид и внутреннее убранство каманинского (кондранинского) трактира (позже в этом двухэтажном кирпичном особняке разместится районный узел связи). Надо признать, что эта глава – настоящий кладезь сведений для краеведа. Здесь обстоятельно и красочно показана картина воскресных базаров, конных бегов, приводятся наши местные легенды.

«География» вымышленного Тиханова полностью совпадает с планом Пителина, вплоть до мелочей, да и по численности населения («едоков в Тиханове всего две тысячи сто восемьдесят») они вполне сопоставимы. По статистическим данным Рязанского окружного исполкома на конец 1930 года (уже после арестов и

высылки, последовавших за Веряевским восстанием) в Пителино проживало 1930 человек. Улица Нахаловка, где живет семья Бородиных, выходит на большую запруду, кирпичный завод и далее на дорогу на Большие Бочаги. Ну разве это не Пролетарская улица, где и стоял отчий дом писателя?!

Наконец, что окружает Тиханово? Рядом, в сторону Волчьего оврага и Красной горки, Выселки с усадьбой помещика Скобликова (по описанию точная копия усадьбы отставного поручика Сергея Николаевича Скобельцина, где долгое время потом размещалась районная больница) и двухэтажным кирпичным домом Амвросимовых (дом Ивана Филипповича Абросимова, являющийся ныне одним из жилых корпусов психоневрологического интерната). Ясно, что речь идет о Шибкове. С другой стороны от Тиханова, по дороге на Степаново, – Сергачево (Синорма).

Рассмотрим более отдаленную от райцентра округу. Вот подборка цитат из книги первой, главы 12.

«Когда Сережа был маленьким, он всегда спрашивал – скоро ли подойдут луга? Теперь он знал, что до лугов будет Пантюхино… потом Тимофеевка, потом еще Саверский пруд, а уж потом луга, да и то сперва чужие. Наши луга были под самой рекой Прокошей».

«Между тем проехали первый перекресток, вправо пошла дорога на Пантюхино, обоз взял левее, вдоль села…

–Папань, я все тебя хочу спросить: вот там на самом взъеме ямины остались,– Федька указал на Пантюхинский овраг. – Говорят, будто землянки там рыли…

–Говорят, – отозвался Андрей Иванович. – Там стоял дубовый лес, когда пригнали сюда пантюхинцев. И церковь из тех дубьев срублена.

–А почему их зовут погаными?

–А кто их знает. Будто их в карты проиграл какой-то князь. И пригнали их сюда из Литвы. Вот и прозвали погаными».

Думаю, понятно о каком нашем населенном пункте идет речь. По преданию, село Пеньки в давние времена располагалось на противоположной стороне оврага в местечке «Глинная яма». Бок о бок здесь жили татары и литовцы. Лес нещадно вырубали, освобождая территории под пашни (потому и – Пеньки). Когда в Елатомский уезд вошла часть Кадомского уезда с Полтевыми Пеньками, во избежание путаницы село стали именовать Грушевские Пеньки (по фамилии владельца генерал-поручика В.В. Грушецкого), а иногда – Поганые Пеньки.

Надо отметить, что Б.А. Можаев не только дает в романе точные зарисовки пителинских ландшафтов, но и приводит бытующие в местных краях легенды.

«–Папань, а что, правда или нет, будто в Святом болоте по ночам на Юрьев день свечка горит? – спросил Федька.

–Это правда, – ответил отец. – Там дружина Рязанского князя Юрия чуть не утонула. Она гналась за татарским ханом Темиром и забрела в болото. Всю ночь выйти не могла. Чуть не потонула. Да, слава богу, явился им на рассвете Николай Угодник. Он и сотворил чудо – хлябь болотную в твердь преобразил. Ну князь Юрий дружину-то и вывел. А в честь явления Николы Чудотворца на этой тверди церковь построил. А церковь взяла да провалилась.

–Почему? – спросил Сережа.

–Потому как твердь была чудотворной. А чудо, оно долго не держится, – ответил отец.

–Почему? – спросил опять Сережа.

–Значит, назначение у него такое – удивить и раствориться. Чудо, оно и есть чудо, штука

недолговременная, вот с той поры и горит свечка по ночам.

–Папань, а догнал Юрий того хана Темира? – спросил Федька.

–Догнал… В Красулином овраге. Там и убил он татарина. Все его войско положил. С той поры Красулин овраг для всех татар – место поганое. Какой бы татарин ни ехал мимо того места – плюнет и отвернется».

За Пантюхиным, по тексту романа, ближе к Прокоше-Мокше следует Тимофеевка. Вот ее зарисовка:

«Тимофеевка, большое чистое село с богатым выгоном, на котором вольно разлились озера с камышовыми зарослями да с желтыми кувшинками, что на твоих лугах, заметно отличалось от Пантюхина – дома здесь все кирпичные да побеленные, под железными зелеными крышами, в палисадниках сирень да мальвы, в окнах герань, тюлевые занавески, на крышах кони резные да петухи. Во всю улицу трава-мурава да ромашки, и не видно ни телят, ни свиней – вся скотина на шикарном выгоне; а здесь одни ребятишки гоняют железные обручи да старухи сидят на лавочках, чулки вяжут…

За Тимофеевкой на берегу Саверкина пруда…»

Похоже на Темирево? Не очень, но похоже. А, впрочем, так, наверное, и выглядело это село много лет назад. Существовала ранее и деревня Саверка с прудом (в 1973 году вошла в состав села Темирева). Но продолжим расшифровку часто встречающихся в романе названий.

В развернутой панораме Степаново трудно не признать Потапьево. Писатель описывает высокий правый берег Петравки (Пета) с церковью, лесным парком бывшего поместья Свитко (Снитко). А на другом берегу: «земская больница – три длинных деревянных корпуса под зеленою крышей», «бывшая ремесленная школа с

красным двухэтажным учебным корпусом и приземистыми, длинными мастерскими» (книга первая, глава 11).

А вот деревню Каменка Борис Андреевич даже не стал «зашифровывать»:

«–А ты знаешь, в Каменский омут Черный Барин мешок проса уронил. Слыхал, где выплыл?

–И где?

–В Оке, под Касимовым. Мешок по таблу узнали, печати то есть.

–Дак, то ж под Каменкой, пропасть!».

Действительно, возле нашей Каменки на дне овражка, пересекающего трассу на Гридино, имеется местечко «Прорва». Вешние воды, якобы, уходят тут сквозь землю, а далее через овраг «Черная речка» в местечке «Луконь» они попадают в речку Пет.

За Каменкой же, через лес, согласно тексту романа, лежит большое село Гордеево.

«Гордеевский узел был лесной стороной. Здесь отродясь хлеба досыта не едали. «Живут плохо – грибы да картоха»,– посмеивались над ними тихановцы. Издавно подрабатывали они бондарным да колесным ремеслом да отхожим промыслом. Из Гордеева ежегодно отходила добрая сотня штукатуров да из Веретья не меньше сотни каменщиков. Отходили в Подмосковье на стройки с поздней осени до ранней весны» (книга вторая, глава 9).

«Подъезжали к селу уже ввечеру; на высоком церковном бугре на черных липах дружно, картаво кричали галки, зеленый купол колокольни, золотая луковка и крест блестели в жарких отсветах кровяного заката… С высокого церковного бугра все село видно было как на ладони: два бесконечно длинных порядка домов по берегам извилистой Петравки; внизу, у самого

речного приплеска, в окружении ветел и тополей, за тесовой оградой, – деревянная, крашеная охрой школа…» (книга вторая, глава 13).

По-моему, весьма похоже на Гридино. Что касается штукатуров. Вот выдержка из первого тома Рязанской энциклопедии (Рязань,1999): «Из Гридина вышли знаменитые штукатуры, которые работали на постройках в Касимове, Муроме, ходили в Астрахань и Ростов-на-Дону. В Гридине были даже две подрядные конторы, принимавшие заказы на штукатурные работы и отправлявшие людей на заработки в другие города».

Далее за Гордеевом на берегах Петравки располагается зажиточное, с барской усадьбой и садом, с двухэтажным домом бывшего депутата Госдумы Осичкина село Веретье – главный очаг крестьянского восстания. Разумеется, это Веряево, где до сих пор возвышается особняк Никиты Григорьевича Осичкина (1865 – ?) – депутата 2-ой Госдумы.

В тексте романа можно встретить немало натурных зарисовок различных уголков Пителинского района. Но ссылаться на них я не буду. Просто расшифрую еще ряд часто встречающихся в произведении названий.

Итак, Агишево – это Азеево, Брехово – так и есть Брехово, Бусыгино – Беседки, Еремеево – Ермо-Николаевка, Климуша – Климушинка, Любашино – Любовниково, Назарово – Нестерово, Новый Свет – Новый Свет, Пугасово – Сасово, Свистуново – Свищево, Сосновка – Соколово.

Теперь обратим внимание на фамилии «Мужиков и баб»: Акимов, Бабосов, Демин, Зенин, Кадыков, Киселев, Кирюшкин, Климаков, Климачев, Кузьмин, Майоров, Малафеев, Маринин, Милехин, Миронов, Монахов, Назаркин, Орехов, Осичкин, Потапов, Романов, Савин, Самохин, Сидоркин, Сизов, Силаев, Сморчков,

Соломатин, Тюрин… Ну разве это не наши распространенные фамилии?! Не буду приводить уличные прозвища, которые упоминает автор, чтобы не обидеть никого из земляков.

Лет тридцать назад легко было бы выявить большинство прототипов «Мужиков и баб» и прочих произведений Можаева, связанных сюжетами с нашей округой. Теперь гораздо сложнее – один за другим тихо уходят в мир иной старожилы, очевидцы описываемых событий. Да и желающих заняться такими исследованиями творчества нашего именитого земляка пока что-то не видно.

Основные произведения Б.А. Можаева

Земля зовет (очерк). «Дальний Восток» № 4, 1955
Зори над океаном (стихи, песни, поэма). Владивосток, 1955
Удегейские сказки. Владивосток, 1955
Власть тайги (рассказ). «Октябрь» № 8, 1957
Саня. Наледь. Тонкомер.
(повести, написанные в 1956-1957 гг). Благовещенск, 1961
Полюшко-поле (повесть). М., 1965
Живой (Из жизни Федора Кузькина) (повесть).
«Новый мир» № 7, 1966
История села Брехова, писанная Петром Афанасиевичем
Булкиным (повесть). М., 1968
Пропажа свидетеля (повесть). М., 1969
День без конца и края (киноповесть). «Новый мир» № 9, 1973
Падение лесного короля (повесть). М., 1975
Мужики и бабы (роман, книга первая, 1972-1973). М., 1976
Старые истории (повести и рассказы). М., 1978
Уважение к земле (очерки, киноповесть). М., 1979
Полтора квадратных метра (повесть, 1970).
«Дружба народов» № 4, 1982
Как земля вертится (комедия в двух действиях).
«Театр» № 1, 1986
Мужики и бабы (роман, книга вторая, 1978-1980). М., 1987

Единожды солгавши (трагикомедия). «Юность» № 4, 1988
Мокеич (рассказ). «Москва» № 8, 1988
Изгой (роман, книга первая).
«Наш современник» №№ 2-3, 1993
Затмение (рассказы и очерки). М., 1995

Другие прижизненные издания (сборники)

В амурской дальней стороне. М., 1963
Дальневосточные повести
(Саня. Наледь. Полюшко-поле). М., 1970
Дальние дороги. М., 1970
Лесная дорога (повести и рассказы). М. «Современник», 1973
Минувшие годы («Мужики и бабы», «Живой», «История села Брехова, писанная Петром Афанасиевичем Булкиным»).
М. «Советский писатель», 1981
Запах мяты и хлеб насущный
(эссе, полемические заметки). М., 1982
Избранные произведения в 2-х т. М. «Современник», 1982
Дождь будет
(«Мужики и бабы», повести и рассказы). М., 1985
Тонкомер (повести). М., 1985
Надо ли вспоминать старое?
(очерки, эссе, повести, рассказы). М., 1988
Собрание сочинений в 4-х т.
М. «Художественная литература», 1989
Русские детективные истории, не похожие ни на что
(повести и рассказы разных лет). М., 1993
Хозяин тайги (повести и рассказы разных лет). М., 1994

Кинофильмы по сценариям Б.А. Можаева

Зеленый дом (Свердловская киностудия, 1964)
Хозяин тайги («Мосфильм», 1968)
Пропажа свидетеля («Мосфильм», 1971)
Предварительное расследование («Мосфильм», 1978)
В распутицу («Мосфильм», 2 серии, 1986)
Вам что, наша власть не нравится? («Мосфильм», 1988)
Из жизни Федора Кузькина (им. Горького, 2 серии, 1989)

Наш земляк Б.А. Можаев

1. А из какого он рода?

О славном нашем земляке писателе, публицисте, киносценаристе Б. А. Можаеве сказано и написано немало. И все же давайте еще раз вспомним: кто он, какого рода-племени. Вот что отмечал Борис Андреевич в своей автобиографии от 1995 года:

«Вся биография писателя хорошо просматривается в его книгах, в спектаклях, в кинофильмах, в публицистике. Что же касается рода его, то и он угадывается в творчестве писателя. Следственно, моя задача в этой короткой справке сводится к тому, чтобы уточнить некоторые этапы моей жизни и родственные связи мои. Недаром в прежние времена спрашивали допреж всего: «А из какого он рода?».

Родился я в 1923 году, первого июня (на духов день) в селе Пителине. Отец мой до революции служил на пароходе, как и деды мои, но все они крестьянского рода. Дед по отцу Можаев Иван Зиновьевич был астраханским лоцманом, еще в прошлом веке водил суда по знаменитому каналу из Волги в Каспий. Родней я был богат – братьев и сестер было пятеро, а двоюродных, троюродных не перечтешь. Только по отцовской линии имел трех теток и пять дядьев. С одним из них, с Николаем Ивановичем Можаевым, ушел на войну в 1941 году, в сентябре месяце: «В кругу скупых на слезы, ласку; в кругу семей своих, мешок наклали под завязку нам с дядей на двоих. И древней Муромской дорогой пошли мы, млад и стар…».

А всего от Можаевых, то бишь родственников из нашего села, воевало в эту войну шесть человек. Столько же пителинских Можаевых воевало в Первую мировую войну. И вот чудо – хоть и раненые, но все возвращались. У дяди Михаила шинель была прострелена в трех местах.

Двоюродный брат мой Можаев Иван был ранен осколком снаряда в голову. И поправился… Работал будь здоров! А ежели напьется, то, куражась, спорит: «Клади яйцо на голову – не упадет!».

На темени кость выбита – впадина. И действительно, яйцо не падало с головы. «Иван, что ж ты врачей не просил, чтоб заделали тебе эту ямину?» –«Да, глупые они. Давай, говорят, ребро у тебя вынем и залатаем голову» – «И ты отказался?» – «Ну? Чудак-человек! Как же без ребра-то жить?».

Словом, по отцу родня моя веселая. И по матери родственники мои не скучали… Дед, Песцов Василий Трофимович, и старший дядя были моряками. Дед – активный участник революции 1905 года – служил на Черном море. После революции скрывался два с лишним года. По амнистии в 1908 году вернулся в родное село Мочилы, где не был двадцать пять лет. Привез со станции десятка полтора чемоданов, саквояжей, баулов. Бабка думала: «Добра-то сколько! Носить теперь не токмо нам – детям и внукам не переносить…».

Стали открывать эти чемоданы да саквояжи – а там одни книги. Он всю библиотеку партячейки привез. Я помню эти книги в доме деда… Неспокойный был человек – он и умер в пути. Решил, что революция в Москве да Питере не так сделана. В начале восемнадцатого года поехал в Москву, чтобы доказать кому следует: «Не так делаем!». Да поездка не удалась… Поезда остановились…. А тут тиф. Дед заболел тифом и пролежал на какой-то станции. Привезли его домой еле живого… Умер от революции.

А дядя мой – Песцов Павел Васильевич, штурман корабля (он окончил Нобелевское училище в 1912 году), поздней осенью 1918 года на своем пароходе пришел из

Каспия в Казанский затон. И там погиб в марте–апреле 1918 года.

Это – моя близкая родословная. Но ежели заглянуть чуть подальше, то вот еще что могу сказать: все Можаевы из Пителино, т.е. моего родного села, – родственники».

Действительно, если заняться родословной писателя, то можно составить весьма и весьма раскидистое генеалогическое древо, отталкиваясь от «корня» – прадеда Зиновия Можаева. Его надгробия на пителинском кладбище я не нашел, а вот дедовское – Ивана Зиновьевича сохранилось. Надпись на известняковом камне плохо читается, с трудом разобрал год смерти – 1904. Дед по материнской линии Василий Трофимович Песцов похоронен, очевидно, на кладбище села Большие Мочилы.

Продолжим можаевскую ветвь. Иван Зиновьевич вырастил девятерых детей, а у него и братья были. Вот и представьте кустистость родового древа уже от самого низа ствола. Отец писателя Андрей Иванович (1885–1935) служил на пароходе до 1917 года, участвовал в Первой мировой войне. Вернувшись в Пителино, женился на Марии Васильевне Песцовой (1889–1974), завел крепкое крестьянское хозяйство, имел восемь–девять десятин пахотной земли и лугов. Характера был твердого и независимого, не боялся высказывать свои суждения по поводу сплошной коллективизации и обстановки в стране, за что и поплатился. 18 мая 1935 года Андрея Ивановича арестовали и приговорили по ст. 58.10 УК РСФСР к трем годам высылки. Работал в заключении на строительстве военного аэродрома под Благовещенском, где и умер от истощения. Сиротами остались шесть детей. Первенцу Дмитрию – 23, младшему Коленьку не исполнилось еще трех лет.

Будущий писатель, Борис, был в семье четвертым и вторым из выживших (до него двое детей умерли в младенчестве) ребенком. О его дальнейшей судьбе мы еще поговорим. Сыновья и дочь писателя живут в Москве. Андрей – сценарист, прозаик, публицист, доцент кафедры драматургии кино ВГИК. Можно сказать, пошел по стопам отца. Анита – филолог, научный сотрудник института мировой литературы им. Горького, преподаватель истории зарубежной литературы, занимается переводами. Петр окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики, научный работник по тонким технологиям, работает по обмену специалистами в основном за рубежом.

А в Пителине ныне проживают две двоюродных племянницы и один двоюродный племянник Бориса Можаева.

2. Где эта улица, где этот дом?

Продолжим биографию нашего славного земляка. После окончания в 1940 году школы (Потапьевской) Борис Можаев подал документы в Горьковский институт водного транспорта на кораблестроительный факультет. Но тогда за обучение ввели плату – 150 рублей в год. До середины осени юноша как-то умудрялся находить деньги на учебу, подрабатывая грузчиком на пристани. Но потом дела пошли туго. Пришлось вернуться домой, искать хотя бы временную работу.

«В Гридине в далекую довоенную пору я начинал свою трудовую самостоятельную жизнь учителем семилетки. Это было огромное село… В одном из этих пятистенных домов, у Фрола Андриановича Муханова, я и проживал. Двое нас было, снимали горницу: «уцытель маленький» и «уцытель большой». «Уцытель маленький» был я. Мне в ту пору стукнуло всего семнадцать лет… Отсюда, из этой школы, из этого села уходил я на войну

осенью сорок первого года. Много нас ушло отсюда: Коля Комаров, Иван Ханаков, Ваня Чуев, Шура Гуреев, Шура Егжов, Александр Александрович Жданов, Борис Хитров…» (из очерка «По дороге в Мещеру»).

Дом Фрола Андриановича и Екатерины Ильиничны Мухановых (их давно нет в живых), у которых в 1940–1941 годах квартировал Борис Можаев, до сих пор цел и неплохо сохранился. А вот родовое гнездо писателя в Пителине, увы, разрушилось. Обустраивал его отец, Андрей Иванович. «И скота полон двор; и дом высокий, сосновый, да летняя изба прирублена, да коридор, да еще кладовая кирпичная (в ней теперь живут, как в доме…)», – вспоминал позже Борис Андреевич.

Ныне не только молодежь, но и многие пожилые люди, коренные пителинцы, не смогут достоверно показать место рождения писателя. Как говорится, где эта улица, где этот дом? Причина, видимо, в том, что Можаевы окончательно оставили его в конце сороковых. Дети разъехались по городам и весям. Марии Васильевне стало одиноко и тоскливо в опустевшем доме. Она продала его и переехала в Алма-Ату к дочери Евгении.

По воспоминаниям старожилов родовое гнездо писателя выглядело так. Деревянный дом на высоком фундаменте выходил на улицу узкой частью. К нему справа примыкала бревенчатая пристройка – прируб. Через входную дверь (не с торца, а сбоку) по ступенькам поднимались в просторные сени. Там, справа, у стены стояла кровать, дальше – два чулана. В самом дому – налево от входа русская печь, за ней кухня с одним окном, еще грубка, две отгороженных спаленки по правую руку. Кирпичная кладовая располагалась в трех метрах справа от жилья (вход со стороны улицы), двухстворчатые ворота для въезда телег – слева, дворы с бывшей конюшней, коровьим и овечьим хлевами – сзади.

После Можаевых в их дому жила Евдокия Сергунина, которую все звали баба Душа. Она умерла в середине восьмидесятых. Оставшееся без присмотра и без того уже ветхое строение простояло недолго. Под жилье переделали и бывшую кладовую Можаевых.

Борис Андреевич, приезжая в Пителино, чаще всего гостевал у двоюродного брата Ивана Ивановича Можаева (ул. Ленина, 14) либо, почти напротив (через улицу) отчего дома, у тещи брата Дмитрия – Евдокии Акимовны Сергуниной (не путать с бабой Душей). Сохранились в поселке и кирпичные особнячки дядьев писателя по отцу Максима, Николая, Зиновия – на улице Ленина, Михаила – на улице Луначарского, теток Анны Корольковой и Прасковьи Ермаковой (Советская площадь). Наверняка, в детстве Борис во всех из них бывал неоднократно.

И очень жаль, что родительский дом писателя не уцелел. Так где же он находился? Есть точный ориентир местечка. Это полуразрушенная кирпичная кладовая Можаевых, которая долгое время потом служила жилым помещением. Здание имеет адрес: улица Пролетарская, 26. Слева от него и стоял когда-то дом, построенный Андреем Ивановичем. В 2013 году в связи с 90-летием со дня рождения Б.А. Можаева на том месте установлен гранитный камень с соответствующей табличкой.

Снова вернемся к биографии писателя. Как мы помним, в сентябре 1941 года он, вместе с десятками земляков, отправился древней Муромской дорогой на войну. К счастью, в мясорубку западных фронтов не попал – служил на Дальнем Востоке. В конце 43-го бойцов, призванных в армию из институтов (а Борис перед войной некоторое время проучился в Горьковском институте водного транспорта), стали направлять на офицерские курсы и в высшие военно-морские училища.

Вот таким путем наш земляк попал в Ленинградское высшее инженерно-техническое училище ВМФ, дислоцировавшееся тогда в Ярославле. На одном курсе с ним учились 70 человек, из них 9 стали потом адмиралами и генералами, 11 – докторами наук, 25 – кандидатами наук и капитанами первого ранга. Писателем – один! Окончил училище в 1948-м и был направлен на Тихоокеанский флот в звании инженер-лейтенанта. По распределению попал в Порт-Артур на Ляодунский полуостров. Занимался там строительством фортификаций.

На Дальнем Востоке Борис Андреевич попытался найти место захоронения отца. Но ему показали только общие могилы без крестов и каких-либо табличек.

Там же, на Дальнем Востоке, наш земляк начал свою писательскую деятельность… в качестве поэта. Его стихи печатали местные газеты. Два из них «Скрылись мачты стройные» и «Этих дней не смолкнет слава» положил на музыку Исаак Дунаевский. Как вспоминал композитор в книге «Широка страна моя родная», к 15-летию Тихоокеанского флота его попросили написать пару песен. Его привлекло творчество молодого флотского офицера Можаева.

На гребне такого успеха нашему земляку удалось выпустить первый (и единственный) сборник стихов, песен, поэм «Зори над океаном» (Владивосток, 1955). Один экземпляр с дарственной подписью автор подарил Пителинской районной библиотеке.

После демобилизации из флота (1954 год) Можаев стал дальневосточным собственным корреспондентом «Строительной газеты», впоследствии работал в «Известиях». Его статьи постоянно публиковали в журналах и газетах. Во второй половине пятидесятых в издательстве Владивостока и журнале «Октябрь»

появляются первые художественные рассказы и повести Можаева. У многих из них дорога к читателю оказалась отнюдь не прямой и простой.

3. Трудная дорога к читателю

После выхода на Дальнем Востоке двух небольших книг и публикаций в журнале «Октябрь», в 1960 году Бориса Можаева принимают в Союз писателей СССР. Статус члена СП позволил вскоре в издательстве Благовещенска подготовить к выпуску сборник повестей («Саня», «Наледь», «Тонкомер»), написанных в 1956–1959 годы. Первая книга в Москве вышла в 1965-м.

Многие вещи писателя пробивали себе дорогу в печать с большим трудом. Так, чтобы опубликовать очерк «Земля ждет хозяина» (1960 г.), главному редактору журнала «Октябрь» Федору Панферову пришлось дойти до одного из секретарей ЦК КПСС и помощника Н.С. Хрущева. Очерк разрешили напечатать лишь через год, причем из названия потребовали убрать слово «хозяин».

Серьезная полемика развернулась вокруг повести «Против неба на земле». По мнению цензоров, в ней явно не хватало социализма. Повесть вышла спустя два года и под другим названием «Полюшко – поле». Это первое художественное произведение Можаева о проблемах деревни, положившее начало его деревенской прозе.

В 1966 году Борис Андреевич написал пьесу «Единожды солгав», рассказывающую о жизни страны на рубеже 1950–1960-х годов. Ее собирался поставить во МХАТе Михаил Кедров. Но коллегия министерства культуры решила, что никакого очковтирательства у нас в стране нет и поэтому ставить спектакль запретила.

Повесть «Живой» взялись напечатать в журнале «Новый мир». Правда, название пришлось поменять – «Из жизни Федора Кузькина». О публикации своей

повести Борис Андреевич узнал в родном Пителине. Вот как вспоминает об этом его сын Андрей (с которым мне в свое время удалось завязать переписку):

«Мы уже неделю были в лугах на сенокосе, помогали моему двоюродному дяде, который выведен в рассказах под именем Семена Семеновича Бородина (имеется ввиду Иван Иванович Можаев). Кстати, темперамент Федора Кузькина, его острое бойкое слово были взяты отцом именно с брата. Он – один из прототипов Живого… И вот. Когда я приехал из лугов в Пителино на вечернюю гулянку со сверстниками, вдруг доставили телеграмму. Я знал, что отец очень ждет ее. Я тут же оседлал своего синего «Орленка» и припустил в луга за десять верст. Только голова среди трав мелькала! Так была получена отцом телеграмма от Твардовского, где тот извещал, что повесть «Живой» под другим названием поставлена в номер и идет в печать. Тем и закончилась наша поездка и гощение на родине. Начиналась бурная жизнь повести «Живой», ставшей во многом ключевой для литературы, театра и всей в целом общественной жизни последней трети двадцатого века…». Шел июль 1966 года.

Повесть «Из жизни Федора Кузькина» вызвала огромный резонанс. Юрий Петрович Любимов взялся инсценировать ее в своем театре на Таганке. Однако власть (прежде всего в лице секретаря ЦК КПСС П.Н. Демичева и министра культуры Е.А. Фурцевой), расценив повесть и спектакль как пасквиль на советский образ жизни, прибегла к

запретительным мерам. Премьера спектакля состоялась только в 1989 году.

«Историю села Брехова, писанную Петром Афанасьевичем Булкиным» Можаев написал в 1968 году, повесть «Полтора квадратных метра» (позже по ней сняли кинофильм «Вам что, наша власть не нравится?!») – в 1970-м. А к 73-му была закончена первая книга романа-хроники «Мужики и бабы». И с ним натерпелся он немало.

Как вспоминал сам писатель: «Напечатать роман оказалось сложно. Так, три года не мог опубликовать первый том. Сначала он был принят бывшим главным редактором журнала «Новый мир» В. Косолаповым. Но Косолапов напечатать не успел, а сменивший его С. Наровчатов роман отверг. Только в 1976 году удалось выпустить первый том в издательстве «Современник». В конце семьдесят восьмого сел за второй том. Написать его мог уже к осени семьдесят девятого. Но я не видел издателя. Поэтому решил роман отложить и на полгода заняться кино, сделать фильм «Предварительное расследование». А потом за четыре месяца дописал второй том. В марте восьмидесятого поставил точку.

Рукопись обошла почти все журналы. Побывала она в журнале «Дружба народов». Отдел прозы и рабочая редколлегия ее одобрили, но главный редактор С. Баруздин сказал, что вперед пропустит мою повесть «Полтора квадратных метра», которая лежала у него десять лет, а потом только роман. Но после публикации повести в газетах поднялся большой шум, и роман Баруздин печатать уже не стал.

Я отнес рукопись в журнал «Наш современник». Романом горячо заинтересовался тогдашний первый заместитель главного редактора Ю. Селезнев. Он отнес рукопись в Главлит и получил разрешение на ее

публикацию. Однако вернувшийся из творческого отпуска главный редактор С. Викулов роман отклонил. После этого рукопись была предложена журналу «Новый мир». Роман снова попал в Главлит и никаких возражений, к удивлению тогдашнего редактора, вновь не вызвал. Три года В. Карпов тянул, но так не напечатал…».

Много позже, вспоминая эту историю, сын писателя Андрей отмечал, что для публикации романа, посвященного переломным событиям в жизни русской деревни (с крестьянским восстанием!), и в «перестройку» нужна была смелость. В конечном итоге взялся и напечатал журнал «Дон». «Не уступите?» – с надеждой спрашивал Борис Андреевич, и редактор В. Воронов отвечал исторической фразой: «С Дона выдачи нет!».

Последние годы жизни Можаев работал над романом «Изгой», который являлся как бы продолжением «Мужиков и баб» и отражал трагическую судьбы отца писателя и историю его семьи. Первая книга вышла в журнале «Наш современник» – №№ 2–3, 1993 г. Вторую книгу романа писатель завершить не успел – помешала смерть. Он умер 2 марта 1996 года.

Трудно сказать, есть ли большой спрос на книги Б.А. Можаева. Но по своему опыту знаю, что найти и купить их в магазинах – задача непростая.

Гвардейцы спорта

С 12–13 лет я увлекся спортивной статистикой, в первую очередь хоккейно-футбольной. Начал с малого: составления таблиц с результатами игр чемпионатов мира по хоккею, покупал наборы открыток, делал вырезки из газет с турнирными таблицами первенств Советского Союза и Рязанской области. Ходил на товарищеские и официальные футбольные матчи – благо

стадион располагался рядом с домом. Пителинский «Урожай» в те годы регулярно участвовал в первенстве (3-я группа) и кубке области.

Надо сказать, что я попал в благодатную пору для ведения статистики. Практически все центральные газеты (даже «Правда») достаточно широко освещали спортивную жизнь страны. Регулярно публиковались турнирные таблицы первенств СССР по футболу, волейболу, баскетболу, гандболу и пр. А ведь был еще и специализированный «Советский спорт»! В общем, наша пресса успешно заменяла тогда нынешний Интернет.

Постепенно, с углублением в историю видов спорта, я заинтересовался: когда начали играть в футбол и хоккей в нашем краю? Стал «копаться» на сей счет в старых подшивках районной газеты. За таким занятием застал меня как-то Николай Александрович Макаров.

–А знаешь ли ты, – огорошил он меня вопросом, – что в нашем районе родились знаменитые спортсмены: чемпион Олимпийских игр по хоккею Хлыстов и игрок сборной СССР по футболу Мамыкин?

Оказалось, что Н.А. Макаров в начале 70-х годов беседовал в деревне Вяжневке с родным дядей известного хоккеиста. Увы, я попал туда только 15 лет спустя, когда в живых не осталось ни близких, ни дальних родственников олимпийского чемпиона. Да и все-то население деревни сократилось к тому времени до полутора десятка человек. Старожилы подтвердили, что Вяжневка – родина Николая Хлыстова, но он еще до войны переехал в Москву, там и в школе учился, там и спортивную карьеру сделал.

Вот что мне удалось выяснить про нашего земляка. Николай Павлович Хлыстов родился 10 ноября 1932 года в д. Вяжневка. Начал играть в хоккей с шайбой с первого года культивирования данного вида спорта (1946) в

обществе «Трудовые резервы». Заслуженный мастер спорта СССР (1954), левый крайний нападающий клуба «Крылья Советов» (Москва) 1950–1961. Чемпион СССР 1957, обладатель кубка СССР 1951, в чемпионатах страны провел 250 матчей, забросил 151 шайбу, в сборной СССР (1954–1958) – 79 матчей, 22 шайбы. Олимпийский чемпион 1956, чемпион мира 1954, 1956, чемпион Европы 1954–1956, 1958.

Н.П. Хлыстов

В справочнике «Хоккей» (М, «Физкультура и спорт», 1977) приведены такие строки о нашем земляке:

«Один из сильнейших нападающих страны 50-х годов. Отличался высокой скоростью и исключительной маневренностью, умел обыграть соперника на любом участке поля. Дриблинг Хлыстова и по сей день остается образцом хоккейной техники. Отлично понимал партнеров. И в клубе, и в сборной тройка нападения Н. Хлыстов – А. Гурышев – М. Бычков считалась самой результативной. В чемпионатах страны они забросили на троих 734 шайбы, что долгое время оставалось рекордным результатом.

Повесив коньки на гвоздь, Н. Хлыстов попробовал свои силы на тренерском поприще, но не очень удачно. С 1961 по 1964 гг. тренировал СК «Красный Октябрь». Затем работал шофером. Награжден орденом «Знак Почета» (1957)».

Из Интернета узнал, что Н.П. Хлыстов умер в Москве 14 февраля 1999 года, похоронен на Ваганьковском кладбище.

Где родился футболист Алексей Мамыкин, справочники не указывали. А.Н. Макаров утверждал, что в с. Веряеве. Решил прояснить данный вопрос. И где-то в середине 80-х на велосипеде отправился в Веряево. Действительно, в журнале актов гражданского состояния значилась искомая семья. Очень жалею, что не выписал тогда данные о ее составе. Впрочем, и тут повторялся «сценарий» Хлыстова: Мамыкины также уехали в Москву, когда сыну Леше было несколько лет от роду.

Местные старожилы припомнили, что Алексей подростком несколько раз приезжал в село к родственникам. Еще бытует легенда, что побывал он на родине и будучи игроком основы столичного клуба (то ли «Динамо», то ли ЦСКА) и провел «показательный» матч. Против взрослой команды села полного состава (11 человек) столичный мастер вывел трех-четырех подростков (одного из них поставил вратарем). Сам он успевал действовать по всему полю и, если овладевал мячом, то благополучно доходил с ним до чужих ворот и забивал голы на любой вкус. Разумеется, победила команда Мамыкина.

Что известно об этом игроке? Алексей Иванович Мамыкин родился 29 февраля 1936 года в с. Веряево, где провел детские годы. Начал играть в футбол в 1951 году в юношеской команде ВВС (Москва). В командах мастеров «Динамо» (Москва) – 1955–1958, ЦСКА – 1959–1963, СКА (Ростов-на-Дону) – 1964, СКА (Одесса) – 1965. Центральный и полусредний нападающий, мастер спорта СССР, заслуженный тренер РСФСР. В чемпионатах СССР провел 168 матчей, забил 55 голов. Чемпион СССР 1957. В сборной СССР (1961–1962) – 9 матчей, 9 голов, участник чемпионата мира 1962 года.

Физически крепкий, подвижный, нацеленный на ворота. Обладал взрывным стартовым рывком, умело

открывался в штрафной соперников, часто выигрывал единоборства с защитниками. Отлично играл головой, владел мощным ударом с обеих ног.

А.И. Мамыкин

Алексей слишком рано (в 27 лет) расстался с большим футболом. Вызвано это, как он сам объяснял в различных интервью, последствиями очень серьезной травмы. Во время турне «Динамо» по Южной Америке в 1957 году в матче с «Насьоналем» (Монтевидео) уругвайский защитник сломал ему большую берцовую кость. Хруст услышали даже тренеры, сидевшие на скамейке запасных. В итоге футболист пропустил весь первый круг чемпионата СССР 1958 года.

Позже, Мамыкин хоть и вышел на свой прежний игровой уровень, но физические нагрузки выдерживал уже с трудом. И тем не менее он мог, мобилизовав силы и волю, творить на поле чудеса. Как, например, в 1961 году во Франции в товарищеской игре против «Нанта». После матча менеджер «Нанта» знаменитый Раймон Копа целый час уговаривал нашего земляка остаться во Франции, предлагал контракт на любую сумму. Увы, в то время переход советского футболиста в легионеры был просто невозможен.

Завершив карьеру игрока, Мамыкин перешел на тренерское поприще. Работал главным тренером СКА (Одесса) в 1966–1967 гг., тренером ЦСКА в 1967–1971 гг. (при его участии клуб стал чемпионом СССР 1970 года), главным тренером ЦСКА в 1976–1977 гг., возглавлял и ряд других клубов.

«Копаясь» в старых подшивках районной газеты, я наткнулся на очерк Михаила Елисеева («Колхозная

жизнь» от 9.08.1959 г.) о нашем земляке, мастере спорта СССР (1959) по боксу, чемпионе СССР (1955) среди юношей, чемпионе г. Ленинграда, участнике II Спартакиады народов СССР (1959) Валентине Устинове. Почему же Устинова практически никто не знал? Ответ на это дан в очерке. Из него следует, что Елисеев познакомился с боксером-земляком в 1956 году в Ленинграде, когда пришел в качестве зрителя на студенческий турнир. Устинов, в то время первокурсник индустриального техникума, побеждал на ринге одного соперника за другим. После турнира Михаил подошел к молодому боксеру с поздравлениями, назвал свое имя и место рождения (село Высокое Пителинского района). Далее цитирую очерк:

«–А я из Пителина, – ответил он. – С улицы Максима Горького, дом 20. Только там не живу с 1948 года…

–Валентин, а почему так давно не бывал на родине?

Он махнул рукой и как-то нехотя ответил: «Об этом расскажу позже…».

После этого мы часто встречались с Валентином, но о себе он не говорил ни слова. А однажды, когда я приехал с каникул и рассказал ему о жизни земляков, его глаза быстро оживились, заблестели. Затем, так же быстро нахмурившись, он вздохнул и заговорил приглушенно, тихо: «Отца я совсем не помню. Мать умерла, когда мне было 10 лет. И после этого я был взят на воспитание в Ленинград к дяде. Он, как и ты, бывает на родине, а я – нет. Откладываю отъезд то на зимние, то на летние каникулы. А соберусь, глядишь – соревнования то на первенство города, то Советского Союза».

–Валентин, а помнишь ли ты свой край? – спросил я.

–А как же! – снова оживился он. – Видел запруду, что расположена у дороги на Мочилы? Так вот, я ее переплывал вдоль и поперек. Ловил в ней удочкой рыбу.

Бегал со сверстниками в Каменский лес по ягоды, грибы, орехи, гонял со взрослыми в футбол.

–А когда стал увлекаться боксом?

–Здесь, в Ленинграде, с 1951 года. Вначале в городском Доме пионеров, затем – в ремесленном училище.

–А быстро ты достиг успехов?

–Нет. Многие думают, чтобы добиться высоких результатов, на это надо иметь какие-то особые данные. Ошибаются эти люди. Успех сам собою не приходит. Его добиваются годами с 99 процентами трудолюбия и одним процентом таланта».

Итак, из данной публикации становится ясно, почему Устинов уехал из Пителина. Руководитель ЗАГС Т.И. Фролова отыскала в записях регистрации гражданских актов дату рождения нашего земляка и установила его отчество. Валентин Федорович Устинов родился 9 июня 1937 года. Его семью хорошо знала Мария Григорьевна Булатова. Вот что она рассказала:

«Я жила почти напротив Устиновых. Их добротный кирпичный дом, построенный еще до революции, хорошо сохранился. Сейчас это здание поделено на две квартиры: в одной проживает С.В. Алешин, в другой – семья Кузьминых. Разумеется, 70 лет назад все тут выглядело несколько иначе.

Перед домом стояла крепкая кладовая (сейчас на этом месте водоразборная колонка), за ним – сарай и большой сад с яблонями, грушами, вишнями. Соседи справа – Сергунины, которые занимали двухэтажный особняк; соседи слева – пожилая чета (фамилию уже не помню).

Состав семьи Устиновых был следующим: глава Федор Михайлович (работал фельдшером), его супруга и дочь Маруся (старший сын Василий, уже женатый, жил и работал в Ленинграде). Дочь закончила лишь начальную

школу и бросила учиться. Помогала родителям в домашних делах, трудилась в саду и на огороде. Хотя она была года на два меня постарше, ее отец наказал ей дружить и водиться со мной – «правильной девочкой». И действительно, мы много времени проводили вместе, особенно летом. Дядя Федор поощрял мои визиты, порой угощал отличными конфетами (фабричных сладостей пителинские дети тогда почти и не видели). Дело в том, что кто-то из семьи его сына работал на кондитерской фабрике имени Урицкого.

Я продолжала учиться в школе. Маруся вела домашнее хозяйство. Но детская дружба с годами не ослабла. Повзрослев, мы стали вместе ходить в клуб на киносеансы и танцы. Нарядам тогда, как сейчас, исключительное внимание не придавалось, одевались все довольно скромно. Музыку на танцах обеспечивал замечательный баянист Колчин (имя, к сожалению, не помню, он позже уехал из Пителина), который по заявкам исполнял очень модные в ту пору краковяк, польку, вальс и падеспань. Моей подружке не приходилось простаивать у стены. Кавалеры наперебой приглашали ее на танец. Как-то познакомилась она с молодым, прибывшим в Пителино на практику медиком. Завязался роман. Вскоре медик-практикант уехал, а Маруся родила сына. Назвали его Валентином, а отчество дали по деду.

Валя с малых лет проявил себя непоседой, живчиком. А когда чуть подрос, стал активно участвовать во всех уличных играх и забавах, заниматься физкультурой. Стройный, крепкий, загорелый, русоволосый паренек подтягивался на перекладине, бегал, плавал, как рыба, в нашем пруду, вода в котором была очень чистая, а берега словно плетнем укреплены ивовыми кольями и прутьями.

Увы, детство Вали, которое и так-то радужным не назовешь (рос без отца в тяжелое военное время), омрачилось целой чередой смертей. Сначала в Ленинграде умерла мать, не выдержав последствий блокадного голода. Потом умер дедушка Федор, а года два спустя – и бабушка. В десять лет мальчик остался круглым сиротой. Его забрал к себе в Ленинград дядя Василий».

Итак, Валентин переехал в северную столицу, где начал заниматься боксом. Как он набирался опыта и шлифовал свое мастерство, узнаем из того же очерка М. Елисеева.

«… Шли дни, недели, месяцы. Валентин совершенствовал свое мастерство под руководством заслуженного тренера республики Г.И. Шевалдышева, перенимал опыт у своих друзей по спорту – четырехкратного чемпиона СССР Владимира Стольникова, финалиста первенства Европы Ивана Соболева, чемпиона XVI Олимпийских игр Геннадия Шаткова. Выступая на ринге, одерживал одну победу за другой. Так, например, на его счету 16 побед за 1958 год.

Умело сочетая учебу со спортом, он в текущем году (1959) успешно защитил диплом на звание техника-механика по промышленному оборудованию и одержал шесть побед, оставив позади себя признанных мастеров перчатки города Ленинграда. Недавно ему присвоено высокое звание мастера спорта СССР. А этому предшествовало девять лет упорного и систематического труда. За победы Валентин имеет следующие награды: три фотоаппарата, четверо часов марки «Победа», шесть спецпризов, 25 дипломов и грамот, восемь жетонов.

В настоящее время Валентин в хорошей спортивной форме и настойчиво готовится к II Спартакиаде народов Союза ССР, которая состоится в августе в Москве».

Увы, успешно ли выступил наш земляк на Спартакиаде, как сложилась его дальнейшая судьба, жив ли он – пока остается неизвестным.

Генерал из Гоголовки

Часть 1. Милая малая родина

«Как очерк-то назовешь? – лукаво прищурился Николай Митрофанович, – «Генерал из Гоголовки?». «Там видно будет», – уклончиво ответил я. Но когда сел обрабатывать материал скоротечного интервью, подумал: «А почему бы и нет. Хорошее название». Посудите сами. Всего-то два слова, а какая интрига: что за генерал и что это за Гоголовка?

Начну со второго. Стояла когда-то на левом берегу реки Пет (почти напротив Каменки (Кашкаровки), которая тоже обезлюдела к настоящему времени) деревушка Гоголовка. Располагалась она на высоком и крутом бугре, похожем на птичий хохол (гогол). Рядом к реке выходил глубокий овраг с ручьем Урица. Место красивое, видное. Умели же наши далекие предки выбирать участки под заселение.

По статистическим данным 1914 года проживали в Гоголовке 136 жителей. И до Великой Отечественной войны население деревни сохранялось (если не приумножалось). Улица в два порядка домов (всего около 30), три глубоких колодца со студеной чистой водой, правление и все полагающиеся хозяйственные объекты колхоза имени Карла Маркса. А во время войны случилось несчастье: от кузницы, стоявшей внизу, у реки, начался пожар, направленный ветром на деревню. В одночасье разбушевавшийся «красный петух» уничтожил пол-улицы (весь порядок домов и надворных построек). От такого пожара Гоголовка уже не

оправилась, стала пустеть и хиреть. Многие погорельцы переехали либо в Станищи, либо в Пет.

В 1950 году местную сельхозартель расформировали, а ее объекты передали в укрупненный колхоз «Красная звезда» (Станищи). А к концу 60-х Гоголовка и вовсе обезлюдела.

Теперь о генерале. Николай Митрофанович Абрашкин. Родился 17 ноября 1943 года в деревне Гоголовка Пителинского района. Генерал-майор авиации в отставке. Сведения о нем можно почерпнуть в книгах «Авиация российского флота» (Санкт-Петербург, 2001) и «Морская авиация Балтийского флота» (2003 г.). Помещены в них и фотографии нашего именитого земляка.

Выйдя в отставку, Николай Митрофанович перебрался на постоянное место жительства в Москву, где входит в клуб генералов и адмиралов ВМФ РФ. Но родные с детства места не забывает. Часть его близких похоронена на кладбище села Пет (Гоголовка относилась к петскому церковному приходу), другая часть – на балушево-починковском кладбище. В Балушевых Починках Касимовского района он и проводит в основном летние месяцы. Благо там сохранился родительский дом, который пришлось, конечно, заметно благоустроить и обновить.

Прежде всего я попросил Николая Митрофановича вспомнить о своих детских годах, проведенных на пителинской земле, о своих родителях.

«Гоголовку я считаю своей родиной, – начал он свой рассказ. – Несмотря на то, что я прожил в ней только первые девять лет жизни. Образ этой милой, небольшой и тихой деревушки никогда не сотрется из моей памяти. Там я появился на свет, там я познавал мир. На речке Пет, до которой рукой подать, учился плавать и удить рыбу. Места кругом живописные: есть где ягоды, грибы,

орехи собирать, есть чем любоваться. Ходили с ребятами за яблоками на бывший Шемякин хутор (километра три от деревни), где сохранился обширный и ухоженный (с правильно разбитыми дорожками) сад.

Полдеревни было у нас Абрашкиных, полдеревни – Игнаткиных. Мой отец, Митрофан Антонович Абрашкин, участник Великой Отечественной войны, всю жизнь проработал ветфельдшером, слыл большим специалистом по выкладыванию жеребцов. Его хорошо знали и уважали в округе. Умер рано, в 56-летнем возрасте.

Мать, Надежда Тихоновна, уроженка села Балушевы Починки. 52 года проработала рядовой колхозницей. Умерла в январе 2008 года.

Моя старшая сестра Людмила, как позже и я, и другие наши сверстники, ходила пешком в Станищинскую начальную школу (около четырех километров). Надо сказать, что зимними вьюжными вечерами при возвращении с занятий домой путь словно удваивался.

После того, как я закончил второй класс, наша семья переехала на родину матери – в Балушевы Починки. Нечего спорить, и там места живописные: Ока-красавица, леса, поля… Но тянула родная землица. Оставались родственники в селе Пет, куда неоднократно наведывался. Заглядывал и в милую Гоголовку. Вот и последнее время, хотя от деревни ничего не осталось, приезжал несколько раз на знакомый с детства бугор, ловил рыбу в Пету, бродил по памятным местам. И маму с собой брал. Ей тоже хотелось увидеть все собственными глазами.

Да, отрочество и юность провел в Балушевых Починках, а потом судьба меня бросала по городам и весям, сейчас вот в столице-матушке обосновался.

Только скажу так: сам себя считал и считаю уроженцем пителинской земли».

Часть 2. Летчик-снайпер, летчик-ас

Окончив Балушево-Починковскую семилетку, Николай оказался перед выбором: чем заниматься дальше, какую профессию предпочесть. Разумеется, в таком возрасте трудно определиться самому. По примеру знакомых сверстников поступил на учебу по специальности технолог литейного производства в Касимовский индустриальный техникум. Отучившись, полгода проработал на авиационном заводе в Уфе, где выпускались двигатели для истребителей МиГов. Тогда юноша и не думал, что большую часть жизни посвятит авиации.

А тут пришел срок армейской службы. И попал парень в город Куйбышев, но не в обычную строевую часть, а в подразделение, обслуживающее авиационный полк. Познакомился с курсантами, проходящими летную практику. Вскоре стал разбираться в марках и типах самолетов. А как-то поинтересовался у курсантов, насколько сложно осваивать навыки пилотирования. Те в свою очередь: «Сам-то не хочешь поступать в авиаучилище?».

–А разве деревенских туда принимают? – удивился Николай.

В ответ дружный хохот: «Да ведь среди нас немало деревенских». И Николай решил поступать.

Задуманное осуществил. Став курсантом Оренбургского высшего военного авиационного училища (годы обучения 1964–1968), Абрашкин убедился, что выбрал правильную, именно свою жизненную дорогу. Получив специальность «летчик-инженер», начал осваивать первые для себя самолеты: Л-29 (легкий

истребитель чехословацкого производства) и ИЛ-28 (бомбардировщик).

После этого почти четверть века Николай Митрофанович прослужил в военно-воздушных силах Балтийского флота. За несколько лет прошел путь от рядового летчика до заместителя командира эскадрильи самолетов-ракетоносцев Ту-16. Пилотировал все типы самолетов ВВС Балтфлота, провел в небе за штурвалом в общей сложности около 3,5 тысяч часов.

На протяжении многих лет совершал разведывательные полеты. Барражировал в основном вдоль морских границ. Однажды, ввиду чрезвычайной напряженности обстановки, провел за штурвалом без посадки, с двумя дозаправками самолета в воздухе девять с половиной часов! Это ли не подвиг! Чтобы хоть как-то представить себе подобное, попробуйте просто просидеть на стуле 9,5 часов. Вряд ли у вас получится. А Николай, будучи довольно сухого сложения, похудел после такого полета на четыре килограмма.

Или другой случай боевого дежурства, относящийся к более позднему периоду. Линкор НАТО «Айова» отправился в порт соседней страны (Швеция). А на борту линкора – 32 крылатые ракеты «Томагавк», противокорабельные ракеты «Гарпун», четыре автоматизированных зенитных артиллерийских комплекса «Вулкан» и прочее. Летчик Абрашкин трое суток (с небольшими перерывами на отдых) отслеживал его маршрут следования.

На парадном кителе генерала Абрашкина помимо орденов и медалей есть значки «Заслуженный военный

летчик РФ» и «Военный летчик-снайпер». «Как это: летчик-снайпер?» – удивятся иные. И не даром. Поразить цель (огнем пулеметов или бомбовым ударом) на огромной скорости, когда в распоряжении – секунды, весьма и весьма сложно. Наземный снайпер не спеша выбирает для себя удобную позицию, проверяет дальномером расстояние до «объекта», тщательно прицеливается. У летчика таких возможностей нет. Свое мастерство пилоты совершенствуют на специальных полигонах, а демонстрируют на военных учениях.

Так вот, наш земляк на скорости 600–900 километров в час попадал корректируемой авиабомбой в двигавшийся «танк» (и, понятное дело, в макеты кораблей тоже). Однажды на ученьях один генерал из числа инспектирующих усомнился в меткости летчика Абрашкина. Молодой офицер не стушевался, а заявил, что на спор (ящик коньяка) попадет даже в генеральскую фуражку. Все просто остолбенели от такой дерзости. Но и генерал на попятную не пошел. Спор Абрашкин выиграл. На земле его ждал оговоренный приз – ящик коньяка. А что ожидало его при неудаче – неизвестно.

В 1975 году Николай Митрофанович поступил в военно-морскую академию имени маршала Советского Союза А.А. Гречко. Окончил ее в 1978. После присвоения очередного звания – полковник авиации – назначен на должность командира 15-го отдельного разведывательного полка.

Одним из первых в стране Н.М. Абрашкин освоил новый дальний сверхзвуковой ракетоносец-бомбардировщик с изменяемой геометрией крыла Ту-22м, или «Бэкфайр» (с английского, «ответный огонь»), как окрестили его в авиации. Этот самолет развивал скорость в 2,5 раза выше скорости звука.

Наш земляк летал на нем пять лет и подготовил к полетам еще 17 человек. На подготовку каждого из них уходило от трех до четырех месяцев. Дело в том, что управление различными типами самолетов кардинально отличается. Каждая конструкция по сути уникальна. Это совсем не то, что пересесть из салона автомобиля одной марки в другую. Освоение нового типа самолета приходится начинать буквально с нуля. А Николай Митрофанович освоил 13 (!) типов, из них пять новых сверхзвуковых. Таких асов в авиации не много.

Процитирую книгу «Авиация российского флота» (СПб, 2001): «На следующем этапе на смену Ту-22р стали поступать самолеты фронтовой разведки Су-24мр. Их освоение и подготовка экипажей к боевому применению разведывательного комплекса днем и ночью проводились в начале 80-гг. Первым в авиации ВМФ новую технику освоил командир разведывательного полка полковник (затем генерал-майор) Н.М. Абрашкин. Обладая большим опытом летной эксплуатации реактивных самолетов Ту-16, Ту-22м, Ту-22р, он лично вывез на самолете Су-24мр весь руководящий летный состав полка, что способствовало ускоренному вводу его в состав сил постоянной готовности».

За это наш земляк получил свой первый орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени. Для полной ясности следует заметить, что термин «вывез» означает – обучил. И еще. Аналогов Су-24мр за рубежом нет. Этот фронтовой разведчик обеспечивает всепогодную комплексную воздушную разведку днем и ночью с возможностью отслеживать «объекты» на глубину до 400 километров за линию границы, проводить и анализировать голографические снимки и прочее, и прочее.

Вскоре Н.М. Абрашкину присвоили звание генерал-майор авиации и, минуя дивизионную должность, назначили заместителем командующего ВВС Балтийского флота по боевой подготовке. А летом 1991 года предложили серьезную должность командующего воздушной армией Украинской ССР. Попросил время на размышление и правильно сделал. Сведущий товарищ предупредил, что готовится развал Союза, Украина станет независимой и придется давать присягу новому государству. Исходя из этого, отказался.

За большой личный вклад в дело укрепления обороноспособности государства Российского генерал-майор Н.М. Абрашкин был удостоен ордена Александра Невского.

И еще важный штрих. В какой бы должности ни находился Николай Митрофанович, всегда проявлял чуткость и внимание к нуждам подчиненных. Ведь если у офицера все в порядке в семье, налажен домашний быт, то и службу нести он лучше будет. Вот и брался командир за телефонную трубку, ходил по кабинетам и инстанциям, но, как правило, «пробивал» нуждающимся в жилье летчикам квартиры. Потому и выбрали его сначала депутатом городского (имеется в виду г. Калининград, где дислоцировался штаб ВВС флота), затем и областного Совета.

Когда начался развал СССР, хаос в структурах власти, эйфория от свалившихся на голову «свобод», когда рушились десятилетиями налаживаемые экономика и обороноспособность страны, с болью в сердце принял трудное решение – подал рапорт об отставке. Обосновался в Москве. Без дела быть не привык и вскоре нашел применение своей кипучей энергии. Ныне Н.М. Абрашкин является генеральным директором научно-производственного центра «Промдрагмет».

Летом генерал в отставке много времени проводит на родине матери – в Балушевых Починках. Там его хорошо знают и уважают. Николай Митрофанович оказал существенную помощь в газификации села, подарил местной девятилетней школе компьютер.

Думаю, что и нам, пителинцам, следует знать о своем отважном земляке, летчике-асе, Николае Митрофановиче Абрашкине.

Душевный дар

О Татьяне Синицыной любители народной музыки впервые услышали в 1972 году, когда свыше 300 певцов приехали в Москву на первый Всероссийский конкурс исполнителей народной песни. Среди участников этого певческого праздника было немало популярных артистов: солистов филармоний, хоровых коллективов и ансамблей. Победителем же конкурса оказалась никому не известная в ту пору студентка Московского музыкального училища имени Ипполитова-Иванова Т. Синицына. Член жюри, прославленная исполнительница народных песен Ирма Яунзем сказала тогда о ней: «Я считаю, она талантлива, у нее и голос хороший и, как говорят у нас, большое внутреннее чутье художника, что и позволяет ей раскрыть песню, заворожить ею слушателей…».

Да, действительно, пожалуй, никто не может так глубоко понять и почувствовать русскую народную песню, как человек, выросший вместе с ней, для которого она – естественная и неотъемлемая часть, продолжение родного дома, леса, луга, реки, его самого… К таким людям относится и наша землячка Татьяна Синицына. Да, она уроженка Пителинского района, хотя в десятилетнем возрасте переехала вместе с семьей в Оренбуржье. Вот что сообщила о своем детстве певица

читателям журнала «Кругозор» в №4 за 1976 год, где была помещена гибкая пластинка с двумя ее песнями.

– Родилась я в Рязанской области в очень красивом селе Ермо-Николаевка. Рядом протекала речушка Пет. Часто родители увозили нас, ребятишек, на Оку… До сих пор помню густые заросли орешника и ежевики, чувствую вкус ухи и подгоревшей каши… И еще до сих пор помню вечера над рекой, вижу огни бакенов, слышу песни с палуб проплывающих пароходов.

Родилась будущая певица 15 февраля 1950 года в большой семье фронтовиков, где помимо ее было еще пятеро детей. Их домик с садом располагался в той части села, что исторически называлась Ерма. Отец Анатолий Андреевич – местный уроженец. Перед войной учился в техническом училище в Подмосковье. Прошел немало фронтовых дорог, получил серьезные ранения. А во время маньчжурской наступательной операции в августе 1945 года был ранен так опасно, что, по мнению врачей, шансов выжить не оставалось. Отправили похоронку домой. И вдруг через несколько месяцев вечером позвонили из Пителина и сообщили Александре Степановне, что ее сын жив, остановился на ночлег в райцентре, а утром отправится в Ермо-Николаевку. Но мать не могла столько ждать и ночью пришла пешком в Пителино. После войны Анатолий Андреевич работал заместителем директора совхоза «Красный партизан».

Мать певицы Екатерина – уроженка деревни Казановка, перед войной оказалась в Ленинграде, чудом пережила блокаду. Позже пошла добровольцем в действующую армию.

– Дома у нас пели все, – вспоминает Татьяна Анатольевна. – Мои родители любили фронтовые песни. У отца был сильный красивый баритон, ему тихонько вторила мама. Замечательный голос был у тети, старший

брат играл на баяне, в доме были гитара и мандолина, много пластинок, в том числе с записями Шаляпина и Руслановой.

Маленькая девочка и представить не могла, что, спустя годы, будет разговаривать со своим кумиром – Лидией Андреевной Руслановой и даже петь для нее. Но об этом позже.

В 1960 году Синицыны переехали в село Грачевка – райцентр Оренбургской области. Там Таня закончила школу. Как бы дальше сложилась ее судьба – неизвестно. Но все решил случай. Летом 1968 года она поехала погостить к тете в Москву. Вечером у тетки собрались родственники, знакомые и попросили девушку спеть. Окна квартиры были открыты. Ее голос услышал проходивший мимо художественный руководитель ДК фабрики «Трехгорная мануфактура» Д.М. Соболев и стал разыскивать неизвестную исполнительницу. Он уговорил Таню переехать в столицу и учиться пению. Так определилась ее судьба. Через год наша землячка поступила в музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова. Ее наставницей оказалась бывшая солистка народного хора имени Пятницкого Валентина Клоднина, с ней занимались народная артистка РСФСР Ольга Воронец и народная артистка СССР Людмила Зыкина.

Еще будучи студенткой музучилища, Синицына начинает ездить по стране с гастролями, о ней делаются передачи на радио и телевидении. «Если вы еще не слышали Татьяну Синицыну, то я вам просто завидую: совершенно особое чувство испытаете, встречаясь с этим удивительным талантом, – говорила концертмейстер мастерской Москонцерта Иветта Болотина. – Тому, чем она обладает, научить нельзя, это… как цвет глаз, с которым человек рождается».

И вот первый Всероссийский конкурс исполнителей народной песни. Уже после первого тура молодую певицу начинают узнавать в лицо. А после второго ее остановила другая конкурсантка Жанна Бичевская и спросила: «Простите, это не вы Синицына, о которой так много говорят?». Наша землячка исполнила перед авторитетным жюри русские народные песни «Двор, широк двор», «По улице Мостовой», «Как по морю» и советских авторов – «Я люблю свою землю» и «Куда б ни шел, ни ехал ты».

Победа в данном конкурсе открыла перед певицей широкую дорогу. В течение 20 лет она была солисткой Москонцерта, работала педагогом училища им. Ипполитова-Иванова (перед этим певица закончила музыкально-педагогический институт им. Гнесиных), участвовала в Днях славянской письменности и культуры, во всесоюзных и Международных фестивалях народной и духовной музыки, автор предисловия и составитель сборника «Певучая Россия» (1988 года выпуска). Увы, серьезный недуг (еще в детстве заболела полиомиелитом) вынудил ее в середине 90-х годов уйти на пенсию по инвалидности.

Теперь о Руслановой. Как-то раз во время репетиции режиссер радио В.В. Демин, работавший с Синицыной над ее первыми записями, позвонил Лидии Андреевне по поводу слов записываемой песни «Вниз по Волге-реке». Великая певица заинтересовалась исполнительницей и попросила ее спеть прямо по телефону. Прослушав, сказала: «Молодец! Только не пой моих песен. А, впрочем, приезжай ко мне в гости. Хочу подарить тебе свой концертный костюм. На счастье!». Татьяна сразу поехать постеснялась. Потом ей пришлось ехать на операцию в Курган, в клинику Илизарова, а когда вернулась, Русланова уже заканчивала свой земной путь.

Получилось так, что на родине певицы, в селе Ермо-Николаевка об успехах своей землячки долгое время не знали, пока из Оренбуржья не приехали погостить ее родственники. Они дали московский адрес бывшему библиотекарю Татьяне Николаевне Чумиковой. Чуть позже интерес к знаменитой землячке проявили в местной школе. Завязалась переписка. Первое письмо школьники под руководством учителя Татьяны Алексеевны Абрамкиной отправили в декабре 2000 года, а в январе следующего получили ответ. Помимо писем в школе хранятся газетные и журнальные статьи о Т.А. Синицыной, пластинка с песней «Рубашка» в исполнении певицы.

В ответ на приглашение посетить родные края, Татьяна Анатольевна написала: «Спасибо за приглашение, но вряд ли смогу одолеть расстояние, не столь великое, сколько тяжеловатое для меня. Дело в том, что у меня больные ноги, потому я так рано на пенсии. Отработала 20 лет солисткой Москонцерта, выработала обязательный стаж и ушла со сцены. Вы пишите, что нашу семью помнят в деревне, значит, помнят и о том, что я болела полиомиелитом (в шесть месяцев), была наполовину парализована, почти до четырех лет не ходила. Но первые шаги сделала все-таки на рязанской земле». И это перекликается с тем, что она высказала в интервью для журнала «Работница» (№10 за 1986 год):

– Теперь я знаю, что это судьба. Оглядываясь на свой путь и вспоминая, как все происходило, понимаю, что меня просто «вели за руку» к народной песне. Мне часто говорят, что я похожа на Авдотью Рязаночку с картины Константина Васильева. А я отвечаю: «Ну, так я же рязанская!».

Дополнения

Населенные пункты Пителинского района и их краткие характеристики

п. **Активист** (Фермовский с/с, уп. 1929–1939, н/с с конца 1930-х гг.) – возник в начале 1920-х гг. на пустоши, улица в один порядок домов располагалась между двумя прудами, которые сохранились до сих пор. К-з «Активист» (площадь сельхозугодий 255 гектаров) до 1936 года.

х. **Александровка** (н/с) – на правом берегу р. Пет, напротив д. Жуковка. Экономия дворян Балашовых.

п. **Алексеевский** (Петского с/с, н/с с 1967) – на правом берегу р. Пет в 4 км. от с. Пет и д. Станищи, улица в два порядка домов располагалась вдоль дороги от п. Прудки (перпендикулярно р. Пет). 1940 – 8 дворов.

д. **Андреевка** (**Юматовка** тож) (Гридинская вол., Павловский, с 1954 Фалеевский с/с, веряевский цп, н/с с 2002) – на левом берегу ручья Петас. 1862 – с-цо, 13 дворов, 125 жителей, винокуренный з-д, 1911 – 64 двора, 401 житель. 1913 - ЗШ, усадьба помещика Купырева с садом.
К-з «Пограничник» (540 га) 1930–1951 (1-й пред. Петр Васильевич Пушкин (1893– ?), арест. в 1930, 2-й – Николай Егорович Чикин); укр. с им. Молотова (Павловка). 1940 – 49 дворов. 1970 – 74, 1997 – 6 жителей. К/ф: Мироновы, Пушкины, Солодовниковы, Тимаковы, Хромовы.

д. **Беседки** (Потапьевская вол., петский цп) – уп. 1779 г. – 179 крепостных мужского пола (кмп). 1862 – с-цо с усадьбой помещика Кашкарова, 18 дворов, 204 жителя. 1896 – построено деревянное здание ЗШ. 1911 – 66 дворов, 481 житель, экономия Александры Петровны Лезиной.
С/с 1930–1954, к-з «Пятилетка» (1149 га) 1930 – 1956 (1-й пред. Иван Антонович Борисов), укр. с «Передовик». 1940 –

110 дворов. 1997 – 70, 2010 – 20 жителей. К/ф: Борисовы, Царевы, Родькины, Шалдаевы.

с. **Большие Мочилы** (Подболотская вол**.** уп.1645) – статус села с середины XVII в. с постройкой храма во имя Николая Угодника (1912 – построен кирпичный храм, закрыт в 1930, разрушен в 1964). До середины XVIII в. просто Мочилы. В писцовых книгах 1645–1648 гг. сказано, что в Мещерском уезде, в Подлесском стане за Перфилием Львовичем Аверкиевым в вотчине, что дана была его дяде Дмитрию Аверкиеву, полсела Мочил числится, другая половина – за Кузьмой Логиновым. Из окладных книг 1676 г. узнаем, что в селе православный храм, 48 дворов (два – поповских, да два – боярских). По данным третьей ревизии 1761–1767 гг., здесь 323 кмп, принадлежащих 5 помещикам. 1862 – 78 дворов, 782 жителя. 1889 ЦПШ. 1911 – 140 дворов, 849 жителей.

С/с 1924–1962, к-з им. Парижской коммуны (1784 га) 1932–1962, укр. с пеньковским к-зом. 1940 – 160 дворов, ветряная мельница. 1993 – 66, 2002 – 39, 2010 – 1 житель. К/ф: Абанины, Бородины, Корнышевы.

с. **Большие Прудищи** (Подболотская вол.) – на правом берегу р. Ежачки. Село с 1766 г. с постройкой барыней Сумароковой Ильинского храма (разрушен в 1950-е). 1862 – 59 дворов, 551 житель, ЗШ, завод рогатого скота, кирпичный з-д. 1880 – 88 дворов, 428 жителей. 1911 – 94 двора, 599 жителей.

С/с 1924–1954, к-з «Дружба», с 1934 - им. Челюскинцев (1037 га), 1951 укр. с им. Дзержинского. 1940 – 108 дворов. 1978 – 43, 1997 – 23, 2010 – 10 жителей. К/ф: Бирюльцевы, Ванюковы, Доронины, Комлеевы, Синицыны, Щербаковы.

п. **Борнаки** (Свищевский, затем Фермовский с/с, н/с) – 2 км на юго-восток от д. Володинка, уп. 1929-1939.

п. **Борцы** (Фалеевский с/с, н/с с 1984) – образован в 1928 г. на левом берегу р. Пет, чуть ниже устья ручья Петас на месте бывшего хутора Хохловка (уп. в 1862 г. – 1 дом, 3 жителя). 1940 – 13 дворов. 1970 – 37 жителей. Решением

исполнительного комитета Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №26/2 от 26.01.1987 г. исключен из учетных данных населенных пунктов (далее УДНП).

д. **Брехово** (Нестеровская вол., большемочильский цп., н/с с 1977) – улица в один порядок домов буквой «Г» короткой палочкой в сторону Соколово, имелся сад. 1862 – с-цо, 10 дворов, 80 жителей. 1911 – 16 дворов, 159 жителей.
1940 – 20 дворов. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №26/2 от 26.01.1987 г. исключена из УДНП.

д. **Брюхатово** (н/с) – уп. во второй половине XVIII века как владения господ Брюхатовых. 1862 – с-цо, 28 дворов, 215 жителей, 1911 – 55 дворов, 392 жителя, экономия коллежского советника Федора Андреевича фон Линденера. С 1924 – часть с. Нестерова (улицы Брюхатовка и Муратовка).

с. **Веряево** (Гридинская вол.) – уп. в окладной книге церквей Щацкой десятины 1676 г. – Христорождественский храм (второй – деревянный построен в 1780 на средства капитана I ранга Лариона Осиповича Головина, современный каменный - в 1895 г. на деньги титулярного советника Петра Петровича Дьякова, закрыт 1930), 141 двор (в т.ч. 1 боярский и 3 поповских). 1862 – 81 двор, 1072 жителя (из них 185 работали на помещика Александра Ивановича Сабурова, 37 – на князя Николая Васильевича Максютова, 31 – на штабс-ротмистра Александра Васильевича Воейкова, 46 – на помещика Кашкарова). 1895 ЦПШ. 1900–1912 – мануфактурная лавка. 1911 – 203 двора, 1801 житель, 2 школы, ремесленная ткацкая школа, кредитное товарищество, экономия титулярного советника Николая Петровича Дьякова.

С/с с 1924, в начале 1930-х три к-за (в т.ч. «Большевистская дружба»), кот. в 1935 объединились в им. Димитрова (3143 га). До 1989 в большом каменном доме раскулаченных Юшиных действовал колхозный молзавод, выпускавший сливки и масло. 1930 – 1785, 1993 – 350, 2002 – 263, 2010 – 199

жителей. К/ф: Барковы, Вавилины, Володины, Игнаткины, Кадровы, Комаровы, Рыжовы, Селины, Юшины, Яньшины.

х. **Володин** (н/с) – крестьянина Ивана Михайловича Володина (возле д. Сосновка), имевшего ферму, сад, кирпичный заводик. В 1930-е кирпичный з-д, производительностью 100 тыс. штук в год, перешел в собственность к-за им. Буденного. Осталось название Володин лес.

х. **Володин** (н/с) – в 10 км на запад от с. Гридино, 1.5 км от п. Новый Свет на левом берегу ручья Сюкмар, по имени владельца крестьянина Василия Михайловича Володина, имевшего крахмальный з-д (остался Володин пруд).

д. **Володинка** (**Вольная** тож) (Гридинская вол. и цп, Михайловский с/с, н/с с 1980) – 1862 – 9 дворов, 60 жителей. 1911 – 20 дворов, 129 жителей.
К-з «Пробуждение» (291 га), укр. с им. Хрущева (Михайловка). 1940 – 24 двора. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №26/2 от 26.01.1987 г. исключена из УДНП.

выс. **Вольница** (Петский с/с, н/с с середины 1930-х) – 3-4 семьи из с. Пет: Абрашкины, Лытаевы…

с. **Высокие Поляны** – уп. в государевой грамоте от 1627 года, «выданной касимовскому царевичу Сеит Бурхану на поместье, принадлежавшее его отцу, царю Арслану, в 1614 году». Статус села получен с постройкой (ранее 1676 г.) храма Одигитрии Богородицы. Тогда здесь насчитывалось помещечьих дворов – 5, крестьянских – 79, бобыльских – 25. В 1680 село перешло в вотчину стольника Ивана Андреевича Вельяминова-Зернова (с 1697 г. Тамбовский воевода). В 1728 г. его сын Иван Иванович Вельяминов-Зернов построил здесь каменный храм во имя Смоленской иконы Богоматери (современный построен в 1898 г.). Сохранилось и здание старообрядческого храма постройки 1912 г. С середины XVIII в. селом владели генерал-аншеф Петр Иванович Стрешнев, генерал-майор Николай Федорович

Ляпунов, генерал-аншеф Иван Андреевич Прозоровский, Анна Бобрищева-Пушкина. 1764 – земли в Высоких Полянах и Казановке получил от государыни Екатерины II камер-юнкер ее императорского двора князь Иван Васильевич Несвицкий. 1761-1767 – 407 кмп. 1862 – 187 дворов, 1579 жителей. С 1865 – волостной центр. 1880 – 262 двора, 1625 жителей, кожевенный и синильный з-ды, постоялый двор, экономия полковника Дмитрия Алексеевича Крашенинникова. 1893 ЦПШ. 1911 – 327 дворов, 2061 житель, кредитное товарищество, казенная винная лавка.

С/с с 1924, к-з «Красное знамя» (3015 га) 1933-1970, укр. с с-зом «Красный партизан». 1993 – 396, 2002 – 286, 2010 - 192 жителя. К/ф: Арбузовы, Генераловы, Глуховы, Гремины, Евдокимовы, Заикины, Киселевы, Королевы, Курниковы, Ромахины, Скуповы, Солнцевы, Тюлины, Шишковы.

с. **Высокое** (Мокринская вол.) – 1761-1767 – 70 кмп полковника князя Федора Урусова. 1862 – 63 двора, 567 жителей, 1880 – сответственно 98 и 705. Село с 1909, с постройкой деревянной Богоявленской церкви (закрыта в 1930, сгорела в 1937). 1911 – 175 дворов, 1079 жителей, ЗШ, кирпичный з-д и экономия Дьякова.

С/с 1924–1954, к-з «Прогресс» (581 га) 193…–1963, «Спутник» 1963–1969, с-з «Ункорский» 1969–1988, укр. с с-зом «Пителинский». 1940 – 211 дворов, ветряная мельница. 1997 – 128, 2010 – 58 жителей. К/ф: Буновы, Конышевы, Костиковы, Лексиковы, Мирошкины, Сазоновы, Самковы, Серковы.

д. **Вяжневка** (Гридинская вол. и цп.) – 1911 – 16 дворов, 152 жителя.

1930-е – 32 дома, нач. школа, к-з «Краснофлотец» (356 га), 1950–1951 им. Шверника, укр. с «Красный Октябрь» (Новый Ункор). 1997 – 12, 2002 – 11, 2010 – 3 жителя. К/ф: Базаркины, Поляковы, Хлыстовы.

д. **Гоголовка** (Потапьевская вол., петский цп, н/с с 1970) – название по месту расположения на бугре (хохол, гогол) на левом берегу р. Пет. 1911 – 18 дворов, 136 жителей.

К-з им. Карла Маркса (338 га), с 1950 укр. с «Красная звезда» (Станищи). 1940 – 27 дворов. К/ф: Абрашкины, Игнаткины. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №258 от 01.08.1972 г. исключена из УДНП.

д. **Городок** (Хохловская вол., темиревский цп, Марьевский 1924–1954, Кононовский 1954–1961, Потапьевский с/с) – 1862 – 18 дворов, 128 жителей, 1911 – 34 двора, 202 жителя.

К-з ?, укр. с марьевским. 1940 – 35 дворов. 1997 – 13, 2002 – 13, 2010 – 5 жителей. К/ф: Ульяновы, Шарагины.

с. **Гридино (Богоявленское) –** 1761–1767 – 161 кмп княжны Екатерины Прозоровской и 230 – Анны Бобрищевой-Пушкиной, позже 550 кмп князей Несвицких, построивших в 1810 каменный (вместо прежнего деревянного) Богоявленский храм (закрыт в 1930). С 1862 – вол. центр, 149 дворов, 1676 жителей, экономия графа Ф.Г. Вуича, заводы: конный и овчарный. 1880 – 228 дворов, 1728 жителей, богодельня, ЗШ. 1908 – ткацкая ремесленная школа, экономии и конные з-ды князя М.П. Волконского и Н.П. Дьякова, лавка общества потребителей. 1911 – 328 дворов, 2549 жителей.

С/с с 1924, к-зы: 1. «Вперед» (пред. Никифор Яковлевич Комаров) 1930-? 2. им. Крупской (954 га) в 1950 укр. с им. Ворошилова 3. «16-й Октябрь» (625 га) 1932–1951, укр. с им. Горького 4. им. Ворошилова (866 га) в 1957 укр. с им. Горького 5. им. Горького (511 га), с 1963 переим. в «Заря». 1930 – 362 двора, 2408 жителей. 1993 – 251, 2002 – 177, 2010 – 98 жителей. К/ф: Глазуновы, Гуреевы, Домахины, Зайцевы, Ивлеевы, Столяровы, Ханаковы.

д. **Демидовка** (Гридинская вол., веряевский цп, н/с с 1950) – на р. Пет в 1 км. к югу от устья р. Петас. 1862 – 4 двора, 31 житель, 1911 – 12 дворов, 95 жителей. 1940 – 8 дворов.

к. **Домахин** (н/с) – возле д. Чубаровский Ункор (1940-60-е гг.)

д. **Дьяковка** (Станищенский с/с, н/с с 1950) – улица в один порядок домов, названа, вероятно, по фамилии владельцев помещиков Дьяковых. 1940 – 13 дворов, пл. 50-й км узкоколейки (от ст. Назаровка). К/ф: Кузнецовы, Финаковы.

д. **Егаевка** (Высокополянская вол., н/с) – в низовьях р. Пет. 1862 – 4 двора, 20 жителей.

х. **Екатериновка** (н/с) – в 4 верстах от с. Нестерово (1911). Вероятно, это х. Черного Барина.

с. **Ермо-Николаевка** (до 1924 г. д. **Ерма** и д. **Николаевка**, Высокополянская вол. и цп)

Первой возникла Ерма. По третьей ревизии 1761–1767 гг. в ней 55 кмп коллежского советника Михайлы Бобрищева–Пушкина. Николаевка возникла на стыке XVIII и XIX веков в результате переселения крестьян князем Несвицким из Высоких Полян. От Ермы ее отделял Шомонов овраг. 1862 – в с-це Ерме 55 домов и 588 жителей, в д. Николаевке – 25 домов и 265 жителей. 1911 – 87 и 510 (Ерма), 54 и 349 (Николаевка), ЦПШ (1895), водяная мельница Звонковой.

С/с 1924–1954 и с 1961, к-з «Заветы Ильича» (1823 га) 1930–1965 (1-й пред. Макар Михайлович Мартышов), с 1965 с-з «Мокшинский». 1993 – 439, 2002 – 355, 2010 – 287 жителей. К/ф в Ерме: Атмоньевы, Беспаловы, Демины, Кошкины, Лукины, Мартышовы, Никитины, Прокошины, Семагины, Яшниковы, в Николаевке: Бочкаревы, Володины, Егоровы, Новиковы, Сенины, Смыковы.

д. **Ефимовка** (Хохловская вол., пеньковский, затем пителинский цп, н/с с конца 1930-х гг.) – в 1 км. от Пителино в сторону с. Нестерово. 1862 – 10 дворов, 115 жителей. 1911 – 21 двор, 138 жителей. К/ф: Климкины, Савины, Федюшкины.

с-цо. **Желудево** (Хохловская вол., темиревский цп) – 1761-67 – 180 жителей. 1862 – 59 дворов, 578 жителей. 1890 ЗШ. 1911 – 107 дворов, 754 жителя.

С/с 1924–1954. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №112 от 27.03.1973 г. объединена с д. Хохловка. См д. Потапьевская Хохловка.

д. **Жуковка** (Хохловская вол., пеньковский цп) – 1862 – 6 дворов, 68 жителей, мельница. 1911 – 18 дворов, 89 жителей. 1940 – 18 дворов. 1997 – 24, 2002 – 17, 2010 – 16 жителей. К/ф: Мишаковы, Горины, Лебедевы, Спиряковы.

х. **Зайцев** (Михайловский с/с, н/с, уп. 1939) – на правом берегу Кенорского оврага в 1 км от д. Климушинки в сторону п. Кенор, назван по владельцу Андрияну Степановичу Зайцеву (1883, д. Каменка–?), репрессированному в 1930.

д. **Знаменка** (Балушево-Починковская вол.) – выс. из Балушевых Починок, где одним из престольных праздников являлось Знамение иконы Богоматери. Потому и название Знаменка. Позже относилась к терентьевскому цп, и престольным праздником стал здесь Фролов день. 1862 – 56 дворов, 557 жителей. 1889 ЗШ. 1911 – 89 дворов, 547 жителей. С/с 1926–1954, к-з «Труд» (1138 га) 1930–1950 (2-й пред. Аким Федорович Ларин), укр. с «Путь Ленина» (Пет). 1940 – 97 дворов. 1978 – 47, 1997 – 26, 2010 – 15 жителей. К/ф: Лисицины, Панкины, Севушовы, Церябины.

п. **Знаменский** (быв. Шемякин х., н/с с 1940-х) – образован в начале XX в. на левом берегу оврага, выходящем к р. Пет (1.5 км на север от Гоголовки) Александром Федоровичем Шемякиным (ферма, сад, пруд). После революции организовал коммуну, пригласив 4 семьи-переселенцев, работал наряду со всеми, но хозяйство вскоре развалилось.

д. **Ивановка** (Гридинская вол. и цп, нежил.) – 1862 – 14 дворов, 169 жителей. 1911 – 29 дворов, 188 жителей. На северной окраине – имение поручика Михаила Павловича Оленина, крахмальный з-д Кирилла Яковлевича Шмелева.

К-з «Спартак» (422 га), 1950 укр. с им. Хрущева (Михайловка). 1940 – 28 дворов. 1997 – 7, 2002 – 0 жителей. К/ф: Валяевы, Десяткины, Строковы, Харитонкины.

п. **Ижевский** (Фалеевский с/с, н/с с 1970) – основан на ручье Вашмор в 1924 г. (15–20 домов). К-з им. Чернова (430 га), укр. с им. Молотова (Павловка). 1940 – 15 дворов. К/ф: Мироновы, Ромашины, Солодовниковы. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №258 от 01.08.1972 исключен из УДНП.

п. **Ирша** (н/с с 1940-х) – основан в конце XIX в. на берегу озеру Ирша. В 1924-1925 гг. в Ирше действовала коммуна, объединявшая несколько семей. 1940 – 2 дома.

п. **Искра** (выс. из Мокрой Хохловки, Мокрохохловский с/с, нежил.) – основан в 1924 г. К-з «Искра» (317 га) 1929–1937, укр. с «Пламя» (Ферма). В 1937 г. на праздник Великого Октября от нечаянной искры возник пожар, уничтоживший почти весь поселок (11 домов). 1997 – 5, 2002 – 2 жителя.

д. **Казановка** (Высокополянская вол., терентеевский цп, н/с с 1978) – уп. 1764 г., когда Екатерина II пожаловала эту деревню в вотчину князю Ивану Васильевичу Несвицкому. 1862 – с-цо, 17 дворов, 126 жителей. 1911 – 38 дворов, 251 житель, экономия Путиловых.

К-з «Трудовик» (568 га), затем им. Кагановича, 1951 укр. с «Путь Ленина». 1940 – 49 дворов. К/ф: Данилины, Козловы. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №26/2 от 26.01.1987 г. исключена из УДНП.

х. **Калинов** (н/с) – 0.3-0.5 км. к С-З от д. Степановка на правом берегу ручья Вашмор, назван по имени владельца Калинова (Калинина). 1862 – 1 двор, 4 жителя. По воспоминаниям старожилов, на хуторе имелись господский двухэтажный кирпичный дом, большой (Калинов) сад, возле которого в овражке бил обихоженный родник.

д. **Каменка (Веденяпина)** (Потапьевская вол. и цп) – Веденяпина – по фамилии дворян-владельцев, Каменка – по ручью Каменка. 1862 – с-цо, 18 дворов, 139 жителей. 1911 – 33 двора, 263 жителя, рядом, на другой стороне запруды – ферма и амбары купца Кондранина.

К-з «Новая жизнь» (585 га), 1950 укр. с им. Кирова (Пителино), начальная школа (до 1965). 1940 – 37 дворов. 2010 – 5 жителей. К/ф: Муленковы, Панкратовы, Трухачевы.

д. **Каменка (Кашкаровка, Толмачиха** тож**)** (Потапьевская вол., петский цп, нежил.) – 1862 – 8 дворов, 70 жителей. 1911 – 29 дворов, 174 жителя.

К-з «17-й Октябрь» (378 га) 1932–1950, укр. с «Красная звезда» (Станищи). 1940 – 41 двор. 2002 – 4 жителя. К/ф: Зайцевы, Масевнины, Спирины.

п. **Кенор** (Потапьевская вол., петский цп, выс. из Пета, н/с с 1972) – на ручье Кенор. 1860 – 7 дворов, 55 жителей, 1911 – 20 дворов, 132 жителя.

1940 – 28 дворов. К/ф: Зайцевы, Клочковы. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №258 от 01.08.1972 исключен из УДНП.

д. **Климушинка** (**Ункор** тож) (Нестеровская вол. и цп, затем Потапьевская вол. и цп) – выселки из Нестерова, уп. с сер. XIX в. как выс. Ункор. 1860 – 6 дворов, 51 житель, 1911 – 18 дворов, 118 жителей.

К-з «Чекист» (177 га) 1933–1950 (1-й пред. Костиков), укр. с им. Хрущева (Михайловка), начальная школа. 1940 – 24 двора. 1997 – 6, 2010 – 2 жителя. К/ф: Климушины, Матюшины, Монаховы.

п. **Клиновский** (Новодеревенский с/с, н/с с конца 1940-х) – улица в один ряд домов по правому берегу ручья Клиновка. Уп. в 1872 г. как х. Клиновка – выс. из Балушевых Починок.

п. отд. **«Комсомол»** с-за «Красный Партизан» – см. п. Полесье.

х. **Кондранина** (н/с) – купца Н.И. Кондранина, располагался в Каменском лесу у начала оврага Светлого, ведущего к Беседкам.

д. **Кононовка** (Хохловская вол., темиревский цп, выс. из Пеньков) – уп. в 1796 г. как безымянный поселок генерала-поручика В.В. Грушецкого. 1862 – 46 домов, 403 жителя. 1911 – 98 дворов, 477 жителей, ЗШ.

С/с 1930–1961, к-з им. Блюхера (1010 га) 1930–1938 (1-й пред. Дмитрий Евсеевич Гришин (1881–?), арестован 28.12.1932), 1938–1961 им. Чкалова, укр. с «Заветы Ильича». 1930 – 400, 1993 – 117, 2002 – 77, 2010 – 50 жителей. К/ф: Ивакины, Иванушкины, Пановы, Синявкины, Степенькины.

д. **Кошибеево** (Потапьевская вол. и цп, выс. из Кошибеево Сасовского р-на) – уп. с конца XIX в. 1911 – 27 дворов, 240 жителей. 1913 ЦПШ.

1940 – 44 двора. 1978 – 46, 1997 – 24, 2010 – 10 жителей. К/ф: Абрамовы, Борисовы, Брагины, Булатовы, Чирковы.
См. Сосновка-Кошибеевка

п. **Красное Знамя** (Гридинский с/с, н/с с 1958) – выселки из Нового Ункора на левом берегу безымянного ручья, впадающего в р. Пет чуть южнее ручья Вяжневка, улица в один порядок домов (0.3–0.4 км от р. Пет).

п. **Краснопартизанский** (Высокополянский с/с) – основан в 1932 г. как усадьба с-за «Красный партизан», название которому дал первый директор, партизанивший в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке, Иван Григорьевич Жуков (1890 - ?) – арестован в 1938 году. 1997 – 420, 2002 – 342, 2010 – 259 жителей.

п. **Красный Восход** (**Пырьи**) – см. Пырьи

п. **Лески** (Фалеевский с/с, н/с с конца 1940-х) – уп. с 1929, в лесах, в 3 км от п. Ижевский по дороге на Глуховку.

д. **Лукино** (Высокополянская вол. и цп) – 1862 – с-цо с усадьбой господ Воронецких (178 кмп), 31 дом, 356 жителей, 1880 – 55 и 444, часовня. 1911 – 83 двора, 617 жителей. 1913 ЗШ, экономия, кирпичный и крахмальный з-ды купца Николая Васильевича Пустовалова.

С/с 1930–1954, к-з им. Кагановича (934 га) 193…–1951 (1-й пред. Сергей Филиппович Ланин (1888–?), арест. 22.02.1932), укр. с «Красное знамя». 1940 – 145 дворов. 1993 – 125, 2002 – 78, 2010 – 50 жителей. К/ф: Зиновины, Ланины, Маненьковы, Савельевы, Сизовы, Чебухановы.

п. **Луч** (Высокинский с/с, н/с с 1977) – образован на месте х. Петровский помещика Николая Андреевича Давыдова с винокуренным з-дом и х. Фроловский (по ручью Фролов) дворян Дьяковых.

К-з «Луч» (357 га), 1950 укр. с «Прогресс». 1940 – 38 дворов. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №45 от 03.03.1977 г. исключен из УДНП.

д. **Малые Мочилы** (выс. из Больших Мочил, Подболотская вол., большемочильский цп) – уп. в сер. XVIII в. 1862 – 36 домов, 516 жителей. 1911 – 109 дворов, 830 жителей. 1913 ЗШ.

С/с 1930–1954, к-з им. Ленина (1936 га), 1950 укр. с пеньковским к-зом. 1940 – 148 дворов. 1993 – 25, 2002 – 14, 2010 - 4 жителя. К/ф: Абросимовы, Жигановы, Макеевы, Николаевы, Рощины, Сидоркины.

п. **Маркины Дворики** (Высокополянская вол., терентеевский цп, н/с с 1940-х) – на муромском тракте между с. Терентеево (2 км.) и д. Толстиково. 1862 – выс., 3 двора, 39 жителей.

д. **Марьевка** (Хохловская вол., темиревский цп) – 1862 – 23 двора, 188 жителей. 1911 – 51 двор, 301 житель.

С/с 1924–1954, к-з им. Кирова (1025 га), 1950 укр. с им. Чкалова, начальная школа. 1940 – 30 дворов. 1997 – 4, 2010 – 1 житель.

д. **Михайловка** (Гридинская вол. и цп, нежил.) – 1862 – 18 дворов, 152 жителя. 1897 ЦПШ, имение и конный з-д рысаков Евгения Ивановича Покровского. 1911 – 65 дворов, 398 жителей.
С/с 1930–1954, к-з «Кооператор» (653 га), с 1943 – им. Хрущева, 1957–1966 «Рассвет», укр. с «Заря». 1940 – 52 двора. 1997 – 6, 2002 – 2 жителя. К/ф: Кусакины, Ларькины, Нестеровы, Строковы, Сыромятниковы.

х. **Мичурин** (н/с) – 3.5 км от д. Андреевка и 3 км от д. Синюхино, по имени владельца дворянина Сергея Львовича Мичурина, у которого имелись экономия, винокуренный, конный (упряжной породы) и лесопильный з-ды, большой сад. Ранее х. Вилы (1862 – 1 дом, 6 жителей). В 1940–1960-х гг. на том же месте располагался кордон Мичуринский.

д. **Мокрая Хохловка** (Мокринская вол. и цп) – образована из трех нп, расположенных вдоль р. Пет (с севера на юг): д. Хохловка (1862 – 49 дворов, 123 жителя), д. Займище и д. Симериц (по ручью Симериц) (1862 – 322 жителя), кот. объединились в начале XX в. в д. Хохловку (с 1926 – Мокрая Хохловка). 1911 – 89 домов, 763 жителя, крахмальный з-д Александра Кирилловича Шмелева, ветряная мельница Ивана Николаевича Карпунова, ЗШ.
С/с 1924–1959, к-з «1 Мая» (1325 га), с 1950 «Путь Сталина», 1959 укр. с «Красный Октябрь». 1940 – 107 дворов, крахмальный з-д (15 работников, годовая выработка сырого крахмала 550 тонн). 1997 – 24, 2002 – 17, 2010 – 1 житель. К/ф: Араповы, Гребенчиковы, Зубковы, Карпуновы, Князевы, Луняковы, Мельниковы, Новиковы, Хлестовы.

с. **Нестерово –** уп. в документе 1580 года: «Костино, Нестерово тож, на речке, на Ежицкой, Подлесского стана Шацкого уезда». В писцовой книге поместных и вотчинных земель Подлесского стана Шацкого уезда за 1645 год указывалось: «За боярином князем Михаилом Петровичем Пронским в поместье, что было пред его за боярином Григорием Гавриловичем Пушкиным в вотчине, двор

помещиков…» Далее перечислены все владельцы, в т.ч. князь Михайло Иванович Коркодин и помещики Нестеровы. Когда служилые люди Нестеровы получили части села в поместье по государевой грамоте 1617 года, оно стало называться Нестерово тож. В XIX в. уп. и как Дмитриевское – по грандиозной двухэтажной церкви в честь Дмитрия Солунского, построенной на деньги К. Ф. Ушакова в 1707 году (первый храм возведен ранее 1676 г.), закрыт в 1940. Сохранилась и домовая церковь князей Волконских – Никольский каменный храм (182…), открыт в 1993. По данным Первой ревизии 1719-1722: «В селе Нестерово, что прежде было за князем Александром Лукичем Долгоруким, а ныне за Константином Федоровичем Ушаковым, 171 человек». 1761–1767 – 369 кмп, принадлежащих 10 помещикам (307 – Ушаковым, трем Нестеровым – 54). 1782 – 91 дом, 742 жителя, 2 господских дома (каменный, промеж двух садов, и деревянный с плодовым садом), запруда на речке Ежаче и мельница о двух поставах. 1862 – вол. центр, 130 домов, 1121 житель, имения княгини Волконской и Воейковых, з-д рогатого скота. 1886 ЗШ, 1895 – на средства крестьянской общины построено здание ЦПШ. 1903 – 2 конных з-да упряжной породы (князя В.И. Кудашева и статского советника С.В. Воейкова). 1912 – открылось ремесленное училище, где мальчиков обучали сапожному делу. 1914 – 169 дворов, 1141 житель, винокуренный з-д Воейкова, ветряная мельница.

С/с с 1924, к-з «13-й Октябрь» (1981 га) 1930–1970 (1-й пред. Макурочкин, 2-й пред. Михайлин), с 1970 с-з «Нестерово». 1940 – 280 дворов, ветряная мельница, черепичный з-д (годовая выработка 90 тыс. штук). 1993 – 814, 2010 – 712 жителей. К/ф: Андрюшины, Горюновы, Илларионовы, Кирилловы, Кузяевы, Поповы, Пугачевы, Савостьяновы, Соины, Тамбовцевы, Фионины, Ширяевы.

к. **Нестеровский (**к. **Новый)** (н/с) – в Каменском лесу (урочище Филькино). Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №26/2 от 26.01.1987 г. исключен из УДНП.

д. **Новая Деревня (Урусово)** (Балушево-Починковская вол. и цп, нежил.) – выселки из с. Балушево-Починки на ручье Петраковка. 1862 – 60 дворов, 783 жителя, 1880 – 100 и 675, дегтярный з-д. 1895 ЗШ. 1911 – 78 дворов, 598 жителей.
С/с 1924–1954, к-з «Верный путь» (1282 га) 1931-1951 (1-й пред. Аким Федорович Ларин (1891-1973), укр. с «Красная звезда». 1940 – 48 дворов. 1997 – 14, 2010 – 3 жителя. К/ф: Жуковы, Никишовы.

п. **Новосельцы** (Беседский с/с, уп. с 1926, н/с с 1967) – образован на месте бывшей экономии А.Н. Кондранина. К-з «Пионер» (234 га), укр. с «Пятилетка» (Беседки). 1940 – 15 дворов. Исключен из УДНП 25.12.1968 г.

п. **Новый Мир** (Гридинский с/с, уп. с 1925, н/с с 1950) – 2.5 км. на юг от п. Новый Свет на водоразделе ручьев Перхупка и Петас.

п. **Новый Свет** (Гридинский с/с, уп. с 1925, н/с с 1988) – имел крестообразную конфигурацию улиц. К-з им. Демьяна Бедного (456 га), 1946–1951 «Путь Сталина», укр. с им. Горького. 1940 – 23 двора, начальная школа. Постановлением Рязанской областной думы от 19.09.1995 исключен из УДНП.

с. **Новый Ункор** (Мокринская вол. и цп) – образован в 1924 г. из д. Ункор (1862 – 74 жителя, левый берег р. Ункор), д. Новая (1862 – 70 домов, 366 жителей, позже д. Филинка (1911 – 72 дома, 665 жителей), правый берег р. Ункор) и (с 1939) д. Спиридовка (1862 – 30 дворов, 386 жителей). 1898 ЗШ.
С/с 1924–1997, к-з «Красный Октябрь» (2184 га) 1929-1966, с 1966 с-з «Пителинский». 193…- 1985 действовал маслозавод, перерабатывающий в сутки до 5 тонн молока. 1940 – 235 дворов, больница, ветряная мельница. 1978 – 323, 1997 – 184, 2002 – 157, 2010 - 82 жителя. К/ф: Андрецовы, Гребенчиковы, Канаевы, Куренковы, Лысовы, Песковы, Пресняковы, Пупковы, Седины, Титовы.

д. **Обухово** (Подболотская вол. и цп, нежил. с 2009) – 1761-67 – 108 жителей. 1862 – 69 дворов, 616 жителей, 1880 – 84 и 673. 1898 ЗШ. 1911 – 128 дворов, 736 жителей, ветряная мельница Ильи Ермолаевича Черепенникова.
С/с 1930-1954, к-з им. Дзержинского (1014 га), 1951 укр. с подболотьевским к-зом. 1940 – 99 дворов, ветряная мельница. 1978 – 6, 2002 – 3 жителя. К/ф: Архиреевы, Сучковы, Татарниковы, Устиновы.

п. **11-й Октябрь** (Новоункорский с/с, н/с) – образован в 1928 году (2.5 км на юг от Нового Ункора). Десяток домов в один порядок.

п. **Ольгино** (**Кушевка**) (Потапьевская вол., петский цп, н/с с 1981) – улица в один порядок домов (1 км. к северу от с. Пет). 1862 – 1 двор, 6 жителей, 1911 – 5 дворов, 35 жителей.
1940 – 8 дворов. К/ф: Лавриковы, Лысковы, Ляпуновы. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №26/2 от 26.01.1987 г. исключен из УДНП.

п. **Ольховка** (н/с с 1963) – образован в лесу в верховьях руч. Ольховка (2 км. на север от д. Станищи) во время Великой Отечественной войны для заготовки дров на нужды обороны. Заготовители жили в бараках, имелся магазин. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №494 от 25.12.1968 г. исключен из УДНП.

д. **Павловка** (Гридинская вол., веряевский цп, н/с с 1985) – на прав. берегу ручья Петас. 1862 – 17 дворов, 155 жителей. 1911 – 61 двор, 443 жителя. 1913 ЗШ.
С/с 1926–1954, к-з им. Молотова (833 га), 1952 укр. с им. Димитрова. 1940 – 82 двора. 1970 – 59 жителей. К/ф: Абашины, Горюновы, Егоркины, Зинаковы, Лазаревы, Макаровы, Мелехины, Оськины, Чупруновы. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №218/12 от 23.07.1988 г. исключена из УДНП.

с. **Пеньки (Поганые Пеньки)** (Хохловская вол.) – на речке Владимирке. Статус села получило до 1676 г. (храм Преображения Господня, в 1862 построен деревянный, закрыт в 1930, разобран в 1938). В давние времена село располагалось на западной стороне оврага в местечке «Глинная яма», где с русскими жили татары и литовцы. Еловый лес нещадно вырубали, освобождая место для пахоты. Видимо, отсюда и название села. В переписных книгах 1676 г. значится: поповский двор, 4 боярских, 49 крестьянских, 12 вдовьих дворов. В 1688 г. Пеньки пожалованы князю Дмитрию Михайловичу Голицину. 1761–1767 – 368 кмп княжны Анны Сергеевны Голициной. 1783 – 496 кмп генерал-поручика Василия Владимировича Грушецкого. Позже (данные 1835 года) владения камергера Василия Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса. Перед отменой крепостного права владельцем села стал помещик Балашов. 1862 – 156 дворов, 1495 жителей. 1889 ЦПШ. 1911 – 290 дворов, 1834 жителя.

С/с с 1924, улицы: Лопатня, Середка, Село, Поселок. К-з «Красный тракторист» (2407 га) 1930–1950 (1-й пред. до 1934 Иван Сергеевич Катков), 1950–1962 им. Ленина, с 1962 «Парижская коммуна». 1934 – создан к-зный хор (старейший коллектив р-на), в советское время действовал сырзавод, производящий 30 т. сыров в год. 1993 – 539, 2002 – 455, 2010 – 380 жителей. К/ф: Барсуковы, Блинковы, Бочковы, Епифановы, Ершовы, Ионкины, Катковы, Лактюнькины, Никитушкины, Торбаевы, Хамовы, Цыпленковы, Шагаевы, Шуруевы, Юнькины.

с. **Пет** (Потапьевская вол.) **–** статус села получило до 1676 г. В 1850 г. деревянный Введенский храм построил помещик Кашкаров, а в 1913 к 300-летию дома Романовых местный купец Портнов воздвиг на свои деньги каменный чудо-храм (закрыт в 1930). В исторических документах уп. и как Пят. По преданию в долине реки Пет добывали руду, а самый богатый рудник был пятый, потому и Пят. 1676 – 75 крестьянских дворов, 1 боярский, 2 поповских. 1862 – 126 дворов, 1309 жителей, имения господ Кашкаровых, Воейковых и Кикиных, мельница, 1880 – 189 и 1087, ЦПШ. 1900 – конный з-д купца

Кондранина. 1911 – 232 двора, 1695 жителей, кредитное товарищество, казенная винная лавка, экономии губернского секретаря Василия Алексеевича Бакулина, Николая Федоровича Шемякина.

С/с с 1924, к-з «Путь Ленина» (3928 га) 1930–1953 (1-й пред. Иван Никитич Левочкин) и «Новый путь» («Победа») до 1953, объед. в им. Крупской. 1930 – 326 дворов, 2149 жителей, улицы: Петровка, Николаевка, Гришевка, Воейковка, Заводская, Семеновка, Школьная, Титевка и Новая. 1940 – кирпичный (120 тыс. штук в год) и черепичный (60 тыс. штук в год) з-ды. 1997 – 412, 2002 – 321, 2010 – 188 жителей. К/ф: Беляковы, Гавриковы, Гаврилины, Еськины, Кауркины, Кобловы, Кондрашовы, Кустовы, Лавриковы, Левочкины, Липины, Лысковы, Лытаевы, Мулины, Наумцевы, Павликовы, Петрушкины, Портновы, Пузаковы, Салекины, Сергунины, Финаковы.

п. **Пет-Завод** – образован в 1904 году, когда Николай Федорович Шемякин купил у помещика Берга 20 дес. земли под строительство на берегу р. Пет крахмального з-да (ок. 50 рабочих), который после ряда реконструкций действовал до 1997 г. 1978 – 24 жителя, магазин. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №218/12 от 23.07.1988 г. объединен с с. Пет.

п. **Петровский** (Гридинская вол. и цп, н/с с 1950) – образован в начале XIX в. на ручье Бабий, владения Кашкаровых. К/ф: Андрюшины, Потаповы, Ягодкины.

р.п. **Пителино** (до 1903 **Петелино**, Хохловская вол, Пеньковский цп) – «петелей», но чаще «пителей» называли в старину задиристого, неуступчевого, настырного человека. Вероятно, так за подобный характер прозвали мужика, попавшего в середине XVI в. по вольному набору в «государевы служилые люди». Получив в надел землю в Пехлевецком стану (близ Ряжска), Петеля основал деревушку Петелино (ныне Липецкая область). Его грамотный сын Фома стал заметной фигурой в среде столичных приказных дьяков.

В 1587 г. вместе с князем Троекуровым и дворянином Писемским дьяк Фома Петелин ездил «в послах» от царя Федора Ивановича к литовскому королю Стефану. Вот тогда-то он и был пожалован поместьем в Шацком уезде. Возникшая при этом поместье деревушка стала называться Петелино.

Впервые деревня Петелино значится в писцовой книге по Шацкому уезду Борисоглебскому стану за 1626 г. как поместье Мальцевых. Затем она стала вотчиной служилого человека Вишнякова: «За Володимиром Игнатовым, сыном Вишняковым, что было за Иваном за Мальцевым, а после за ним, за Володимиром в поместье, что стало у него вотчиной, деревня Петелинская на речке Пасмуре пуста». Согласно писцовой книге за 1645 г. по Шацкому уезду Подлесскому стану: «полдеревни Петелино в поместье Кокоревых, которые купили также и ее другую половину у вдовы Вишняковой». Проживало здесь тогда в 12 (восьми крестьянских и четырех бобыльских) дворах 32 человека мужского пола.

По данным Первой (1719-1722) и Второй (1744) ревизий Петелино числилось сельцом, т.е. в нем находился господский дом помещика Льва Александровича Милославского с 14 дворовыми мужского пола, а в сельце – 43 крестьянских избы с 258 их обитателями. В 1760 г. вдовой Милославской оно было продано сержанту лейб-гвардии Семеновского полка Василию Владимировичу Грушецкому. По Третьей (1761-67) ревизии в сельце 565 жителей. В последствии Петелино принадлежало камергеру Василию Валентиновичу Мусину-Пушкину-Брюсу, затем помещикам Балашовым. 1862 – 124 двора, 1009 жителей, базар по средам.

Статус села с 1869 года, после постройки на средства прихожан деревянной Вознесенской церкви. Каменный храм во имя Александра Невского в 1890 году возвел на свои средства купец Н.И. Кондранин. 1882 ЦПШ. 1911 – 253 двора, 1583 жителя, частная паровая мельница, аптека.

С/с с 1924, вол. центр с 1925, райцентр с 1929. 1930 – 1775 жителей, ветряная мельница, к-з им. Крупской (2030 га) 1929–1950, им. Кирова 1950–1958. 1933 – ветстанция. 1935 – райбольница. 1967 – 3049, 1997 – 2690, 2002 – 2405, 2010 – 2252 жителя. К/ф: Горбатовы, Жданкины, Кадыковы,

Колчины, Люлины, Мяковы, Савины, Умняшкины, Швецовы. Решением исполнительного комитета Рязанского областного Совета депутатов трудящихся от 26 мая 1967 года село Пителино отнесено к категории рабочих поселков с сохранением за ним прежнего наименования.

с. **Подболотье –** уп. в окладной книге церквей Шацкого уезда 1676 г.: 35 дворов (в т.ч. 5 боярских), Предтеченская церковь (последний деревянный храм возведен в 1838, закрыт в 1930, разрушен в 1993). 1761-67 – 203 кмп помещика Василия Лачинова. 1862 – вол. центр, 63 двора, 698 жителей, имение штабс-капитана, предводителя уездного дворянства Сергея Федоровича Белкина. 1889 ЦПШ. 1911 – 117 дворов, 919 жителей.

С/с с 1924, к-з им. Менжинского (1032 га), с 1951 им. Дзержинского. 1940 – 89 дворов. 1978 – 287, 1993 – 166, 2010 – 130 жителей. К/ф: Воронины, Еремины, Климаковы, Коньковы, Кураевы, Черепенниковы, Шемаровы.

п. **Полесье** (Высокополянский с/с) – начал строиться в 1930-е гг. как поселок отделения «Комсомол» с-за «Красный партизан». Указом Президиума Верховного Совета РФ №3471-I от 07.09.1992 г. переименован в п. Полесье. 1997 – 25, 2010 – 6 жителей.

с. **Потапьево –** уп. в окладных книгах церквей Шацкой десятины 1676 года: Христорождественский храм (последний деревянный построен в 1798, закрыт в 1930, сгорел в 1988), 3 боярских, 2 поповских, 127 крестьянских домов. 1761-67 – 417 кмп князя Алексея Дмитриевича Голицина, позже – владения князя Сергея Александровича Меншикова. 1862 – вол. центр, 125 домов, 1394 жителя, почтовая станция. 1880 – 230 дворов, 1335 жителей, четыре постоялых двора, две часовни, земское образцовое училище. 1894 ЦПШ. 1900 – четырехгодичная ремесленная школа, земская больница, телеграф, ветеренарный фельдшерский пункт, пункт государственной заводской конюшни, казенная винная лавка, экономия Снитко, два постоялых двора, этапный двор политкаторжан. 1908 –

построено двухэтажное кирпичное здание низшей ремесленной школы. 1911 – 221 двор, 1669 жителей.

С/с с 1924, к-з «Передовик» (2906 га) с 1929 (1-й пред. Василий Евдокимович Дрындин). 1930 – 270 дворов, 1838 жителей, профтехшкола, школа 1-й ступени, изба-читальня. 1993 – 499, 2010 – 336 жителей. 1976–1986 – филиал Шацкого (затем Елатомского) СПТУ. К/ф: Аршиновы, Дрындины, Кладиновы, Костыгины, Крупаковы, Кузькины, Муратовы, Синякины, Федосовы, Федотовы, Шаровы.

д. **Потапьевская Хохловка** (темиревский цп) – 1761-67 – 123 кмп помещика В.В. Грушецкого. 1862 – с-цо, вол. центр, 83 двора, 748 жителей, мельница. 1890 ЗШ. 1914 – 173 двора, 1264 жителя, кирпичный з-д, кожевенный з-д Федора Гавриловича Зотова (1877–?), крахмальный з-д и водяная мельница братьев Володиных.

С/с 1924–1954, к-з им. Молотова (3178 га) 1930–1957 (1-й пред. Иван Тимофеевич Панькин), «Россия» 1957–1965, укр. с с-зом «Мокшинский». 1993 – 196, 2002 – 123, 2010 – 85 жителей. К/ф: Левкины, Максимовы, Нуждины, Пимашкины, Стариковы, Сыкины, Ушановы.

п. **Прудки** (Потапьевская вол., петский цп, н/с с 1968) – 1862 – 8 дворов, 89 жителей. 1911 – 16 дворов, 99 жителей.

К-з «Красный маяк» (392 га), 1950 укр. с «Путь Ленина». 1940 – 18 дворов. К/ф: Гаврилины, Громовы, Ивановы. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №494 от 25.12.1968 г. исключен из УДНП.

п. **Пырьи** (Гридинской вол., н/с с 1930-х) – улица в один порядок домов на берегу ручья Вашмор. Образован в начале XX в. К/ф: Даниловы, Кузьмины, Мироновы. В годы советской власти получил более благозвучное наименование – п. **Красный Восход.**

х. **Пятницкий Яр** (Высокополянский с/с, нежил.) – уп. как пристань с 1850-х гг. 1997 – 2 дома, 4 жителя.

д. **Саверка** (Хохловская вол., темиревский цп) – рядом с с. Темирево. Названа по ближнему озеру Саверскому. 1862 – с-цо, 27 дворов, 194 жителя, владения господ Труниных. 1911 – 42 двора, 229 жителей. К/ф: Галкины, Осины, Трунины, Фатьяновы. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №112 от 27.03.1973 г. объединена с с. Темирево.

с. **Савро-Мамышево** (Нащинская вол.) – в исторических документах уп. как Савра, Савра Мамышева, по имени одного из первых владельцев. В межевых книгах 1645–1648 годов записано: «Левая сторона Ивана Волынского деревни Савра Мамышева». 1676 – церковь Николая Чудотворца (в 1786 построена новая деревянная, разобрана в 1960-е), 33 двора (в том числе 3 боярских, 1 поповский). 1761-67 – 117 кмп, принадлежащим 6 помещикам. 1804 – 265 кмп генерал-лейтенантши Авдотьи Семеновны Луниной. 1835 – 52 двора, 498 жителей, фабрика солдатского сукна А.С. Луниной (св. 80 работников производили 9240 аршин сукна в год, закрылась в 1850). 1862 – 64 двора, 739 жителей. 1886 ЦПШ. 1911 – 157 дворов, 1163 жителя, ЗШ, ветряная мельница.

С/с 1924–1954, 1920-е–1940-е – корзиночная артель (20-30 работников), производительностью св. 20 тыс. корзин в год, к-з им. Тельмана (1295 га) 1930–1951 (1-й пред. Губин), укр. с им. Фрунзе. 1940 – 201 двор, ветряная мельница. 1978 – 85, 1997 – 35, 2002 – 20, 2010 – 15 жителей. К/ф: Волковы, Губенковы, Губины, Евстигнеевы, Маркины, Николаевы, Протасовы, Степановы, Терешины, Юняковы.

с. **Самодуровка** (до 1880 **Ново-Юрьево** – выс. из Юрьево, Подболотская вол.) – уп. с XVII в. 1761-67 – 191 кмп Ивана Сумарокова. 1835 – владельцы деревни Иван Иванович Сумароков и Петр Григорьевич Языков. 1862 – 73 двора, 976 жителей, ветряная мельница. 1882 ЗШ. Статус села с постройкой в 1888 году деревянной Троицкой церкви и открытия прихода (закрыт в 1930). 1900 – 1439 жителей, 1911 – 204 двора, 1295 жителей.

С/с 1924–1954 (1-й пред. Михаил Куприянович Кочетков), к-з «Большевистский путь» (1476 га) 1930–1951 (1-й пред. Илья Яковлевич Якунькин), укр. с им. Фрунзе. 1940 – 140 дворов. 1993 – 30, 2002 – 15, 2010 – 8 жителей. К/ф: Герасевы, Ильичевы, Рогановы, Савостины, Тесенковы, Чуриковы.

д. **Самодуровка** (Высокополянская вол. и цп, н/с с конца 1940-х) – стояла на муромском тракте южнее с. Терентеево (в 0.7 км.) между двух ручьев, образующих речку Мотка.
К-з ? 1930–1932, укр. с «Серп и молот». 1940 – 10 дворов.

с. **Свищево (Заречное, Знаменское)** (Нестеровская вол.) – выселки из Нестерова. Названо по имени местных помещиков. В связи с тем, что в Елатомском уезде оказалось два села Свищево, называлось Заречное Свищево, так как находилось относительно уездного города за рекой Окой, а Знаменское – по церкви. Уп. 1676 – 65 дворов (в т.ч. 6 помещичьих), храм Знамения Богородицы (современный каменный построен в 1862, закрыт в 1962). 1761-67 – 302 кмп восьми помещиков (в т.ч. премьер-майора Ивана Ивановича Свищева). 1859–1905 – пункт Государственной заводской конюшни. 1862 – 100 дворов, 1100 жителей. 1890 ЦПШ. Конец XIX в. – три конных з-да: купца В.А. Бабосова, дворян В.М. Сабурова (рысистой породы) и М.М. Сабурова (упряжной породы). 1911 – 213 дворов, 1490 жителей, экономии князя Кудашева, Попова, Сабурова и Сабуровой.
С/с 1924–1954, улицы: Торбеевка, Речка, Сабурщина (левый берег Реушки), Булыгщина, Илющина, Коровья, Тараканщина (правый берег). К-з «Ударник» (1934 га) 1930–1958, отделение с-за «Красный партизан» 1958–1970, с 1970 отдел. с-за «Нестерово». 1940 – 231 двор. 1993 – 124, 2002 – 80, 2010 – 68 жителей. К/ф: Авдонины, Антиповы, Вольновы, Гавриковы, Елисеевы, Итунины.

х. **Селиванов** (н/с) – по имени владельца, касимовского мещанина Ивана Николаевича Селиванова, на холме Крутая Гора (рядом – родник и пруд) в 1 км. к северо-западу от х.

Хохловка (п. Борцы). Теперь это место заросло лесом. Осталось лишь название Селивановы луга.

д. **Синорма** (Потапьевская вол. и цп) – 1862 – с-цо, принадлежащее 8 помещикам, 54 двора, 572 жителя. 1914 – 108 дворов, 758 жителей, ЗШ.

С/с 1924–1954, к-з «Красный пахарь», затем «Красноармеец» (1688 га), 1950 укр. с им. Кирова (Пителино). 1940 – 158 дворов. К/ф: Варины, Васины, Кондрашовы, Конкины, Ловцевы. В 1967 г. Синорма вошла в состав р.п. Пителино.

д. **Синюхино** (Гридинская вол., веряевский цп, нежил. с 2006) – 1862 – 12 дворов, 126 жителей. 1911 – 36 дворов, 336 жителей.

К-з им. Жданова (733 га), 1951 укр. с им. Молотова (Павловка). 1940 – 75 дворов. 1970 – 188, 1997 – 3 жителя. К/ф: Егоркины, Зинаковы, Маринины, Мелехины, Оськины.

д. **Сион** (Фермовский с/с, н/с с 1940-х) – на правом берегу овражка, выходящего к р. Пет. 1.8 км. от с. Высокое и 0.6 км. от п. Луч. В конце 1920-х переселенцы (молокане?) поставили бараки на месте бывшего хутора с садом.

д. **Соколово** (Нестеровская вол. и цп., нежил. с 2003) – выселки из с. Нестерово. 1761-67 – 135 жителей. 1862 – с-цо, 34 двора, 359 жителей. 1914 – 57 домов, 504 жителя, ЦПШ, усадьбы князей Мансыревых и купца В.А. Бабосова.

С/с 1930–1954, к-з им. Калинина (764 га), 1951 укр. с им. Парижской коммуны. 1940 – 103 двора, улицы: Сморчков конец, Шабров конец и Однодворцы. 1978 – 47, 1997 – 15, 2002 – 10 жителей. К/ф: Петрунины, Реутовы, Сморчковы, Шабровы, Юрусовы, Яшковы.

д. **Сосновка (Кишкино)** (Потапьевская вол. и цп, н/с) – выселки (первая половина XIX в.) из с. Потапьево. Название дано по соседнему бору. Владения помещиков Снитко и Кишкиных. 1862 – 4 двора, 36 жителей, 1880 – 12 и 90, часовня. 1897 ЗШ. 1911 – 21 двор, 203 жителя.

С/с 1924–1926. 1940 – 31 двор, 1930-1971 объед. с Кошибеево. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №26/2 от 26.01.1987г. исключена из УДНП. К/ф: Кургановы, Митины, Савины.
см. Сосновка-Кошибеевка.

д. **Сосновка-Кошибеевка –** 1930-1971.
С/с 1930–1954, к-з им. Буденного (721 га) 1930-1950, укр. с «Заветы Ильича».

д. **Спиридовка** (Мокринская вол. и цп) – название получила по ручью Спиридов, делилась на Большую (левый берег р. Ункор) и Малую (правый берег р. Ункор), уп. и как Спиридоновка. 1862 – 30 дворов, 386 жителей. В начале XX в. – около 60 домов, 309 «душ» помещика П.П. Дьякова. К/ф: Матюшины, Наумовы, Пресняковы, Пупковы, Титовы. Вошла в состав Нового Ункора в конце 1950-х.

д. **Станищи** (**Агеевка**) (Потапьевская вол., петский цп) – в XIX–XX вв. именуется Агеевка (по владельцу), Станище тож. 1862 – 30 домов, 312 жителей, мельница. 1911 – 73 двора, 615 жителей. 1914 ЗШ.
С/с 1924–1989, к-з «Красная звезда» (1391 га) 1930–1953, укр. с им. Крупской (Пет). 1940 – 89 дворов. 1978 – 221, 1997 – 39, 2010 – 17 жителей. К/ф: Бурдасовы, Кокоревы, Коробовы, Масевнины, Муравьевы, Терехины, Чиркины.

к. **Старый** (н/с) – в Каменском лесу (урочище Филькино).

д. **Степановка (**Фалеевский с/с, н/с с 1982) – на левом берегу ручья Петас, крахмальный з-д Лаптева (имел двухэтажный деревянный дом с балконом, водяную мельницу, участок леса). Завод разрушили во время Веряевского восстания. 1940 – 13 дворов. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №26/2 от 26.01.1987 г. исключена из УДНП.

п. **Сухарево** (н/с) – летний поселок животноводов с-за «Красный партизан» (назван по одноименному урочищу). Возник в середине 1930-х на незатапливаемом бугре (0.3 км восточнее озера Цирок (Чирок), 1 км от р. Ока и 1.5 км от р. Пет) в виде десятка землянок (затем их сменили тесовые домики). Здесь в летне-пастбищный период жили около 30 человек, действовали сезонно немеханизированный маслозавод и сеноприемный пункт (до 1956), который принимал сено от хозяйств района, прессовал его и отправлял на баржах госзаказчикам. В середине 1960-х животноводов стали возить в луга на автомашинах и надобность в летнем поселке отпала. Старожилы вспоминают, что такой же поселок животноводов с-за «Красный партизан» (в виде землянок) существовал до войны и возле озера Криуша.

п. **Сухуша (Богородицкое)** (Нестеровская вол., н/с с конца 1930-х) – уп. в 1779 как х. господ Ушаковых. 1862 – д., 7 дворов, 40 жителей.

с. **Темирево** (Хохловская вол.) – по владевшему когда-то селом хану Темиру. Уп. 1676 – два церковных прихода: от храма Одигитрии Богородицы и храма Преображения Господня, 79 домов (в т.ч. 9 боярских, 2 поповских). До наших дней простоял деревянный храм Преображения, построенный в 1859 (закрыт в 1930, разобран в 1989). В 1701 году село пожаловано в полное вотчинное владение стольнику Александру Ивановичу Милославскому. 1761-67 – 223 кмп помещика В.В. Грушецкого. 1862 – 2 храма, 154 дома, 1343 жителя. 1873 – начальное училище. 1890 ЦПШ. 1911 – 300 дворов, 1853 жителя, Никольское кредитное товарищество, однодневная ярмарка 9 мая ежегодно.

С/с 1924–1954, улицы: Бутырки, Зяська, Жилин конец, Старое Село, Новое Село. К-з им. Чкалова (3182 га) с 1930, затем им. Сталина, 1963 укр. с им. Парижской коммуны. 1940 – 351 двор. 1993 – 330, 2002 – 239, 2010 – 155 жителей. К/ф: Данковы, Климачевы, Мурушкины, Трунины, Фоломеевы.

с. **Терентеево** (Высокополянская вол.) – на речке Мурка и ручье Мавра, статус села получило в 1761 г. в связи с постройкой первого храма. Каменный храм во имя Николая Чудотворца построен на средства помещицы Богдановой в 1831, закрыт в 1929, разрушен в 1959–1961. 1761-67 – 268 кмп, из кот. 90 Ивана Большого Богданова. 1862 – 97 домов, 993 жителя, квартира станового пристава. 1880 – 93 двора, 727 жителей, два овчарных з-да, постоялый двор. 1889 ЦПШ. 1911 – 101 двор, 536 жителей, экономия Софьи Ивановны Богдановой, ветряная мельница.

С/с 1924–1954, к-з «Серп и молот» (518 га) 1930–1950, укр. с «Красное знамя». 1940 – 86 дворов. 1970 – 106, 1997 – 30, 2002 – 16, 2010 – 12 жителей. К/ф: Акишкины, Дроздовы, Левкины.

п. **Тихая Долина** (Гридинский с/с, уп. с 1923, н/с с 1955) – основан переселенцами на ручье Сюкмар. 1940 – 3 двора. Ныне остался лишь пруд в глухом лесу.

д. **Тонкачевский Ункор** (Мокринская вол. и цп, нежил. с 2006) – выселки (сер. XIX в.) из д. Тонкачево (ныне Сасовского района). 1860 – 4 двора, 47 жителей, 1911 – 12 дворов, 82 жителя, усадьбы Филина и Лексикова.

1930 – ок. 200 жителей, к-з «8 Марта» (564 га), 1950 укр. с «Большевик» (Чубаровский Ункор). 1940 – 20 дворов. 1997 – 6, 2002 – 2 жителя. К/ф: Егоркины, Клюкины, Ромашины.

п. **Торфболота** (н/с с 1968) – возник при разработке торфа на Святом болоте в годы Великой Отечественной войны. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №494 от 25.12.1968 г. исключен из УДНП.

п. **Тройной** (Станищенский с/с, н/с с 1970-х) – образовался в 1920-е в 1 км на северо-запад от д. Дьяковка, к нему от платформы 48 км вела узкоколейка. 1940 – 29 дворов.

п. **Тынор** (Станищенский с/с, н/с с 1960-х) – на лев. берегу ручья Тынор. Уп. в 1872 г. как выселки из Новой Деревни.

д. **Фалеевка** (**Веряевские Выселки** тож) (Гридинская вол., веряевский цп, нежил. с 2001) – уп. в 1848 г. как д. Хохловка дворянина Егора Дмитриевича Фалеева, позже владения вдовы капитана I ранга Марии Егоровны Балкашиной (17 дворов, 55 кмп по данным 1860 г.). 1914 – 38 дворов, 284 жителя, паровая мельница Виклова.

С/с 1930–1954, к-з им. Буденного (599 га), 1951 укр. с им. Димитрова, начальная школа. 1940 – 41 двор. 1970 – 94, 1997 – 3 жителя. К/ф: Алешины, Анисимовы, Барановы, Дремины, Королевы, Пушкины, Тимаковы.

х. **Фатьянов** (н/с) – крестьянина Владимира Алексеевича Фатьянова, имевшего крахмальный з-д (8 км на запад от Гридина на ручье Сюкмар). Уп. с 1880.

д. **Ферма** (Каргашинская вол. и цп, нежил.) – уп. с 1870 (4 двора) под названием Симерик (по ручью Симериц). 1914 – 44 двора, 281 житель.

С/с 1930–1954, к-з «Пламя» (645 га), 1950 укр. с «Путь Сталина» (Мокрая Хохловка). 1940 – 39 дворов, начальная школа. 23.07.1988г. объединена с п. Искра. Обезлюдела в 1995 году. К/ф: Алаевы, Гусевы, Курицыны, Нагаевы, Самосудовы.

д. **Филин Ункор (Филинка)** (Мокринская вол. и цп) – на правом берегу ручья Ункор между оврагами Устиновым и Зотовым, уп. с сер. XIX в. как д. Новая (1862 – 70 домов, 366 жителей), позже по имени владельца Федота Абрамовича Филина (имел двухэтажный дом, крахмальный з-д, плотину). 1911 – 72 дома, 665 жителей. Вошла в 1924 году в состав с. Новый Ункор как ул. Заречная (т.к. за ручьем Ункор).

д. **Филипповка** (Высокополянская вол., терентеевский цп, н/с с 1965) – на муромском тракте в 0.25 км. на север от с. Терентеево. Уп. в 1862 как Терентеевский или Богдановский хутор – 4 двора, 73 жителя.

1940 – 10 дворов. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №494 от 25.12.1968 г. исключена из УДНП.

с-цо. **Хохловка** – см. Потапьевская Хохловка.

д. **Церлевский Ункор** (Мокринская вол., церлевский цп, нежил. с 2006) – выселки (сер. XIX в.) из села Церлево. 1860 – 6 дворов, 32 жителя, 1911 – 10 дворов, 86 жителей, хутор помещика Титова.
1940 – 26 дворов. 1997 – 2 жителя. К/ф: Кузнецовы, Сергеевы, Фролины, Юдаковы.

х. **Чекушкин** (н/с) – по имени владельца Прокофия Ефимовича Чекушкина, располагался на берегу Крутого оврага недалеко от с. Ермо – Николаевка.

д. **Чубаровский Ункор** (Мокринская вол., чубаровский цп, выс. из Чубарова) – 1862 – 4 двора, 74 жителя. 1911 – 25 дворов, 174 жителя.
С/с 1926–1954 (1-й пред. Ларион Деняев), к-з «Большевик» (993 га) 1930–1964, «Коммунист» 1964–1969, укр. с с-зом «Ункорский» (Высокое), начальная школа. 1940 – 63 двора. 1993 – 52, 2002 – 24, 2010 – 7 жителей. К/ф: Андреевы, Зорины, Фатюнины, Шишкановы.

п. **Шатор** (Станищенский с/с, н/с с 1965) – в 2 км. от д. Станищи на развилке дорог со Станищ на Борцы и Дьяковку, назван по ручью Шатор. Уп. с 1926 как с-х артель «Шатор». К-з 1930-193... 1940 – 12 дворов, лесопильный з-д (0.7 км на юго-запад), к кот. вела узкоколейка от ст. Назаровка. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №494 от 25.12.1968 г. исключен из УДНП.

д. **Швынка (Лосево)** (Нащинская вол., савро-мамышевский цп, н/с с 1963) – основана на высоком мысе озера Швынь. 1862 – 6 дворов, 52 жителя. 1911 – 12 дворов, 95 жителей.
1940 – 10 дворов. Решением исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся №494 от 25.12.1968 г. исключена из УДНП.

х. **Шемякин** (н/с с 1940-х) – см. п. Знаменский.

х. **Шемякин** (н/с) – образован в начале XX в. в 1 км на юг от д. Новая Деревня одним из братьев Шемякиных, который имел винокуренный з-д, сад. Сохранилось название Шемякин лес.

д. **Шибково** (Хохловская вол., пеньковский цп) – 1862 – с-цо, 24 двора, 196 жителей. 1882 – помещики: Захаров, Скобельцин, Смирнова. 1911 – 22 двора, 143 жителя.
1940 – 46 дворов, две улицы: Калинина и Павлова. Решением исполкома Пителинского сельского Совета депутатов трудящихся от 7.02.1962 г. присоединена к с. Пителино.

х. **Шмелев** (н/с) – на ручье Сюкмар, в перекрестье современных границ Пителинского, Чучковского и Шиловского р-нов, назван по владельцу Шмелеву, имевшему крахмальный з-д. До конца 1940-х оставались развалины, сохранилась старая запруда.

с. **Юрьево** (Нащинская вол. и цп) – уп. с XVIII в. 1862 – с-цо, 74 дома, 597 жителей, владения Нарышкиных и Арчаковских. 1898 ЦПШ. 1911 – 180 дворов, 1346 жителей.
С/с 1930–1997, к-з им. Фрунзе (1114 га) с 1930. 1940 – 137 дворов. 1993 – 209, 2002 – 182, 2010 – 151 житель. К/ф: Буздаковы, Голиковы, Кочетковы, Липины, Луканины.

х. **Языков** (н/с) – в 0.5 км. на юг от д. Тонкачевский Ункор, назван по владельцу штабс-капитану Григорию Григорьевичу Языкову. Ныне остался Языков пруд.

Список сокращений: вол. – волость, выс. – выселки, д. – деревня, з-д – завод, ЗШ – земская школа, им. – имени, к. – кордон, к-з – колхоз, км – километр, кмп – крепостные мужского пола, к/ф – коренные фамилии, нп – населенный пункт, н/с – не существует, п – поселок, пл – платформа, пред. – председатель, р-н – район, рп – рабочий поселок, с – село, с-з – совхоз, с/с – сельсовет, с-цо – сельцо, укр. – укрупнен, ул. – улица, УДНП – учетные данные населенных

пунктов, уп – упоминается, х – хутор, цп – церковный приход, ЦПШ – церковно-приходская школа.

Использованы данные из Рязанской энциклопедии (Рязань, 1994) Т.15; «Списка населенных мест Тамбовской губернии по сведениям 1862 г.»; выпуска 1 «Волости и важнейшие селения европейской России» (Спб. 1880); «Историко-статистического описания Тамбовской епархии» (1861, 1911); «Памятной книжки Тамбовской губернии» (1864, 1879, 1894); «Адреса-календаря служащих в Тамбовской губернии лиц» (1877, 1887, 1891); «Адреса-календаря и справочной книжки Тамбовской губернии» (1913, 1914, 1916); И.И. Дубасов «Очерки из истории тамбовского края» (М. 1883); «Россия. Полное географическое описание нашего отечества под общим руководством П.П. Семенова» т.2 (Спб. 1902); карты Рязанской области Московского аэрогеодезического предприятия 1940 г.; районного архива.

Топонимика Пителинского района

ур. **Авдонин Луг** – на З от с. Нестерово, перед лесом.

ур. **Австрийская Могила** – в Покровском лесу, на границе Пителинского и Шиловского р-нов. По одной версии – захоронение пленных австрияков времен Первой мировой войны, умерших от тифа, по другой – времен Великой Отечественной войны, использовавшихся на лесозаготовках.

ур. **Аксенова гора** – 5 км на С-В от с. Темирево, сев. берег оз. Метрихи. Древнее селище.

оз. **Амбарная Старица** – лев. пойма р. Ока.

сад **Анисимов** – д. Синорма, по имени владельца Анисима Калиновича Конкина.

ур. **Антоново Поле –** 2.5 км на С-З от д. Синюхино.

рч. **Бабий (Бабинский)** – лев. приток р. Петас, устье в 1 км на Ю-З от д. Станищи.

бол. **Базулино** – между селами Большие Мочилы, Самодуровка и д. Обухово.

гора **Балашова -** между р. Пет и д. Кононовка.

ур. **Березовая Грива –** 3 км на В от д. Жуковка.

ур. **Березовка –** прав. пойма р. Пет напротив д. Демидовка.

рч. **Ближняя Вяжна** – лев. приток р. Пет, устье напротив д. Ивановка.

Богоявленский Перевоз – место бывшего перевоза через р. Мокша, откуда дорога шла на с. Богоявленское.

ур. **Божий Дом** – местечко, где когда-то стояла часовенка, в 2 км от д. Беседки в сторону с. Пет. Возможно, правильно Божедом – житель богодельни.

оз. **Болония** – на В от оз. Кулома, напротив места впадения в него кан. Мишунина.

ур. **Бор** – между с. Высокие Поляны и р. Ока.

ур. **Бор** – к Ю от д. Каменка (Кашкаровка).

ур. **Борки** – напротив д. Лукино за оз. Святое.

лес **Булыгин** – между с. Свищево и п. Ферма.

бол. **Бурое –** 3 км на В от п. Краснопартизанский.

ов. **Бурцев** – выходит с Ю к рч. Бабий вдоль западной границы Пителинского р-на.

оз. **Бык –** лев. пойма р. Мокша.

оз. **Васильхи –** прав. пойма р. Мокша.

рч. **Вашмар** – лев. приток р. Петас, устье в 1 км от р. Пет.

оз. **Вегмус –** лев. пойма р. Мокша.

оз. **Веново** – прав. пойма р. Ока в низовьях р. Пет.

ур. **Веселавки –** к С-З от с. Новый Ункор.

оз. **Вилово** – прав. пойма р. Ока в низовьях р. Пет.

сад **Володин** – 3 км на Ю-В от с. Свищево, по имени владельца – помещика Владимира Михайловича Сабурова.

ур. **Волхонское Поле –** лев. берег рч. Сюкмар к Ю от Покровского леса.

ов. **Волчий** – от рп. Пителино к с. Пеньки.

оз. **Выксово** – лев. пойма р. Мокша.

оз. **Вьюново** – 3 км на С-В от д. Кононовка.

ов. **Вяжищинский** – 2-й овраг по Муромскому тракту между с. Потапьево и д. Сосновка, выходит к р. Пет.

оз. **Вятерцы (Глушица) -** между оз. Лука и р. Мокша.

оз. **Вяшур** – лев. пойма р. Мокша, южнее оз. Шенново.

ур. **Гольевка** – расположено в треугольнике, образованном д. Андреевка, д. Фалеевка и п. Ижевский.

бол. **Горелое –** 2 км на З от с. Савро-Мамышево.

ов. **Городок (Большой, Малый) –** лев. рукава ов. Крутой (с. Высокое).

бол. **Гришинское –** 2 км на С-З от д. Соколово, возле лесопосадки.

лес **Грушецкий** у с. Ермо-Николаевка – по имени владельца.

затон **Грязной –** лев. пойма р. Мокша.

рч. **Дальняя Вяжна** – лев. приток р. Пет, устье южнее д. Ивановка.

оз. **Девятель** – лев. пойма р. Мокша, между нефтепроводом и оз. Шокша.

ур. **Долгие Кусты** – 2 км на Ю-В от рп. Пителино, на З от автодороги Пителино-Юрьево.

бол. **Долгий Лоск** – к З от с. Савро-Мамышево.

оз. **Долгое** – между кан. Мишунина и оз. Лука.

оз. **Долгонькое** – лев. пойма р. Мокша, возле МТФ с. Юрьево.

оз. **Дращное –** к С от озер Садки.

р. **Ежачка** – лев. приток р. Мокша (исток в Каменском лесу).

оз. **Ерхвицы (Большие, Малые) –** лев. пойма р. Мокша, на В от оз. Швынь.

рч. **Жук –** протекает через д. Кононовка.

оз. **Заводь** – лев. пойма р. Мокша.

ов. **Задний** – выходит к оз. Святое севернее д. Лукино.

ур. **Заикина Ватага** – крутой прав. берег р. Ока между Сухаревым Затоном и р. Пет.

ур. **Засека** – на З от д. Малые Мочилы.

лес **Захарцев** – между д. Городок и р. Пет.

оз. **Зевели –** прав. пойма р. Ока.

ур. **Иванов Луг** – к Ю-З от к. Мичурин.

оз. **Иршинское –** в 4–5 км к В от с. Темирево.

оз. **Казачье –** прав. пойма р. Ока.

оз. **Калево –** лев. пойма р. Мокша южнее оз. Заводь.

оз. **Калинкин Затон –** лев. пойма р. Ока.

оз. **Калище –** прав. пойма р. Мокша, в 2–3 км к С-В от с. Савро-Мамышево.

рч. **Кенор (**стар. **Беседка) –** прав. приток р. Пет.

рч. **Киреевка** – исток в Каменском лесу, течет в овр. Светлом, впадает в рч. Кенор в р-не д. Беседки.

рч. **Клиновка** – 2-й (от истока) прав. приток рч. Петраковка.

ов. **Коленный –** выходит к лев. берегу р. Пет (д. Кошибеево).

ов. **Колчин –** выходит к лев. берегу р. Пет (с. Ермо-Николаевка).

ов. **Коншин** – подходит с З к с. Нестерово.

оз. **Копылов Затон –** лев. пойма р. Мокша.

ур. **Косьево –** к С-З от с. Новый Ункор.

бол. **Кошки –** 4 км на В от с. Ермо-Николаевка, лев. пойма р. Пет.

ов. **Красный (Красулин) –** выходит с Ю к центру д. Потапьевская Хохловка.

оз. **Кривое** – лев. пойма р. Мокша.

ов. **Крутой** – к З от д. Потапьевская Хохловка.

рч. **Крутой** – лев. приток р. Пет, устье к С от с. Высокое.

овр. **Крюкова Речка** – подходит с Ю-В, с напольной стороны к запруде на рч. Каменка.

рч. **Ксеужа –** лев. приток р. Мурка.

гора **Кузина** – на Ю-З от с. Ермо-Николаевка.

бол. **Куликово** – между ур. Мичурин Кордон и Пырьи.

оз. **Кулома** – лев. пойма р. Мокша.

оз. **Купалище –** лев. пойма р. Мокша.

ов. **Кутва** – возле д. Станищи.

бол. **Лавинское –** южнее оз. Пищелицы и Метрихи.

ур. **Лагутино Веретье –** приподнятая гряда в низине, выходящей к северо-западному отрогу оз. Святое (д. Лукино).

лес **Лаптев** – по владельцу.

бол. **Лапушино –** в низовьях р. Пет и рч. Мотка.

ов. **Лизунов –** выходит к лев. берегу р. Пет южнее ов. Коленного.

лес **Линдеров –** к Ю-З от д. Каменка, не существует.

ур. **Липовая Гора –** в лев. пойме р. Мокша.

оз. **Липовский Исток –** лев. пойма р. Мокша.

оз. **Литерки –** лев. пойма р. Мокша.

оз. **Лихонино (Большое) –** лев. пойма р. Мокша (с. Юрьево).

оз. **Логиново** – лев. берег р. Мокша, возле нефтепровода.

ов. **Ломанка** – выходит к лев. берегу р. Пет на северной окраине с. Гридино.

оз. **Лощина** – между оз. Долгое и Лука.

оз. **Лужи** – лев. пойма р. Мокша, впадает в оз. Лука.

оз. **Лука** – лев. пойма р. Мокша.

ов. **Луконский** – выходит с Ю к р. Пет между с. Потапьево и д. Потапьевская Хохловка.

ов. **Лысый** – 2-й овраг на Ю от с. Пет.

ур. **Марочкин Остров –** образуется крутым изгибом р. Мокша. Название по фамилии человека.

ур. **Медведки** – место впадения кан. Мишунина в р. Мокша.

оз. **Медовка –** к З от оз. Шенново и к С от оз. Липовский Исток.

оз. **Мелкое –** между оз. Шенново и р. Пет.

ов. **Мерлин (Большой)** – выходит от Муромского тракта к оз. Святое севернее д. Лукино.

оз. **Метрихи –** лев. пойма р. Мокша.

ур. **Миронов Бугор** – 2.5 км к С от с. Темирево, 0.5 км к Ю-З от оз. Пищелицы.

ов. **Молоканский** – 3-й овраг по Муромскому тракту между с. Потапьево и д. Сосновка.

оз. **Мотки –** лев. пойма р. Мокша.

бол. **Моховое –** верховое болото между с. Пет и д. Знаменка.

оз. **Мочальное** – лев. пойма р. Пет, 1 км к Ю-З от д. Станищи.

рч. **Мощенка** – прав. приток р. Пет.

р. **Мурка –** впадает в оз. Щучье.

бол. **Мурушкино** – к Ю от ур. Чебоксары.

ур. **Муслы –** между оз. Пищелицы и Патково.

рч. **Муча** – лев. приток рч. Петраковка.

ур. **Муча –** на С-В от д. Малые Мочилы. Участок дубового и смешанного леса и верхового болота, природный заповедник.

ов. **Мыцкой** – проходит через Володин лес к р. Пет.

ов. **Нарышкин –** проходит через центр д. Лукино к оз. Святое.

оз. **Нащинское –** лев. пойма р. Мокша.

оз. **Нерхи –** лев. пойма р. Мокша, на В от оз. Лука.

ур. **Обливное** – в р-не устья р. Мокша.

бол. **Ольховое** – на З от южной части оз. Долгое.

бол. **Ольховское** – между с. Ермо-Николаевка и д. Жуковка.

ур. **Орехов Яр –** лев. берег р. Оки, в 3 км от Пятницкого Яра ниже по течению.

ов. **Орлов –** прав. рукав рч. Ункор, между Новым и Тонкачевским Ункорами.

оз. **Охливицы –** лев. пойма р. Мокша.

оз. **Патково –** лев. пойма р. Мокша.

оз. **Пентрики** – прав. пойма р. Мокша.

рч. **Перхупка –** прав. приток р. Петас.

оз. **Перья** – лев. пойма р. Пет.

ур. **Песков Куст –** к С от ур. Косьево.

р. **Пет** – прав. приток р. Ока.

р. **Петас** – лев. приток р. Пет.

рч. **Петраковка** – лев. приток р. Пет, исток в ов. Купряхин (к С от д. Новая Деревня), устье в р-не д. Станищи.

оз. **Петришки** – лев. пойма р. Мокша.

оз. **Пищелицы –** лев. пойма р. Мокша.

лес **Подмарев** – в р-не п. Сухуша.

ур. **Подукат** – пологий отлог оз. Святое к С от д. Лукино.

лес **Покровский -** между рч. Черная, Бабий и Сюкмар.

бол. **Попово** – между кан. Мишунина и оз. Долгое.

оз. (протока) **Прорва –** лев. пойма р. Мокша.

оз. **Пузырек** – прав. пойма р. Ока.

рч. **Пыжик** – лев. приток рч. Старка.

рч. **Пышура (Пышар)** – лев. приток р. Пет (с. Гридино).

ов. **Рассыпной** – 1-й овраг по Муромскому тракту между с. Потапьево и д. Сосновка.

оз. **Ревино –** возле д. Потапьевская Хохловка.

оз. **Ревяки –** лев. пойма р. Ока, напротив Пятницкого Яра.

ов. **Реутов –** от д. Соколово к Волчьему оврагу, назван по распространенной в Соколове фамилии.

рч. **Реушка** – лев. приток рч. Старка, устье в р-не с. Свищево.

ур. **Роща** – на С от д. Казановка.

ур. **Рудяные Ямы** – лев. берег р. Пет, напротив южной окраины с. Пет, в прошлом – место добычи железной руды.

ов. **Сабуров –** идет от Володина (Сабурова) сада к рч. Старка.

оз. **Саверское** – лев. пойма р. Мокша.

оз. **Садки (Большие, Малые)** – лев. пойма р. Мокша.

ур. **Самойный Куст –** в верховьях ов. Разсыпного.

бол. **Светлое** – 1 км на С-З от д. Соколово.

ов. **Светлый** – идет из Каменского леса к д. Беседки.

бол. **Святое** - на В от с. Пеньки

оз. **Святое –** на В от д. Лукино.

оз. **Святое** – на северной окраине с. Савро-Мамышево. По легенде на данном месте стоял когда-то храм, постепенно опустившийся под землю, а на его месте образовалось озеро.

оз. **Святое** – между оз. Ситники и р. Мокша.

оз. **Сегма** – к Ю от с. Пеньки.

ов. **Семенов** – прав. рукав ов. Мерлин (Большой).

ур. **Семивраги** – на С-З от д. Лукино.

рч. **Сивцер –** 1-й (от истока) прав. приток рч. Петраковка, устье южнее д. Новая Деревня.

рч. **Симериц –** прав. приток р. Пет, устье южнее д. Ивановка.

ов. **Синий Камень (Танечкин) –** овраг, ведущий от трассы Пителино – Пеньки к Волчьему оврагу.

оз. **Ситники –** лев. пойма р. Мокша.

затон **Ситников –** лев. пойма р. Ока.

рч. **Спиридов** – лев. приток рч. Ункор.

оз. **Старица –** лев. пойма р. Мокша (с. Савро-Мамышево).

оз. **Старка –** лев. пойма р. Мокша.

рч. **Старка** – прав. приток р. Ежачка.

оз. **Стрелица –** лев. пойма р. Мокша.

род. **Студеный Ключ** – под Кузиной горой.

затон **Сухарев –** прав. пойма р. Ока.

рч. **Сюкмар –** лев. приток р. Петас, устье возле п. Новый Свет.

оз. **Сюмеское** – лев. пойма р. Мокша.

оз. **Тараселки –** лев. пойма р. Мокша.

затон **Татарский** – прав. пойма р. Мокша.

бол. **Тимохино** – к С от рп. Пителино.

ур. **Тихон Исав –** запруда в верховьях рч. Ункор у границы р-на. Названа по оврагам Дальний Исавка и Ближний Исавка.

оз. **Толстое –** лев. пойма р. Мокша.

ур. **Треное** – между озерами Пищелицы и Метрихи.

бол. **Тумаково** – лев. берег р. Пет возле с. Ермо-Николаевка.

рч. **Тынор** – 3-й (от истока) прав. приток рч. Петраковка.

бол. **Тюшино –** к С-В от д. Новая Деревня у границы р-на.

ов. **Ужовы –** выходит южнее окраины д. Лукино к оз. Святое.

ов. **Узламский –** с З выходит на лев. берег рч. Ункор у восточной окраины д. Чубаровский Ункор.

бол. **Ульянино** – на С-З окраине с. Савро-Мамышево.

рч. **Ункор** – лев. приток р. Пет.

рч. **Урица (Урса)** – лев. приток р. Пет, устье напротив д. Каменка (Кашкаровка).

бол. **Ушаково** – 1.5 км на Ю от д. Брехово.

ов. **Филин** – верховья рч. Петас.

ов. **Фомин** – рукав ов. Ломанка.

рч. **Фролов** – прав. приток р. Пет, устье в 1 км на Ю от с. Высокое.

рч. **Хролинский Исток** – протока, соединяющая с З оз. Пищелицы и Метрихи.

ур. **Чебоксары –** лев. пойма р. Мокша.

оз. **Черное –** лев. пойма р. Мокша.

ов. **Чичков** – от д. Церлевский Ункор к с. Церлево.

ов. **Шапор (**стар. **Лыченский)** – 1-й овраг на Ю от с. Пет.

оз. **Швынь (Большая, Малая) –** лев. пойма р. Мокша.

оз. **Шенново** – лев. пойма р. Мокша.

ов. **Шепелев** – выходит с С-В южнее д. Марьевка.

ов. **Шитков** – лев. отрог ов. Киреевка в р-не д. Беседки.

оз. **Шокша** – лев. пойма р. Мокша.

ов. **Шомонов** – разделяет Ерму и Николаевку.

оз. **Щучерки** – лев. пойма р. Мокша.

оз. **Щучье (**стар. **Негово)** – на В от с. Высокие Поляны.

оз. **Юхвицы –** лев. пойма р. Мокша, на С от оз. Ерхвицы.

оз. **Ятус –** лев. пойма р. Мокша.

Условные сокращения: бол. – болото, В – восток, З – запад, кан. – канал, ов. – овраг, оз. – озеро, р. – река, род. – родник, рч. – ручей, С – север, ур. – урочище, Ю – юг.

Хронограф основных событий

1626 – первое упоминание деревни Петелинской.
1869 – Петелино получает статус села.
1900 – в с. Потапьеве открылось четырехгодичное ремесленное училище.
1904 – Н.Ф. Шемякин построил в 1 версте от с. Пет первый в округе крахмальный завод.
1912 – в с. Нестерово открыто ремесленное училище по обучению сапожному делу.
1913 – в с. Нестерове заработал винокуренный завод С.В. Воейкова.
8.01.1918 – начал работу уездный съезд представителей волостей и общественных организаций (в с. Потапьеве, затем д. Синорме), принявший исторические решения об организации Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Елатомского уезда и о национализации всех помещичьих земель.
1925 – с. Пителино становится волостным центром.
12.07.1929 – образован Пителинский район.
02.1930 – Веряевское крестьянское восстание.
6.04.1931 – выход первого номера районной газеты «За колхоз» – предшественницы нынешней «Сельской жизни».
1932 – образован первый в районе совхоз «Красный партизан», открыт Дом колхозника.
1933 – образована Пителинская МТС, Потапьевская школа первой в районе получила статус средней, в Пителине заработал радиоузел.
12.1934 – в Пеньках создан 1-й в районе колхозный хор.

1935 – открылась Пителинская районная больница.
26.09.1937 – образована Рязанская область, в которую вошел и Пителинский район.
12.03.1939 – образован райвоенкомат.
10.1945 – открылась Высокополянская участковая больница на 10 коек с родильным отделением и аптекой (закрыта в 1999 году).
10.1947 – открыта Гридинская участковая больница на 6 коек с родильным отделением и аптекой.
5-12.10.1947 – проведена первая «Неделя сада», в ходе которой в районе с целью озеленения улиц, школьных дворов, восстановления старых и закладки новых садов посажено свыше 50 тысяч саженцев деревьев.
1948–1958 – деятельность Гридинской МТС.
1950–1951 – повсеместное укрупнение колхозов.
1952 – пущена Ермо-Николаевская ГЭС (42 квт), учитель Высокополянской школы А.Г. Кузьмин стал чемпионом РСФСР по шахматам среди сельских спортсменов.
1953 – создана луго-мелиоративная станция (ЛМС).
17.08.1954 – открыта детская библиотека.
1956 – строительство в Пителине водопровода.
12.1956 – проведен первый районный фестиваль молодежи.
04.1957 – луго-мелиоративная станция приобрела первый в районе телевизор «Темп-2».
1.09.1959 – открыта детская музыкальная школа.
11.1959 – на чемпионате РСФСР среди сельских спортсменов В.Е. Кондрашов занял 2-е место по штанге и 4-е по гирям.
8.01.1960 – Указом Президиума Верховного Совета СССР заведующей МТФ колхоза «Красное знамя» (Высокие Поляны) Екатерине Давыдовне Тюлиной присвоено звание Героя Социалистического Труда.
1960 – строительство на территории района нефтепровода Горький–Рязань; пуск кольцевой печи Пителинского кирпичного завода производительностью 3 млн. штук кирпича в год; завершена радиофикация района, в нем зарегистрирован 100-й автомобиль (в 1950-м – всего 8); открыто регулярное воздушное сообщение по маршруту Рязань–Пителино–Рязань.

26.12.1962–12.01.1965 – расформирование Пителинского района (объединен с Сасовским).
20.04.1963 – открыт Пителинский психоневрологический дом-интернат.
04.1965 – организована Пителинская МСО.
1966 – в Высоких Полянах построена первая типовая двухэтажная школа на 320 мест.
26.05.1967 – селу Пителино присвоен статус рабочего поселка.
1969 – в с. Темирево построен комбикормовый завод.
1970 – построено новое двухэтажное здание поликлиники.
08.1971 – торжественный пуск сыродельного комбината (штат ИТР и рабочих – 125 человек).
1975 – пуск хлебозавода, закрытие Потапьевской инфекционной больницы.
09.1976 – открытие в Потапьеве филиала Шацкого СПТУ на 50 учащихся.
1980 – проведен первый и единственный открытый чемпионат Пителина по хоккею с шайбой (победу среди взрослых и юниоров одержала команда улицы Красная).
1986 – розыгрыш первого чемпионата района по футболу (победитель «Динамо»). Всего с 1986 по 1991 гг. проведено шесть чемпионатов.
1989 – на несколько лет в районе разместился дорожно-строительный батальон (воинская часть стройбата); пущены в эксплуатацию три асфальтовых завода.
1991 – в центре Пителина построена радио-релейная вышка (43 метра высотой). С 1994 года благодаря ей жители района помимо двух центральных телеканалов смогли принимать программу Санкт-Петербурга (позже «Культура»), а затем еще несколько каналов ТВ.
26.10.1993 – освящение восстановленного Никольского православного храма (с. Нестерово).
1995 – в Пителине открыт колбасный цех ТОО «Нестерово», рассчитанный на выпуск 500 килограммов колбасных изделий в смену.
30.06.1998 – решением районного Совета депутатов утвержден Герб Пителинского района.

27.01.1999 – пикет протеста в центре Пителина учителей района против невыносимых условий жизнедеятельности школ.
1999 – построен браго-ректификационный цех Нестеровского спиртового завода.
24.08.2000 – освящение восстановленного Вознесенского православного храма (Пителино).
2001 – начало газификации района (торжественное открытие первой ветки газопровода состоялось около с. Нестерова).
01.2002 – Пителинский РУФПС подключился к всемирной компьютерной сети, в качестве новой услуги населению стала действовать Интернет-кабина.
18.12.2004 – открытие нового корпуса Пителинской центральной районной больницы.
2006 – проведены первые районные соревнования по подледному лову рыбы.

Содержание

Откуда есть пошла пителинская земля
Пестрые страницы уездной жизни
Русские усадьбы
Преданья старины глубокой
Сердцем хранимые места:
Поездки на старом велосипеде
Солнце. Сад. Стены.
Вниз по Мокше-реке
Бабушка
По Муромской дорожке
Сердцем хранимые места
Пителинской земли достойные сыны:
Священномученик Амвросий
Герой Советского Союза В.Ф. Стенин
Истребитель танков
Ратной Славы кавалер
«Заговоренный» командир самоходки
Защитники Отечества Кокоревы
Рулевой с «Артема»
Первый главврач района
Хирург Д.С. Тарбаев
Профессор А.И. Николаев
Ученый, писатель, публицист
Певец пителинской земли
Наш земляк Б.А. Можаев
Гвардейцы спорта
Генерал из Гоголовки
Душевный дар
Дополнения
Перечень и краткие характеристики населенных пунктов
Топонимика Пителинского района
Хронограф основных событий